

В^ОЕННЫЕ ТАЙНЫ РОССИИ

А.Б. Перхавко, Ю.В. Сухарев

•

ВОИТЕЛИ РУСИ

IX—XIII вв.

Москва
«Вече»
2006

Перхавко В.Б., Сухарев Ю.В.

П27 Воители Руси IX—XIII вв. / Валерий Перхавко, Юрий Сухарев. — М.: Вече, 2006. — 448 с. — (Военные тайны России).

ISBN 5-9533-1256-3

В книге В.Б. Перхавко и Ю.В. Сухарева ратное искусство Древней Руси IX—XIII вв. раскрывается главным образом на основе биографических очерков, посвященных князьям-воителям. Их дополняют разделы, в которых охарактеризована военная техника и тактика русского Средневековья. В исследовании также представлены хроника событий военной истории Руси, военно-историческая терминология.

Многие русские князья-полководцы с помощью дипломатии добились значительных успехов в укреплении международных позиций Руси. Далеко не одинаковый вклад внесли они в укрепление военной мощи Руси, одерживая блистательные победы, а порой испытывая горечь поражений. Перед читателями предстает не безликая масса похожих в силу общности происхождения, социального положения и занятий героев, а целая плеяда неординарных личностей, проявивших себя не только на военном поприще, но и в других сферах государственной жизни.

ББК 63.3(2)41

ISBN 5-9533-1256-3

© Перхавко В.Б., Сухарев Ю.В., 2006

© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателя книге ратное искусство Древней Руси IX—XIII вв. раскрывается главным образом на основе биографических очерков, посвященных князьям-воителям. Их дополняют разделы, в которых охарактеризована военная техника и тактика русского Средневековья. В книге также представлены хроника событий военной истории Руси и военно-историческая терминология.

С древнейших времен славяне сражались в пешем строю, используя преимущественно копьё, лук и стрелы. Зарождение в IX в. профессионального войска-дружины было ознаменовано распространением на Руси защитных доспехов и совершенствованием холодного оружия. Надо учитывать специфику устройства Руси IX — начала XI в., связанную с особой ролью дружины на том самом раннем этапе развития древнерусской государственности. Княжеско-дружинная система сочеталась тогда с родоплеменными властными структурами, а зарождавшееся новое государственное законодательство — с патриархальным устным правом.

Ратное искусство Древней Руси, сохраняя свою самобытность, творчески усваивало отдельные тактические приемы ведения боя Западной Европы и восточных народов. Русские воины освоили как европейский меч, ланцетовидные стрелы и копьё, так и кочевнические саблю, пику. Наряду со сравнительно немногочисленными дружинами к военным действиям князьями нередко привлекались и более массовые народные ополчения, вооруженные попроще, чем дружинники.

Русские князья-полководцы были людьми своей эпохи, выходцами из определенной среды, действовали в конкретных исторических условиях, от которых нельзя абстрагироваться. Многие из них с помощью дипломатии добивались

значительных успехов, укрепления международных позиций Руси. Далеко не одинаковый вклад внесли они в укрепление военной мощи Руси, одерживая блистательные победы, а порой испытывая горечь поражений. В этот самый ранний период нашей истории происходили процессы зарождения и дальнейшего становления вооруженных сил государства, военной тактики и техники.

Перед читателями на страницах книги предстанет не безликая масса похожих в силу общности происхождения, социального положения и занятий героев, а целая плеяда неординарных личностей, проявивших себя не только на военном поприще, но и в других сферах государственной жизни — в качестве политиков, дипломатов. Да, древнерусские князья-полководцы обладали значительными властными прерогативами, но их власть как высших правителей нельзя назвать в полном смысле слова абсолютной.

С древнейших времен и до середины XV в. на Руси функции правителя и полководца соединялись в одном лице — князя, бывшего ранее военным вождем племени. Князья сами водили дружины и полки в походы, принимали непосредственное участие в сражениях, нередко проявляя личную смелость и показывая пример остальным. Конечно, случались порой (правда, не столь уж часто) исключения из правила, связанные с личными качествами князей домонгольской поры или эпохи ордынского ига.

Великие князья киевские Владимир Святой (980—1015) и Ярослав Мудрый (1019—1054) сооружали деревянные крепости и земляные валы к югу от Киева для защиты от нападений кочевников-печенегов. Как установили археологи, древнейшие крепостные стены из камня на Руси появились в Ладоге (конец IX в.) и в Изборске под Псковом (X в.) на северо-западных рубежах Руси.

Далеко не во всех случаях сохранилось достаточно письменных источников для написания полноценной и всесторонней биографии даже того или иного князя, оставившего заметный след в истории Руси. Нередко удается реконструировать лишь исторический силуэт на фоне эпохи, но не

многокрасочный портрет героя. Нам неизвестен даже год рождения целого ряда деятелей ранних этапов русской истории (например великих киевских князей конца IX — X в.: Олега, Игоря, Святослава Игоревича, князя-изгоя XII в. Ивана Берладника, воителя XIII в. Довмонта). В нашем распоряжении нет живописных портретов либо рисунков с изображением подавляющего большинства князей Русской земли IX—XIII вв. За редкими исключениями (Свенельд, Вышата, Ян Вышатич), еще меньше нам известно о княжеских воеводах, командовавших полками и нередко заменявших князей на поле брани.

В Средневековье при отсутствии сплошной линии фронта военные действия обычно состояли из походов по вражеской территории и осады крепостей. Сухопутный театр военных действий диктовал свои условия. На формирование тактических приемов значительное влияние оказывал природно-климатический фактор — огромные лесные пространства Восточной Европы, разветвленная речная сеть, сложные погодные условия. Планируя операции, русские князья-полководцы должны были непременно все это учитывать. Непросто приходилось им организовывать марш-броски дружин и полков на большие расстояния в суровых зимних условиях, перебрасывать конницу по глубоким сугробам либо во время весенней и осенней распутицы, перевозить по бездорожью артиллерию.

На протяжении IX—XIII вв. состав вооруженных сил нашего государства не оставался неизменным. От преобладавшей в IX—X вв. пехоты русские перешли в XI—XII вв. к конным княжеским дружинам, без которых было невозможно сражаться с кочевниками — печенегам и половцами. Кочевые народы оказали заметное влияние и на военную тактику, и на вооружение древнерусских воинов. В древности сражения, как правило, начинались с боевых стычек между отдельными дружинниками и вражескими воинами; затем в бой вводились главные силы, также распадавшиеся на небольшие группы, которые вступали в рукопашные схватки.

Нередко войны, как и в Западной Европе, сводились к захвату крепостей противника. Умело организованная их

осада с применением таранов и катапульт приносила успех многим князьям-полководцам. Захват важнейших из них нередко решал исход войны, как и победа в генеральном сражении. Естественно, иной тактики они придерживались при столкновениях на открытой местности с печенегами, половцами, позже — с татарами. В зависимости от успеха таких боевых операций и судили прежде всего о полководческом мастерстве.

И далеко не во всех случаях можно определить истинную цену побед, которые порой достигались за счет огромных потерь с нашей стороны. Не всегда сохранившиеся источники позволяют установить точное соотношение сил: древнерусские летописцы нередко преувеличивали численность войск противника. В искажение реальной картины внесли свою лепту и некоторые историки. Для военачальников всех времен (и Древняя Русь не исключение) характерно стремление преувеличить потери вражеских войск и преуменьшить собственные. В летописных источниках встречаются свидетельства о гибели князей, представителей дружинной знати, бояр. Но кто может подсчитать, сколько простых русских воинов (рядовых дружинников, боевых холопов, крестьян-смердов, участников городских торгово-ремесленных ополчений) сложили свои головы на поле брани? Честь же и хвала всем ратоборцам, сражавшимся за Русскую землю в далеком Средневековье! Если помещенные в книгу материалы привлекут внимание читателей к малоизвестным страницам военной истории Древней Руси, авторы будут считать свою задачу выполненной.

ЧАСТЬ I

РАТНОЕ ДЕЛО IX—XI вв.

Особенности развития древнерусской государственности на раннем ее этапе (наличие мощных племенных союзов с местными княжескими династиями и крупных городских центров с вечевым самоуправлением, их подчинение киевскому князю на федеративных началах, особенности зарождавшихся феодальных отношений, отсутствие частной собственности на землю) во многом определили своеобразие военной организации Древней Руси.

Становление Киевской Руси в военном отношении связано с присоединением восточнославянских племен и организацией дальних морских и речных походов. Вклад норманов в развитие военного дела на Руси заключается в том, что они, будучи лучшими воинами-профессионалами своего времени, привносили сюда и лучшие образцы оружия Западной Европы, навыки судостроения, судовождения, пешего боя, тактические приемы. «При этом они действовали на почве, уже подготовленной к быстрому оформлению военно-феодальной организации, где еще до их появления созрели условия для активного прогресса в военном деле». Можно сказать, что русское военное искусство зародилось на местных, восточно-европейских славянских и иранских (сарматских) военных традициях эпохи антского союза и завоевания Балкан, в сочетании с варяжским и степным (авары, хазары, болгары, печенеги и венгры) влиянием.

Комплектование войска. Основу войска Киевской Руси составляло профессиональное ядро — *дружина*. Все князья, как киевские, так и племенные (пока они существовали), окружали себя такими отрядами воинов-профессионалов («му-

жей»). Наряду с этой категорией княжеских соратников, свободных людей, избравших военную службу своей профессией и давших князю клятву верности, в дружине существовал низший слой. Его составляли «отроки» — неполноправные военные слуги, использовавшиеся и в княжеском хозяйстве. Национальный состав «отроков» был достаточно пестрым, поскольку помимо добровольцев-соплеменников сюда попадали рабы, военнопленные из различных племен и народов, окружавших Русь. В общественных отношениях эти лица выступали как представители низшего слоя княжеской администрации. К младшей дружине относились также «гриди» (термин скандинавского происхождения) — телохранители князя, имевшие более высокий социальный статус. Позднее в летописях они называются «детские», по-видимому, это несовершеннолетние сыновья старших дружинников.

С развитием феодальных отношений к концу рассматриваемого периода «мужи» стали именоваться «бояре» (термин тюркского происхождения, пришедший из Болгарии). Это означало начавшиеся изменения имущественного и социального положения старших дружинников, превращение их в феодальных держателей сел — «кормлений». Оформившийся к середине XI в. слой боярства, куда вошли и представители местной родоплеменной знати, в военном отношении постепенно превращался в совокупность бояр-вассалов со своими отрядами вооруженных слуг. В то же время прежние традиции дружины как союза соратников продолжали определять поведение дружинников до конца данного периода, вызывая их перемещение вместе с князем с одного «стола» (княжения) на другой.

Сведения об общей численности киевской дружины на данный период практически отсутствуют. По сообщению арабского путешественника (приблизительно конец VIII — начало IX в.), у киевского князя насчитывалось около 400 воинов. Из более поздних источников известно, что в 1093 г. князь Святополк Изяславич имел 800 отроков, что считалось крупной дружиной.

Помимо дружины в распоряжении киевского князя вплоть до второй четверти XI в. находились отряды сканди-

навов, которые служили по контракту (найму). Периодически, на время похода, в рассматриваемый период привлекались отряды кочевников — венгров, печенегов и торков.

На комплектование войска решающим образом влияло то, что основную массу населения Киевской Руси составляли свободные общинники-смерды. Они и были главным по численности контингентом ополчений племен и племенных союзов, в которые также входили жители древнейших русских городов и дружины местных князей. Все они выступали в поход по призыву киевского князя под собственным племенным именем («словене», «поляне», «кривичи» и т. п.) и со своим командованием. Князья призывали принять участие в походе всех желающих, но основной массой таковых оказывалась молодежь, о которой упоминают византийские авторы. В летописях воины-ополченцы упоминаются как «вои».

С феодализацией общества, шедшей параллельно с усилением власти киевских князей, падает значение племенных институтов. При Владимире было ликвидировано большинство местных династий, введено заменившее их наместничество сыновей киевского князя, более жестко привязавшее племенные союзы к единому центру, что отразилось и на принципах комплектования. Уже с первой трети XI в. славянские племенные этнонимы при определении состава войска перестают употребляться, вместо них появляются новые названия городских ополчений — «кияне», «смоляне» и другие, что говорит о возрастающей роли городских общин и преобразовании прежней политической и военной организации.

Киевские князья могли собрать огромное, по тем временам, войско. Например, в общерусском походе 907 г. князь Олег имел в своем распоряжении более 80 тыс. человек. Десятки тысяч воинов участвовали в походах князей Игоря, Святослава, Владимира и Ярослава. Случалось, что даже число кораблей, перевозивших войска, не поддавалось учету: «Се идетъ Русь, безъ числа корабль. Покрыли суть море корабли».

Организация войска. Войско Киевской Руси состояло из пехоты, конницы и лодейного флота. Главным родом войск

на протяжении почти всего периода являлась пехота, основную массу которой составляли «вои» ополчения. Ударной силой пехоты и вообще войска киевских князей до 30-х гг. XI в. оставались отряды хорошо вооруженных профессиональных наемников-варягов.

Киевская конница вначале была малочисленна. Несмотря на то что славяне с глубокой древности использовали лошадей и умели ездить верхом, они предпочитали сражаться пешими еще в X в., а в Новгороде — и в начале XIII в. Скандинавы, которых арабские авторы и называют собственно русами, также, по их словам, «воюют обычно на кораблях и храбрости на конях не проявляют». Поэтому основную часть конницы первых киевских князей в их походах составляли наемные венгры или печенеги. Известен случай, когда конное ополчение в состав киевского войска выставили и жившие на юге, у моря, славяне уличи. Княжеская дружина могла сражаться на конях, но численность ее была невелика. Не обладала она и достаточными навыками. Их хватало, чтобы побеждать кочевников, но, как показал опыт Святослава на Балканах, оказалось явно недостаточно, чтобы противостоять кавалеристам Византийской империи.

Вследствие феодализации общества, а главным образом ввиду необходимости иметь сильную конницу для защиты от нападений печенегов, участвовавших после 980 г., численность русской кавалерии быстро возрастала. Лучшие лошади поступали из Венгрии. Успешно развивалось коневодство, в первую очередь в княжеском хозяйстве, о чем упоминают летописи. Имели место случаи, когда князья выдавали коней ополченцам на период боевых действий. Наконец, в 1036 г. Ярослав Мудрый под Киевом разгромил печенегов, причем они разбежались далеко в разные стороны и никогда более не составляли единой народности. Это было бы невозможно без многочисленной конницы, способной не просто вести преследование, но решать стратегические задачи. В 1060 г. объединенное войско сыновей Ярослава нанесло столь же мощный удар по племенам торков, после чего часть из них покинула причерноморские степи, а другая перешла на службу к русским.

В основе организации войска Древней Руси лежала десятичная система. Это отразилось в названиях представителей земской администрации. Так, в Новгороде и Пскове выборные должностные лица назывались «соцкими», а «тысяцким» во всех русских землях назывался командующий ополчением. На эту ключевую должность всегда выбирался представитель старой племенной знати. «Тысяча» — синоним ополчения города или всей «земли».

В XI в. происходят некоторые изменения в организации войска. Появляется новая организационная единица — часть объединенного киевского войска — полк, всегда состоящий из однородных по составу сил — ополчение или целиком войско одного княжества, или союзники (наемники). На данный период нет точных сведений о том, как назывались подразделения полка. Стяг (боевое знамя) служил главным средством управления в бою. «Поставить стяг» означало начать сбор войска. На поле боя это обозначало сбор, построение боевого порядка. С древнейших времен в войске присутствовали музыкальные инструменты — рога и трубы, а также бубны, служившие для воодушевления воинов, шедших в бой, и подачи звуковых сигналов.

Вооружение русских воинов составляли копья, дротики (сулицы), луки, боевые ножи, а также топоры трех основных типов — тяжелые секиры скандинавских наемников на длинных рукоятях, кавалерийские топоры-чеканы с узким лезвием — азиатского происхождения и топоры славянского пехотного типа с широким лезвием. Широко употреблялось ударное оружие: палица с металлическим, а иногда и с каменным навершием и кистень — боевая гиря на ремне или цепи. Защитным вооружением служили шлемы двух основных типов: европейского — полусферического и азиатского — конического и сфероконического типов. И те и другие нередко снабжались полумаской или имели неподвижный «нос» для защиты лица. Щиты чаще всего применялись круглые, варяжские, или миндалевидные, общеевропейского типа. Реже встречались пластинчатые и кольчатые «брони». Металлические доспехи в этот период, как правило, являлись достоянием профессионалов — так же, как и мечи.

Древняя Русь имела многочисленный лодейный флот. Например, в уже упомянутом походе Олега на Константинополь (Царьград) в 907 г. флот русов состоял примерно из двух тысяч судов со средней численностью экипажей (десанта) 40 человек. Многие исследователи справедливо отмечают, что в большинстве случаев лодьи использовались как транспортное средство для перевозки войск. Вместе с тем известны примеры боевых действий русского флота. Так, в 941 г. флот Игоря у берегов Византии принял бой с флотом противника. Техническое превосходство греков, применивших зажигательную смесь (так называемый «греческий огонь»), предопределило поражение русов. В другой раз (1043 г.) русский флот разгромил отряд византийских кораблей. Византийцы высоко ценили русов и славян как воинов и мореходов. На протяжении всего X и в начале XI в. они постоянно приглашали их в качестве союзников или наемников для действий на Средиземном море против арабов и других своих противников.

Воинское обучение и воспитание. Исключительное внимание наши предки уделяли воинскому воспитанию подрастающего поколения. Обучение профессионального воина начиналось в раннем детстве со дня «пострига» или «посаженья на коня». С этого акта мальчик вступал во взрослую жизнь, переходя жить в половину отца, под опеку «дядьки», начинавшего готовить его как в физическом, так и в морально-психологическом отношении к преодолению трудностей боевой и походной жизни. Если представители высшей аристократии готовились индивидуально, то для детей дружинников важную роль имел институт «гридей» (позднее — «детские»), проходивших воинское обучение и воспитание коллективно, под контролем своих командиров и придворных.

В воинском воспитании главное внимание уделялось формированию таких качеств, как преданность своему князю, в том числе и после его смерти, и личная честь — неукоснительное соблюдение определенного кодекса поведения. В бою это означало безусловную готовность к самопожертвованию ради князя и даже готовность умереть на том же месте после его гибели. Как и на Западе, честь для воина-

профессионала являлась понятием абсолютным и далеко превосходившим ценность жизни. Для князя, помимо личной чести и, даже более важной ценностью являлась слава — утвердившееся в обществе представление о нем как о справедливом, щедром, благочестивом правителе, храбром и удачливом полководце.

Помимо индивидуальных представлений и качеств, стимулировавших определенный тип поведения, в древнерусском войске, причем не только в дружинной среде, было чрезвычайно развито понятие коллективной чести и славы. Так, воинов Святослава, осажденных превосходившими силами византийцев, более всего волновал вопрос о славе русского оружия, до тех пор остававшегося непобедимым. Поэтому смерть в бою для них выглядела предпочтительнее, чем прорыв с боем из крепости и уход с Дуная без перемирия и добычи, что считалось равносильным бегству и признанию себя побежденной стороной. Святослав был готов погибнуть, так как «мертвые сраму не имут», а дружина выражала готовность сложить головы там, где его «голова ляжет», но не уронить чести русских воинов.

С принятием православия воинская идеология облагораживается. Слова Евангелия: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», — означающие готовность к самопожертвованию не только ради князя и войсковых товарищей, но и за всех тех, кого призван защищать православный воин, становятся отныне основой его поведения. С усилением и всесторонним развитием Киевской Руси расширяются и представления русских людей о ее и своей собственной роли в истории. Воины Руси, «славной во всех четырех концах земли», уже могут прочесть в первом произведении русской литературы — «Слове о Законе и Благодати», что они живут в Богом избранной стране, которой предназначена великая судьба — служить идеалам христианской любви, добра и справедливости и возглавить борьбу с мировым Злом во имя торжества Божьей правды на земле.

Важнейшие события военной истории. За точку отсчета отечественной военной истории следует принять появление под стенами Константинополя кораблей Аскольда и Дира в

июне 860 г. С этого времени походы к Царьграду безусловно были важнейшими событиями такого рода наряду с борьбой за подчинение Киеву славянских и финских племен Восточной Европы. Помимо упоминавшихся выше походов Олега и Игоря следует также назвать гигантский поход Святослава на хазар по Волге, Северному Кавказу и Дону с возвращением в Киев в 965—966 гг., а также его балканские походы 968—971 гг. Главными военными предприятиями Владимира явились завоевание области червенских городов, что определило на века западную границу русских земель, восстановление власти над племенами, затем предшествовавший крещению поход на Корсунь и борьба с печенегами. Правление Ярослава характеризовалось временным устранением угрозы с юга, а также успешными войнами с западными соседями — поляками, литовцами и чудью.

Стратегия Киевской Руси носила ярко выраженный наступательный характер, но такой она стала не сразу. Собирая восточнославянские племена под власть Киева и, одновременно, освобождая их из-под власти хазарского кагана, князю Олегу пришлось столкнуться с мощью Хазарии — третьего сильнейшего государства Восточной Европы — и начать с ней борьбу, которая длилась с переменным успехом около века. Лишь с ослаблением каганата, вызванного появлением в степях Причерноморья печенегов — врагов хазар, ставших на время естественными союзниками Киева, Русь смогла разгромить Хазарию и на восточном стратегическом направлении прорваться к побережью Каспия и предгорьям Кавказа — своим естественным границам, создав этим новые возможности для дальнейшего экономического роста.

Вторым стратегическим направлением для Киева сразу же стало босфорское, южное. Признание Константинополем политического статуса киевского государства являлось важнейшей задачей после завоевания независимости. Кроме того, Византия была и важнейшим торговым партнером Руси, и с ней необходимо было установить равноправные торговые отношения. Этими целями и объясняются мощные морские экспедиции Олега и Игоря к стенам Константинополя. Резкое усиление Руси при Святославе и укрепление ее

позиций на побережье Черного моря вызвали у молодого князя стремление распространить свою власть вплоть до устья Дуная, где «сходятся все блага», которые несут пересекающиеся важнейшие торговые пути Европы — Дунайский и «из варяг в греки», а то и прогнать императора «ромеев» на азиатский берег Босфора. Но этим планам не суждено было осуществиться.

На других стратегических направлениях, имевших второстепенное значение, киевские князья действовали в разное время различными способами, но главной задачей являлось поддержание мира на оптимальных условиях. При этом Прибалтика рассматривалась как подвластная территория, и здесь из-за сборов дани шла постоянная малая война. С венгерскими королями поддерживались традиционно союзнические отношения посредством заключения династических браков. С Польшей, не прекращавшей попыток отвоевать червенские города, через которые проходил торговый путь от балтийского побережья на Балканы и к Черному морю, периодически происходили конфликты. Шведам при Олеге платили дань «мира для», а затем, построив каменную крепость в Ладого, заняли жесткую оборону. В страну «еми» — Финляндию совершались походы за данью.

Оборона границ. Со времени Владимира Русь вынуждена была вновь вернуться к решению давней стратегической задачи восточного славянства — обеспечению безопасности своей юго-восточной, степной границы, где с 980 г. началась непрерывная война. За неимением хорошей конницы эта проблема в стратегическом плане пока решалась традиционными средствами — созданием оборонительных рубежей.

Усиление печенежских набегов заставило Владимира в 988 г. начать грандиозное строительство сплошной деревоземляной стены по притокам Днепра к югу от Киева (по рр. Стугне и Суле), дополнив ее новыми крепостями. Оборонять эту линию были призваны «лучшие мужи» от всех подвластных племен. Оказавшись на передовом рубеже обороны единого государства, воины племенных князей быстро превращались из кривичей и вятичей в первых собственно русских людей и первых пограничников.

При Ярославе обеспечение безопасности южных рубежей было достигнуто путем создания многочисленной конницы и разгрома печенегов на своей территории — непосредственно под стенами Киева, что позволило взять инициативу в свои руки. Кроме того, он продолжал строительство приграничных крепостей, заселяя их приведенными из походов пленными. Поход против торков в этом отношении оказался пробой сил в степи. Часть разбитых торков была поселена по обеим сторонам Днепра в приграничной полосе, с обязательством нести сторожевую службу.

Военное искусство. Основной формой военных действий древнерусского государства являлись военные походы, причем наиболее масштабные из них совершались на кораблях, но в отличие от морских походов викингов-варягов, носивших характер грабительских набегов, походы русских князей имели совершенно иное содержание. Они служили государственным интересам Руси. В этой связи необходимо отметить, что многочисленные нападения «русов» на южное побережье Каспия в конце IX и первой половине X в., а также имевшие место с середины VIII в. их набеги на побережье Черного моря, в том числе и набег «новгородского князя Бравлина» на Сурож, имеют к отечественной военной истории лишь косвенное отношение, являясь типично норманскими.

Тактика. Боевой порядок войска Древнерусского государства на начальной стадии его существования значительно отличался от линии родовых групп, известной в предшествующую эпоху. Его основу составляла «стена» — тесно сомкнутое фалангообразное построение пехоты протяженностью по фронту до 300 м и глубиной 10—12 шеренг. Фланги его могли прикрываться конными отрядами. В первой шеренге стояли воины, имевшие лучшее защитное вооружение. Такому боевому порядку были присущи те же сильные и слабые стороны, что и древнегреческой фаланге. Сила боевого порядка «стены» заключалась в его монолитности и силе удара атакующей массы. Войска, поставленные «стеной», прикрываясь большими щитами, стремительно кидались на врага. Поскольку конница была малочисленна, ис-

ход боя определял этот натиск пехоты. Иногда войско выстраивалось таранящим клином. Действия в подобных построениях предполагают высокий уровень боевой подготовки воинов, а также наличие единоначалия и дисциплины в войске.

Тактика первых киевских князей, основанная на использовании такого боевого порядка, позволяла им успешно действовать против племенных ополчений, отрядов пеших скандинавов или кочевников. Однако в противоборстве с врагом, имеющим сильную тяжелую конницу, отчетливо проявились слабые стороны «стены», прежде всего плохая защищенность флангов и тыла от охватов и низкая маневренность войска. Дальнейшее развитие тактики шло в направлении обеспечения надежной защиты тыла и флангов, выделения из «стены» новых элементов боевого порядка, повышения их маневренности и взаимодействия.

В XI в. боевой порядок приобретает трехзвенную структуру — «полчный ряд», расчленившись по фронту на «чело» (центр боевого порядка) и «крылья» (фланги). Это было связано с возрастанием численности и усилением роли конницы и необходимостью взаимодействия с ней пехоты, которая, как правило, находилась в центре. Такое построение увеличивало маневренность войска. Первое упоминание о подобном боевом порядке и о маневре его частей на поле боя встречается в описании битвы у Листвена в 1024 г. между сыновьями Владимира — Ярославом и Мстиславом.

Тактика осады и обороны крепостей была примитивна, поскольку средства обороны намного превосходили средства нападения. Осаждавшие, если им не удавалось захватить крепость внезапным налетом — «изгоном», как правило, ограничивались пассивной обороной, надеясь взять слабейшую сторону измором. Исключение составляет осада Владимиром Корсуни, когда у стены насыпалась земляная гора — «примет». Тем не менее город пал только после того, как осаждавшие «отняли воду» у осажденных, перекопав подземный самотечный водопровод от источника вне крепостных стен. Низкая активность осаждавших сказывалась и на фортификации — русские крепости того времени были практически лишены башен (за исключением воротных сооружений).

АСКОЛЬД И ДИР

Уже в XI в., когда составлялись самые ранние летописные своды на Руси, личности киевских князей Аскольда (Оскольда) и Дира были овеяны легендой, и древнерусский книжник начала XII в. мог записать в «Повести временных лет» на основе преданий лишь минимальные и весьма приблизительные сведения об их жизни и деятельности. Ряд дополнений к весьма лаконичному рассказу об их деяниях можно почерпнуть из более поздней Никоновской летописи XVI в., в которой, согласно гипотезе академика Б.А. Рыбакова, якобы сохранились фрагменты «летописи Аскольда», составленной около 865 г., что легко опровергнуть. Ведь нет никаких достоверных свидетельств не только о летописании, но даже о появлении славянской азбуки на Руси в столь раннее время, а летописцы XV—XVII вв., используя информацию из хронографов и ориентируясь на собственные представления о событиях седой старины, нередко занимались «исторической реконструкцией» и дополняли своих далеких предшественников — книжников XI—XII столетий.

В «Повести временных лет» впервые упоминается об Аскольде и Дире под 862 г. (дата довольно условная) в связи с призванием легендарного Рюрика: «И бяста у него 2 мужа, не племени его но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом свои. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок (Киев. — *В.П.*)». Таким образом, по свидетельству летописца, они, заняв с помощью отряда варягов Киев, стали править землей полян, плативших в то время дань хазарам. В Новгородской первой летописи младшего извода (Комиссионный список), включающей Начальный летописный свод конца XI в., в информации, помещенной под 6362 (854) г., нет вовсе упоминания о зависимости от Рюрика Аскольда и Дира: «И по сих, братии тои, приидоста два Варяга и нарекостася князема: одному бе имя Асколд, а другому Дир; и беста княжаша в Киеве, и владеюща Полями; и беша ратнии с Древляны и с Улицы». И далее под тем же годом там излагается предание о призвании новгородскими словенами, кривичами, мерей и чудью Рюрика с дру-

жиной и двумя братьями — Синеусом и Трувором. В отличие от Начального летописного свода составитель «Повести временных лет», стремясь подчеркнуть незаконность (с его точки зрения) владения Аскольдом и Диром Киевом и землей полян, ни разу не употребляет по отношению к ним термины «князья», «княжить».

Польские историки Ян Длугош (XV в.), а вслед за ним и Мацей Стрыйковский (автор «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси», 1582 г.) без каких-либо обоснований связывали происхождение Аскольда и Дира с полянским родом еще более легендарного племенного вождя Кия. В «Польской истории» Длугоша повествуется, как «после смерти Кия, Щека и Корева их сыновья и потомки, наследуя по прямой линии, княжили у русских много лет, пока такого рода наследование не привело к двум родным братьям Оскальду и Диру». Допустив возможность использования Длугошем какого-то древнерусского источника, неизвестного составителям Начального летописного свода и «Повести временных лет», эту чисто умозрительную версию (в общем-то, весьма сомнительную) приняли ряд крупных ученых, например, А.А. Шахматов и Б.А. Рыбаков.

Имена Аскольда и Дира явно скандинавского (Höskuldr, Dír), а не славянского происхождения. Скорее всего, они добрались в Среднее Поднепровье с севера по пути «из Варяг в Греки», к освоению которого с конца VIII — начала IX в. приступили отважные и предприимчивые воины-торговцы из Скандинавии. В отличие от Кия об Аскольде и Дире известно не только из «Повести временных лет», но и по другим письменным источникам (в том числе и более древним).

Согласно Начальному летописному своду конца XI в. и «Повести временных лет» начала XII в., Аскольд и Дир правили в Киеве одновременно. Не усомнившись в этой летописной версии, украинский историк А.П. Толочко предположил о существовании в Киеве до 882 г. диархии — совместного управления двух князей: 1) наделенного сакральными функциями князя-жреца и 2) князя — военного предводителя без сакральных функций. Однако, достаточно веских доказательств в пользу данной гипотезы нет. Скорее всего;

Аскольд и Дир княжили в разное время, и один из них (либо Дир, либо Аскольд) унаследовал власть от другого. Ведь арабский географ ал-Масуди (первая половина X в.) писал в своем труде «Промывальни золота рудники самоцветов» лишь о Дире: «Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами». Как видим, об Аскольде к X в. в арабском мире почему-то не сохранилось никаких свидетельств. Да и погребены они были в разных местах Киева: Аскольд — на Угорской горе (современный парк «Аскольдова могила»), где впоследствии некий Олма поставил «церковь святого Николу», а Дир — за храмом Св. Ирины (вблизи Софийского собора), хотя, по летописи, они были убиты одновременно в 882 г. воинами Вещего Олега. В.Н. Татищев в «Истории Российской» даже предполагал, что в действительности в IX в. в Киеве правил только Аскольд и «был княжне Рюрикове пасынок, сарматски тирань», но составитель «Повести временных лет» Нестор, «не разумея сего слова, пременил в Дир и зделал из одного имяни два: Оскольд и Дир». Эта гипотетическая версия, конечно же, ошибочна. Нет никаких оснований считать Аскольда сыном Рюрика, хотя он, судя по имени, был также скандинавом по происхождению.

Предводитель русов (его нельзя безоговорочно отождествлять ни Аскольдом, ни с Диром) с 30-х гг. IX в. принял, подобно правителям Хазарии, титул хакана (кагана). Во всяком случае, согласно Бертинским анналам, еще в 838—839 гг. вначале в Константинополе (у византийского императора Феофила), а затем и в Каролингской империи (при дворе императора Людовика Благочестивого в Ингельгейме на Рейне) побывали послы короля-хакана народа рос (русов), говорившие на шведском языке и приехавшие, скорее всего, из Южной Руси. Они возвращались туда более длинным путем через Западную Европу, а не кратчайшим южным маршрутом, по-видимому, из-за опасения быть задержанными хазарами, контролировавшими степные пространства в низовьях Днепра и Дона и крайне незаинтересованными в усилении Руси и в установлении ею союза или просто даже кон-

тактов с Византийской империей. По гипотезе известного археолога В.В. Седова, древнейший, каганат русов возник в первой трети IX в. не на правом берегу Среднего Днепра, а на Днепровском левобережье и в Подонье, где открыты древности так называемой волынцевской культуры. Но как бы ни решился в будущем вопрос о локализации примитивного восточнославянского государства, подвластного хакану русов, уже сейчас ясно одно: процесс разложения родо-племенного строя и формирования государственности происходил почти синхронно в нескольких областях обитания восточнославянства. И правителям Хазарии, защищаясь от усилившихся беспокойных соседей, пришлось возвести в 30-х гг. IX в. при помощи византийцев мощную крепость в Саркеле на Дону, по которому, очевидно, не раз русы пытались прорваться в Азовское море.

Их привлекала возможность обогащения за счет ограбления богатых причерноморских центров. В «Житии Георгия Амастридского» диакона Игнатия (около 770 /780 — после 845 гг.) сообщается о набеге русов на византийский город в Малой Азии Амастриду, состоявшемся перед 842 г.: «Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле, и по имени народ, — начав разорение от Пропонтиды (в данном случае подразумевается, очевидно, Азовское море, хотя обычно Пропонтидой называли всегда Мраморное море. — *В.П.*) и посетив прочее побережье, достигнув наконец и до отчества святого (Георгия, т.е. Амастриды. — *В.П.*), посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраня-

ющее силу...» Как повествует далее агиограф, предводитель росов, будучи пораженным чудесными знамениями у гробницы Св. Георгия Амастридского, приказал своим воинам прекратить истребление мирных жителей и стал даже склоняться к христианской вере. По поводу трактовки приведенного выше свидетельства византинисты давно уже разделились на два лагеря: одни признают его достоверность, а другие, подвергая сомнению, приурочивают к более позднему событию — походу 941 г. на Византию великого киевского князя Игоря.

В IX столетии, в том числе в годы правления Аскольда и Дира, Киеву пришлось вести упорную борьбу с хазарами и подчинившимися им причерноморскими булгарами (болгарами). В одном из таких столкновений, согласно статье 6372 (864) г. Никоновской летописи, «убиен бысть от болгар Осколдов сын». А под следующим годом там же повествуется, как «воеваваша Асколд и Дир полочан и много зла створиша». Нет никаких оснований считать эти дополнения, сделанные русским книжником первой трети XVI в., достоверными известиями, почерпнутыми им из более древних, не дошедших до нас источников. Сказанное выше в полной мере относится к еще одному свидетельству Никоновской летописи о том, что в 867 г. «избиша множество Печенег Осколд и Дир». Ведь в «Повести временных лет» самое раннее соприкосновение восточных славян с печенегами датируется началом X в., когда в 915 г. «приидоша печенези первое на Рускую землю и сотворивше мир с Игорем». Вполне вероятно, что киевские князья и раньше вели борьбу и против угрожавших молодой Руси с юга кочевников, и с другими восточнославянскими племенными союзами в целях их покорения и присоединения к Киеву.

Главной, пожалуй, заслугой Аскольда и Дира стало освобождение племенного союза полян от хазарской зависимости и создание на его базе в Среднем Поднепровье примитивного государства — княжества. Южная Русь соперничала с Северной Русью, где правили Рюрик, а затем его воевода Олег. Эти государственные образования разделяла обширная территория между Припятью и Западной Двиной, засе-

ленная дреговичами и кривичами. Резиденция правителя Северной Руси находилась первоначально в Ладоге, а затем была перенесена на Рюриково городище под Новгород, откуда его дружина, видимо, не раз совершала вылазки в южном направлении. Аскольд и Дир также могли эпизодически направляться с войском в районы к северу от Киева с целью обложения данью местных племен. Ими предпринимались также попытки расширить свое влияние к западу и югу от Среднего Поднепровья: по свидетельству Начального летописного свода XI в., братья-соправители Полянской земли вели борьбу с восточнославянскими племенными союзами древлян и уличей.

С именами Аскольда и Дира составитель «Повести временных лет» связывал первый поход многочисленного войска русов на Царьград, отнесенный к 866 г.: «Иде Асколд и Дир на Греки и приде в 14 лето Михаила цесаря. Цесарю же отшедшую на агаряны (арабы. — *В.П.*) и дошедшую ему Черное реки, весть епарх посла ему, яко Русь идетъ на Цесарьград, и воротися цесарь. Си же внутрь Суда (гавань Константинополя. — *В.П.*) вшедше, много убиство христианом створиша и в двою сту кораблии Цесарьград оступиша. Цесарь же одва в город вниде и с патриархом Фотием к сущии церкви святии Богородици в Лахернех всю ночь молитву створиша. Тако же божественую ризу святыя Богородица с песьнеми изнесше в реку омочиша. Тишине сущи и морю укротившуюся, абье буря с ветром воста и волнам великим вставшим засобь, и безбожных Руси корабля смяте и к берегу приверже, и изби я яко малу их от таковыя беды избыти и в свояси возвратишася» (Ипатьевская летопись). В рассказе об этом нападении на столицу Византии Новгородской первой летописи младшего извода, помещенном под 854 г., имена организовавших его киевских князей вовсе не упомянуты: «При сем (при византийском императоре Михаиле III. — *В.П.*) приидоша Русь на Царьград в кораблех, бешислено корабль; а в двусту вшедше в Суд, много зло створиша Греком и убиство велико крестияном. Цесарь же с патриархом Фотеем молбу створи в церкви святыя Богородица Влахерне всю ночь; таце святеи богородици ризу изнесше, в море

скудь омочиша; а во время то яко тишине суши, и абие буря вста, и потапляше корабля рускыя, и изверже я на брег, и во своя сы возвратишася». Эти летописные описания первого набега русов (составитель «Повести временных лет» даже называет Русь безбожной) на Царьград сделаны, скорее всего, на основе какой-то византийской хроники.

А константинопольский патриарх Фотий в двух своих гомилиях (речах-беседах) и другие византийские авторы IX — XIII вв. приурочивали набег русов (русов) к 860 г., не называя, однако, имен русских князей, снявших за огромный выкуп осаду города и вернувшихся обратно в Киев. Брюссельская хроника XI в. даже датирует первый набег русов на столицу Византии с точностью до одного дня — 18 июня 860 г. Впрочем, известный ученый-византист А.П. Каждан (1996), не очень-то доверяя этому более позднему источнику и ссылаясь на гимны Иосифа Песнопевца, допускал, что он мог произойти в 865 либо в 866 г. В научной литературе выдвинута еще одна оригинальная гипотеза (О.М. Рапов, О.В. Творогов и др.): Аскольд и Дир совершили не один, а два (удачный и неудачный) похода на Царьград в 860 и 866 гг. Как бы то ни было, такие военные акции явно свидетельствуют об укреплении власти правителей полянского Киева, подчинивших ряд соседних племен и использовавших их людские ресурсы.

Оригинальные известия о походе Аскольда и Дира на Константинополь содержатся также в древнерусском переводе хроники Георгия Амартола, в Венецианской хронике Иоанна Диакона, в сочинении Продолжателя Феофана. Вот, например, известие о нападении русов в 860 г. из хроники Продолжателя Феофана, созданной в середине IX столетия: «Потом набег русов (это скифское племя, необузданное и жестокое, которые опустошили ромейские (византийские. — *В.П.*) земли, сам Понт Евксинский (Черное море. — *В.П.*) предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой — правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом, — а вскоре прибыло от них посольство в царственный город (Константинополь. — *В.П.*), прося приобщить их божьему крещению. Что и произошло».

Более пространно и эмоционально писал о нашествии Руси на Константинополь современник события патриарх Фотий: «Народ неименитый, народ несчитаемый (ни за что), народ, поставляемый наравне с рабами, неизвестный, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, уничиженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, не замеченный, без военного искусства, так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву или тростник или жатву, — о какое бедствие, ниспосланное от Бога, — не щадя ни человека, ни скота, не снисходя к немощи женщин, не жалея нежности детей, не уважая седину старцев, не смягчаясь ничем, от чего обыкновенно смягчаются люди, даже дошедшие до свойства зверей, но всякий возраст и пол поражая мечом...» Неожиданным для византийцев стал как морской набег жестоких варваров-русов, так и столь же стремительный их уход.

Согласно «Повести временных лет», Аскольд и Дир в 866 г. двинулись в поход против Византии на 200 судах (такая же цифра приводится как в Начальном летописном своде под 854 г., так и в краткой императорской хронике XI в. из Брюссельского кодекса под 860 г.), предварительно разведав, что византийский император Михаил III отправился воевать с арабами. Менее достоверной представляется информация Венецианской хроники Иоанна Диакона, в которой речь идет о неожиданном нападении на Константинополь 360 кораблей русов. Вопреки утверждению византиниста А.А. Васильева, их численность была намного меньше 20 000 и вряд ли превышала 10 000 воинов, ведь экипаж одной русской ладьи, согласно летописному известию 907 г., состоял из 40 человек. То была первая в истории Руси переброска крупного войска из Среднего Поднепровья к берегам Босфора, и она представляла собой довольно сложную военно-транспортную операцию, осуществлявшуюся по южному отрезку «пути из Варяг в Греки».

Обратимся вновь к описанию похода росов (русов) на Царьград в 860 (либо 866) г., используя свидетельства византийских источников. Воинственные «жители севера», как повествуется в Венецианской хронике Иоанна Диякона, «осмелились напасть на Константинополь на 360 кораблях, но, не будучи в состоянии нанести вред самому непобедимому городу, они храбро повоевали его предместья, перебили народа, сколько могли, и затем с торжеством вернулись домой». Главному чиновнику столицы (эпарху) удалось тогда предупредить императора Михаила III о приближении росов, и тот успел возвратиться в Константинополь, осада которого длилась одну неделю, с 18 по 25 июня. А вот как описаны их действия в «Житии патриарха Игнатия» (X в.) Никиты Пафлагона: «В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту прийдя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византия (т.е. Константинополя. — В.П.) острова, грабя все [драгоценные] сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гнев захватывали все, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме всех перерубили секирами». При ознакомлении с византийскими сочинениями появляется ощущение, что их авторы частично сгущают краску. Отнюдь не стремясь обелить жестокие деяния наших предков, вспоминаешь о рабах, которыми активно торговали в IX—X вв. русы, и приходишь к выводу: вряд ли они, заинтересованные в живой добыче, убивали всех подряд мирных жителей во время набега на Царьград Аскольда и Дира.

Пришельцы с берегов Днепра причинили, конечно, немало бед грекам, но буря, согласно летописным свидетельствам, разрушила их утлые лодки-однодеревки, не очень хорошо приспособленные для морских путешествий. Уцелела и вернулась домой лишь часть русского войска. Этот не очень удачный поход положил начало временному сближению Южной Руси с Византией. В результате произошло дипломатическое признание Византией Руси, и не позже 867 г.

(скорее всего, в 866 г.) между ними был подписан первый договор о «мире и дружбе (любви)», гарантировавший, очевидно, определенные торговые привилегии русам на территории империи, манившей их богатством и разнообразием товаров на своих рынках. По свидетельству хроники Продолжателя Феофана, «щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он (новый византийским император Василий I. — *В.П.*) склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ним мирные договоры, убежил приобщиться к спасительному крещению...» Особенно воинственных пришельцев с берегов Волхова и Днепра привлекали в Византии дорогие одежды из шелка, серебряные и золотые украшения, вина, пряности.

Надеясь, вероятно, на помощь Византийской империи в борьбе с Северной Русью Рюрика, южнорусские князья и их ближайшее окружение, по свидетельству византийских источников (в частности, Окружного послания константинопольского патриарха Фотия 867 г.), приняли христианство. Вот о чем в нем идет речь: «И не только этот народ (дунайские болгары. — *В.П.*) переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но даже и многими и многократно прославленные в жесткости и скверноубийстве всех оставляющие за собой, так называемые росы, которые, поработив находящихся вокруг себя и отсюда чрезмерно возгордившись, подняли руки и против Римской державы (Византии. — *В.П.*). Но теперь и они переменяли эллинское и нечестивое учение, которого держались раньше, на чистую и неподдельную христианскую веру и любовно поставили себя в ряду наших подданных и друзей, вместо недавнего грабительства и великой против нас дерзости. И настолько воспламенило их желание и ревность веры (да воскликнет снова Павел: «Благословен Бог вовеки!»), что они приняли епископа и пастыря и с великим усердием и ревностью приемлют христианские верования». Говоря о недавних грабительстве и дерзости росов, патриарх напоминает об их нападении в 860 г. на Константинополь. Информация об этой первой попытке христианизации Руси отсутствует в древнерусских летописях.

Весьма сомнительно выдвигавшееся в исторической литературе предположение о крещении после неудачного похода на Царьград в 866 г. не днепровских, а крымских русов, хотя нельзя исключить, что частичная христианизация русов каким-то образом связана с миссией в Крым славянских просветителей Кирилла (Константина Философа) и его брата Мефодия. Через владения Византии и Хазарии купцы-русы во времена Аскольда и Дира активно торговали с Арабским халифатом и, достигая Багдада, выдавали себя там за христиан.

Воины-дружинники ничем не отличались от первых русских купцов, совершавших опасные торговые путешествия в заморские страны. Древнейшее известие о таких дальних поездках торговцев из Руси в Византию и государства Востока можно найти в рукописи арабского географа Ибн Хордадбега «Книга путей и государств», написанной около 885 г., но отражающей, по мнению востоковедов, также реалии середины IX в. В ней, в частности, говорится: «Русы-купцы — один из разделов славян; они возят меха белок, черно-бурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Румскому (т.е. Черному. — В.П.) морю, и берет с них десятину румский (т.е. византийский) властелин, а то они отправляются по Танаису (Дону) — славянской реке, проходят до Хамлиджа, хазарской столицы, и берет с них десятину ее властелин, затем они едут к Джурджанскому (Каспийскому) морю... иногда они перевозят свои товары из Джурджана на верблюдах в Багдад...»

На первое место среди товаров здесь поставлена пушнина, но почему-то прямо не говорится о вывозе на Восток невольников, хотя именно славянские рабы-евнухи служили там в качестве переводчиков русам, помогая последним совершать торговые сделки на восточных базарах без знания арабского языка. Что же касается оружия, то речь явно идет о реэкспорте знаменитых на всю Европу каролингских мечей из рейнских мастерских, так как собственное их производство на Руси было налажено гораздо позже.

Примечателен еще один факт. Как свидетельствует далее Ибн Хордадбег, приезжая в Багдад, купцы из далекой Руси

выдавали себя за христиан, что, впрочем, не освобождало их от необходимости (наряду со всеми немусульманами мужского пола) уплачивать подушную подать — джизью. Ее размер в Арабском халифате в те времена не превышал 1 золотого динара, эквивалентного 14—15 серебряным монетам-дирхемам. За такую сравнительно небольшую сумму тогда можно было приобрести 100 кг пшеницы, но ведь помимо джизьи существовали рыночные торговые сборы, а также ввозные и вывозные таможенные пошлины, достигавшие 10 % объема либо стоимости товаров. Вроде бы язычникам-русам не имело смысла притворяться крещеными, отсюда вполне вероятно предположение о том, что данное известие Ибн Хордадбеха относится к концу 60-х — началу 80-х гг. IX в., когда после похода князей Аскольда и Дира на Константинополь произошла христианизация части военно-торговой прослойки Руси, заинтересованной в упрочении своих позиций в Византии.

По свидетельству персидского историка Ибн Исфендияра, автора «Истории Табаристана» (1216—1217), в период правления в Табаристане одного из Саманидов — Алида ал-Хасана ибн Зайда в 864—884 гг. (250—270 гг. хиджры) состоялась первая военная экспедиция русов на Каспий. Повествуя о таких же набегах начала X в., Ибн Исфендияр отметил: «В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Абаскун, как и во время Хасана ибн Зайда Алида, когда русы прибыли в Абаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил». Информация о столь раннем походе русов на южное побережье Каспийского моря, который мог произойти как при Аскольде и Дире, так и вскоре после вокняжения в Киеве Олега, отсутствует в сочинении арабского ученого-энциклопедиста и путешественника ал-Масуди (X в.), и кое-кто из исследователей усомнились в достоверности свидетельства Ибн Исфендияра.

Но вернемся к судьбе Аскольда и Дира. Попытка распространить христианскую веру дорого обошлась южнорусским князьям, лишившимся прочной опоры среди жителей Киева, в большинстве своем закоренелых язычников, которые

продолжали поклоняться своим божествам. Опасность поджидала Аскольда и Дира со стороны варяжской дружины и народного ополчения Северной Руси, где после смерти легендарного Рюрика (около 879 г.) правил его родственник Олег. Согласно народному преданию, помещенному в Начальном летописном своде и в «Повести временных лет» под 882 г., воевода Рюрика Олег вместе с юным Игорем и дружиной варягов приплыл к Киеву по пути «из Варяг в Греки», покорив ряд восточнославянских племен и захватив Смоленск и Любеч.

В результате военной акции, а также при поддержке части язычников-киевлян, недовольных приобщением к христианству, Вещему Олегу удалось около 882 г. устранить предшественников Рюриковичей на киевском престоле — Аскольда и Дира (а вероятнее всего, кого-то одного из них). С вокняжением в Киеве Олега произошло объединение Южной Руси с Северной Русью, оказавшейся сильнее (в том числе из-за возможности набора за плату в Скандинавии новых варяжских дружин). В результате в Восточной Европе возникло крупное государство, что внесло значительные изменения в политическую и военно-стратегическую ситуацию на границе Европы и Азии.

ВЕЩИЙ ОЛЕГ И ИГОРЬ РЮРИКОВИЧ

В период «военной демократии», когда совершался переход к классовому обществу и государственности, дальнейшие походы за добычей стали занимать основное место в жизни древних скандинавов — предков датчан, исландцев, норвежцев и шведов. Их участники сами себя называли викингами, на Западе они больше известны как норманны («северные люди»), а на Руси их знали под собирательным именем варягов (древнескандинавское «*vaeringjar*» от слова «*varar*» — то есть клятва, обет), в Византии именовали «*barangoi*». К XI в. термин «варяги» приобрел уже собирательное значение, в Русской Правде под ним подразумеваются иноземцы вообще. Храбрые воины, умелые мореходы, предприимчивые торговцы внесли немалый вклад в историю географических

открытий, проложив пути во многие страны Европы и Азии и добравшись задолго до Колумба, еще в X в., в Северную Америку.

Уже в середине VIII в. отряды скандинавов, появившись на севере Восточной Европы в поисках пушнины и серебра, приступили к освоению Балтийско-Волжского пути, открывавшего доступ в далекие восточные страны. Их крупнейшим центром стало торгово-ремесленное поселение на месте современной Старой Ладogi, недалеко от впадения р. Волхов в Ладожское озеро. Население Альдейгьюборга (так называли этот протогород скандинавы) было смешанным по составу: там проживали и финно-угры, и восточные славяне. Воинственные пришельцы, приплыв туда по Неве с Балтики, оценили его выгодное расположение как ключевого пункта на международной торговой магистрали и основали во 2-й половине VIII в. свою факторию, где находились и удобная гавань, и судоверфь, и ремесленные мастерские для производства и ремонта всевозможного снаряжения и оружия, и, конечно, оживленный рынок. Там открыты древнейшие клады серебряных арабских монет-дирхемов и различные иноземные вещи, привезенные из Скандинавии, других стран Балтийского региона и Востока.

К северу от Ладogi в местности под названием Велеша располагалось языческое святилище, посвященное славянскому божеству Велесу — покровителю скота, богатства и торговли. Сюда, а также в Перынь, у истоков р. Волхов, в районе Новгорода, где находилось капище бога молнии Перуна, приходили прежде всего ильменские славяне и кривичи, вымаливая с помощью жертвоприношений удачу во всех жизненных делах, в том числе и на поприще торгового обмена. Собственные жертвенные места имели проживавшие в этом районе финноязычные чудь и меря, а также переселенцы из Скандинавии. Специфические черты погребального обряда всех этих народов представлены в нескольких раннесредневековых могильниках, исследованных на территории современной Старой Ладogi.

Именно здесь, согласно «Повести временных лет», со своей дружиной обосновался в 862 г. (дата условная) леген-

дарный варяжский предводитель Рюрик, отождествляемый частью ученых с Рериком Ютландским. Он был приглашен местной племенной знатью Северной Руси на договорных условиях, для защиты от набегов других незванных чужеземцев и как гарант внутренней стабильности. Согласно заключенному с ним «ряду» Рюрик с дружиной получал часть дани, собиравшейся с населения. В примитивном государстве — конфедерации ильменских словен, части кривичей и финноязычной чуди, сложившейся к середине IX в., — не могли не происходить межплеменные конфликты из-за охотничьих и рыбных угодий, и для наведения порядка требовался человек со стороны — опытный военный предводитель. Выходцы из Скандинавии надолго оседали на Руси, поступая на службу местной знати, использовавшей их в качестве воинов, торговцев, дипломатов. К таким именно варягам и относится Вещий Олег (восточнославянская форма древнескандинавского имени *Helgi*), ставший первым великим князем киевским.

После смерти легендарного Рюрика (около 879 г.) Олег, предположительно его родственник по линии жены, становится правителем Северной Руси. Как поясняется в «Повести временных лет», «умершую же Рюрикови предасть княжение свое Олгови от рода ему суша, вдав ему на руце сына своего Игоря, бяше бо молод велми». А в Начальном летописном своде конца XI в., отраженном в Новгородской первой летописи младшего извода, на первое место при описании событий конца IX — начала X в., происходивших при Олеге, поставлен князь Игорь. Летописец всячески подчеркивает его самостоятельную роль: «И возрастаю же ему, Игорю, и бысть храбор и мудр. И бысть у него воевода, именем Олег, муж мудр и храбор». Согласно статье 6428 (920) г. Начального летописного свода, именно князь Игорь послал 10-тысячное войско Руси на Царьград.

В 882 г. (дата условная), собрав варяжскую дружину и народное ополчение Северной Руси, включавшее «чюдь, словени, мерю и все кривичи», Олег двинулся по пути «из Варяг в Греки» покорять Южную Русь, где правили Аскольд и Дир. В отличие от омываемых морями западноевропейских стран,

у побережья которых викинги появлялись внезапно на быстроходных кораблях, на востоке Европы им приходилось пробираться в глубь материка по водно-волоковым путям, проходившим через лесные пространства. Здесь выставлявшиеся дозоры могли заранее предупредить своих соплеменников о приближении незваных чужеземцев. В подобных случаях скандинавы, обладая военным перевесом, обнажив мечи, все-таки нападали и грабили местных жителей, а при иных обстоятельствах, сняв с пояса миниатюрные складные весы, приступали к торговле с ними.

Добравшись до верховьев Днепра, Вещий Олег захватил Смоленск, в котором оставил своего наместника. Далее его войско беспрепятственно доплыло по Днепру до Любечской крепости, северного форпоста Киева. Весть о падении Любеча должна была дойти до Аскольда и Дира. Между тем, согласно преданию, помещенному в Начальном летописном своде и в «Повести временных лет» под 882 г., появление Олега с Игорем под Киевом стало неожиданным для его правителей.

Критически оценив свои силы, варяжский предводитель не стал с ходу штурмовать хорошо укрепленный центр полян, а решил прибегнуть к военной хитрости. Незваные пришельцы остановились в урочище Угорском под Киевом, спрятали в ладьях большую часть воинов, а сами «притворились гостями», направляющимися торговать «в Греки» (Византию). Киевские князья Аскольд и Дир (в действительности кто-то один из них), ничего не подозревая, спустились к берегу, чтобы встретиться с заезжими торговцами и посмотреть на привезенные товары. Так, в соответствии с Начальным летописным сводом и «Повестью временных лет», усыпив бдительность киевлян, Олег вероломно убил их правителей и сам стал княжить в Киеве.

Древнерусский книжник XI в. даже вложил в уста сына Рюрика Игоря следующие слова, включенные уже в Начальный летописный свод и обращенные лишь к одному Аскольду (в «Повести временных лет» их произносит, обращаясь и к Аскольду, и к Диру, Олег): «Вы неста князя, ни роду княжа, нъ аз есм князь, и мне достоит княжити». Таким образом

летописцы XI — начала XII в. старались обосновать идею нелегитимности правления в Киеве Аскольда и Дира, с одной стороны, и тезис о законности их свержения и вокняжения в Южной Руси Олега и Игоря, то есть представителей династии Рюриковичей, с другой. Позднее этот довод утратил свою актуальность. И в перечне киевских князей, помещенном в Ипатьевской летописи (конец первой четверти XV в.) перед «Повестью временных лет», утверждается: «Первее начаста княжити в Киеве Дирд и Асколд, одино княжение. А по нею Олег...» В Никоновской летописи XVI в. Аскольд и Дир также именуются русскими князьями.

В результате событий 882 г. произошло объединение Северной и Южной Руси в составе единого государства, установившего относительно полный контроль за важнейшей торговой артерией — путем «из Варяг в Греки». Но в действительности все обстояло гораздо сложнее, чем сохранила народная память. И Вещий Олег явно захватил Киев не только с помощью коварства, но и опираясь на поддержку части киевлян, по-видимому, недовольных попыткой христианизации, предпринимавшейся при Аскольде и Дире после их похода 860 (866) г. на Константинополь.

Место возникновения изложенной выше легенды — Киев. Но книжникам XI—XIII вв., проживавшим в Новгороде, далеко не все в ней было достаточно ясно. Поэтому в ее северном варианте, помещенном в Новгородской первой летописи, Олег с Игорем ошибочно названы «подугорскими гостями» по причине незнания новгородскими книжниками топографии древнего Киева, а точнее, располагавшегося на его территории Угорского урочища у Днепра, где обычно останавливались купцы. Причем термин «подугорские» для новгородцев означал «прибывшие из области расселения северо-восточных угров» между реками Печора и Обь, откуда Новгород Великий с XI—XII вв. получал самые ценные сорта пушнины.

Эту ошибочную версию подхватил средневековый русский книжник эпохи Василия III и Ивана Грозного, участвовавший в составлении так называемой Никоновской летописи. Исходя из представлений XVI в. о достоинстве госуда-

ря Руси и придворном церемониале, он не мог вообразить правителей Киева выходящими из своего дворца к пристани для встречи с какими-то купцами. Так родилась и литературно оформилась идея о мнимой болезни варяжского вождя Олега, чтобы хоть как-то оправдать выход к нему князей Аскольда и Дира. Приплывший по Днепру с войском и княжичем Игорем, варяжский вождь «притворился больным, лежа в ладье. И послал к Аскольду и Диру, говоря: "Гость я подугорский и иду в Греки от Олега князя и от Игоря княжича, и ныне болен, и имею много крупного и дорогого бисера (речного жемчуга) и всякого узорочья"». Далее, по Никоновской летописи, коварный варяг попросил киевских князей придти к нему для тайной беседы с глазу на глаз. Последние вскоре явились в сопровождении небольшой охраны и были вероломно убиты. Но то, что не соответствовало понятиям XVI в., было вполне допустимо восемью столетиями ранее, когда правитель мог, не роняя своего достоинства, выйти со свитой на пристань или торг для встречи с бывалыми людьми, заморскими гостями, осмотра привезенных диковинных товаров.

В подтверждение сказанного приведем одно место из «Кудруны» — немецкой эпической поэмы XIII в., автор которой широко использовал более древние сюжеты героического эпоса германских народов. Король Дании Хетель послал на кораблях своих верных рыцарей во главе с Вате и Фруте к берегам Ирландии, повелев привезти для себя красавицу-невесту, дочь тамошнего правителя Хагена, резиденция которого находилась в замке Балиан. Чтобы ввести в заблуждение ирландского короля относительно истинных целей своего приезда, датчане решили предстать перед ним в обличье купцов, спрятав часть воинов на корабле:

Они сошли на берег, сложили на песок
Все, чем людей пленяет и Запад, и Восток.
Богаты были гости: не издержав и марки,
Лишь собственным товаром наполнили доверху барки.
Их шестьдесят иль больше, честным купцам под стать,
В раскинутых палатках осталось торговать,

Начальником над ними был смелый Фруте сделан,
Датчанин был всех краше, и лучшее платье надел он.
Владелец Балиана, поверивши вестям,
Решил к таким богатым наведаться гостям,
Он выехал на берег с дружинниками вместе,
А мнимые торговцы правителя встретили с честью.

В день отъезда, когда Хаген вновь пришел полюбоваться на «редкостный товар», а его супруга и дочь — на яркое убранство главного корабля, датские витязи спешно подняли якоря и увезли, предварительно сговорившись, Хильду к своему повелителю.

Сей хитроумный трюк запечатлен и в древнеисландской «Саге об Эймунде», которая отражает междоусобную борьбу Рюриковичей в начале XI в. после смерти Владимира Святославича. Ее герой во главе отряда викингов поступил на службу к князю Ярицлейву (очевидно, Ярославу) и отправился с его молчаливого согласия убивать Бурицлейва (то ли Бориса, то ли Святополка). Эймунд с одиннадцатью воинами-наемниками выехали, «снарядившись, как купцы, и не знали люди, что значит эта поездка и какую они задумали хитрость». На сей раз из предосторожности они «взяли с собой еще одного коня и на нем везли свое боевое снаряжение». Хотя по внешнему виду воинов и торговцев того времени нельзя было в общем-то отличить, но живший позднее автор саги (записана она была не ранее XIII в.) мог этого не знать. Напав ночью на лагерь Бурицлейва, варяги расправились с ним и отрубленную его голову принесли князю Ярицлейву. Сам этот сюжет явно основан на реальных событиях и знании особенностей военной тактики викингов. Трюк с быстрым перевоплощением воинов в купцов и, наоборот, купцов в воинов часто использовался ими для обеспечения внезапности нападения.

Древнерусские книжники XI в. имели неплохое представление о военной тактике скандинавов, использовавших для неожиданных захватов хорошо укрепленных городов хитроумные приемы с перевоплощением и обманом жителей.

Так или иначе, предшественники Рюриковичей на киевском престоле Аскольд и Дир (а вероятнее всего, кто-то один из них) погибли около 882 г., а с вокняжением Олега в Киеве произошло объединение Южной Руси с Северной Русью, оказавшейся сильнее (в том числе из-за возможности набора за плату в Скандинавии новых варяжских дружин). В результате в Восточной Европе возникло крупное государство, что внесло значительные изменения в политическую и военно-стратегическую ситуацию на границе Европы и Азии. Великий князь киевский Олег, правивший согласно «Повести временных лет» с 882 по 912 г., внес значительный вклад в становление древнерусской государственности. При нем велась активная борьба с хазарами (вспоминаются пушкинские строки «Как ныне собирается Вещий Олег отмстить неразумным хазарам...»), в подчинении Киева оказался также ряд восточнославянских племенных союзов, превратившихся в данников Руси.

В 907 г. древнерусское войско на 2000 ладьях под предводительством Олега совершило успешное нападение на Царьград. Дабы перехитрить византийцев, он, используя навыки прохождения по волокам, приказал переместить ладьи на деревянных катках по суше. На ворота византийской столицы великий киевский князь, согласно преданию, прибил свой щит, а затем, взяв богатый выкуп с византийцев, подписал предварительное соглашение с Византией.

К 909/910—912/913 гг. относятся военные действия русов на южном и юго-западном побережьях Каспийского моря (Табаристан и район Баку), освещенные только в восточных источниках (ал-Масуди, Ибн Исфендийар, Амоли, Марашаи). Неясно, участвовал ли в них сам Вещий Олег, которого современные историки порой отождествляют с предводителем русов Хелгу из так называемого Кембриджского документа XI в. — копии письма некоего иудея, подданного хазарского царя Иосифа. В нем повествуется, как византийский император Роман Лакапин (правил до 944 г.), устроивший в 932 г. гонения на иудеев, отправил после этого богатые дары правителю Руси Хелгу, побудив его напасть на хазарский город Самкрай (Самкерц), т.е. Тмутаракань.

Тогда Песах, хазарский наместник в Крыму, начал войну с Хелгу и разгромил его войско, а затем принудил напасть на Византию. Потерпевший поражение от византийцев, использовавших «греческий огонь», Хелгу якобы ушел по морю в Парас (Персию), где и погиб. Вероятно, в данном источнике по ошибке объединены разновременные события, происходившие как при Вещем Олеге, так и при великом киевском князе Игоре Старом.

Обратимся же к последнему достоверному известию Повести временных лет о Вещем Олеге. В 911 г. в Киеве от имени Олега состоялось подписание русско-византийского договора, один из его пунктов предоставлял византийцам возможность найма русских воинов на службу империи. Ушел из жизни первый великий князь киевский при весьма загадочных обстоятельствах. Вряд ли можно доверять помещенному в летопись преданию, согласно которому его смертельно ужалила змея, выползшая из черепа Олегова коня. Известно, где же находится его могила: в Старой Ладоге или далеко за пределами Руси?

После ухода из жизни Вещего Олега новому великому киевскому князю Игорю Рюриковичу пришлось в 913—914 гг. совершать походы против древлян, отказавшихся признавать зависимость от Киева. А вскоре грянула новая опасность: у южных границ Руси появились кочевники-печенеги, первое столкновение с которыми дружины Игоря Рюриковича произошло в 920 г.

Спустя два года Игорь отправился покорять уличей, проживавших в низовьях Днепра. Захватив в 923 г. их племенной центр Пересечен, великий князь киевский предоставил право сбора дани с уличей воеводе Свенельду. Известно, чем же занимался Игорь Старый в последующие 17 лет, до 941 г., когда состоялся первый поход Игоря на Царьград и северное побережье Малой Азии, в ходе которого русский флот потерпел поражение от византийцев, использовавших «греческий огонь». Во время второго похода Игоря на Царьград в союзе с печенегами в 943 г. русское войско дошло только до низовьев Дуная, а затем вернулось обратно. В «Повести временных лет» он датируется 944 г., когда был заключен новый

русско-византийский договор. Годом ранее воевода Игоря Свенельд возглавил набег русов на Каспий (Бердаа). Одной из целей этих походов являлась военная добыча, необходимая для обеспечения дружины, которой явно не хватало дани.

Каждый год, когда наступала осень, великий князь киевский со своей дружиной отбывал в объезд покоренных восточнославянских племен с целью сбора полюдья. Полученная дань в сопровождении охраны доставлялась в Киев, где княжеские закрома заполнялись пушниной, кожей, воском, медом. Б.А. Рыбаков справедливо подчеркивал логическую связь полюдья с военно-торговыми экспедициями русов, являвшихся как бы его продолжением и способствовавших реализации конечных результатов сбора дани. Сбыт излишков дани не мог быть организован без участия членов дружины князя, отправлявшихся поздней весной — летом в дальние торговые поездки в Византию, Хазарию, Волжскую Булгарию, Германию, Иран, другие страны Востока и Запада. При этом не надо забывать и о том, что во время сбора дани князь с дружиной осуществлял и ряд других функций — управленческую, судебную, сакрально-магическую. Таким князем-жрецом был Вещий Олег.

На Руси, как и в других раннесредневековых государствах, существовала корпоративная форма собственности военно-служилой знати. В.О. Ключевский впервые, пожалуй, в отечественной историографии показал тесную связь дружинников с первыми русскими купцами, назвав их в совокупности смешанным по составу, высшим военным и промышленным классом. Для дружинников, с которыми князья делились частью собранных ценностей, характерны и личная заинтересованность в обмене, и необходимая торговцам мобильность, и умение постоять за себя и защитить от разграбления дорогие товары. Разумеется, лишь некоторые из них впоследствии стали профессиональными купцами, для других же торговля являлась временным попутным занятием, а самые знатные воины («старшая дружина») чуть позже, с XI в., вошли в состав боярства — формирующийся класс феодалов. Таким образом, в IX—X вв. многие княжеские

дружинники участвовали не только в сборе дани во время полюдья с подвластных великому киевскому князю восточнославянских племен, но и в сбыте ее излишков на внешних рынках далеко за пределами Руси. Они и сами лично были заинтересованы в выгодной продаже как княжеских, так и своих традиционных для Руси товаров (пушнины, воска, меда и рабов), поэтому с охотой ездили торговать.

При взгляде на карту Руси времен первых великих князей киевских Олега и Игоря сразу же бросается в глаза вытянутость ее территории вдоль протяженной с севера на юг военно-торговой магистрали — знаменитого пути «из Варяг в Греки», соединявшим Балтийское море с Черным через систему восточноевропейских рек, озер и волоков. Вот как описывается он в «Повести временных лет», составленной в начале XII в.: «...Путь из Варяг в Греки, а из Грек по Днепру, и вверх Днепра волоки до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Нево, и того озера устье внидет в море Варяжское».

Ежегодно в мае и июле из Киева в далекий Константинополь по Днепру и Черному морю отправлялись в сопровождении охраны два крупных купеческих каравана, движение которых описано императором Византии Константином VII Багрянородным в главе IX трактата «Об управлении империей» (около 950 г.). Пунктом сбора воинов-купцов из Новгорода (Немогарда), Смоленска (Милиниски), Чернигова (Чернигоги), Любеча (Телиуцы), Вышгорода (Вусеграда) и других центров Руси был Киев. Из Киева на специально оснащенных лодках-долбленках (моноксилах), каждая из которых вмещала 30—40 человек, в мае вниз по Днепру к Черному морю отплывал первый караван, состоявший преимущественно из южнорусских торговых людей. В июне в Среднее Поднепровье подтягивались воины-торговцы из Новгорода и других северных областей Руси, объединявшиеся во второй караван, который добирался в Константинополь обычно к середине лета. Каждый из древнерусских торговых караванов X в. проводил в Византии по три месяца, в течение которых снабжался императорскими властями про-

довольствием («месячиной»). Передвижение по Днепровскому пути, а, значит, и торговля с Византией, с конца IX в. находились под контролем Киева. Без ведома великокняжеских чиновников туда не мог отправиться ни один купец из Руси. Военно-торговые экспедиции в Византию носили тогда государственный, а не частный характер.

По пути к Черному морю русам всякий раз приходилось преодолевать семь опасных днепровских порогов, где «вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул», где «имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков». О распространении двуязычия в древнерусской дружинной и купеческой среде X в. свидетельствуют приведенные Константином наряду со славянскими скандинавские наименования порогов: Эссупи («Не спи»), Островунипрах, Неасит (Ненасытецкий), Вулнипрах, Веручи («Кипящий»), Геландри («Шум порога»), Напрези («Малый порог»). Но самым опасным из всех был порог Неасит, перед которым воины-купцы выгружали из лодок все вещи и закованных в цепи рабов. Далее на протяжении шести миль они переносили груз и более легкие однодеревки на плечах, а более тяжелые и громоздкие ладьи переволакивали на катках до следующего участка чистой воды. Чтобы не допустить внезапного нападения кочевников-печенегов во время прохождения порогов, необходимо было выставлять на берегу стражу, бдительно следившую за их перемещениями по степи. Несмотря на боевое охранение, далеко не всегда древнерусским купеческим караванам удавалось без потерь пройти путь по Днепру.

Миновав с крайней осторожностью пороги, русы делали остановку на острове Св. Григория (современное название — Хортица) и там, поклоняясь огромному священному дубу, совершали свои языческие жертвоприношения хлебом, пестухами и прочими продуктами. Упоминание в сочинении Константина Багрянородного христианских названий днепровских островов не должно нас смущать. Среди его информаторов — воинов, послов, купцов середины X в. — преобладали, конечно, язычники, но имелись уже и христиане. Во время следующей стоянки на острове Св. Эферия (Березань)

в устье Днепра купцы два-три дня отдыхали и дополнительно оснащали ладьи парусами, мачтами, кормовыми веслами, необходимыми для морского путешествия. И затем совершали каботажное плавание вдоль Черноморского побережья, не удалялись слишком далеко от него и останавливаясь по ночам в одной из черноморских гаваней. Вплоть до устья Дуная русов продолжали преследовать по берегу конные разъезды печенегов, готовых в любую минуту напасть на купеческий караван во время отдыха.

За Дунаем начинались земли Болгарии, с которой у Руси, очевидно, существовало соглашение о беспрепятственном пропуске военно-торговых экспедиций, направлявшихся в Византию либо возвращавшихся из нее. На стоянках в Констанции (современной Констанце), Конопе, устье рек Варна и Дичина, в других болгарских гаванях древнерусские воины и купцы чувствовали себя в большей безопасности. Там они снова отдыхали, пополняли запасы пресной воды, закупали у местных жителей продукты питания. И после избавления от преследования печенегов путь по морю не становился для купцов менее опасным. Их легкие ладьи в прибрежье подстерегали острые подводные скалы, которые трудно было издалека заметить в плохую погоду. В открытом море корабельщиков мог неожиданно застать шторм. По словам Константина Багрянородного, «мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание» росов завершалось в первом византийском порту Месемврии (современный болгарский г. Несебыр), где, как убедительно обосновал Г.Г. Литаврин, и оставались большинство ладей с воинами в ожидании торговцев, направлявшихся с товарами дальше в Константинополь. Численность торговых людей из Руси в одном караване не превышала, по-видимому, 200 человек, а сопровождавших их воинов было гораздо больше.

Условия пребывания и торговли купцов из Руси в столице империи характеризуют русско-византийские договоры 907, 911, 944 гг. По предположению Г.Г. Литаврина, столичные власти ставили их на постой в воинских казармах, свободных от солдат, отправлявшихся в летние лагеря. Там легче было кормить, контролировать, а в случае необходимости

ти и обуздать торговых людей из дружинной среды. Из предместья у монастыря Св. Мамонта («Мамы») их, как гласит договор 944 г., пропускали в город через одни ворота партиями не более 50 человек, причем только в сопровождении императорского чиновника («царева мужа») и без оружия, которое приходилось оставлять в казармах. Помимо бесплатного жилья византийские власти предоставляли им также в течение полугода продовольствие («да емлют мясячину на 6 мясяць, и хлеб, и вино, и мяса, и рыбы, и овошем»), водили в баню и снабжали на обратную дорогу не только продуктами («брашно»), но и ладейной оснасткой («и якоря, и ужища»). Причем всех их византийские власти включали в специальный список, выдавая месячное довольствие в определенной последовательности: «первое от города Киева, и паки ис Чернигова, и Переяславля, и прочии города».

Согласно мирному соглашению 907 г., заключенному Вещим Олегом после победы под стенами Царьграда, купцы из Руси получили право беспошлинной торговли — «да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же». А таможенная пошлина в империи составляла до 10 % от стоимости вывозимых товаров. В договоре 944 г., подписанном в Киеве вскоре после неудачного похода князя Игоря на Византию, введено ограничение объема закупок русами дорогих шелковых тканей («паволок») — на сумму не более «пятидесят золотник», причем их опечатывал пломбами таможенный чиновник — коммеркиарий. Им нельзя было оставаться в столице империи на зимний период.

За счет частых поездок в Византию, сопровождавшихся транзитными остановками в черноморских гаванях Болгарии, воины-купцы задолго до официального крещения Руси приобщались к христианству и познакомились со славянской азбукой. Они были, очевидно, в числе первых прихожан церкви Св. Ильи, о существовании которой в Киеве известно из русско-византийского договора 944 г. Обращение в христианскую веру облегчало их положение в столице и других центрах Византии, а знание кириллицы позволяло делать владельческие и прочие записи (подобно древнейшей русской надписи на амфоре-корчаге из Гнездова).

Если в соглашении 911 г. в списке представителей древнерусского государства фигурируют одни лишь скандинавские имена, то позднее ситуация постепенно меняется. В «Повести временных лет» перечислены «гостье», участвовавшие наряду с послами великого киевского князя Игоря в подготовке русско-византийского договора 944 г. Их 25 человек, и только двое из них славяне — Синко и Борич. Остальные же имена — явно неславянского (в основном скандинавского) происхождения: купец Адун, Адулб, Иггивлад, Олеб, Фруган, Гомол, Куци, Емиг, Турбид, Фурстен, Бруны, Роалд, Гунастр, Фрастен, Игельд, Турберн, Моны, Руалд, Свен, Стир, Алдан, Тилена, Пубьксарь, Вузлев. На протяжении X в. интенсивно шел процесс славянизации варяжских «находников», осевших на Руси и постепенно растворившихся в местной среде. И уже сын варяга по происхождению Игоря носил славянское имя Святослав.

Вскоре после подписания русско-византийского договора, осенью 945 г., Игорь Рюрикович отправился с дружиной в полюдье в землю древлян. По настоянию дружинников, жаждавших более богатых даров, он вернулся к древлянам для вторичного сбора дани, за что жестоко поплатился (привязав к двум согнутым деревьям, его, по свидетельству Льва Диакона, разорвали на части). Согласно преданию, помещенному в «Повести временных лет», вдова Игоря Ольга, ставшая правительницей Руси, отомстила древлянам за гибель мужа.

СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ

Святослав рано потерял своего отца, великого киевского князя Игоря, убитого в 945 г. древлянами во время вторичного сбора с них дани. Мать его, княгиня Ольга, провела реформу полюдья, упорядочив взимание дани с покоренных племен, но прежде жестоко расправилась с восставшими древлянами. Согласно «Повести временных лет», первым боевым крещением малолетнего Святослава стал поход 946 г. в землю древлян. Трудно точно установить, сколько же было тогда лет княжичу, воспитывавшемуся под руководством

опытного военачальника Асмуда и с юных лет приучавшемуся к езде верхом, владению копьем, мечом, стрельбе из лука. Перед сражением с древлянами мальчик попытался метнуть в них копье, которое, пролетев между ушей коня, упало рядом. У него не хватило сил для более мощного броска, но юный Святослав уже с детства постиг суть главной функции князя — руководства дружиной.

Шли годы, мальчик рос на княжеском дворе в Киеве. Мать его крестилась под христианским именем Елена в самом Константинополе. По свидетельству «Повести временных лет», в 6453 (954/55) г. княгиня Ольга, дабы подтвердить условия русско-византийского договора 944 г., отправившись в Византию, «приде к Царюграду и бе тогда цесарь Костянтин сын Леонтов и виде ю добру сущю лицом и смыслу велми и удивися цесарь разуму ея» (Ипатьевская летопись). В Лаврентьевской летописи по ошибке вместо Константина VII Багрянородного (назван «Цемьский» — император Иоанн Цимисхий (968—976). То была первая в истории отношений с Византией мирная поездка главы Руси в столицу империи. По мнению Г. Г. Литаврина, основанному прежде всего на анализе византийских источников, княгиня Ольга ездила туда дважды, в 946 и 954/955 гг. Дискутируя с ним, А. В. Назаренко в большей степени доверяет информации «Повести временных лет» и датирует единственное, на его взгляд, путешествие правительницы Руси в Царьград 957 годом.

Как бы то ни было, для нас в данном случае представляет интерес вот какая дополнительная информация из более позднего древнерусского источника. В Русском летописце конца XV в., содержащем краткие извлечения из ростовского владычного свода, повествуется об участии юного Святослава в поездке княгини Ольги в Константинополь: «В лето 6463 (955). Отъиде Олга Царюграду с сыном своим, и крести его сам царь» (Синодальный список). В Музейном списке этого же летописца приведена более правильная версия («и крести ее и царь сам», ведь Святослав Игоревич, в отличие от матери, до конца дней своих оставался закоренелым язычником. И Ольга, по свидетельству Начального летописного

свода конца XI в., не раз упрекая сына в приверженности к языческим обрядам, пыталась склонить его к переходу в христианство, но безуспешно.

Начальный летописный свод и «Повесть временных лет» умалчивают о жизни юного Святослава с 946 по 964 г. С середины 60-х гг. X в. Святослав Игоревич, возмужав, стал командовать дружиной. Будучи неприхотлив в походной обстановке, князь предпочитал передвигаться с воинами налегке, «аки пардус» (словно барс), без громоздкого обоза с котлами и шатрами. Во время походов спал он чаще всего не в шатре, а под открытым небом, подложив под голову седло. А конину и прочее мясо на привалах воины готовили для князя не в котле, а на углях. Перед началом военных действий, по словам летописца, воинственный князь посылал грозное уведомление неприятелю: «Хочю на вы ити».

В 964 г. он отправился в междуречье Волги и Оки, чтобы покорить вятичей, плативших дань хазарам, а не Киеву. Это первое самостоятельное военное предприятие Святослава Игоревича, в отличие от второго похода на Балканы 970—971 гг., в «Повести временных лет» описано весьма лаконично. Да и летописная хронология событий нуждается в уточнении. Ведь согласно Начальному летописному своду конца XI в., отраженному в Новгородской первой летописи, и «Повести временных лет» начала XII в., Святослав впервые столкнулся с вятичским племенным объединением в 964 г., но нанес ему поражение лишь спустя два года. А в промежутке между этими двумя военными экспедициями, в 965 г., одержал победу над Хазарией. В такой последовательности изложения событий нет должной логики. Неужели вятичи, на которых, по летописи, Святослав ходил дважды (в 964 и 966 гг.), в военном отношении оказались сильнее хазар, разгромленных с первой же попытки? Событийный ряд 964—966 гг., реконструированный современными историками, выглядит иначе.

Пройдя с боями через дремучие вятичские леса, дружина Святослава вышла на Волгу, среднее течение которой находилось под контролем Волжской Булгарии, что осложняло торговые поездки русов на Каспий. К тому же дружинни-

ки жаждали более богатой военной добычи, чем они смогли захватить у вятичей. Нанеся удар по союзникам хазар — волжским булгарам и бургасам, о чем повествует арабский географ Ибн Хаукаль, киевская рать отправилась вниз по Волге в сторону Хазарского каганата. Святослав разгромил в 966 г. его столицу на Нижней Волге — г. Итиль и крупную крепость на Дону — Белую Вежу (Саркел). Если полностью доверять информации Ибн Хаукаля, русы воевали с Волжской Булгарией и Хазарией в 358 г. хиджры (то есть в 968/69 г.). Некоторые современные историки предполагают, что против Хазарии русами было свершено два похода: в 965 и 968 гг. Киевская дружина сражалась также с ясами (предками осетин) и касогами (предками черкесов) в хазарских областях Северного Кавказа, где подвергся разгрому город Семендер. Вскоре на Тамани появился древнерусский форпост — Тмутараканское княжество. Повергнув Хазарию и нанеся поражение Волжской Булгарии, Святослав расчистил для русских купцов торговые пути по Волге и Дону. Вятичи отныне платили дань не Хазарии, а Киеву.

Вернувшись с победой и богатой добычей в столицу Руси, Святослав там не засиделся. В начале 967 г. в Киев прибыл с ценными дарами византийский сановник Калокир, чтобы уговорить Святослава напасть на Дунайскую Болгарию, отказавшуюся подчиняться Византии и соблюдать условия ранее заключенного договора. Заботясь о своих собственных интересах и стремясь установить контроль над Нижним Подунавьем, киевский князь дал согласие. В начале лета 967 г. воинственный Святослав во главе многочисленной рати русов неожиданно появился на Нижнем Дунае у границ Болгарского царства, чтобы властвовать в Добрудже, через которую проходили пути, связывавшие Киев со столицей Византии Константинополем. По словам летописца, «одолея Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков». Итак, главная цель похода на Дунай была достигнута: великий киевский князь стал властвовать над Добруджей и получать от Византии богатые дары — золото и серебро, дорогие шелковые ткани.

И вдруг в 968 г. из далекого Киева в ставку Святослава на Нижний Дунай добрались, с трудом обойдя по пути печенежские заслоны, гонцы, сообщившие князю тревожную весть об осаде столицы Руси воинственными кочевниками-печенегами. Узнав об опасности, угрожавшей его стольному граду, киевский князь с частью своей дружины совершил стремительный бросок к берегам седого Днепра и отбросил печенежскую орду.

В ответ на ропот киевлян, упрекавших князя: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботаешься, а свою покину». Святослав, по версии летописца, сказал находившейся при смерти княгине Ольге и киевским боярам: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки (дорогой шелк), вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии — серебро и кожи, из Руси же меха и воск, мед и рабы» (перевод). Трудно было изумленным киевлянам понять, как можно их стольный град променять на какой-то дунайский Переяславец, куда князь переносил свою резиденцию. Вскоре Ольга скончалась.

Похоронив мать по христианскому обычаю и посадив своих сыновей княжить в Киеве (Ярополка), Новгороде (Владимира) и у древлян (Олега), Святослав в 970 г. вновь вернулся на Дунай, где ему опять пришлось штурмовать Переяславец, возвратившийся за время его отсутствия под власть болгар. Затем началась его война с Византией. Впереди воинственного киевского князя ждали кровопролитные сражения на Балканах с византийцами. Перед одним из них Святослав, призывая своих воинов к стойкости, сказал: «Так не посрамят земли Русской, поляжем здесь костями, ибо мертвым не ведом позор» (перевод с древнерусского языка, а в подлиннике: «...мертвым бо срама не имам».) Нанеся ряд поражений грекам и едва не дойдя до Царьграда, Святослав вынужден был отступить и вернуться в Северную Болгарию, где находились его опорные базы.

Заставил его это сделать новый византийский император, искусный полководец Иоанн Цимисхий (армянин по происхождению), который возглавил большую армию, напра-

вившуюся через горные перевалы Балкан и по морю к Дунаю. Гораздо подробнее, чем в Начальном летописном своде и «Повести временных лет», русско-византийская война 971 г. описывается в византийских хрониках Льва Диакона конца X в. и Иоанна Скилицы (XI в.). Войско Святослава к началу лета оказалось блокированным с юга и с востока. Вскоре византийцы приступили к решительным действиям. После кровопролитной битвы русские оставили столицу Болгарии — Преслав Великий и закрепились в дунайской крепости Доростоле (совр. Силистра). Под впечатлением побед византийцев болгары стали переходить на их сторону. Император Иоанн Цимисхий вскоре установил контроль и над Черноморским побережьем Болгарии.

Тем временем войско Святослава Игоревича продолжало обороняться в Доростоле, страдая от нехватки продовольствия, имевшегося в изобилии у византийцев. Император Иоанн Цимисхий окружил Доростол и с суши, и со стороны Дуная, где стояли греческие боевые корабли-триеры, имевшие на вооружении страшное по тем временам оружие — огненную нефть («жидкий огонь»). Кроме того, он приказал укрепить свой полевой лагерь земляными валами и рвом. Обороняясь от нападавших византийцев, русы осыпали их с крепостных стен Доростола градом стрел и камней. А у византийцев имелось на вооружении еще более мощное осадное орудие — баллиста (камнемёт), и его пытались разрушить воины Святослава.

Под стенами Доростола в 20-х числа июля (согласно хроникам Льва Диакона и Иоанна Скилицы, а по мнению византинистов, 21 июня) 971 г. состоялось последнее сражение. Оно подробно описано Львом Диаконом и Иоанном Скилицей. Этой решающей битве предшествовали неоднократные вылазки русов из-за спасительных крепостных стен, сооруженных из камня. Сражавшиеся в пешем строю, русские и византийские воины не раз сходились врукопашную, однако византийцы обладали преимуществом в коннице, наносившей по противнику внезапные фланговые удары. Дабы защититься от вражеских всадников, лучников и пращников, русы плотно смыкали щиты и копья, придавая своим рядам вид непреодолимой стены.

По свидетельству Льва Диакона, «обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга», но русские понесли слишком большие потери. Ударом по ключице мечом один из знатных византийских воинов, Анемас, поверг на землю самого Святослава, которого от гибели спасла прочная кольчуга. После налета византийской конницы поредевшим русам во главе с израненным Святославом пришлось отступить и укрыться за спасительными стенами Доростола. Ночью они подбিরали на поле брани своих павших сородичей и сжигали в погребальных кострах их останки, принося в жертву языческим богам пленных женщин, мужчин и младенцев. На военном совете Святослав и его военачальники решили пойти на заключение мирного соглашения с византийцами. Киевский князь отправился на переговоры с византийским императором, чтобы сохранить оставшуюся часть своей дружины для новых походов. Византийское войско обладало перевесом и в численности, и в вооружении; оно в отличие от русских имело продовольственные запасы.

Со слов одного из очевидцев переговоров Лев Диакон дал описание внешнего облика воинственного киевского князя. «Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом (красным гранатом. — *В.П.*), обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой». Святослав подплыл к месту встречи с византийским императором, гребя наравне с сопровождавшими его воинами. Сведения Льва Диакона соответствуют информации Начального летописного свода и «Повести временных лет» о неприхотливости и скромности в быту Святослава Игоревича.

От скромного одеяния предводителя русов разительно отличалось пышное пурпурное облачение Иоанна Цимисхия, покрытое вызолоченными доспехами. Император подъехал к берегу Дуная на коне в сопровождении многочисленного отряда всадников. При посредничестве переводчиков между ним и Святославом состоялась беседа об условиях мира. Это единственное из русско-византийских соглашений X в., чье содержание известно не только по «Повести временных лет», но и по византийским источникам — хроникам Льва Диакона и Иоанна Скилицы. Впервые в практике двухсторонних отношений его подписание состоялось на поле брани, далеко от столиц обоих государств. Русские, поклявшись своими языческими богами Перуном и Велесом (Волосом), дали твердое обещание не совершать впредь нападения на Болгарию, Византию и ее владения в Крыму. Византийцы же гарантировали свободный пропуск уцелевшей части войска Святослава на родину, снабдив их небольшим запасом продовольствия на обратную дорогу. По условиям договора возобновлялись нормальные торговые отношения между Русью и Византийской империей. Его текст был переписан на пергаменте и скреплен с обеих сторон печатями. Появление у князя Святослава Игоревича свинцовой печати с изображением двузубца — родового знака Рюриковичей — ставило правителя Руси как бы на один уровень с византийским императором. Вот что написал об этом в своих «Думах» поэт-декабрист К.Ф. Рылеев:

И к славе северных племен
И цареградского престола
Желанный мир был заключен
Невдалеке от Доростола.

После подписания договора под стенами Доростола русское войско из 22 тыс. человек разделилось на две части. Одна во главе с варягом Свенельдом отправилась к Киеву обходными путями по суше, а Святослав с остальными дружинниками поплыл на ладьях, нагруженных богатой добычей, вниз по Дунаю в Черное море, откуда спустя несколько не-

дель (не позже сентября 971 г.) добрался до порогов Днепра («Белобережья»). А там путь в Киев русам преградили печенеги, предупрежденные заранее коварными византийцами, что засвидетельствовано Львом Диаконом. Составитель же Начального летописного свода почему-то обвинил в этом коварстве не византийцев, а жителей Переяславца: «Послаша переяславци к печенегом, глаголяще сице: “Идеть вы Святослав в Русь, взем именье много у грек и полон бесчислени, с малом дружины”». Эта версия отражена и в «Повести временных лет». Как бы то ни было, поредевшей дружины Святослава пришлось, страдая от голода, зазимовать до наступления весенней навигации на одном из днепровских островов. Сидевший не так уж далеко, в Киеве, Ярополк почему-то не прислал отцу военную помощь. Очевидно, киевляне не так уж жаждали возвращения князя-воителя. Весной 972 г. печенежский хан Куря напал на ослабевшее русское войско и, убив Святослава Игоревича в неравной схватке, приказал сделать из его черепа чашу для вина. Так завершился короткий жизненный путь великого киевского князя, пытавшегося раздвинуть границы Руси до Нижнего Дуная и Балкан. Историк-археолог Е.А. Шинаков называет эту амбициозную политику Святослава Игоревича «имперским» экспериментом, видя причину недолговечности «империи» Святослава — в ее стадийной преждевременности.

С именем Святослава Игоревича неразрывно связан легендарный дунайский град Переяславец, шесть раз упомянутый в «Повести временных лет» под 967—971 гг. Не раз его современники и потомки удивлялись и не могли понять, зачем великому киевскому князю понадобилось переносить столицу своего огромного государства из Киева в Переяславец. Думали и гадали в X в. и позднее, какими же богатствами Переяславец привлек внимание Святослава, где же находился этот легендарный дунайский город, сохранил ли он свое прежнее величие и значение.

Если бы сведения о Переяславце на Дунае имелись лишь в древнерусской «Повести временных лет», вряд ли современным ученым удалось бы аргументированно ответить на эти вопросы. Но, к счастью, дунайский город Переяславец

известен под разными названиями и по другим средневековым источникам: как «Малый Преслав» византийских хроник Иоанна Скилицы и Иоанна Зонары (XI—XII вв.), среднеболгарских переводов хроник Зонары и Константина Манассии, «Преславитца» на византийских свинцовых печатях XI столетия, «Барасклафиса» у арабского географа ал-Идриси (около 1153 г.), «Прославица» на европейских картах XV—XVII вв.

Где только ни размещали предположительно летописный Переяславец (Малый Преслав) ученые XIX—XX вв. на современных картах Болгарии и Румынии: у болгарского села Кадыкьой (современное с. Малык Преславец) между городами Тутраканом и Силистрой или в районе румынского села Никулицел у г. Тулчи; на дунайском острове Балта между Черна водой и Хырсовом, в Девне; в г. Исакче, на месте античной Капидавы, у села Эски-Сарай (современное Гырличу), в Русе; на дунайском острове Пэкуйул луи Соаре; у села Цар Крум недалеко от Преслава Великого и Плиски. Но наиболее обоснованным на сегодняшний день является мнение тех исследователей, которые располагают его у румынского села Нуфэру (бывшее село Прислава) на правом берегу Георгиевского рукава Дуная, в 10 км к юго-востоку от г. Тулчи.

Какую же роль сыграл Переяславец — Малый Преслав в дунайских войнах Святослава Игоревича? По этому вопросу в научных кругах нет единого мнения. Принимая на веру все известия «Повести временных лет» под 967—971 гг., часть ученых считает, что они относятся именно к Переяславцу, дважды взятому русскими войсками во время первого и второго походов Святослава. Другие историки предполагают, что Переяславец «Повести временных лет» — это в действительности Великий Преслав, столица Болгарии, название которой из-за давности лет и отсутствия точной информации перепутал древнерусский летописец XI — начала XII вв. Согласно третьей точке зрения, при описании первого похода Святослава на Дунай в летописи в самом деле речь идет о Переяславце — Малом Преславе, а события, связанные с ним в рассказе о втором походе, относятся к Преславу Великому.

Анализ летописных известий о Переяславце и сопоставление их с данными других источников убеждают нас в том, что летописец, пользуясь главным образом устными преданиями, ошибочно отнес к одному Переяславцу действия, происходившие как вокруг него, так и в Преславе Великом. Так, например, слова «Повести временных лет» под 967 г. о том, что Святослав после захвата дунайских центров «сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков», в большей степени подходят к стольному городу Преславу Великому, чем к периферийному Переяславцу — Малому Преславу. После вторичного захвата Переяславца в 971 г. Святослав заявил грекам: «Хочю на вы ити и взяти град ваш, яко и сей». Из дальнейшего изложения выясняется, что речь идет о столице Византии — Царьграде. Несомненно, киевский князь мог сравнивать Царьград лишь со столицей Болгарии Преславом Великим, но не с небольшим тогда дунайским центром Малым Преславом — Переяславцем. После похода к Царьграду Святослав, по словам «Повести временных лет», вернулся с заметно поредевшей дружиной в Переяславец, откуда направил послов в Доростол для заключения мира с Иоанном Цимисхием. И в данном случае речь идет, несомненно, о Преславе Великом, а не о Малом Преславе, из которого можно было на ладьях прямо отправиться на Русь за новым войском для продолжения войны с византийцами. Очевидно, к этому времени византийский флот по пути к Доростолу уже захватил Переяславец — Малый Преслав.

Станным представляется и то, что составители «Повести временных лет» ни разу не называют болгарскую столицу Преслав, игравшую значительную роль в событиях 967—971 гг., о чем свидетельствуют византийские авторы X—XII вв. (Лев Диакон, Иоанн Скилица, Иоанн Зонара.) Эта путаница объясняется прежде всего созвучием в названиях Преслава Великого, Переяславца — Малого Преслава и древнерусского города Переяславля (ныне Переяслав-Хмельницкий), известного по летописи с X в.; первые упоминания о нем относятся к 907, 945 и 992 гг. Еще В.Н. Татищев обращал внимание на то, что летописцы путали его с болгарским Преславом, а также с Переяславцем. Интерес-

но, что жителей Переяславля Южнорусского, расположенного недалеко от Киева на р. Трубеж, как и Переяславца на Дунае, древнерусские книжники именовали одинаково — «переяславцы».

Обратимся теперь к свидетельствам других средневековых письменных источников. Все византийские авторы при описании балканских походов Святослава главную роль отводят Преславу Великому и Доростолу, а о Переяславце — Малом Преславе умалчивают. О нем, например, ничего не пишет в своей «Истории» Лев Диакон (конец X в.), бывший современником этих походов. В хрониках XI—XII вв. (И. Скилицы, И. Зонары) Малый Преслав упоминается только с 1000 г., а в рассказе о событиях 967—971 гг. в Болгарии вовсе не называется.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы. В эпоху Первого Болгарского царства (по крайней мере, в X в.) Переяславец — Малый Преслав уже существовал, но еще не имел большого политического и торгово-экономического значения, какое он приобрел позднее, в XI—XII вв., когда стал центром византийской административной единицы — катепаната или стратигии. Во время дунайских походов Святослава Переяславец — Малый Преслав, очевидно, являлся опорной базой для русских войск, поэтому хорошо запомнился возвратившимся на Русь дружинникам, не раз побывавшим и в Преславе Великом. В возникших на основе их рассказов в Киеве устных преданиях название болгарской столицы из-за созвучия трансформировалось и ассоциировалось с Переяславцем — Малым Преславом, который часто посещали в XI—XII вв. древнерусские купцы, являвшиеся информаторами летописцев. Устная традиция донесла, по-видимому, лишь объяснение Святослава переноса резиденции из Киева торгово-экономическим значением Переяславца на Дунае, под которым подразумевался Преслав Великий — крупнейший торговый центр Болгарии IX—X вв. Да разве можно приравнивать крупнейший болгарский центр X в. Преслав Великий, окруженный белокаменными стенами и башнями, за которыми прятались богатые дворцы царя, его родственников, придворных сановников, дра-

гоценные сокровищницы, склады с многочисленными припасами, к периферийному небольшому городу-порту на Нижнем Дунае Малому Преславу — Переяславцу?!

Кто знает, как бы стали развиваться в дальнейшем события, если бы планам Святослава суждено было сбыться и центр огромного древнерусского государства переместился бы в Нижнее Подунавье, находившееся в непосредственной близости от границ Византийской империи. На этот счет можно строить какие угодно гипотезы. Но ясно одно: такой шаг повлиял бы на коренное изменение баланса сил и этнополитической ситуации не только на Балканах, но и в более обширном регионе Европы.

ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ

Младший из трех сыновей Святослава был рожден от рабыни по имени Малуша, состоявшей ключницей у Ольги. Правда, некоторые считают ее дочерью древлянского князя Мала, сосланного в Любеч и известного как Малк Любечанин.

Наместником новгородским малолетний Владимир стал во время вынужденного возвращения отца из Болгарии, чтобы отогнать печенегов, осаждавших Киев. Князю пришлось задержаться в столице по требованию умиравшей матери, чтобы «урядить землю». Прибывшие в это время новгородцы просили себе достойного князя, способного судить и предводительствовать на войне, но государственные интересы требовали, чтобы Ярополк замещал Святослава в Киеве, а беспокойных древлян держал в узде воинственный Олег (былинный Вольга). Таким образом, новгородцам пришлось довольствоваться мыслью, что своего князя они воспитают себе сами. Вместе с Владимиром отправился на север его воспитатель и родственник, дядя с материнской стороны, Добрыня.

Пять лет спустя после гибели Святослава между старшими братьями Владимира началась усобица, в результате которой Олег погиб. Ярополк, рассчитывая остаться единственным владыкой Русской земли, заставил Владимира бе-

жать из Новгорода к селям. Через два года тот вернулся с наемной дружиной и освободил свой удел.

Решив борьбу с братом довести до конца, Владимир собрал большое войско со всего севера Руси и двинулся на Киев. По пути он подчинил себе Полоцк, где княжила варяжская династия. Ранее ему было отказано в сватовстве к полоцкой княжне Рогнеде. Тогда она предпочла Ярополка¹. Теперь город был взят, князь Рогволод (Регнвальд?) и два его сына убиты, а Рогнеда стала женой Владимира. «Нормандское герцогство» на Двине вошло в состав русских земель.

Пополнив войско полочанами, а затем смоленскими кривичами, Владимир выступил против Ярополка. Одновременно он тайно установил отношения с его главным советником, воеводой Блюдом, и склонил его на свою сторону.

В битве на пойменном лугу под Любечем войско Ярополка было разбито. Сам он не стал задерживаться в Киеве, бежал в крепость Роден, где был осажден, и в конце концов сдался на милость брата. Вскоре Ярополка убили, якобы против воли Владимира, по приказу выслуживавшегося перед ним Блюда, с тех пор прозванного Блюдом.

С началом правления Владимира существенно меняется характер военных мероприятий государства. Южный участок перестает быть основным. Киевские войска сражаются теперь на всех направлениях, укрепляя границы «империи Рюриковичей» и возвращая утраченное в предшествующий период, укрепляя внутреннее единство огромного государства. Первым предприятием нового киевского князя стал поход 981 г.

Борьба велась за обладание территорией между Западным Бугом и Вислой. Здесь, на пересечении древних торговых путей с востока на запад и с балтийского побережья к черноморскому, в густонаселенной местности уже возникли так называемые червенские города — ровесники Чернигова и Смоленска — Перемышль, Червен и Белз. Установление контроля над ними, безусловно, являлось приоритетным

¹ В.Н. Татишев предположил, что именно этот отказ и стал причиной вражды между братьями.

направлением в политике правительства Владимира Святославича. Возможно, что при Олеге они уже входили в состав Киевского государства, но позже оказались утерянными.

Война была исключительно удачной. Вплоть до начала XIII в. ни одному русскому князю не удавалось так далеко зайти в польские земли, как Владимиру. Одолев поляков, он заключил мирный договор, по которому получил Червенскую землю и наложил на соседей дань.

Едва вернувшись в Киев, Владимир устремился на восток — срочно пришлось вновь покорять вятичей. На следующий год вятичи восстали снова, и в ответ — новый поход.

В 983 г. войско двинулось на северо-запад — оборонять волынские границы от хищных ятвягов. А через год поднялись радимичи, но для приведения их в покорность хватило одного авангарда. 985 г. был отмечен походом на болгар в ладьях при участии торков, шедших берегом¹.

В 988 г. состоялся знаменитый поход на Корсунь. Владимир воспользовался обращением к нему братьев императора Византии Василия и Романа с просьбой о военной помощи. Эту помощь Владимир предоставил, потребовав руки их сестры Анны и императорских регалий.

Греки согласились, выставив встречное требование о крещении Руси, но стали тянуть с выполнением своей части договора. Кстати, сам вопрос о выборе новой веры уже обсуждался в Киеве ранее и был «решен положительно» в пользу православия. Владимир решил действовать примерно таким же образом, каким он ранее заполучил Рогнеду.

Войско, спустившись в ладьях по Днепру, совершило переход морем до Крыма, осадило там византийскую крепость и принудило ее к сдаче: город капитулировал после перекрытия самотечного водопровода. После этого правительство империи ромеев выполнило ранее данные князю обещания.

¹ В литературе принято считать, что поход осуществлялся, скорее всего, против камских болгар, но В.Н. Татищев говорит и о сербах в качестве союзников болгар. Здесь же он упоминает «конная войска русские», а также воланские и черниговские, действовавшие вместе с торками (См.: Татищев В.Н. История российская. М., 1960. Т. 2. С. 57).

Следует отметить, что в это же время шеститысячный русский корпус сражался в составе византийской армии по условиям ранее заключенного договора.

Из похода киевский князь вернулся с новой женой, огромными трофеями и многочисленным греческим духовенством. Вскоре киевляне были крещены, и христианство стало распространяться по Руси, преодолевая яростное сопротивление язычников. Для того чтобы крестить Новгород, пришлось даже организовать целый поход во главе с воеводами Добрыней и Путятой, которые крестили «огнем и мечем». Сами же новгородцы, согласно церковному преданию, разобрав часть моста через Волхов, установили на нем каменет и отстреливались от киевских «крестоносцев». Между прочим, это первое упоминание о применении русскими техники в военном деле.

В 993 г. Владимир ходил «миром» на хорватов и, присоединив их, привел новых «воев» для защиты столицы.

Издавна печенеги были союзниками русов. Они в свое время помогли Киеву освободиться от хазарского ига, постоянно нанимались на службу к русским князьям, не имевшим в то время хорошей конницы, и участвовали во множестве походов вплоть до завоевания Болгарии Святославом. Восточные авторы даже называли их «шипом русийцев». В то же время роль печенегов в русской истории оказалась двойственной. В условиях отсутствия единого государства печенегов, главы одних печенежских «колен» не упускали случая и грабили русские торговые караваны, разоряли славянские села на границе степи, в то время как другие воевали где-нибудь в составе киевского войска. Все же стратегический союз с ними сохранялся даже после убийства Святослава. Для жителей лесостепи «худой мир» с кочевниками был предпочтительнее «доброй ссоры». Печенеги приняли самое активное участие в борьбе за Киев на стороне Ярополка.

Иначе повел себя выросший на севере Владимир, видевший в южных соседях, прежде всего, убийц своего неотмщенного отца и союзников брата-недруга. В то же время следует отметить, что серьезное обострение обстановки на границе, впервые после осады Киева в 968 г., произошло

лишь в связи с событиями, вызванными действиями Варяжко — приближенного Ярополка, мстившего Владимиру за смерть своего господина.

Новый киевский князь не искал мира с кочевниками, но вскоре выяснилось, что имеющиеся в наличии силы, сосредоточенные в нескольких укрепленных пунктах, не в состоянии надежно защитить сельское население Киевщины от печенежских набегов. В летописи, описывающей события 988 г., встречаются слова Владимира о том, что мало городов возле Киева. Звучащая здесь нотка досады может быть воспринята как осознание необходимости перемен. Естественным было последовавшее решение о начале строительства системы форпостов-убежищ от степняков, со временем превратившихся в разветвленную систему крепостей, связанных укрепленными линиями.

По притокам Днепра: Ирпени, Стугне, Трубежу, Суле и другим рекам в короткие сроки возводились городки-крепости с гарнизонами из представителей разных славянских племен, создавших военные союзы. Между этими крепостями сооружались сплошные защитные стены из деревянных срубов, перед ними выкапывались рвы, возводились земляные насыпи. С внутренней стороны к стенам примыкали обширные неукрепленные поселения-лагеря, размещались крупные воинские контингенты. Одновременно обновлялись старые так называемые змиевы валы, насыпанные предками полян еще в III—VI вв. для защиты от сарматов, гуннов и, вероятно, авар. Киевское государство мобилизовало все свои возможности, все ресурсы, чтобы отгородиться от недавних союзников, но развернувшаяся тяжелая борьба не приводила к заметным результатам. Не тогда ли родилась пословица: «Не буди лихо, пока оно тихо»?

В действиях Владимира против печенегов можно выделить несколько этапов. Несмотря на набеги, организованные Варяжко (о которых нет конкретных упоминаний), Владимир в первые годы своего правления был занят войнами с ляхами, вятичами, радимичами и болгарами. Именно походы на них отражены в летописи: наступление по всем азимутам, но на юге — пассивная оборона. По некоторым данным,

Владимир даже нанял печенегов для похода на болгар. В девяностых же годах печенеги становятся главной угрозой. В 993 г. Владимир разбил их на р. Трубеже, но в 996 г. под Василевом потерпел сокрушительное поражение. Князь едва спасся от преследователей, спрятавшись под мост. Там он, судя по всему, пережил несколько неприятных минут, если дал тогда обет — в случае спасения построить в Василеве каменный храм (обет был выполнен, и теперь город называется Белая Церковь).

В следующем году «степное море» окончательно вышло из берегов. Система укреплений только начала возводиться и не являлась пока серьезным препятствием на пути печенежской конницы. Ополчений и дружин южнорусских земель не хватило для того, чтобы сдержать степняков, уже привыкших считать Русь объектом грабежа. Владимир отправился в Новгород «по верховьние вои на Печенеги», но в его отсутствие те нагрянули с новыми силами.

Все лето русские находились в осаде в крепостях, в поле хозяйничали печенеги, грабя и сжигая все окрест. Штурмовать города они не спешили, предпочитая, как и в 968 г., брать их измором. Так, после длительной осады, едва не пал Белгород. Владимир, даже находясь рядом, в Киеве, не мог оказать помощь белгородцам, так как «не бе вой у него». Можно предположить, что город действительно выручила военная хитрость, свидетельством которой стала «легенда о белгородском киселе», позднее записанная автором «Повести временных лет». После этого печенеги исчезают со страниц летописи вплоть до смерти Владимира в 1015 г.

О причинах наступившего затишья можно лишь догадываться. Скорее всего, Владимир проявил гибкость и дипломатическим путем сумел добиться большего, нежели военным. Есть предположение, что в разгар боевых действий против Руси печенеги были отвлечены нападением торков — давних и постоянных союзников Киева. Могли оказать на них воздействие и давившие на них с востока кипчаки. Не исключено, что со временем сказались и меры по укреплению границы.

Характерно, что отношения с печенегами обострились после принятия Русью христианства. Известна истовость

веры новообращенного Владимира. Соответственно должны были теперь измениться и отношения с кочевниками, которые теперь воспринимались как неполноценные «невегласы» или «поганые», т.е. язычники. В то же время необходимо отметить, что христианство сыграло здесь и положительную роль.

Примерно в 1008 г. епископ-миссионер Бруно из Германии по пути к печенегам остановился в Киеве, где был радушно встречен и препровожден затем в кочевья степняков. Со слов епископа, описавшего впоследствии свое путешествие, нам, кстати, известно о созданных на южном степном рубеже инженерных «противоконных» заграждений — «*langissima et fortissima sepes*» — длинной и прочной ограды. По данным хрониста Титмара Мерзебургского, Бруно, отправляясь к язычникам, обещал Владимиру Святославичу помочь восстановить с ними добрые отношения. Тот провожал его до границы своих владений, которая к этому времени находилась в двух днях пути от Киева.

Печенеги согласились, но, по своему обыкновению, потребовали заложника. Аманатом стал один из многочисленных сыновей киевского князя. Был заключен мир, давший славянам несколько лет относительного покоя.

Действия Владимира по укреплению южной границы можно рассматривать как первую в нашем Отечестве военную реформу, поднявшую роль Киева как единого политического и военного центра. Тем самым складывались условия для образования древнерусской народности. Направленные на юг, скорее всего в принудительном порядке, «лепшие мужи», т.е. дружинники племенных княжений, став военными поселенцами, попали в новую среду под непосредственное командование великокняжеских воевод. Они вынуждены были выполнять поставленные задачи по охране и обороне общей границы и постепенно уже начинали воспринимать себя не «кривичами», «волынскими» или «весью», а русичами. В них появилась доселе неизвестная, новая гордость — сознание службы не конкретному сюзерену, пусть даже великому князю («не для ради князя Владимира...»), но самой Русской земле, всему ее народу. Несмотря на то, что именно

тогда и сложилось само понятие — «Русская земля», еще целые века потом оно обозначало главным образом Среднее Поднепровье.

Гарнизоны первых крепостей и военных поселений стали новым постоянным войском, увеличивавшим силу Владимира уже как настоящего феодального монарха, ставя его в один ряд с такими современными ему военными реформаторами, как Карл Великий и Генрих Птицелов. Практически одновременно аналогичные (хотя и несравнимые по масштабам) меры предпринимались датскими конунгами, возводившими свои «Даннеброг» и «Данневирке» поперек самой узкой части Ютландии. Примечательно, что военная реформа Владимира по времени совпала с принятием христианства. Так, новой верой и новой армией Владимир Святой утвердил новую Русь, как бы поставив ее на новое, двуединое и потому особенно прочное основание, на котором она простояла потом еще более девятисот лет, выдерживая все бури, вплоть до начала XX в.

Примечателен и поход Владимира к осуществлению военной реформы. Если первые германские императоры, создавая «полабский легион» для защиты границ от славянских набегов, комплектовали его из уголовников (служба на Эльбе освобождала от наказания), то Владимир сразу же привнес в дело защиты единого Отечества моральный элемент — столь близкую русской душе идею жертвы «за други своя», идею служения государству как средству защиты народа от векового зла, приходящего со степного юго-востока. Вот где корни самобытности организации нашей военной силы, ее коренного отличия от западной, где в основе всегда лежал, прежде всего, материальный стимул.

С Владимира же прекратилось, наконец, и засилье варягов в русском военном деле, хотя они еще долго составляли значительную прослойку в киевской дружине и администрации подвластных земель.

При всех военных заслугах Владимира Святославича в историю он вошел в первую очередь как «Святой и Равноапостольный». Слава крестителя Руси затенила его полководческую деятельность, что само по себе вполне оправда-

но, ибо приобщение к мировой культуре по своему значению превышает все остальное. Ведь сама история рода человеческого есть в первую очередь история культуры как пути человека к Богу, в то время как войны — лишь испытания духа на этом пути.

Крестившись и уяснив основы новой религии, Владимир воспринял их всем сердцем. Он действительно порвал с прошлым и во многом преобразился. Так, буквально поняв первую заповедь, он отказывался теперь казнить разбойников. В этом Владимир оказался последовательнее своих учителей, ибо понял, что лишение жизни, как и дарование ее, есть дело Божье, а не людское. Прежний многоженец стал примерным семьянином. Столкнувшись с сопротивлением сторонников старой веры и будучи убежден (по себе судил?), что «веселие руси есть питье», он устраивал грандиозные пиры для всего населения Киева и «гостей города», чтобы повысить свою популярность. Этим он действительно поразил народное воображение и остался в русских былинах «Красным Солнышком».

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

Великий киевский князь Ярослав Владимирович, сын Владимира Святого, стал единственным правителем Руси, вошедшим в ее историю с прозвищем «Мудрый». При нем молодое древнерусское государство достигло к середине XI в. наивысшего расцвета. По свидетельству «Повести временных лет», он прожил 76 лет, скончавшись в 1054 г., а значит, должен был появиться на свет около 978 г. Однако проводившееся в 30-е гг. XX в. обследование его останков заставило усомниться в достижении им столь преклонного (по тем временам) возраста. Предполагают, что его жизненный путь короче на 8—10 лет. По летописи, его матерью была Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода (варяга по происхождению), насильно взятая Владимиром Святославичем в жены. Хромой от рождения, не будучи старшим в роде, он сумел, однако, пробиться к вершинам власти и на протяжении 35 лет править Русью.

После крещения Руси (988) Ярослав получил христианское имя Георгий и вскоре был посажен отцом в Ростове — одном из самых древних русских городов. Смерть брата Вышеслава, сидевшего в Новгороде, позволила Ярославу перебраться на берега Волхова и надолго связать свою судьбу с северной столицей Руси. Там он женился, там у него появился первый сын Илья, имя матери которого точно не известно (предполагают, что ее звали Анной). По примеру своего отца Ярослав Владимирович там же приступил в начале XI в. к чеканке серебряных монет. На лицевой стороне новгородских сребреников Ярослава помещено погрудное изображение святого Георгия — его христианского покровителя, на оборотной — родовой знак Рюриковичей в виде трезубца и круговая надпись кириллицей «Ярославле сребро». В древнерусском денежном обращении преобладали арабские серебряные монеты — дирхемы, привозившиеся до конца X в. из восточных стран. В XI в. на Русь поступали западноевропейские монеты — денарии. Огромное количество и тех и других обнаружено на территории Восточной Европы в составе многочисленных кладов. Собственная же монетная чеканка, носившая ограниченный характер, не могла обеспечить потребности древнерусского рынка и имела прежде всего представительское значение. В качестве образца для нее были взяты византийские монеты и печати.

Недавно в процессе раскопок в Новгороде Великом археологам посчастливилось найти единственный пока экземпляр свинцовой печати Ярослава Мудрого, подвешенной когда-то к княжеской грамоте. На одной ее стороне изображены святой воин Георгий с копьем и щитом и его имя, на второй — человек в плаще и шлеме, сравнительно молодой, с торчащими усами, но без бороды, а также надписи по сторонам от погрудной фигуры: «Ярослав», «Князь Русский». По-видимому, на печати помещен довольно условный портрет самого князя, волевого человека с горбатым хищным носом, чей предсмертный облик реконструирован по черепу известным ученым — археологом и скульптором М.М. Герасимовым.

Ярослав Владимирович первоначально сидел в Ростове, а затем Владимир Святославич переместил его в Новгород.

Властвуя в качестве наместника своего отца в городе на Волхове, Ярослав Мудрый мечтал о большем. Сидя в далеком Новгороде и опираясь на наемную варяжскую дружину, он внимательно следил за развитием ситуации на юге Руси, где с постаревшим великим киевским князем конфликтовал его пасынок — Святополк. По-видимому, Ярославу стало известно и о надвигавшейся из степей печенежской орде, против которой позже отправился в поход с киевской дружиной его брат Борис Владимирович.

Улучив благоприятный момент, Ярослав Владимирович в 1014 г. при поддержке влиятельного новгородского боярства заявил о неподчинении Киеву, отказавшись выплачивать причитавшуюся великому киевскому князю часть дани — 2 тыс. из собиравшихся ежегодно в Новгороде 3 тыс. гривен серебра. Именно с этого проявления новгородского сепаратизма началась ожесточенная борьба Ярослава Мудрого за власть, борьба, в ходе которой не оставалось места для проявления каких-либо родственных чувств.

Чтобы проучить строптивого сына, Владимир Святославич приказал готовиться к походу на Новгород, строить мосты и расчищать труднопроходимые лесные дороги. В разгар подготовки к войне старый государь Руси неожиданно умер в селе Берестове под Киевом 15 июля 1015 г. Ярослав же тем временем с целью усиления войска нанял в Скандинавии крупный отряд воинов-варягов под командованием Эймунда. В ожидании сражений наемники-варяги вели себя буйно и разгульно, бесчинствовали на улицах древнего Новгорода, совершали насилия над его жителями. Возмущенные новгородцы в одну из августовских ночей 1015 г. напали на своих обидчиков и перебили множество варягов, составлявших боевое ядро дружины Ярослава. Разгневавшись, новгородский князь жестоко отомстил горожанам, лучшие из которых были по его приказу безжалостно истреблены дружинниками в ту трагическую ночь. К утру, как свидетельствует «Повесть временных лет», из Киева от любимой сестры Предславы в Новгород прискакал гонец с неожиданным сообщением о кончине Владимира Святославича и захвате власти в Киеве его старшим приемным сыном Святополком Ярополчицем.

Стремившемуся занять киевский престол Ярославу пришлось горько сожалеть о ночной расправе, ослабившей его в решающий момент. Нуждаясь в поддержке и военной помощи новгородцев, властолюбивый князь сразу же обратился к ним со словами примирения: «О любя моя дружина, юже вчера избих, а ныне быша надобе».

Вскоре приступили к формированию и снаряжению войска для похода на Киев, в его состав вошли 1000 дружинников-варягов и новгородское ополчение, которое, вопреки данным «Повести временных лет», вряд ли достигало 40 000 воинов. Закипела работа кузнецов-оружейников, ковавших боевые топоры, наконечники копий и стрел. Искусные плотники построили немало речных ладей. Поход Ярослава Мудрого из Новгорода в Южную Русь начался осенью 1015 г.

Тем временем развернувшаяся на Руси междоусобная борьба за власть приобретала все более кровавый характер, порождая все новые и новые жертвы. Ими стали в первую очередь сыновья Владимира Святославича, братья Ярослава Мудрого Борис и Глеб, которые позже будут канонизированы как первые русские святые. Их трагическая гибель описана и в «Повести временных лет», и в написанном Нестором «Чтении о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба», и в «Сказании о Борисе и Глебе». Старший из братьев Борис (на иконах и крестах он, в отличие от младшего Глеба, обычно изображался с усами и бородой) родился вскоре после 988 г. и получил после крещения христианское имя Роман. Следовательно, к 1015 г. ему едва исполнилось 25 лет. До этого он успел уже посидеть в качестве наместника великого киевского князя и на северо-востоке Руси, в Ростове, и на западе, во Владимире-Волынском, откуда отец незадолго до смерти вернул его в Киев, очевидно, из-за обострившихся отношений с сидевшим в Турове Святополком, который считал Владимир своим владением. В момент кончины Владимира Святославича, в июле 1015 г., он возвращался во главе отцовской дружины из похода против печенегов и после получения печального известия стал лагерем на р. Альте, на расстоянии однодневного перехода от Киева.

По древнерусским письменным источникам, Борис, проявив нерешительность и покорность судьбе, отказался пойти войной на старшего сводного брата и лишился большинства дружинников. Воспользовавшись этим, Святополк подослал к нему убийц — вышегородских мужей боярских во главе с Путшей, ночью 24 июля заколовших копьем в шатре Бориса Владимировича. А добили едва дышавшего князя ударом меча в сердце два варяга. Такова летописная версия, оформившаяся гораздо позже, уже в период господства Ярослава Мудрого на Руси, когда книжники старались представить все события междоусобной борьбы Рюриковичей в выгодном для него свете, обвинив в братоубийстве одного лишь Святополка, получившего прозвище «Окаянный».

По свидетельству древнерусских источников, Святополк, убрав Бориса, не успокоился на этом, а продолжил устранение соперников. Как и Борис Владимирович, младший брат Глеб (в крещении — Давид) был рожден от болгарыни, одной из пяти жен Владимира Святославича. В год смерти отца он сидел наместником в старинном Муроме на р. Оке, где старался распространить христианскую веру, чему яростно противодействовало местное население — закоренелые язычники. Из-за этого княжеская резиденция даже располагалась не в самом городе, а в его окрестностях. Неясно, в силу каких причин он отправился в августе 1015 г. из Мурома в Киев речным путем, а не по суше. На Днепре, в районе Смоленска, наступил смертный час Глеба Владимировича, вряд ли даже помышлявшего поднять руку на Святополка Окаянного, но безжалостно убитого в ладье своим поваром. Вскоре убийцы, подосланные великим князем Киевским, лишили жизни еще одного из братьев — Святослава, сидевшего в земле древлян.

Иная, и весьма противоречивая, информация о кровавых междоусобицах 1015—1019 гг. на Руси содержится в одной из исландских саг — «Пряди об Эймунде», записанной в XIII в. и посвященной деятельности скандинавского конунга (предводителя) Эймунда, который вместе с дружиной поступил на службу к русскому князю Ярицлейву (явно искаженное имя Ярослав). По указанию Ярицлейва дружина Эймун-

да дважды совершала походы против его брата Буришлава, и в третий раз последний был убит скандинавскими наемниками. Невозможно однозначно утверждать, кто же именно из реальных исторических деятелей XI в. скрывается под именем Буришлава: Борис Владимирович, польский король Болеслав Храбрый, участвовавший в походе Святополка на Ярослава или либо даже сам Святополк Окаянный. В «Пряди об Эймунде», как и в прочих скандинавских сагах, наряду с реалиями встречается немало традиционных мотивов и стереотипов подвигов викингов, кочующих из одной саги в другую. Их свидетельства нельзя воспринимать буквально, без строгого критического разбора и сопоставления с другими источниками.

Тем не менее, основываясь на «Пряди об Эймунде», кое-кто из ученых считает именно Ярослава Мудрого виновником гибели Бориса, отождествляемого ими с Буришлавом. Окончательно установить степень вины Ярослава Владимировича в братоубийственных междоусобицах вряд ли когда-нибудь удастся, ибо слишком мало сохранилось достоверных данных.

Как бы то ни было, нельзя безоговорочно приписывать все злодеяния периода борьбы за власть в 1015—1019 гг. одному лишь Святополку. Ярослав Владимирович не в меньшей степени был заинтересован в устранении своих братьев-соперников, но оказался победителем, а победителей, как известно, трудно судить.

Первая схватка между ратями Ярослава Мудрого и Святополка Окаянного состоялась в 1016 г. под Любечем, севернее Киева. Воины Святополка подсмеивались над участниками новгородского ополчения, называя их плотниками, а их князя — хромцем. Святополк был разбит и оставил Киев, перешедший в руки Ярослава, недолго, однако, торжествовавшего победу. Уже через год он потерпел поражение от Святополка, опиравшегося на военную помощь кочевников-печенегов и своего тестя, польского короля Болеслава Храброго, который также стремился к установлению своего господства в Южной Руси. Это, естественно, не могло понравиться Святополку, претендовавшему на единоличную

власть и потому вскоре изгнавшему отряды поляков из Киева. Оказавшись без польской поддержки, князь Святополк в 1019 г. был разгромлен в решающей битве на р. Альте Ярославом Мудрым, сумевшим к тому времени нанять за деньги новгородцев новый варяжский отряд. Святополк погиб при бегстве из Руси при весьма загадочных обстоятельствах, но очевидно, не без участия Ярослава.

Став в 1019 г. великим киевским князем, Ярослав продолжал опасаться соперников. В первые годы правления его положение в Киеве не было прочным. Получив известие о походе своего брата Мстислава из далекой Тмутаракани в Южную Русь, он отправился в 1024 г. за военной помощью в Новгород, где узнал о восстании жителей Суздаля, страдавших от голода. Придя в Суздальскую землю, Ярослав Мудрый подавил мятеж и сурово расправился с его зачинщиками — волхвами, призывавшими грабить хлебные запасы богатей. Вскоре в Новгород приплыл отряд наемников-варягов во главе с Якуном (Гаконом), и теперь можно было начинать войну с Мстиславом Владимировичем, севшем на княжеском столе в Чернигове. Решающая битва состоялась в 1024 г. в дождливый день с грозой и молнией под Лиственом, где ополчение северян и дружина Мстислава, в которую входили наряду с русскими касоги (черкесы) и хазары, оказались сильнее наемного войска Ярослава, бежавшего после поражения в Новгород. В течение двух лет он не решался перебраться в Киев, управляя им через своих наместников, а возможно, и племянника, полоцкого князя Брячислава, с которым ранее (в 1021 г.) воевал из-за спорной территории в бассейне Западной Двины. Во всяком случае, в Киеве в XI в. существовал «двор Брячиславль».

В 1026 г. Ярослав Мудрый вернулся в Южную Русь и заключил мир с Мстиславом. По его условиям братья разделили Русскую землю по Днепру: Ярослав, сидевший в Киеве, властвовал на правом берегу и в северо-западных областях, а в руках Мстислава Черниговского находилось Днепровское левобережье. Лишь после кончины брата Ярослав Владимирович с 1036 г. вновь стал единоличным правителем Руси, а старшего своего сына Владимира посадил в Новгороде и поставил там епископом Жидяту.

В борьбе за власть и в стремлении ее удержать любой ценой Ярослав Мудрый не испытывал братских чувств. В 1036 г. им был посажен в тюрьму («поруб») оклеветанный Судислав Владимирович, сидевший во Пскове. Целых 24 года довелось ему провести в темнице, пока после смерти Ярослава Владимировича племянники Изяслав, Святослав и Всеволод не освободили несчастного дядю, взяв с него клятву не участвовать в политической деятельности и уйти в монастырь.

В причерноморских степях во времена Ярослава Мудрого продолжали господствовать кочевники-печенеги, хотя с востока их стали вытеснять более мощные половецкие орды. Для защиты от них к югу от Киева сооружались новые крепости. В 1036 г. Ярославу удалось разгромить печенежское войско, подступившее к Киеву; «сеча зла» состоялась на месте, где чуть позже возвели Софийский собор.

Ярослава Мудрого беспокоила ситуация на западных рубежах Руси, через которые проходили важные торговые пути в соседние страны Европы. В период междоусобной борьбы за Киев польский король Болеслав Храбрый, захватив Червенские города, стал властвовать в землях вдоль среднего течения Западного Буга. Завоевание этой области великий князь киевский начал в 1022 г. с летописного Берестя, позже присоединил Белз, а в 1031 г. в результате совместного похода с Мстиславом Черниговским — все Червенские города. Захваченных тогда в плен поляков Ярослав расселил к югу от Киева, в бассейне р. Рось, где построил грады-крепости. Затем в 1043 г. был заключен союз с Польшей, скрепленный браком польского князя Казимира и сестры Ярослава. Поддерживая нового союзника, русские воевали с целью подчинения ему одного из непокорных племен — мазовшан.

Многое связывало Ярослава Мудрого с Северной Русью и ее ведущим центром — Новгородом, откуда он не раз отправлялся покорять Киев, где отсиживался, потерпев поражение. Через Новгород князь поддерживал тесные отношения со Скандинавией. Для укрепления позиций Руси в соседней Прибалтике Ярославом был основан в землях древних эстов (летописной чуди) город-крепость Юрьев (ныне Тарту, в Эстонии), получивший название по его христианскому имени — Георгий (Юрий).

При Ярославе Мудром значительно повысился международный авторитет древнерусского государства. Второй его женой стала Ирина-Ингигерда, дочь шведского короля Олафа. Ярослав передал ей в управление Ладогу (Альдейгьёборг скандинавских саг) с округой, а Ингигерда посадила там своего знатного родственника. Одну из своих дочерей, Елизавету Ярославну, они в 1043 г. выдали замуж за Харальда Жестокоего (Сигурдасона), короля Норвегии. Еще одна, Анна, стала супругой французского короля Генриха I, а после его кончины — регентшей при малолетнем наследнике-сыне. Сохранилась ее кириллическая подпись на одном из документов. Впоследствии она вторично вступила в брак с одним из аристократов Франции. Один из сыновей Ярослава — Всеволод (отец Владимира Мономаха) женился на византийской принцессе; другой, Изяслав — на сестре польского короля; еще один сын, Святослав — на немецкой графине. Как видим, многие правящие фамилии средневековой Европы считали за честь породниться с великим киевским князем. При его дворе нашли пристанище и сыновья разгромленного датчанами английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, и изгнанный из Норвегии король Олаф Святой с сыном и братом.

При Ярославе в 1043 г. был совершен последний, оказавшийся неудачным, поход Руси на Константинополь, возглавлявшийся его сыном Владимиром. Информация о нем содержится как в «Повести временных лет», так и в византийских источниках. Гораздо меньше сведений сохранилось о предыдущем появлении отряда русов на Босфоре в начале правления Ярослава Мудрого. В конце правления императора Василия II Болгаробойцы (976—1025) в проливе Босфор, перед византийской столицей, неожиданно оказалась флотилия однопалубных русов под предводительством родственника великого киевского князя Владимира Святославича, носившего прозвище Хрисохир («Золотая рука»). Незваные пришельцы (среди них, очевидно, преобладали наемники-варяги) собирались якобы поступить на византийскую службу, однако не подчинились требованию императора сложить оружие и приступить к мирным переговорам. Хрисохир су-

мел прорваться к Авидосу и разгромить отряд стратига Пропонтиды, а затем появился у острова Лемнос, где обладавшие значительным превосходством византийцы окружили и уничтожили русов.

Но вернемся к походу 1043 г. Через три года удалось заключить новый русско-византийский договор, урегулировавший спорные проблемы в отношениях между Русью и Византией.

В реальной политике Русь выступала в XI столетии как вполне суверенное государство, проявлявшее имперские амбиции, в том числе в идеологии, что зародилось еще при Владимире Святославиче, но особенно характерно для эпохи Ярослава Мудрого. Они проявились, в частности: в чеканке древнерусских серебряников и златников по образцу византийских монет; распространении свинцовых вислых печатей; в возведении в столице Руси Софийского собора в подражание грандиозного собора Св. Софии в Константинополе, построенного императором Юстинианом I Великим в 532—537 гг.; в наименовании главных ворот Киева Золотыми по подобию константинопольских Золотых ворот; в титуловании великого киевского князя «самодержцем», «каганом» и «царем» (кесарем); наконец, в идеологическом обосновании особой роли правителя Руси в «Слове о законе и благодати» Илариона. До него митрополитами на Руси были греки.

Священник княжеской церкви Св. Апостолов в с. Берестово под Киевом стал первым русским (по национальности) митрополитом, избранным в 1051 г. на соборе епископов по воле Ярослава Мудрого, стремившегося добиться независимости от константинопольского патриарха. Он утверждал идею богоизбранности русских и вселенского значения Киева. Отвергая притязания Византии на господство над другими народами, недавно обращенными в христианство, киевский митрополит Иларион отстаивал равноправие Руси среди христианских государств. И в «Слове о законе и благодати» середины XI в., и в «Повести временных лет» начала XII в. великий киевский князь Владимир Святославич, крестивший Русь, сравнивается с императором Константином,

при котором христианство стало официально признанной религией в Римской империи.

Ярославу Владимировичу принадлежит заслуга распространения на Руси письменного законодательства — «Русской Правды». Древнейшая ее часть, именуемая «Правдой Ярослава» и состоящая из 17 статей, была дана им новгородцам, по-видимому, в 1016 г. В ней вводилась система денежных штрафов за уголовные преступления, посягательство на жизнь и достоинство представителей разных слоев населения, но сохранялись еще пережитки родового права — кровной мести. Позже, в 20—30-е гг. XI в., укрепившись на киевском великокняжеском столе, Ярослав дополнил «Древнейшую Правду» новыми статьями. Наряду с «Русской Правдой» получили распространение и церковные своды законов — уставы, наказывавшие за преступления против морали.

Ярославом Мудрым немало сделано для распространения на Руси христианской веры. При нем в Киеве с помощью греческих мастеров велось активное каменное строительство. Самой грандиозной постройкой, заложенной в 1037 г., стал Софийский собор — центр митрополии Руси. На одной из фресок храма изображена семья Ярослава Владимировича. В соборе находились книгописная мастерская, библиотека, школа.

Ярослав создал новую систему укреплений вокруг центра Киева, от которой до нашего времени сохранились лишь остатки Золотых ворот. Когда-то их завершала каменная Благовещенская церковь. С именем великого киевского князя связано основание монастырей Св. Георгия и Св. Ирины в Киеве.

В 1050 г. скончалась супруга Ярослава — Ингигерда, а двумя годами позже умер их старший сын Владимир и был погребен в новгородском Софийском соборе, который сам же и воздвиг. Немного оставалось жить и великому князю киевскому, достигшему к 1054 г. весьма преклонного возраста. Незадолго до смерти к нему пришла весть о появлении у Всеволода Ярославича и его жены-гречанки сына Владимира, прославившегося впоследствии под прозвищем Мономах в качестве полководца и государственного деятеля.

Почувствовав приближение смерти, Ярослав Мудрый в 1054 г., по свидетельству «Повести временных лет», дал наставление сыновьям своим: «...Имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим, но живите мирно, слушаясь брат брата». Киев завещал он старшему из сыновей — Изяславу, Святославу достался Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир, а Вячеславу — Смоленск.

Похоронили Ярослава Мудрого в построенной им Киевской Софии. Там до сих пор стоит каменная гробница с его останками. На одной из стен Софийского собора сохранилась процарапанная надпись-граффити: «В лето 6562 (1054 г. — В.П.) месяца февраля в 20 успение царя нашего». Она сделана в момент кончины Ярослава Мудрого, названного царем.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Один из наиболее выдающихся государственных деятелей и полководцев Киевской Руси Владимир (Василий) Всеволодович Мономах родился в 1053 г. за год до смерти своего деда — Ярослава Мудрого. Своим прозвищем Владимир обязан деду по матери — византийскому императору Константину Мономаху. Детские годы Владимира прошли в Переяславле Южном — столице Всеволода Ярославича, где княжич получил хорошее образование, что проявилось позднее.

С детства начал он постигать главную премудрость князя — науку управления государством. Это были спокойные годы. Разгромленные дедом печенеги перестали тревожить русские земли, в 1055 г. Всеволод с братьями разгромил подошедшие к границе племена торков. Однако вскоре из степи появился новый страшный враг — половцы. Беззаботное детство прервалось в 1061 г., когда они, впервые напад на Русь, разбили войско Всеволода и осадили Переяславль.

В тринадцать лет Владимир Всеволодович начал взрослую жизнь, направившись, по поручению отца, в Ростов че-

рез землю вятичей, еще не вполне покоренных киевскими князьями и в массе своей остававшихся язычниками. С этого времени жизнь Владимира превратилась в сплошную череду походов и войн. Сначала — междоусобных, а затем — и с внешним врагом. Вскоре Всеслав Полоцкий «рать почал», и Ярославичи втянулись в изнурительную усобицу, но едва лишь Полоцкое княжество, дорогой ценой, было покорено и Всеслав оказался в тюрьме — «порубе», как снова нагрянули половцы.

В несчастной битве на р. Альте, закончившейся разгромом Ярославичей, повлекшей восстание в Киеве и изгнание Изяслава Киевского, Владимир, скорее всего, не участвовал. Ему хватало забот. До своего 25-летия он, по подсчетам Б.А. Рыбакова, успел покняжить не менее чем в 5 городах, включая Смоленск и Владимир Волынский, совершить до 20 «великих путей», переходя, по приказам отца и дяди Святослава, с места на место на огромном пространстве от Новгорода до Глогова в Чехии, воюя то с поляками, то с половцами, а более всего с полочанами и двоюродными братьями — сыновьями Изяслава и Святослава.

Когда-то, между походами, Владимир женился на Гите, привезенной из Дании сироте — дочери последнего саксонского короля, убитого норманнскими завоевателями. В Смоленске, во время похода в Чехию, родился его старший сын — Мстислав.

После битвы на Нежатиной Ниве в 1078 г., когда погиб от предательского удара в спину Изяслав Ярославич, великим князем стал Всеволод. Владимир же Всеволодович на 16 лет занял черниговский престол, а сыновья Святослава Ярославича, длительное время правившего этим городом, были удалены и стали погибать при невыясненных обстоятельствах. Жизнь Владимира Всеволодовича в этот период приобрела некоторую стабильность, но по-прежнему проходила в непрерывных войнах на два фронта.

При обороне южной границы Владимиру приходилось поворачивать на северо-запад и давать отпор Всеславу Полоцкому. Опустошив, вместе со смолянами, полоцкие земли под Дрюцком, Лукомлем и Логожском, Владимир воз-

вращался домой как раз к очередному половецкому набегу. Зимой половцы «повоеваша Стародуб весь», и вот с черниговцами и какими-то дружественными половцами Владимир мчится наперехват уходящим налетчикам и на Десне берет в плен «князей» Асадука и Саука, перебив их отряды, а уже «заутре», за Новгородом-Северским, рассеивает большое войско хана Белкатгина и освобождает пленных.

И так — из года в год, а кроме того — усмирение восставших торков, зимние походы в Брянские леса (против последних вятичских племенных князей), поход в Галичину (против Изяславичей), захват полоцкой крепости Минска, в котором Владимир, по его собственному признанию, не оставил «ни челядина, ни скотины». Все же свое свободное от походов, хозяйственных и государственных дел время Мономах проводит на охоте, вступая в единоборства с опасными зверями. В прошлом веке в лесах под Черниговом был найден золотой амулет — «змеевик», судя по надписи, принадлежавший Владимиру Всеволодовичу. Скорее всего, он был потерян именно на охоте. В эти же наполненные опасностями годы Владимир строит в Любече мощный деревянный замок — убежище «на крайний случай».

Лето 1084 г. Владимир провел в гостях у брата Ростислава, в Переяславле, сторожа границу. Братья вместе выходили в степь за р. Супой. Активные боевые действия начались в сентябре. Подъезжая к городку Прилуку, Всеволодовичи внезапно столкнулись с 8-тысячным половецким войском. Братья не растерялись и хотели биться, но оказалось, что брони на возах были отправлены вперед. Пришлось спасаться за стенами (всю жизнь потом вспоминал Владимир эту оплошность).

Осаждать Прилук половцы не стали, и 8 сентября русское войско выступило к городку Белая Вежа, что на р. Остре. Там удалось разбить еще один половецкий отряд, истребив его целиком — «два мужа толко утекоста», захватить двух «князей» — «Багубарсовых братьев: Асеня и Сакзя».

Едва отбили половцев на левом берегу Днепра, как пришлось мчаться на правый и здесь биться с ними сначала под Торческом, затем совершать броски к Юрьеву, Красну, Ва-

рину, везде грома орды грабителей, а после — новый поход на Волынь.

Состарившийся Всеволод утрачивал контроль за государственными делами. Владимиру все в большей степени приходилось брать управление государством на себя. По поручению отца он снова воюет с Ярополком Изяславичем и заключает с ним мир, после чего тот был вскоре заколот собственным дружинником неизвестно по какой причине. В начале 90-х гг. половецкий натиск усилился. В 1092 г. степняки разорили три городка. Организовать эффективный отпор им тогда не удалось. Вскоре Всеволод умер. Новым киевским князем, как старший в Ярославовом роду, стал Святополк Изяславич. Владимир мог бы сохранить за собой Киев, но уступил. Возможно, из опасения нового половецкого нашествия.

На следующий год война с половцами под руководством неопытного Святополка закончилась страшным разгромом и разорением Киевщины. Разбитое войско русских князей бежало с поля битвы из-под Треполя. В водах разлившейся р. Стугны Владимир потерял брата Ростислава и чуть было не утонул сам. В дальнейшем Святополк и Владимир действовали порознь. Киевский князь, пытавшийся оказать помощь осажденному Торческу, снова был разбит. Зато Мономах сумел защитить Левобережье, и более того — ему удалось, после боя у Халепа, на правом берегу, заключить с половцами почетный мир, обменявшись с ними пленными, выручить своих дружинников.

В 1094 г. ослабленного после прошлогодних боев Мономаха осадил в Чернигове Олег Святославич, приведший с собой огромные силы половцев. Видя бесполезность сопротивления, Владимир уступил Святославичу город его отца и вынужден был уйти в Переяславль. Менее сотни дружинников охраняло обоз с женщинами и детьми, двигавшийся «сквозь полки половецкие», и половцы облизывались поволчьи, глядя, как ускользает добыча. С тех пор Чернигово-Северская земля стала достоянием потомков Олега и его брата Давыда, известных в летописях как Ольговичи.

Начался новый, 20-летний, переяславский период в жизни Владимира Всеволодовича. Основным содержанием его

стала практически непрерывная борьба с половцами, объединение сил русских княжеств для обороны южной границы.

Эта война не знала жалости к врагу. Более 30 лет набегов и разорения ожесточили сердца. Когда в 1095 г. орды двух ханов с миром подошли к Переяславлю, Владимир нарушил закон гостеприимства и убил этих вождей, напросившихся к нему в гости. Для этого ему пришлось отдать одного из сыновей заложником, гарантируя безопасность хана Итлара, вошедшего в город, но рискованная комбинация закончилась удачно. После убийства в городе хана со свитой верные дружинники выкрали княжича из шатра, заодно заколов и его хозяина. Не теряя времени, той же зимой Владимир совместно со Святополком совершили первый поход в степь и вернулись с добычей. В следующем году ими была одержана крупная победа над половцами хана Тугоркана под Переяславлем, причем сам Тугоркан был убит. После гибели этого главы мощного половецкого объединения на службу к Владимиру стали переходить подвластные ранее половцам мелкие племена кочевников. Постоянная борьба переяславского князя со степняками поднимала его авторитет среди народа и, главное, — в глазах киевского боярства, от которого зависел выбор очередного великого князя.

В 1097 г. Владимир Мономах попытался собрать княжеский съезд, чтобы осудить своего главного противника Олега Черниговского, обвинив его в дружбе с половцами, но добиться этого ему не удалось. Любечский съезд лишь укрепил уже существовавшее фактическое раздробление Руси: «каждо да держит отчину свою», но это не прекратило усобиц. Вскоре после него волынский князь Давыд Игоревич, действуя в союзе с великим киевским князем Святополком Изяславичем, ослепил Василька Ростиславича Тербовльского. Это злодеяние вызвало новую феодальную войну. Лишь в 1100 г. русские князья примирились между собой. Восстановился союз Святополка и Мономаха, и появилась возможность для нового удара по половцам.

Весной 1103 г. Владимир Всеволодович смог уговорить своего союзника выступить в поход очень рано, когда половецкие кони еще не набрали сил после зимовки. В походе

приняли участие еще шесть князей, в том числе и Давыд Святославич. Половецкое войско было разбито в четырех днях пути от днепровских порогов благодаря успешным действиям русской «сторожи» — авангарда, выполнявшего роль походного охранения и разведки.

Половцы, по крайней мере их правобережная группировка, не прекратили свои набеги, и в 1107 г. у пограничной крепости Лубен на р. Суле произошло еще одно крупное сражение. Теперь были разбиты группировки ханов Боняка и Шарукана. На этот раз вместе с Владимиром был и Олег.

Достигнутый перелом в ходе войны позволил перенести боевые действия на территорию противника — в степь. Зимой 1109 г. удачный рейд в глубь Дикого поля совершил воевода Мономаха Дмитр Иворович, захвативший у Дона «тысячу веж» — половецких кибиток.

Триумфом Мономаха как организатора и объединителя усилий русских князей в борьбе с общим врагом стал его «крестовый поход» на половецкие города-зимовья 1111 г., увенчавшийся победой на р. Сальнице. Этот поход закрепил наметившийся перелом в войне с половцами и поднял русское военное искусство на новую ступень своего развития.

В 1113 г. умер Святополк Изяславич Киевский, и начавшееся после этого восстание киевлян заставило боярство обратиться к Мономаху с предложением занять киевский престол. Став великим князем в 60 лет, Владимир Всеволодович показал себя мудрым государственным деятелем и законодателем. При нем «Русская Правда» была дополнена важными статьями, направленными на ограничение злоупотреблений ростовщиков, защищавшими некоторые права зависимых сельских работников-закупов (право на подачу жалобы, на штраф за обиду, гарантии личной свободы, право свидетельствовать в суде). Ряд статей «Устава Володимеръ Всеволодича» защищал интересы купечества (о льготах потерявшим товар, льготы иностранным купцам). Впервые в нашей истории Мономах высказался, хотя это и не нашло отражения в законодательстве, и о необходимости исключения смертной казни как вида наказания за убийство. Ранее он, как это явствует из его письма Олегу Святославичу, во-

шедшему в летопись, примирился с этим виновником смерти своего сына.

Гражданская деятельность Владимира Мономаха включает и такой малоизвестный эпизод, как спасение от погрома киевских евреев, дошедший до нас только в пересказе В.Н. Татищева. Вступив в 1113 г. в столицу Руси, князь застал там избиение «...жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорились...». Прекратив беспорядки, Владимир Всеволодович столкнулся со «всенародным» требованием «управы на жидов» и вынужден был для решения данного вопроса собрать княжеский «снемь». Съехавшиеся в Выдубицкий монастырь отовсюду князья, «по долгом разсуждении», постановили изгнать из страны всех евреев с запретом когда-либо возвращаться под страхом смерти, что и выполнялось до установления польско-литовского владычества на землях Юго-Западной Руси.

Используя накопленные для борьбы с половцами военные ресурсы, Мономах контролировал всю Русскую землю и правил ею властной рукой. Владимир был милостив к мятежникам, но за повторно начатую усобицу карал беспощадно. Сыновья Мономаха успешно воевали с чудью на севере (Мстислав), с болгарами на востоке (Юрий) и с половцами на юге. Переяславский князь Ярополк Владимирович продолжал походы против степняков (в 1116 и 1120 гг.), после которых они бежали на Кавказ и в Венгрию. Он же ходил на Дунай подчинять Киеву вольные дунайские города. Полоцкая земля была покорена. Ее окончательное (хотя и временное) присоединение к Киеву произошло уже после смерти Владимира, в 1127 г. С 1122 г. были восстановлены дружественные отношения с Византией, ставшие теперь традиционными. Умер Владимир Мономах в 1125 г., в возрасте 72 лет, передав сыну Мстиславу Великому огромную державу.

Следует особо остановиться на боевом опыте этого выдающегося полководца, имя которого прогремело по всей Европе и Передней Азии. Главной заслугой Владимира Всеволодовича является то, что он, еще не став великим князем,

силой своего авторитета сумел объединить прочих князей на борьбу с врагом, разорвавшим Русь, а также то, что он ценой колоссальных усилий сумел вырвать у половцев стратегическую инициативу и перенести войну на их территорию и серией последовательных ударов заставил держаться подальше от русской границы. С отражением в 1113 г., под крепостью Вырь, последней попытки половцев вернуть себе инициативу в войне оставалось лишь добивать их, что и было выполнено Ярополком в походах, в 1116 и 1120 гг.

Такие качества характера Владимира Всеволодовича, как огромное трудолюбие и энергия, определили и черты его полководческого таланта. Как военачальник он вырос на границе в постоянных тревогах, среди рейдов и погонь. Стиль Мономаха-полководца — максимальная быстрота, внезапность, решительность (из Чернигова к осажденному полочанами Смоленску — форсированным маршем — одвуконь¹⁾). Молниеносные, скрытые марши и столь же стремительные нападения (1096, 1107, 1113 гг.). Быстрота действий, стремление решить кампании и войны сражением, разгромом противника, ведение войны на уничтожение его живой силы — качества, которые во все времена отличали выдающихся полководцев! Единственное свое крупное поражение (на Стугне) Мономах потерпел из-за того, что его инициатива была скована чужой волей, а к его советам не прислушались.

Другая сторона военного дарования Владимира Всеволодовича — это вдумчивость и методичная последовательность в действиях, доводящая противников до капитуляции. Так же как половцев, теснит он полочан, сжигая город за городом. Сильная воля, ясный, уравновешенный ум, выдержка, терпение, трудолюбие и целеустремленность в сочетании с большой осторожностью. Личная проверка караулов — его еженощное правило. Место ночлега он выбирает сам. Ни в чем он не полагается на воевод, все решения принимает лично и всегда проверяет их исполнение. Особое внимание — «сто-

¹ «Ехать двуконь или одвуконь — верхом с подручной или запасной лошадей». В. Даль. (Примеч. ред.)

роже» — разведке и походному охранению. Не потому ли русская разведка и превосходила половецкую, что особенно проявилось в походе 1103 г. и во многом предопределило исход битвы на Сутени?

Мономах — несомненно творческая личность. Его творчество как полководца проявилось и в организации необычно ранних весенних походов, и в посылке зимнего санного рейда по половецким кочевьям, когда пехота не отставала от конницы, и в использовании против конного противника большого количества пехоты в походе 1111 г. Отправляясь в самое сердце «Дикого поля», Владимир Всеволодович отдавал себе отчет, что действовать ему с союзниками, скорее всего, придется в окружении, при явном численном превосходстве противника, у него дома. Поэтому, чтобы исключить всякие случайности, придать боевым порядкам большую устойчивость и уменьшить численный перевес половцев, решено было взять как можно больше пехоты. Она должна была использоваться как основа боевого порядка, как живое укрепление, опора маневрирующей конницы и укрытие для нее. Пехота нужна была и для возможного штурма укреплений половецких «городов». Принимая такое решение, Мономах шел на немалый риск, т.к. в случае поражения маневренных сил пехота без конницы в степи была бы обречена. Особо важно отметить, что со времени битвы на Сальнице мы можем говорить и об эшелонировании боевых порядков русских войск, т.е. об усилении их построения в глубину и создании резервов, что было вызвано новыми условиями ведения боя в окружении и, возможно, произошло тогда, впервые и стихийно, под воздействием противника; выражаясь военным языком — в ходе марша в предвидении встречного боя.

Говоря о наступательной стратегии и тактике Мономаха, необходимо отметить, что куда менее он известен как организатор масштабных фортификационных работ по укреплению южной границы, в первую очередь — Посулья. Новейшие исследования позволяют считать, что за годы его княжения в Переяславле здесь было сооружено не менее 15 «типовых» крепостей, которые отличает единство новой,

более прогрессивной схемы (в форме правильного круга), что позволяло строить укрепления без привязки к естественным укрытиям (речным мысам, высотам), даже на ровном месте, там, где это было наиболее целесообразно для прикрытия рубежа реки Сулы (над бродами). Таким образом, Мономаху, как верно отметил археолог Ю. Моргунов, «принадлежит заслуга комплексного подхода к степной политике и сочетание им активных и пассивных методов защиты границ».

Отдавая должное Владимиру Мономаху как стратегу, историки, и военные в том числе, ничего не говорят о нем как о тактике, а если говорят, то касаются лишь заключительной части его военной карьеры. Между тем длинный ряд его побед в боях, не отмеченных киевским летописцем и упомянутых им в «Поучении», без точной хронологии, как бы между прочим, свидетельствует о том, что в молодости это был выдающийся «кавалерийский начальник».

В безусловную заслугу Мономаху следует поставить и использование на войне духовенства, религиозного воспитания для укрепления морального духа войск, особенно в тяжелой, гнетущей обстановке дальнего похода по вражеской территории.

Славен Владимир Всеволодович еще и тем, что создал фактически первый на Руси труд по военной педагогике. Его знаменитое «Поучение» — не только ценнейший источник по военной истории и первый памятник военно-мемуарного жанра в нашей литературе, но и наставление по обучению будущего полководца и воина вообще. Далеко не всегда являясь примером христианской морали в отношениях со своими личными врагами, Мономах был или умел казаться таким примером в качестве правителя и защитника Руси, что нашло свое отражение и в «Поучении». На первое место в своих воззрениях на воспитание будущих правителей и защитников Русской земли он ставил воспитание нравственное, завещая детям (скорее — внукам) быть справедливыми и милосердными, не лениться («да не застанет вас солнце в постели»), вести жизнь честную, чистую, достойную защитника Отечества.

Особую роль в подготовке воина-профессионала в то время играла охота. Заметно, что Мономах относился к ней как к важнейшему средству физической и морально-психологической подготовки бойца, универсальной форме обучения владению конем и оружием.

Охота, с точки зрения Владимира Всеволодовича, это не отдых и развлечение, а тяжелый труд («труждахся ловы дея»). Ища встречи с опасными зверями, Мономах постоянно готовил себя к войне. Не было в то время лучшего способа, чтобы закалять здоровье, развивать смелость, ловкость, силу, глазомер, быстроту реакции, без которых в рукопашном бою не прожить и минуты. Охота учила и массу полезных навыков, а при организации облав еще и развивала тактическое мышление. Неспроста Владимир Мономах так подробно перечисляет свои охотничьи подвиги. Будучи великим воином, он был и великим охотником. Разъезжая по степи и пушам, десятками ловил он диких коней-тарпанов и вязал их своими руками. Где бы ни княжил, охотился постоянно на самых разных зверей, закаляя душу и тело. На отважного охотника кидались медведи, бодали его олени, втаптывал в снег лось. Туры — огромные гнедые быки — дважды поднимали его на рога вместе с конем. Страшный вепрь, чуть-чуть промахнувшись, клыком, как бритвой, срезал с его бедра меч. Таинственный «лютый зверь вскочи ко мне на бедра и коня со мной поверже». Без счета падал он с коня, разбивая голову, ломая руки и ноги, но никогда не падал духом, уповая на Бога, всегда готовый к походу и бою за Родину. И ныне дорог нам завет старого князя: «Дети, ни войны, ни зверя не бойтесь, делайте дело мужское».

ХРОНИКА ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РУСИ IX—XI вв.

860 г. — Первый поход на Царьград войска Южной Руси во главе с князьями Аскольдом и Диром (в «Повести временных лет» он датируется 866 г.)

862 г. — Летописная дата призвания старейшинами Северной Руси варяжского конунга Рюрика с дружиной.

864—884 гг. — Первая военная экспедиция русов на Каспий, состоявшаяся, по свидетельству историка Ибн Исфен-

дийара, в период правления в Табаристане одного из Саманидов — Алида ал-Хасана ибн Зайда (250—270 гг. хиджры) и направленная против принадлежавшего ему города Абаскуна.

882 г. — Поход на Киев преемника Рюрика, правителя Северной Руси Олега по пути «из Варяг в Греки» и покорение ряда восточнославянских племен; устранение им киевских князей Аскольда и Дира (скорее всего, кого-то одного из них); объединение Северной и Южной Руси в одно государство.

907 г. — Успешное нападение древнерусского войска на 2000 ладьях под предводительством великого киевского князя Олега на Царьград, взятие выкупа с византийцев и подписание предварительного соглашения с Византией.

909/910—912/913 гг. — Военные действия русов на южном и юго-западном побережьях Каспийского моря (Табаристан и район Баку), освещенные только в восточных источниках (ал-Масуди, Ибн Исфендийар, Амоли, Мараши).

911 г. — Подписание русско-византийского договора, один из пунктов которого предоставлял византийцам возможность найма русских воинов на службу империи.

913—914 гг. — Походы великого киевского князя Игоря Рюриковича на древлян, отказавшихся после смерти Вещего Олега признавать зависимость от Киева.

915 г. — Появление печенегов у южных границ Руси.

920 г. — Столкновение Игоря Рюриковича с печенегами.

922 г. — Покорение князем Игорем уличей, проживавших в низовьях Днепра; захват спустя три года их племенного центра Пересечена; предоставление права сбора дани с уличей воеводе Свенельду.

941 г. — Первый поход Игоря на Царьград и северное побережье Малой Азии, поражение русского флота от византийцев, использовавших «греческий огонь».

943 г. — Второй поход Игоря на Царьград в союзе с печенегами, датирующийся в «Повести временных лет» 944 г.

943 г. — Набег русов под руководством воеводы Игоря Свенельда на Каспий (Бердаа).

945 г. — Гибель Игоря Рюриковича с частью дружины от рук древлян при попытке вторичного сбора дани во время полюдья.

945—946 гг. — Усмирение восставших древлян в результате карательного похода киевского войска, организованного вдовой Игоря княгиней Ольгой.

964—965 гг. — Покорение великим киевским князем Святославом Игоревичем вятичей.

966 г. — Успешный поход Святослава Игоревича на Волжскую Булгарию.

966—967 гг. — Разгром войском князя Святослава Хазарского каганата; захват им хазарской крепости Саркел на Дону, переименованной в Белую Вежу; приобретение Киевом владений на Северном Кавказе (Тмутаракани на Таманском полуострове).

967—971 гг. — Балканские войны князя Святослава, захватившего Переяславец (Малый Преслав), Доростол, Великий Преслав, другие центры Дунайской Болгарии и развернувшего войну против Византии.

968 г. — Нападение печенежской орды на Киев, отбитое при помощи древнерусского войска воеводы Претича, пришедшего с Днепровского левого бережья на помощь осажденным княгине Ольге и киевлянам.

971 г. — Поражение князя Святослава в битве под Доростолом с войском византийского императора Иоанна Цимисхия; подписание мирного соглашения Руси с Византией.

972 г. — Нападение печенегов во главе с ханом Курей на поредевшую дружину Святослава весной в районе Днепровских порогов; гибель князя Святослава и его дружинников.

977 г. — Разгром великим киевским князем Ярополком Святославичем своего брата Олега, княжившего в земле древлян и погибшего в Овруче; бегство Владимира Святославича из Новгорода в Скандинавию за военной помощью.

978 г. — Захват варяжской дружиной и новгородским ополчением Владимира Святославича Полоцка, в котором сидел варяжский князь Рогволод (в «Повести временных лет» это событие приурочено к 980 г.).

980 г. — Поход Владимира Святославича на Киев и разгром войска великого киевского князя Ярополка Святославича.

981 г. — Захват Владимиром Святославичем у поляков Перемышля, Червена и других центров на русско-польском пограничье.

981—982 гг. — Два похода Владимира Святославича на вятичей и возобновление уплаты ими дани Киеву.

983 г. — Поход Владимира Святославича на ятвягов.

984 г. — Разгром радимичей на р. Пищане киевским войском во главе с воеводой по прозвищу Волчий Хвост, их окончательное покорение и взимание дани.

985 г. — Переброска в Волжскую Булгарию «в лодьях» пешего войска во главе с Владимиром Святославичем и его дядей Добрыней и конницы союзных торков по суше. Заключение мира с волжскими булгарами.

988 г. — Захват Владимиром Святославичем, действовавшим в союзе с византийскими императорами Василием II и Константином VIII, Херсонеса (летописной Корсуни) в Крыму. Крещение великого киевского князя. Отправка в Византию 6-тысячного корпуса наемников-варягов, с помощью которого византийские императоры нанесли поражение мятежному полководцу Варде Склиру в битвах при Хрисополе и Авидосе.

991 г. — Строительство Владимиром Святославичем деревянно-земляной крепости в Белгороде под Киевом.

992 г. — Война Владимира Святославича с племенным объединением хорватов, живших у западных пределов Руси. Столкновение русского войска с печенегами на р. Трубеж, где был заложен город Переяславль.

997 г. — Осада печенегами Белгорода под Киевом.

1015 г. — Подготовка Владимиром Святославичем войны против непокорного сына Ярослава, сидевшего в Новгороде и отказавшегося подчиняться и платить часть дани Киеву. Поход дружины Бориса Владимировича против печенегов и его гибель от рук убийц, подосланных, согласно Начальной летописи и «Повести временных лет», Святополком Окаянным.

1016 г. — Разгром новгородским войском во главе с Ярославом Мудрым Святополка Окаянного в сражении у Любеча на Днепре. Бегство Святополка к печенегам, а затем в Польшу; первое вокняжение в Киеве Ярослава Мудрого.

1018 г. — Поражение Ярослава Мудрого на р. Западный Буг от польских войск, приведенных на Русь Святополком.

Бегство Ярослава в Новгород. Вступление Святополка и его тестя, польского короля Болеслава Храброго в Киев.

1019 г. — Победа Ярослава Мудрого в битве с войском Святополка Окаянного на р. Альте. Бегство и гибель Святополка. Переход киевского великокняжеского стола к Ярославу Владимировичу.

1021 г. — Разгром Ярославом Мудрым полоцкого князя Брячислава Изяславича, напавшего на Новгород и разграбившего город.

1022 г. — Отвоевание Ярославом Мудрым у поляков летописного Берестья (совр. Брест). Поход Мстислава Владимировича из Тмутаракани в земли касогов (черкесов), его схватка с касожским вождем Редедей.

1024 г. — Поражение Ярослава Мудрого в битве у Листвена от войска своего брата Мстислава Владимировича, пришедшего в 1023 г. из Тмутаракани; бегство Ярослава Мудрого в Новгород.

1026 г. — Возвращение Ярослава Мудрого с войском из Новгорода в Киев и заключением им с Мстиславом Владимировичем соглашения о разделе сфер влияния на Руси.

1030 г. — Захват Ярославом Мудрым Белза.

1031 г. — Поход Ярослава Мудрого на Червенские города на русско-польском пограничье.

1036 г. — Битва войска Ярослава Мудрого с печенегими в окрестностях Киева, на месте, где позже был возведен каменный Софийский собор.

1038 г. — Первое известное вторжение русского войска в Ятвягию.

1040 г. — Первый известный поход русских на Литву.

1041, 1043, 1047 гг. — Речные походы войска Ярослава Мудрого по Припятско-Бугскому водному пути на мазовшан, не подчинявшихся союзному Руси польскому королю Казимиру.

1042 г. — Поход новгородцев во главе с Владимиром Ярославичем на летописную емь.

1043 г. — Последний поход Руси под предводительством новгородского князя Владимира Ярославича и воеводы Вышаты на Царьград и их поражение от византийцев.

1054 г. — Поход переяславского князя Всеволода Ярославича против торков и их разгром. Подписание Всеволодом мира с половецкой ордой хана Болуша.

1058 г. — Разгром великим киевским князем Изяславом Ярославичем летописной голяди (балтийского племени) в верховьях р. Оки.

1061 г. — Первое нападение половцев на Южную Русь и поражение от них 2 февраля Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха.

1064 г. — Столкновения черниговского князя Святослава Ярославича с племянником Ростиславом Владимировичем из-за Тмутаракани.

1066 г. — Захват полоцким князем Всеславом Брячиславичем Новгорода и разграбление им города.

1067 г. — Поражение Всеслава Брячиславича в битве на р. Немиге; его пленение победителями и заточение в тюрьму («поруб») в Киеве.

1068 г. — Разгром половцами на р. Альте объединенного войска Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Восстание киевлян против князя Изяслава Ярославича, отказавшегося выдать народу оружие для защиты от половцев. Бегство Изяслава Ярославича из Киева в Польшу. Вокняжение в Киеве Всеслава Брячиславича.

1069 г. — Возвращение Изяслава Ярославича с союзным войском польского короля Болеслава II в Киев, изгнание Всеслава Брячиславича из Киева, а затем из Полоцка.

1071 г. — Военные действия половцев у Ростовца и Нятина. Изгнание Всеславом Брячиславичем Святополка Изяславича из Полоцка. Поражение Всеслава от Ярополка в битве у Голотичска.

1071 г. — Летописная датировка народного восстания в Ростовской земле и движения под руководством языческих волхвов на Белоозере, подавленного воеводой Яном Вышатичем, который действовал от имени князя Святослава Ярославича. В.А. Кучкин, отождествляющий (вслед за С.М. Соловьевым) Яна с известным киевским боярином Иоанном, полагает, что последний мог действовать в Северо-Восточной Руси, скорее всего не в 1071 г., а во время нахождения

Святослава Ярославича на киевском великокняжеском столе и в период неурожая — с осени 1075 по весну 1076 г.

1073 г. — Изгнание Святославом и Всеволодом Ярославичами из Киева старшего брата Изяслава, бежавшего вновь в Польшу.

1076 г. — Совместный поход Владимира Всеволодовича Мономаха и Олега Святославича в Чехию для оказания помощи Польше.

1077 г. — Возвращение Изяслава Ярославича с союзным польским войском на Руси, его столкновение с братом Всеволодом Ярославичем на Волыни и подписание мирного соглашения между ними, согласно которому Изяслав вновь занял киевский великокняжеский престол.

1078 г. — Приход на Русь Олега Святославича с половцами, нанесшими поражение Всеволоду Ярославичу. Объединенный поход Изяслава Ярославича с сыном Ярополком и Всеволода Ярославича с сыном Владимиром на Чернигов. Сражение на Нежатиной ниве с войском Олега Святославича и гибель Изяслава Ярославича.

1079 г. — Борьба Всеволода Ярославича с племянником Олегом Святославичем из-за Тмутаракани. Пленение Олега Святославича византийцами и его ссылка на средиземноморский остров Родос. Поход князя Романа с половцами на Воинь против Всеволода Ярославича.

1080 г. — Разгром Владимиром Мономахом торков.

1082 г. — изгнание князьями Володарем Ростиславичем и Давидом Игоревичем из Тмутаракани посадника Всеволода Ярославича — Ратибора.

1083 г. — Захват Олегом Святославичем Тмутаракани при помощи византийского флота. Поражение и бегство из Тмутаракани Володаря Ростиславича и Давида Игоревича.

1084 г. — В Ипатьевской и Радзивилловской летописях помещено известие о нападении воинственного волынского князя Давида Игоревича на «гречников» в Олешье, древнерусском порту в устье Днепра, и захвате всего их имущества.

1092 г. — Набег половцев на Южную Русь, захват ими Песочена, Переволоки, Прилук. Поход князя Василько Ростиславича с половцами в Польшу.

1093 г. — Война великого киевского князя Святополка Изяславича, Владимира Мономаха и его брата Ростислава Всеволодовича с половцами. Их поражение на р. Стугне от половецких войск, захвативших затем г. Торческ и разграбивших земли Южной Руси.

1095 г. — Разгром войском Владимира Мономаха половцев, осадивших Переяславль.

1096 г. — Нападение половецкой орды хана Боняка на Киев и разграбление половцами Киево-Печерского монастыря.

1096—1097 гг. — Война Олега Святославича Черниговского с Мономашичами. Гибель в 1097 г. сына Владимира Мономаха Изяслава во время битвы с Олегом Святославичем под Муромом.

1097 г. — Любечский съезд («снем») южнорусских князей.

1097—1099 гг. — Междоусобицы в Южной Руси, поводом которой стало вероломное ослепление князя Василька Ростиславича Теребовльского. Военные действия его брата Володаря Ростиславича, а затем Святополка Изяславича против волынского князя Давида Игоревича.

ПЕЧЕНЕГИ

VII — начало IX столетия были для восточных славян временем продвижения в степи, далеко к юго-востоку от приднепровской лесо-степной полосы. Благоприятная военнополитическая обстановка, сложившаяся здесь после краха Аварского каганата, позволила им заселить в этот период поймы Нижнего Днестра, Южного Буга и Верхнего Дона, оставшиеся вне сферы могущественного Тюркского каганата. Относительная слабость кочевых племен, сменивших аваров в причерноморских степях, давала возможность численно превосходящим их славянским племенным союзам оттеснить их к востоку, но борьба эта была для земледельцев достаточно тяжелой. Не случайно в это время славянские поселения в степях современной Украины строились всегда укрепленными и в труднодоступных местах.

Тюрки свои военные усилия направляли в противоположную от славянства сторону и до распада каганата не успели столкнуться с ним. Великая Болгария, возникшая на его развалинах, была отвлечена, главным образом, борьбой с хазарами, а затем, утратив самостоятельность, оказалась способна лишь на грабительские набеги в земли своих северных и западных соседей. В результате, когда арабский военачальник Марван, разгромив хазар, проник вглубь их каганата, «на славянскую реку», он разорил там 20 тысяч жилищ «ас-сакалиба». Между исследователями нет ясности, Волга или Дон названа здесь славянской рекой, но факт удивительно смелого массового продвижения славян далеко на восток очевиден.

О времени установления хазарского господства над восточно-славянскими племенами, граничившими со степью, в литературе нет единого мнения. К примеру, П.П. Толочко относит его ко второй половине VIII в., С.А. Плетнева же, — не ранее начала IX в.

Власть хазарского кагана, установленная над полянами, северянами, радимичами и вятичами, и дань, взимаемая им с этих пограничных со степью племен, не могли существенно помешать накоплению материальных и людских ресурсов, что позволяло выдерживать натиск болгар, бывших в то время, по-видимому, главными врагами юго-восточных славянских племенных союзов. К тому же господство хазар было не столь продолжительным. Поляне восстановили независимость с помощью варягов в начале шестидесятых годов. Северяне и радимичи были освобождены Олегом в 884—885 гг. Лишь вятичи оставались под игом пришельцев еще восемьдесят лет. Освобождение Чернигова неминуемо должно было отразиться на русско-хазарских отношениях, но сведений о конфликте между Русью и Хазарией по этому поводу источники не содержат, за исключением заявления Олега о том, что хазарам он «противен», т.е. враждебен.

Завершая хазарскую тему, следует сказать, что уже во времена Игоря между Киевом и Итилем произошло новое обострение отношений. Хазарский полководец Песах в 939 г. совершил поход на Киев и на какое то время подчинил его ка-

ганату, заставив уплатить контрибуцию. Однако говорить о возобновлении регулярной дани хазарам, будто бы выплачивавшейся вплоть до середины шестидесятых годов, и тем более связывать с этим событием, известным по единственному, весьма тенденциозному источнику, значительно более ранний полулегендарный эпизод с «данью мечами», как считал Л. Н. Гумилев, было бы, на наш взгляд, неверно. Впрочем, подробный разбор русско-хазарских отношений выходит за рамки данного исследования.

В первой половине IX в. немало зла причиняли славянам пришедшие с Урала угры — мадьяры. Об этом сообщают восточные авторы. Ибн-Русте пишет: «... Воюя славян и добывши от них пленников, мадьяры отводят этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, которая зовется Карх (Керчь)» (Б. Н. Заходер. Каспийский свод... Т. II. С. 55).

Б. А. Рыбаков приводит свидетельство Персидского Анонима: «Внутренняя Болгария находится в состоянии постоянной войны со всей Русью». Об этой войне не упоминает автор «Повести временных лет», но в Никоновской летописи, сохранившей следы древнейшего киевского, донесторовского летописания, под 872 г. встречаем: «Убиен бысть от болгар Осколдов сын».

Тюрко-болгары, занимавшие в VII—VIII вв. огромные пространства в степях европейского юго-востока, даже после поражения, нанесенного им хазарами, распада Великой Болгарии и ухода значительной их части на Балканы, были известны тому же Персидскому Анониму как «народ храбрый, воинственный, внушающий ужас...» и хорошо вооруженный. Поэтому борьба с ними была в то время одной из главных задач растущей Киевской державы, возможно, известной соседям как «Каганат русов». Можно предположить, что сын киевского князя, «прегордного кагана русов», угрожавшего еще недавно Константинополю, погиб, обороняя юго-восточные рубежи государства полян.

Отсутствие каких-либо иных сведений о русско-болгарской войне говорит само за себя. Существованию приднепровской государственности болгары не угрожали, почему и

не превратились в героев повествований, подобных описанию аварских насилий над дулебами или «хазарской дани». Однако из-за Волги на государства Восточной Европы уже надвигалась новая опасность.

Согласно той же Никоновской летописи уже в 875 г. Аскольд «избиша множество печенегъ». Достоверность этого сообщения проблематична, так как достоверно известно, что печенеги лишь в 889 г. переправились через Волгу, после чего до 894 г. вели на Дону непрерывную войну с уграми. Поэтому исследователи сходятся во мнении, что первоначально, в данном сообщении фигурировали другие кочевники (хазары, венгры или болгары), замененные позднее на «печенеги».

Это многочисленное тюркское племя, пришедшее из Средней Азии, откуда было вытеснено более сильными Огузами и кипчаками, обойдя с севера владения хазар, сначала заполнило степи между Волгой и Днестром, распространившись на запад вплоть до р. Сирет. Под давлением печенегов на запад, к Карпатам, двинулись «угры»-мадьяры, с которыми славяне жили в основном мирно.

Многочисленная и воинственная орда, наводящая ужас на окружающие земледельческие народы, к тому же лишенная какого-либо государственного-организационного единства, стала весьма серьезной проблемой для соседей.

Крайняя скудость документальных свидетельств о русско-печенежских контактах привела к тому, что эта тема практически не получила специального рассмотрения в трудах исследователей данного периода. В то время как кратковременные военные эпизоды в русско-печенежских отношениях описаны и интерпретированы с разных точек зрения.

Между тем факт достижения мира с крайне агрессивными новыми соседями-завоевателями и поддержания с этим пришельцами из Азии устойчивых отношений в течение столь длительного периода представляют, на наш взгляд, немалый интерес. К сожалению, наши заключения могут основываться главным образом лишь на наблюдениях, носящих косвенный характер.

Занятые поначалу завоеванием жизненного пространства в степях, они, по видимому, не совершали значительных нападений на Русь, ища добычу на Балканах, в странах более богатых жизненными благами. Источники красноречиво умалчивают о сколько-нибудь крупных печенежских набегах на протяжении целого столетия. Более того, есть основания предполагать, что их отношения с Киевской державой при ее первых правителях приобрели форму постоянного, относительно устойчивого военного союза.

По давней традиции, поколения историков представляли себе кочевников «бичом Божиим» для Руси, распространяя на киевские времена то отношение, которое сложилось у русских к «Золотой Орде» или к «злу казанскому». В настоящее же время, при внимательном рассмотрении, оказывается, что взаимоотношения Руси и Степи были далеко не так однозначны и фатально предопределены. Например, Ибн-Хаукаль о печенегах писал: «Они — шип русийев и их сила».

Это образное выражение означало, в понимании арабского автора, постоянство военного союза руссов с печенегами и его эффективность. Печенежская конница здесь выглядит как орудие — «шип», или острие — в руках киевских князей. А.П. Новосельцев считал, что русско-печенежский союз возник как антихазарский. С этим нельзя не согласиться. Для обеих сторон это был оборонительный союз против общего врага. Прочность, целесообразность и эффективность его была неоднократно испытана на деле. Впрочем, если судить по дошедшим сведениям о его проявлениях, следует признать, что союзники лучшей обороной от хазар считали нападение.

Нельзя, однако, не отметить и того очевидного для нас факта, что этот союз имел и другую, чисто наступательную направленность — против Византии. Рассмотрим и проанализируем имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства источников о русско-печенежских отношениях и военном сотрудничестве.

Наибольшую информацию для размышлений о природе взаимоотношений Киева и печенегов дают сведения, содер-

жащиеся в трактате императора Константина Багрянородного, представляющие собой результат тщательного и глубокого анализ военно-политической ситуации в Северном Причерноморье в середине X столетия, «основанный на долгом опыте». Информация, сообщаемая автором, противоречит как несколько комплиментарному и безапелляционному утверждению Персидского Анонима, так и данным, сообщаемым «Повестью временных лет» (ПВЛ). Выясняется, что «...часто, когда живут не в мире друг с другом, (печенеги) грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков», а также, что мирные инициативы здесь исходят от славян и русов, стремящихся удовлетворить экономические интересы печенегов взаимовыгодной торговлей скотом.

Далее император делает ценнейшее наблюдение о том, что правители Киева не в состоянии вести наступательные действия против какого-либо иного противника, не заключив мира с печенегами, поскольку отсутствие русского войска немедленно повлечет в этом случае печенежский набег. Поэтому, — пишет он, — «Руссы... всегда стараются быть в союзе с ними и получать от них помощь...»

Согласно же ПВЛ, в 915 г. печенеги впервые приходили на Русь и заключили мир, позволивший им предпринять поход на Дунай, в надежде ограбить Болгарию, все силы которой были в тот момент обращены против византийцев. Спустя пять лет в ПВЛ встречаем краткую запись о походе Игоря на печенегов. Причины (и результаты) его неизвестны. Можно предположить, что, скорее всего, это была карательная акция в ответ на нападения на торговые караваны, но поход мог быть вызван и просьбой соседей — болгар или Византии. После этого о печенегах нет упоминаний на протяжении четверти века. При полном отсутствии каких-либо данных само это молчание летописи может означать лишь одно — правительствам Игоря и Ольги удастся поддерживать мир со степняками, и они не напоминают о себе.

Косвенно подтверждает отсутствие крупномасштабных конфликтов вплоть до 968 (969) г. и сообщение ПВЛ под этой датой: «Приидоша печенези на Рускую землю первое». Хотя из приведенных выше наблюдений Константина Багрянородного известно, что в этот же период печенеги нередко

подстерегают в порогах плывущих из Киева купцов. Похоже, что союз этот, хотя и поддерживался почти непрерывно, вряд ли выглядел вполне органичным и достаточно прочным. Печенеги, как отмечает П.П. Толочко, вообще «не отличались постоянством своих политических ориентаций». Увидев, насколько соседние земледельческие государства заинтересованы в поддержании мира с ними, кочевники стремились максимально использовать такую выгодную для них ситуацию, поочередно заключая союзы с разными сторонами и получая за это вознаграждение от каждой.

В 944 г. печенеги упоминаются как союзники в походе Игоря на Константинополь. Наняв печенежскую конницу (своя была малочисленна), Игорь, по условиям соглашения, взял у кочевников заложников как гарантию соблюдения ими условий. Помирившись с греками, Игорь, по-видимому, выполняя тайные условия договора, повелел печенегам разорить Болгарию, что отвечало как интересам Византии, так и кочевников, уже получивших свою часть греческой дани. Позже византийские источники упоминают печенегов, наряду с венграми, как союзников Святослава в его балканском походе. В неудачной битве под Аркадиополем они, по словам византийского хрониста, были опрокинуты первыми.

Это был союз ради совместного получения военной добычи, выгода от которого для обеих сторон была очевидна, поскольку войско Киевской Руси в то время было в основном пешим, а в дальних морских походах на Византию — практически исключительно пешим, остро нуждавшимся в кавалерии для прикрытия флангов своей «стены» в столкновениях с армией ромеев, обладавшей великолепной кавалерией. Лишь в походе Олега (907 г.), т.е. до заключения союза с печенегами, одни славяне идут на греков «на конех и кораблех». В 941 г. состав войска Игоря в тексте не раскрывается, хотя, как мы уже выяснили, без прямого или косвенного участия печенегов он состояться не мог. В остальных случаях (944, 969 гг.) по берегу, главным образом, движутся конные союзники-номады.

Соответственно и печенегам предпочтительно было не довольствоваться случайно захваченной в ходе стремительного набега добычей, а вступать в борьбу против Византии вместе с мощным союзником, с помощью которого можно было рассчитывать на значительно более весомые результаты (944 г.). Так, рассмотрение уже начального этапа взаимоотношений Киевской Руси и кочевников дает нам пример взаимовыгодного союза восточных славян с тюрками-азиатами, позволившего успешно бороться с могущественнейшей мировой империей.

ПВЛ ничего не сообщает об участии печенегов в походах Святослава на хазар. Однако сомневаться в их самом активном участии в этих акциях не приходится, поскольку они, являясь участниками традиционного союза, были не менее заинтересованы в разгроме своих исконных врагов. К тому же, как мы знаем, слабым местом киевского войска того времени была нехватка кавалерии. Этот недостаток тем более остро должен был ощущаться в походах против прирожденных конников-хазар. Поэтому едва ли печенеги в данном случае лишь сохраняли доброжелательный нейтралитет, без которого столь далекий и длительный поход (в том числе на Северный Кавказ) был бы просто невыносим.

В 968 г., подкупленные византийским золотом, печенеги впервые напали на Русь и осадили Киев, вынудив Святослава временно уйти из Болгарии. Киевлян выручило собранное на Левобережье войско (и военная хитрость) воеводы Претича, заявившего печенегам, что его отряд является авангардом («сторожей») Святослава. Напуганные печенеги отошли от стен крепости за р. Лыбедь. Было заключено перемирие, закрепленное обменом оружием, однако печенеги, по видимому, остались под Киевом, поскольку подоспевшему Святославу, согласно летописи, пришлось еще дополнительно собирать «воев»-ополченцев, чтобы «прогнать печенегов в поле».

Л. Н. Гумилев по этому поводу уточняет, что союзниками Византии выступали левобережные печенеги («От Руси к России». С. 47). О битве ничего не сообщается. Как видно, печенеги выполняли условия договора с греками (оставше-

гося неизвестным хронистам) о максимально длительном отвлечении Святослава и благополучно откочевали в свои степи лишь тогда, когда он, прибыв домой, собрал достаточно войска для войны с ними. При этом Киевщина, естественно, была опустошена. Трудно объяснить чем-то иным, кроме как стремлением соблюсти условия договора с Византией, их задержку на Руси после окончания неудачной осады и до подхода Святослава с войском.

Занятый в Киеве решением разного рода неотложных дел и торопясь вернуться обратно, на Балканы, Святослав, как позже выяснилось, даже не заключил с печенегами мирного договора. Война формально не окончилась. Это обстоятельство было использовано противной стороной. В результате печенежский «князь» Куря, предупрежденный болгарами о возвращении Святослава, со значительными силами занял днепровские пороги и уничтожил его отряд при попытке прорыва. Произошло то, о чем рассуждал в своем трактате Багрянородный автор, современник походов Олега и Игоря: русы оказались не в состоянии вести войну (успешную), не помирившись с печенегами. К этому следует добавить замечание Л.Н. Гумилева, что когда Святослав зимовал в Белобережье, именно печенеги (правобережные), те, что не пришли ему на помощь, все-таки продавали ему провизию. Убили же его, по мнению автора, печенеги левобережные. На это продолжим, что продавали они конское мясо в крайне недостаточном количестве и по спекулятивным ценам, т.е. вовсе не по-союзнически. Святослав же, располагая огромной казной, оказался не в состоянии обеспечить зимовку продовольствием. К тому же в таком случае остается загадкой, почему Святослав не пошел в Киев вслед за Свенельдом, по дружественной территории правобережных печенегов.

Роль печенегов в балканских походах Святослава была двойственной. Одни из их «колен» (на первом этапе) действовали с ним заодно, другие же мешали, становясь орудием в руках Византии, заинтересованной в ослаблении той и другой стороны. Сам же полководец показал себя посредственным политиком, не сумевшим ни обезопасить соб-

ственный тыл, ни нейтрализовать византийскую дипломатию, превратившую его союзников в наемных убийц.

Случившееся со Святославом показало киевской стороне не столько ненадежность существовавших до разрыва мирных отношений с печенегами, сколько жизненную важность их укрепления. Казалось бы, убийство киевского князя должно было бы осложнить русско-печенежские отношения (чего и добивалась империя). Тем не менее летописи не сообщают о каких-либо актах мести с русской стороны. Ярополк, даже в начале своего правления, до начала борьбы с братьями, предпочитал сохранять с опасными соседями нормальные отношения. Позднее это позволило ему укрыться у печенегов. Более того, у В.Н. Татищева встречаем неизвестное ПВЛ сообщение о том, что в 979 г. на службу к Ярополку Святославичу перешел печенежский «князь» Илдея и был с честью принят, получив во владение земли с крепостями. Татищев считал, что этих печенегов поселили в Поросье. Скорее всего, эти-то печенеги и участвовали в войне Ярополка с Владимиром.

Можно было бы предположить, что Владимир, выросший на севере, должен был бы вести себя иначе, видя в степняках в первую очередь союзников брата-соперника и убийц отца. Тем более что летопись как будто свидетельствует о начавшихся печенежских набегах. Представляется, однако, что это не совсем так. Важно отметить, что начавшиеся с 980 г. нападения печенегов были инспирированы Варяжко — приближенным Ярополка, бежавшим в степь и мстившим оттуда Владимиру.

Владимир, как правитель, явил собой полную противоположность отцу, — «последнему викингу» — своеобразному кочевнику на киевском престоле, соблазнившемуся недостижимой идеей — перенесения столицы из Киева к устью Дуная, поскольку там «все блага сходятся, и видевшем в Руси лишь источник мехов и «челяди» т.е. рабов. Новый киевский князь был первым настоящим русским правителем — хозяином и защитником родной земли. Обстановка требовала от него военно-политической активности «по всем азимутам», и он не знал покоя, ежегодно совершая походы на запад и

восток, в пределах славянского ареала и на иноплеменных соседей, но цели и смысл этой активности были совершенно иными. И если в действиях Владимира против Хазарии видна преемственность с походами Святослава, боровшегося за свободу торговли Руси с Востоком, то все остальные военные акции Владимира служат укреплению внутривосточного единства государства, приращению его территории и обороны его границ.

В политике Владимира по отношению к печенегам заметны три этапа: «худой мир», открытый конфликт и снова — мир. На первом, несмотря на набеги, организованные Варяжко (о которых нет конкретных упоминаний), Владимир, в первые годы своего правления, занят войнами с поляками, вятичами, ятвягами, радимичами и болгарами. Именно походы на них отражены в летописи. На южной границе, как можно предположить, — пассивная оборона. Более того, эти «многие» нападения оказались не в состоянии сорвать дальнейшие походы по другим направлениям. Почему? Ответ, по-видимому, в масштабах личности их организатора. Обе стороны рассматривали происходящее именно как действия частного лица, может быть, даже как осуществление известных и понятных прав «кровника» и его наемников. Главы печенежских «колен» продолжали сохранять формальный мир с соседом, а действия тех, кто откликнулся на призыв Варяжко, не представляли серьезной угрозы безопасности страны. Так, не помешали печенеги и походу Владимира на Корсунь, когда неизбежно приходилось преодолевать пороги.

Как помним, Константин Багрянородный утверждал, что при отсутствии мира между Русью и печенегами пороги, занятые кочевниками, становятся непреодолимыми для киевской флотилии, что однажды наглядно доказали Куря и Святослав. Следовательно, все эти годы киевское правительство настойчиво пыталось нейтрализовать агитацию Варяжко и удержать печенежских вождей от крупномасштабных нападений на Русь, силы которой были задействованы для решения военно-политических задач на других направлениях. Тем не менее в походе Владимира на болгар место печенегов

в качестве кавалерии союзников уже заняли торки-гузы — еще одни союзники Святослава в походах на Хазарию.

В девяностых же годах ситуация резко меняется. Печенеги становятся главным и самым опасным противником. В силу каких причин это произошло? Почему дипломатия Владимира, относительно эффективная в восьмидесятых годах, в девяностых перестала приносить свои плоды, заставив киевское руководство целиком обратиться к военным методам обеспечения безопасности государства?

В литературе сложилось мнение, что обострение русско-печенежских отношений произошло из-за усиления Византии, прочный мир с которой заставлял кочевников перенести свою активность с дунайского направления. Укрепилось в это время и королевство венгров. Не отказываясь от этого тезиса целиком, попробуем добавить к нему иные соображения, ведь стабилизация на Балканах и возвращение империи на Дунай произошло ещё в начале семидесятых годов, а крупномасштабные нападения печенегов на Русь — лишь в девяностых. Оставив на время этот важный для нашей работы вопрос без ответа, обратимся пока к хронологии событий и их анализу.

Перемены на южной границе начинаются еще в конце восьмидесятых. Началом второго этапа следует считать судьбоносный 988 год. Тогда, сразу же после крещения, Владимир, по-видимому, сознавая нарастающий ущерб от набегов степняков («бе бо рать от печенег»), и не желая более терпеть их «булавочные уколы», решил отказаться от проверенной временем политики «худого мира».

Готовясь к крупномасштабной войне со Степью, но не имея еще достаточно сильной кавалерии для борьбы с кочевниками на равных в условиях маневренной войны, он высказывается по поводу слабой защищенности южной границы: «Се не добро, еже мало городовъ около Киева». Таким образом, фиксируется факт принятия решения о начале важнейшего государственного мероприятия — строительства пограничных оборонительных линий по обоим берегам Днепра.

Далее летопись, как бы в ответ на сетования князя, сообщает о строительстве крепостей по ближайшим к Киеву

притокам Днепра: Десне, Остру, Трубежу, Стугне и Суле. Там же говорится о наборе «мужей лучших», т.е. дружинников племенных князей, от всех подвластных Киеву племен, для их гарнизонов. Тем самым Владимир не только решал задачу обороны границы путем создания «военных поселений», увеличивая к тому же военную мощь своего государства переподчинением непосредственно себе этих воинов-профессионалов, но и ослаблял военный потенциал отдельных племен и их «светлых» князей, всегда склонных к сепаратизму.

Как писал Б.А. Рыбаков, «Владимир сумел сделать борьбу с печенегами делом всей Руси... Заслуга Владимира в том и состояла, что он весь лесной север заставил служить интересам обороны южной границы, шедшей по землям Полян, Уличей и Северян» (С. 385).

К сказанному можно добавить, что в ходе решения этой общегосударственной задачи выходцы из разных племен сливались в единую народность в первую очередь именно на границе. Таким образом, первыми подлинно русскими людьми стали эти воины качественно нового типа, служившие уже не племени и не лично князю, а всей обновленной Руси — ее первые пограничники!

Характерно, что страдавший от набегов простой народ поддержал выбор Владимира и, несмотря на обрушившиеся вскоре на него новые, куда большие невзгоды, прославил князя в былинах как своего героя. Поскольку эта народная поддержка организации отпора хищным южанам является очевидным фактом, приходится признать, что практика стратегического союза с ними себя уже изжила и не имела перспектив хотя бы в силу сложившегося общественного мнения. Киевский князь, и без того находившийся в сложной ситуации из-за опасности раскола общества по религиозному признаку (знаменитые пиры Владимира и невиданное ни до, ни после «народолюбие», столь поразившие современников, — тому яркое подтверждение), можно в этом не сомневаться, чутко прислушивался к настроениям своих подданных. Само расположение рассказа об укреплении гра-

ницы сразу же за повестью о крещении Руси свидетельствует, что разрешение этого «вопроса номер два», стало насущной, назревшей необходимостью.

Жить под постоянной угрозой ограбления или рабства стало не просто опасно, но и слишком унижительно. Как видно, в те времена русским были не свойственны заклинания типа «лишь бы не было войны». Наоборот, признавая войну естественной частью своего бытия, неизменного от века миропорядка, наши предки со спокойствием истинного мужества произносили: «Мир стоит до рати, а рать — до мира».

Однако Владимир строил не только города-крепости. Возводя укрепленные линии, связывавшие узлы обороны, Владимир и его окружение не изобретали ничего нового. Они опирались на древнюю традицию строительства подобных сооружений, осуществлявшегося в Поднепровье начиная со II в. н.э. еще балтскими племенами киевской культуры, а позднее и протославянами, сначала против сарматов, затем, — в IV в. — против гуннов, и, наконец, антами, в VI в., — против аваров. И если относительно немногочисленные племена с родовым строем и догосударственным уровнем общественного развития смогли сплотиться перед смертельной опасностью и воздвигнуть в этих же местах поистине циклопические сооружения, до сих пор называемые «змиевыми валами», тянувшимися порой на сотни километров, то нет ничего удивительного, что молодая «империя Рюриковичей» на новую угрозу ответила тем же.

Нередко в литературе можно встретить малокомпетентные утверждения, что Владимир укрепил свою южную границу «засеками», «завалами», «оградой», «частоколом», в действительности же речь идет о настоящих рубленых деревянных стенах с земляным заполнением, взятым из расположенного перед ними рва, аналогичным крепостным, после разрушения которых только и могли остаться земляные валы, подобные тем, что мы видим в центре древнерусских городов или в виде заброшенных городищ, а в данном случае «змиевы валы» — их четвертое и последнее поколение.

Несомненно, что укрепленная линия с многочисленными узлами обороны в виде городов-крепостей не могла быть

возведена за два-три строительных сезона до начала крупномасштабных нападений печенегов — слишком велик был объем работ. К тому же впервые стеной стали укреплять даже низменный левый берег Днепра далеко в южном направлении, вплоть до самого устья р. Сулы, откуда линия укрепления потянулась берегом этой далекой от Киева реки, вплоть до крайних поселений северян, издавна укрепившихся в лесных массивах ее среднего течения. Закончена же эта титаническая работа была, по-видимому, лишь незадолго до появления в Киеве немецкого миссионера Бруно Кверфуртского (в 1008 г.), которому постаревший Владимир с гордостью показывал плоды своих трудов. Было чем гордиться. Десятки тысяч набитых землей срубов образовали вытянувшиеся на сотни верст стены, под защиту которых из разных северных племен перселены тысячи воинов вместе с семьями.

Двадцать лет гигантского напряжения сил молодого государства, огромной разнородной организаторской и хозяйственной работы, постоянно дезорганизуемой вражескими нападениями и самой их неотступной угрозой — таковы хронологические рамки второго этапа деятельности Владимира Святославича по обеспечению безопасности границ своего государства.

Рассмотрев военные составляющие пограничной политики Владимира Святого можно вернуться и к дипломатической. К той загадке резкого слома пусть противоречивых, но достаточно устойчивых мирных отношений двух столь не схожих и даже противоположных культур, оставленной нами выше без ответа. Отгадка ее обещает быть поучительной.

Резкая перемена во взаимоотношениях соседей, произошедшая в начале девяностых годов, невольно заставляет думать, что причина как-то связана с принятием Русью крещения. Известна ревность к вере новообращенного Владимира! В конце концов, не все в истории можно объяснить рациональными причинами. Раньше с кочевниками из прагматических соображений можно было и брататься, обмениваться оружием, а теперь для христиан-неофитов они становились «погаными»!

В чем-то сходной позиции придерживался и Л. Н. Гумилев. Однако приводимые им доводы противоречивы и со-

мнительны. В одном случае он, полностью отходя от отечественной традиции летописной версии событий, считает, что начать войну с Русью печенегов заставили их союзники византийцы в отместку за взятие и разорение Херсонеса (С. 246). В другом — признает, что выбор веры «дал Владимиру сильного союзника — Византию», а печенеги начали войну, поскольку богатели «...на торговле с Корсунью и Византией (С. 246). Оставив без комментариев первую версию, как не имеющую прямого отношения к предмету наших рассуждений, скажем лишь, что разовая акция против Корсуни, к тому же не имевшая целью разорить город, никак не могла серьезно повредить печенежским торговым интересам, тем более торговле непосредственно с империей, осуществлявшейся далеко на Дунае, да и масштабный ответ печенегов опоздал на несколько лет... Между тем истинная причина, превратившая этих кочевников из обыкновенных степных разбойников в лютых и последовательных врагов Руси, как нам представляется, действительно лежит в сфере их экономических интересов.

Запрещение Владимиром столь необходимой для печенегов скототорговли со славянами могло последовать как ответная мера на мелкие набеги. Как мы помним, поддержание оживленных торговых отношений со Степью было для киевских правителей главным способом удержания кочевников от крупных набегов (на их «промысел» у порогов, видимо, смотрели как на нечто само собою разумеющееся). У Владимира же, располагавшего теперь ресурсами реально объединенной Руси, было, как он считал, достаточно сил и поводов для того, чтобы проучить печенегов, напомнить им времена деда и отца.

Еще естественнее и вероятнее другая версия. Печенегов вывело из себя само по себе строительство укрепленных линий. «Длиннейшая и крепчайшая ограда», воздвигавшаяся на путях прежних набегов, делавшая их невозможными, а один из главных источников обогащения — славянский живой товар — недоступным, лишала кочевников основного источника доходов, резко перечеркивала сам привычный образ жизни степняка, абсолютно убежденного в своем ес-

тественном праве охотиться за «ясырем» в такой же степени, как и охотиться на диких животных. Надо полагать, что возведение сплошной крепостной стены с ограниченным количеством ворот на протяжении нескольких сотен верст также не способствовало процветанию приграничной торговли.

Именно реальная невозможность продолжать прежний образ жизни, стремление вернуть все на свои привычные места, снести, прорвать ненавистную преграду, проучить ее строителей, навязать им прежний порядок взаимоотношений (с облегченным захватом рабов) и повлекли за череду событий, которую открыло нашествие 993 г.

Подробнее всего хронология противостояния печенегам Владимира описана у Татищева (В.Н. Татищев. История Российская. М.-Л. 1963—1964. Т. 4.)

С. 138. — 990 г. Закладка Белгорода на р. Рупине, переселение многих.

С. 139. — 993 г. Поход на хорватов. По возвращению — нападение печенегов. Стояние на Трубеже, у Переяславля на броне. Переговоры. Уговор — на три года мира в случае победы русского бойца. Владимир обращается к берендичам и торкам в поисках поединщика против печенег. Поединок Яна Усмаря и победа.

994 г. — поход на болгар.

996 г. — печенеги пришли к Василеву (по-видимому, только что построенному. — Ю.С.) Владимир вышел с малой дружиной.

С. 140. Разбит в день Преображения (6.08).

997 г. — печенеги у Белгорода (прорвались? — Ю.С.). Владимир отсутствовал — отправился за северными воинами, «Бе бо рать велика без перестани» (в ПВЛ — рассказ о «белгородском киселе». О возвращении Владимира и характере действий против печенегов оба источника не сообщают. Более о печенегах нет сведений вплоть до 1015 г. — Ю.С.).

С. 141. — 1000 г. Владимир на Дунае, в Переяславце. Печенегов к Киеву привел некто Володарь, «печенеги многи облеже град. Александр Попович произвел ночную вылазку и разбил печенегов, убив изменника Володаря с его братом. Владимир наградил Александра, надев на него золотую гривну».

1001 г. — Владимир посылает на печенегов Александра Поповича и Яна Усмаря. Они разбили печенегов, пленив их князя Родомана с сыновьями.

1004 г. — Печенеги подошли к Белгороду. Против них высланы Александр и Ян. Печенеги бежали, не приняв боя. На этом какие-либо известия о печенегах прекращаются до 1015 г.

С. 142. — 1015 г. Против печенегов, идущих на Русь, послан Борис, а тяжело болеющий Владимир умирает.

О причинах наступившего затишья можно лишь догадываться: скорее всего, Владимир проявил гибкость и дипломатическим путем сумел добиться большего, нежели военным. Есть предположение, что печенеги в тот период были отвлечены нападением торков, союзников Киева. Могли на них оказать давление и появившиеся на Волге кипчаки. Упомянутая выше германская миссия к печенегам застала русско-печенежские отношения в состоянии «ни мира, ни войны». Строительство оборонительных сооружений завершено, и они, по-видимому, выполняют свою роль — набеги соседей стали невозможны. Однако требовались гарантии безопасности границ. Необходимо восстановить нормальные мирные отношения.

Мир с печенегами был заключен. Произошло ли это благодаря самоотверженности германских миссионеров во главе с епископом Бруно, попутно выполнивших просьбу Владимира о посредничестве, или же заслуга в этом целиком принадлежит киевской дипломатии — не так уж важно. Цель была достигнута сочетанием комплекса мер, и важную роль в этом, как считают некоторые исследователи, сыграл сын Владимира Борис. Именно он, упоминающийся летописью в 1015 г. во главе войска, идущего против печенегов, был, по-видимому, ранее направлен к ним по условиям мирного договора в качестве почетного заложника (обмен знатными заложниками — обычная практика в отношениях с кочевниками), и, проведя среди них достаточно долгое время, приобрел там необходимые связи.

Такой вариант объясняет иную версию событий 1015 г., известную из скандинавского источника. «Эймундова сага»,

записанная в XIV в. в далекой Исландии, полностью противоречит в данном случае ПВЛ, рассказывая, как по указанию киевского князя «Ярислефа» (Ярослава?!), диверсионная группа варягов во главе с главным героем саги Эймундом сумела убить князя «Борислейфа» (т.е. Бориса), отдыхавшего в своем шатре посреди спавшего печенежского войска, с которым он шел отвоевывать Киев (см.: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990. С. 130.).

Так или иначе, мир, обеспечивший несколько лет относительного покоя, был заключен, но длительная, тяжелая война, следовавшие один за другим «без перестани» набег кочевников вызвали в конце X — начале XI в. массовый отток населения из-под Киева и Чернигова в глубь страны, на запад и северо-восток. Именно в это время резко ускоряется стихийная колонизация волго-окского междуречья.

После смерти Владимира печенеги приняли активное участие в междоусобной войне его сыновей, поддерживая Святополка против Ярослава. Они участвовали в битве под Любечем в 1016 г., помогали ему и позже. Входили печенеги и в состав войска польского короля Болеслава Храброго, захватившего Киев в 1018 г. Наконец, в 1019 г., снова на р. Альте, куда Святополк привел печенегов, огромные («покрыша поле Летьское») рати сошлись в невиданной еще на Руси по своим масштабам битве.

Обе стороны бились с невиданным ожесточением. Трижды сходились — «сступашася» враги; бойцы в тесноте, изломав оружие, хватались за руки, резались ножами. Из-под груд бездыханных тел кровь ручейками стекала и скапливалась в лужи «по удольемь». Лишь к вечеру одолели русичи. Печенеги же вновь надолго исчезли из поля зрения летописца. Они не упоминаются среди племен, которые в 1024 г. привел на поле Лиственской битвы Мстислав Тмутараканский. Не мешали они Ярославу и позже бороться с Польшей и Чудью. Однако в 1032 г. Ярослав «поча ставити грады по Рysi» и населять их пленными ляхами. Открытой войны еще не было, но приближение ее ощущалось, и граница на Правобережье Днепра была отодвинута на один переход к югу от Киева. Испорченные отношения более не налаживались (хотя у нас нет

данных о состоянии дипломатических отношений с ними в тот период), и оправившиеся от поражения печенеги снова стали представлять опасность, а разговаривать с язычниками (впрочем, есть данные, что уже якобы с мусульманами, но это ничего не меняет) иначе как языком оружия гордый «царь» Ярослав не считал возможным для христианского государя...

Нападение печенегов произошло в год смерти Мстислава Владимировича Чернигово-Тмутараканского, и это не случайно. Этого былинного витязя «иже зареза Редю предъ пълкы касожьскими» («Слово о полку Игореве») печенеги боялись куда более, нежели не блиставшего личными полководческими доблестями Ярослава. Получается, что только благодаря союзу киевского князя с черниговским степняки не возобновили войну ранее.

В 1036 г. Ярославу, находившемуся в Новгороде, пришла весть о том, что печенеги, воспользовавшись его отсутствием и внезапной кончиной брата в Чернигове, обложили Киев. Собрав большое войско из варягов и словен, Ярослав поспешил на юг. Летопись не упоминает об участии в событиях кривичей, ибо сбор их ополчения потребовал остановки в Смоленске.

Печенегов было «бе-щисла», но это не могло остановить русичей. Судя по описанию битвы, противник не мешал Ярославу «исполчить» своих воинов. Выйдя из ворот «Владмирова города», они построились в следующем боевом порядке: в челе, т.е. в середине, как самая устойчивая, по мнению князя, часть встали варяги, на правом фланге — «кияне», на левом — новгородцы. Грандиозное побоище, в котором, по-видимому, приняла участие большая часть печенежских племен, длилось весь день. «Одва одоле к вечеру Ярославъ». Теперь победа была полная и окончательная, поскольку русским войскам удалось ее закрепить. Похоже, что Ярослав на этот раз уже располагал силами, достаточными для длительного преследования, так как разбитые печенеги, вернее их остатки, судя по тексту источника, бежали в разные стороны и очень далеко (при этом тонули на переправах, что происходит только под воздействием противника. — Ю.С.),

навсегда перестав представлять какую-либо угрозу для Руси. Часть их ушла на запад, к границам Византии, а часть — на восток, к Дону, где попала в зависимость от более сильных племен.

Борьба с печенегами, вызвав качественные изменения в военной организации Руси, привела к появлению отечественной кавалерии как рода войск. Конечно, дружинники киевских князей и ранее способны были передвигаться и даже сражаться на конях, но одной дружины было совершенно недостаточно для активной борьбы с кочевниками. Об отсутствии или нехватке конницы свидетельствовала и стратегия Владимира (строительство оборонительных линий) и его тактика — попытка противостоять в поле с недостаточными силами под Василевом или сидение в осаде, пока князь собирает силы на севере. В 993 г. успех принесла победа на поединке, в 1000 г. — ночная вылазка. То есть всегда присутствовал элемент случайности. Победа в бою отмечена лишь в 1001 г. В 1004 г. печенеги уже бежали перед воеводами Владимира, предпочитая не вступать в бой, что, вероятно, и позволило закончить строительство оборонительных линий.

Окончательно чаша весов склонилась на нашу сторону в 1019 г., но лишь сокрушительный разгром основных сил целого кочевого народа в 1036 г. поставил точку в этой борьбе, однозначно свидетельствуя о появлении на Руси кавалерии как самостоятельного рода войск, способного решать и стратегические задачи. Принципиально важно отметить, что массовая конница в тот период могла быть только ополченческой, как это было у франков при Карле Мартелле и позднее. Однако если на западе уже во времена Карла Великого, завоевательные походы которого служили лишь удовлетворению его собственных амбиций и военно-грабительского пыла его окружения, наметился отход народных масс от участия в военном деле и кристаллизация рыцарства, то здесь, на степной восточной границе Европы, конница никогда не станет полностью феодальной. Печенежская опасность заставила сесть на коня и взять в руки копьё «долгомерное» и пахаря, и горожанина-ремесленника.

Несмотря на конечную победу в борьбе с печенегами, потери Руси в ней оказались очень велики. Под напором кочев-

ников исчезли целые племена (уличи и тиверцы). Под постоянной угрозой оказались торговые пути в страны Причерноморья и Прикаспия.

С другой стороны, организация обороны от грабительских набегов в масштабе государства повысила роль Киева как политического и военного центра и оказала значительное влияние на создание единой древнерусской народности, позволила сосредоточить в руках киевского князя огромные вооруженные силы объединенных восточнославянских и изначально союзных им угро-финских племен. «Лучшие мужи» — т.е. дружинники племенных князей — превратились по воле Владимира в военных поселенцев, увеличивая силу киевского князя и попутно превращаясь из кривичей, дреговичей и радимичей в первых русских людей, выполняющих общегосударственную задачу.

Это поистине была первая военная реформа — создание новых вооруженных сил — начавшаяся одновременно с принятием христианства. Пограничная стража Владимира, это первое на Руси постоянное войско, создавалось уже не на чисто дружинной основе личной преданности вождю, а, в большей степени на новой, христианской, но оказавшейся столь созвучной и близкой русской душе идее жертвы «за други своя», идее служения Отечеству, государству как средству защиты народа от векового зла, налетающего из южных степей и воплощенного в образе огнедышащего крылатого змея, требующего человеческой дани... В отличие от германского императора Генриха Птицелова, который, решая аналогичную задачу, комплектовал свой Полабский легион из преступников, заменяя им заслуженную кару службой на славянской границе, Владимир Святославич основывал нашу пограничную службу на началах долга и чести. Вот где корни самобытности нашей военной организации и, следовательно, военного искусства, разительно отличающегося от военного искусства Запада, защищенного нами от степи, того Запада, где двигателем войн стал эгоизм крупных и мелких феодалов, а воины-профессионалы превратились в наемников.

Так, новой верой и новой армией утвердил Владимир Святой новую Русь, простоявшую на этих двух опорах девятьсот лет...

ТОРКИ

Со смертью Ярослава в 1054 г. Русь разделилась на пять уделов его сыновей, а уже в следующем году на смену печенегам у русских границ появились торки (узы или гузы — выходцы из Приаралья). Прежде они неоднократно оказывались союзниками киевских князей, ходили с Владимиром на камских булгар, однако в последние годы они, вместе с недобитыми печенегами, постепенно, под давлением более сильных восточных соседей, отступали на запад, пока не оказались притиснуты к русской границе в положении потенциальных врагов, каким их делал сам кочевой образ жизни. Зажатые между кипчакским «молотом» и русской «наковальней» торки становились опасны.

В 1055 г. «иде Всеволодъ на Торкы зиме к Воиню и победы Торкы». Между прежними союзниками произошло первое столкновение. Силы кочевников, по-видимому, были невелики. Это известие примечательно как первая со времен похода Игоря на печенегов зафиксированная в источниках наступательная акция русских против кочевников. Хотя этот короткий поход и завершился на границе, но реально боевые действия происходили уже в лесостепной полосе, а не возле русских столиц, как до сих пор. Нечто подобное, по-видимому, уже имело место в 970 г., когда Святослав прогнал печенегов от Киева, но неизвестно, как далеко продолжалось тогда преследование. То же самое можно сказать и о результатах их разгрома в 1036 г. Теперь, как видно, обладая качественной и многочисленной кавалерией, русские полководцы могли попытаться бороться со степняками и на их территории.

В следующей строке «Повести временных лет» впервые упомянуты половцы: они пришли к Всеволоду в Переяславль, заключили мир и ушли восвояси. Зачем приходили? Скорее всего, переяславский князь понадобился им как союзник против не сломленных еще торков, продолжавших кочевать поблизости и попадавших теперь в изоляцию.

Следующие пять лет летопись ничего не сообщает о враждебных действиях торков и тем более о том, что происходи-

ло к югу от русской границы, где, несомненно, продолжалась ожесточенная борьба народов за жизненное пространство. В 1060 г. в нее решили вмешаться трое старших Ярославичей, установивших свой контроль над всей Русью. Позвав на подмогу Всеслава Полоцкого и «совокупиша вои бесчисленны», практически со всей Руси, они двинулись на торков.

Марш совершался традиционным для военного искусства Киевской Руси комбинированным способом. Пехоту перевозили вниз по Днепру в насадах, а берегом шла кавалерия. Разница заключалась в том, что если ранее практически все русское войско представляло собой десант «речной пехоты», а по берегу двигались кочевые союзники, то теперь кавалерия была своя, в то время как врагами стали недавние союзники, как будто ничем не спровоцировавшие столь массивную карательную экспедицию.

Торки не приняли боя и бежали. Поход, по-видимому, состоялся поздней осенью, и летописец злорадствовал, описывая, как соседи, до сих пор выполнявшие роль буфера между Русью и половцами, спасая жизнь, бросали свои стада и жилища, а затем гибли от голода, болезней и наступивших морозов. Впрочем, он, как позже выяснилось, несколько преувеличивал.

Как мы знаем, расплата не замедлила. Половцы отплатили своим новым союзникам за услугу уже в следующем году... Торки же, по крайней мере часть из них, дорогой печенегов устремились к Дунаю, где несколько лет угрожали Византии, а затем приняли имперское подданство и поселились в Македонии.

Этот достаточно необычный эпизод до сих пор не привлекал к себе внимания большинства историков. Даже Л. Н. Гумилев оставил его без комментариев. Торки начинали интересовать исследователей лишь с момента их «воскресения» в качестве федератов русских княжеств. П. П. Толочко в своей специальной работе, посвященной взаимоотношениям Киевской Руси и кочевников, дал вполне традиционное объяснение событиям 1060 г. Он считает, что торки все-таки заслуживали наказания, поскольку они «...тем не менее не отказались от грабительских походов на южнорусские зем-

ли». Доказательств этому утверждению, как было указано выше, привести невозможно, как и опровергнуть. В пользу его говорит лишь концовка фразы: «...так Богъ избави хрестьян от поганыхъ» — написал автор ПВЛ, не указав ни единого конкретного случая нападения торков и не зная, какой горькой иронией обернутся эти слова уже на будущий год. Зато можно предложить иную версию событий и предшествовавших им политических решений.

При внимательном рассмотрении случаев с торками в 1060 г. очень напоминает ситуацию, в которую попали сами половцы в 1223 г. Различаются они, главным образом, действиями русской стороны, которая, кстати, оба раза в конечном счете оказывалась проигравшей...

Существовал ли иной вариант развития событий? Может быть, воинственные князья упустили возможность объединиться с еще сильными торками против надвигающихся половцев, которые неминуемо должны были превратиться в общего врага? В 1223 г. русские так и поступили, выступив против монголов вместе с половцами, справедливо полагая, что те, предоставленные своей судьбе, неминуемо попадут в зависимость и усилят собой армию новых завоевателей.

Как видим, в 1060 г. был выбран вариант более жестокий и циничный, но и более надежный, и, как подтвердило развитие событий, более оправданный и перспективный. Во всяком случае, русские в 1223 г., после более чем полуторастолетней войны, имели, казалось бы, куда больше оснований для подобных, мягко говоря, «превентивных» действий, нежели в 1060. Помешали сделать столь же суровый выбор, как известно, родственные связи с недавними врагами, а также, как представляется, в полной мере укоренившиеся уже в княжеско-дружинной среде на основе христианских ценностей, представления о рыцарской чести.

Нельзя, думается, исключать и стремление Ярославичей таким образом купить расположение новых соседей и «союзников», за счет союзников прежних. Можно предположить даже, что поход предпринимался с целью выполнения каких-то условий принятого ранее договора и решившего их судьбу.

В результате этого похода какая-то часть торков, оставшихся в степях Северного Причерноморья, капитулировала перед завоевателями и попала, как и некоторые печенежские племена, в зависимость от половцев. Другие же их родовые группы оказались вынуждены перейти на службу к киевским и переяславским князьям и были, для прикрытия границы, расселены, соответственно, в долине Росси и на пустынных землях между Сулою и Трубежем. Точные указания о том, когда именно это произошло, источники не содержат. О существовании левобережной группировки федератов становится известно из записи 1080 г.: «Заратишася Торцы Переяславльстии на Русь». На подавление их мятежа Всеволод направил сына Владимира, успешно выполнившего задачу. Определение «переяславские» позволяет считать, что в это время уже были и киевские торки, а возможно — и черниговские.

Центром правобережной, по-видимому, более крупной группировки «своих поганых» стал город Торческ, построенный, судя по сообщениям археологов, как огромный лагерь — временное убежище для кочевников. Здесь, как и в Посулье, известны и небольшие городки-замки феодализирующейся торческой знати: Кульдюрев, Чурнаев и другие. Летом 1093 г. правобережные торки отчаянно, но безуспешно защищали свою столицу от половецкого нашествия, что, по-видимому, не позволило тогда половецким ханам приступить к непосредственной осаде Киева. В 1095 г. под Переяславлем торки вошли в состав диверсионного отряда, выкравшего из половецкого стана княжича-заложника Святослава Владимировича, а затем уничтожившего половецкого «князя» Китана и его «дружины». Спустя два года торки, вместе с берендичами и печенегами, упоминаются на Правобережье в качестве желанных гостей несчастного Василька Теребовльского. С тех пор торки здесь, как правило, упоминаются вместе с берендеями. Отдельные представители этих племен, как можно судить по встречающимся в летописи именам, служили князьям в качестве младших дружинников — отроков.

В 1103 г. удачный поход русских князей на половцев привел к захвату, в числе огромной добычи, и подвластных тем

родовых групп торков и печенегов: «...и заяша Печенеги и Торьки с вежами. И придоша в Русь с полономъ великим». Зимой 1105 г. хан Боняк, напав на пограничье Киевщины, под Зарубом столкнулся с отрядами торков и берендеев и разбил их.

Окончательная консолидация торков под русской властью произошла после очередного успешного русского похода на половцев. Повторное взятие Ярополком Владимировичем нижнедонских ханских ставок в 1116 г. подняло кочевавших в донской пойме торков и печенегов на восстание против завоевателей. Два дня и две ночи «секлись» они с половцами у Дона, но не смогли одолеть и ушли под власть Мономаха. Годом позже из этого же региона ушли на Русь и «беловежцы», в которых П.П. Толочко видит тех же торков и печенегов.

Контингент «своих поганых» на Руси теперь был уже столь велик, что в 1120 г. Владимир посылает их в поход на Польшу как самостоятельное войско: «Тогда же посла Володимеръ Андрея с погаными на Ляхы, и повоеваша е».

Взаимоотношения киевского князя с новыми вассалами складывались непросто, и уже на следующий год «Прогна Володимеръ Берендичи из Руси, а Торци и Печенези сами бежаша». Бежали, однако, далеко не все, а может быть, и ненадолго, так как в год смерти Владимира Всеволодовича половцы планировали захват левобережных торков под г. Баручем. Попытка эта была успешно пресечена Ярополком Владимировичем благодаря вовремя полученной информации, вероятно, добытой посульской пограничной засекой от «языка».

Торки, по-видимому, в тот период численно доминировали среди служивших Киеву «поганых». Так, в 1128 г. именно торками назван отряд кочевников, что под командованием воеводы Ивана Войтишича участвовал в походе на половчан.

В 1139 г. из Венгрии на службу к Ярополку пришли (вернулись?) тридцать тысяч берендеев. Они также были расселены в верховьях Росси (здесь под 1177 г. упомянуты «6 городов берендич») и с этого времени все чаще в летописях все

эти близкородственные по языку «свои поганые» упоминаются под собирательным названием «черные клобуки» по своему отличительному признаку — черным папахам («кара калпак»). Это означало, что в поросском конгломерате племен торки утратили главенство. В 1151 г. в перечне племен черных клобуков они, скорее в силу традиции, еще упомянуты первыми, наряду с коуями, берендеями и печенегами, но этноним «берендичи» в дальнейшем встречается значительно чаще.

Оказавшись в водовороте междукняжеской борьбы за Киев, черные клобуки выступали всегда как единое целое и в общем старались как можно реже вступать в схватки, максимально сохраняя свой личный состав, избегая оказаться на слабейшей стороне. Слабевшей власти киевского князя, стремившегося поставить их в рамки вассалитета, они постоянно противопоставляли союзнические формы отношений, в том числе смело отстаивая свое право на захваченную добычу. Зато всю свою энергию и рвение они проявляли в борьбе с «наследственным врагом», играя в этом деле чрезвычайно важную роль, и постоянно участвуют в походах русских князей на половцев, и, еще чаще, — в отражении их нападений. Случалось им и самостоятельно отбиваться от кипчаков, но случалось и разделять с русским союзником его поражения.

Время показало, что лучшей защитой от номадов оказались сами номады. Располагаясь с внешней стороны от старых Владимировых крепостей, они создали буферную зону, довольно надежно прикрывшую земледельческие славянские поселения. С большой долей вероятности можно предположить, что у черных клобуков так же, как это было и у половцев, существовало выдвинутое в степь к югу сторожевое охранение — «сторожа», располагавшееся обычно на каком-либо естественном рубеже, в одном переходе от основного района кочевий. По всей видимости, таким рубежом на Правобережье была река Тясмин, а пространство между Тясмином и Русью представляло собой, говоря языком современного боевого устава, «полосу обеспечения», которая могла контролироваться подвижными патрулями. Существование

системы охраны и наблюдения за подступами к границе предполагает и существование системы связи и оповещения. О появлении противника предупреждали посредством сигнальных огней (дымом), условными знаками и отправкой посыльных — средствами, дожившими до XIX в.

Была ли прикрыта граница в инженерном отношении? Археологи отрицают существование в XI — начале XIII в. таких же непрерывных оборонительных стен, как во времена Владимира, уже заброшенных в данный период. Ничего не сообщают о проведении таких работ и летописи. Встречающиеся в источниках топонимы «Дверен», «Воротца» как будто содержат в себе намек на проходы в заграждениях, но речь здесь, по-видимому, идет лишь об укреплениях, запирающих переправы, броды на Роси, проходы в болотистой пойме, так же, как это имело место на Посульской оборонительной линии. С привлечением кочевников к пограничной службе оборона южной границы стала подвижной, гибкой, лишь опирающейся на систему укреплений, включающей укрепленные лагеря (загоны), в которых торки вместе со стадами укрывались от превосходящих сил противника.

Среди имен русских воевод того времени летописи приводят несколько тюркских, скорее всего, принадлежавших вождям черных клобуков. Первым по заслугам (числу упоминаний в боевых эпизодах) среди них следует выделить Куньтугдыя, удостоившегося лестных отзывов самого князя киевского Рюрика Ростиславича: «...бе мужь дерзь и надобень в Руси». Вся эта плеяда, как можно себе представить, выполняла особую роль в составе киевского войска, будучи начальниками лихой легкой конницы, привыкшей к действиям в разведке и в авангарде, погоням и перехватам конвоев с полоном на нейтральной полосе.

С шестидесятых годов XII столетия положение торков, берендеев и прочих черных клобуков в составе Киевской земли меняется. Торческ превращается в столицу русского удельного княжества с постоянным гарнизоном. Торческая знать постепенно переходит на положение вассалов, получающих во владение замки от русского князя. Ополчение черных клобуков превращается в войско удельного княже-

ства. Тюркское население Поросья, живущее рядом с местными славянскими старожилами — «поршанами», постепенно христианизируется и переходит к оседлому образу жизни. Процесс этот был прерван монгольским нашествием.

В отличие от торков Поросья, оставлявших вплоть до начала XIII столетия многочисленные захоронения с комплексами вооружения и скелетами коней, торки переяславские археологически почти не известны. Это позволяет предположить, что данная группа довольно быстро была христианизирована и подверглась аккультурации. Левобережные торки не составляли единого массива, располагаясь локально по обширной территории, там, где слабозасоленные почвы позволяли заниматься овцеводством.

К северо-востоку от торков переяславских, где-то на рубежах Чернигово-Северской земли, обитала еще одна группа родственных торкам «своих поганных» — черниговские ковуи, известные по походу Игоря Новгород-Северского. Известны (по единственным упоминаниям) на Левобережье также турпеи и каепичи, последние — возможно, половцы, перешедшие на русскую службу.

В заключение о торках и их родичах на русской службе следует сказать, что следы их сохранились не только на территории современной Украины. Большая группа топонимов (Берендеево и др.) в районе вокруг Переяславля-Залесского, а также курганные захоронения суздальского Ополя позволяют считать, что, скорее всего со времен Юрия Долгорукого, в этих местах находились отряды служилых кочевников, пришедших сюда с юга.

ЧАСТЬ II

РАТНОЕ ДЕЛО XII—XIII вв.

Усилившийся с середины XI в. процесс дробления Киевского государства и, одновременно, новый натиск кочевников стали историческим фоном, на котором развивалось русское военное искусство, вплоть до первой трети XIII в. Эти факторы, наряду с развитием феодальных отношений в обществе и совершенствованием военной техники, определили характер национального военного искусства и его особенности на Руси.

Комплектование войска. Состав войска русских земель эпохи феодальной раздробленности мог быть различным, в зависимости от характера и целей данной войны. В каждом конкретном случае в нем принимали участие вассалы-бояре со своими отрядами и личная дружина князя, а также добровольцы — «охотники» из числа городского населения. Часто эти силы дополнялись городским ополчением и изредка — сельским. Для участия в походе ополчения требовалось согласие веча.

Кроме того, в феодальных войнах обычным стало участие половцев и представителей некоторых других кочевых племен. Известно, что князья Юго-Западной Руси нередко прибегали к помощи венгерских и польских союзников, а полоцкие князья использовали отряды своих прибалтийских данников. Сбор дружины и ополчения проводился князем и тысяцким после принятия решения о походе или в случае нападения врага. Для того чтобы выступить в поход, князь должен был разослать гонцов «по селам». Обычно сбор занимал около недели. В огромном Владимиро-Суздальском княжестве и в Новгородской земле — несколько более. Объединенное южнорусское войско в поход на Калку в 1223 г. собиралось около полутора месяцев.

Дружина, как и прежде, подразделялась на старшую и младшую, но в ее составе происходили изменения. В условиях постоянной междоусобной борьбы князья стремились усилить, в противовес аристократической боярской оппозиции, свою младшую дружину, прежде всего за счет увеличения ее численности. Наряду с «отроками» — низшими военными слугами — и «детскими» — близкими телохранителями благородного происхождения — в ее составе появились новые категории — «милостники», получавшие вооружение и коней от князя, а также «пасынки», получавшие за службу право сбора оброка со смердов и жившие вне княжеского двора, — прообраз служилого дворянства. С течением времени их служба стала носить наследственный характер, и к 30-м гг. XIII в. сформировался устойчивый слой мелких феодалов, известных как «дворяне» или «слуги». Иногда их именовали на старинный лад «мужами». В связи с этими изменениями термин «дружина» вышел из употребления и с начала XIII в. появился новый — «двор».

Во второй половине XII в. в Киевской земле известна еще одна категория воинов — так называемые «седельники». Судя по описанию, это были военные поселенцы, лично зависимые от князя, входившие в состав легкой конницы.

На особом положении находились жители степного приграничья, населявшие крепости на оборонительных линиях бывшей Киевской Руси. Первоначально они являлись военными поселенцами — частью войска великих князей. С усилением усабиц крепостные гарнизоны превратились в самостоятельные общины, население которых вынуждено было совмещать занятия ремеслом и сельским хозяйством с несением сторожевой службы (т.н. *поршане* — жители Поросья).

Организация войска. Войско феодально-вотчинной Руси, как и прежде, представляли пехота и конница. В данный исторический период пехота состояла из беднейшей части ополченцев. Ее вооружение и тактика не претерпели серьезных изменений. Роль пехоты в полевых сражениях постепенно снижалась. Этот род войск самостоятельно мог использоваться в качестве десантов, а также при осаде и обороне крепостей.

Как и в Западной Европе, в период феодальной раздробленности в русском войске возрастали удельный вес и значение конницы. По тактическому предназначению и типу вооружения она делилась на тяжелую («оружники») и легкую («стрельцы»). В соответствии с понятиями того времени полноценными воинами считались только «оружники», обладавшие полным комплексом защитного и наступательного вооружения. Главным их оружием служили длинная пика и меч. Тяжелая кавалерия решала исход боя фронтальным ударом копейщиков.

Основу легкой кавалерии составляли находившиеся на службе князей (главным образом на юге Руси) родовые группы кочевников (торки, берендеи, ковуи), а также «молодые люди» из младшей дружины и ополчения. Выделение в составе кавалерии легкой конницы на Руси произошло ранее, чем на Западе, и явилось значительным шагом вперед в развитии военного искусства.

Развитие военного мореплавания в данный период продолжалось только в Новгороде. Так, в 1188 г. новгородцы участвовали в морском походе корелов на столицу Швеции г. Сигтуну. В то же время в каждом княжестве имелась флотилия речных боевых кораблей — насадов. Наиболее крупные походы «судовой рати» организовывало Владимиро-Суздальское княжество.

Развитие военной техники характеризовалось появлением в середине XII в. метательных машин, а также ручных самострелов (арбалетов) и их постепенным распространением, в первую очередь в западнорусских землях.

Организационно русское войско в это время делилось на полки, формируемые за счет ополчений отдельных земель или крупных городов. Полки, в свою очередь, подразделялись на стяги — отряды крупных феодалов, ополчения небольших городов или городских «концов». Стяги состояли из наименьших тактических единиц — «копий» численностью приблизительно в 16—20 человек. Число стягов в полку и копий в стяге было непостоянным. Для подачи сигналов служили музыкальные инструменты. В кавалерии — трубы, а в пехоте — бубны.

Обучение и воспитание войск. Воинское обучение и воспитание в период феодальной раздробленности Руси носили традиционный характер, и их содержание на протяжении столетий почти не менялось. Как и в предшествующее время, основу воинского обучения составляли ежедневные упражнения в верховой езде, фехтовании, стрельбе из лука и т.п. По западным источникам известны случаи участия русских воинов в рыцарских турнирах при европейских дворах. О проведении подобных игр на Руси в сохранившихся летописях сведений не содержится.

Огромную роль в воинском обучении продолжала играть зверовая охота, которая не только развивала индивидуальные навыки владения оружием и верховой езды, но, главным образом, являлась психологической тренировкой, закалкой духа.

Своеобразным элементом воинского обучения будущих военачальников являлось участие в военных походах подростков. Вникая в детали замысла предстоящего сражения, наблюдая за его подготовкой и ходом, сыновья князей и бояр на практике постигали военную науку.

Новые общественные отношения способствовали формированию соответствующих моральных ценностей воинов, видоизменявшихся от идеала дружинной преданности к верности вассальной. При этом неизвестное на Западе вплоть до конца XIII в. чувство патриотизма и любви к отечеству как стране в целом («Русская земля») тесно переплеталось с понятием воинской чести и идеалами православия.

На формирование соответствующих морально-психологических качеств воинов большое влияние оказывал народный эпос и появившиеся первые литературные произведения на военные темы. Образцами подобной литературы могут служить дошедшие до нашего времени «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», а также воинские повести, включенные в состав летописных сводов. Получив широкое распространение во всех русских землях, они способствовали поддержанию и развитию уже сложившихся боевых традиций.

Показателем уровня нравственности русских воинов того времени может служить пример самопожертвования «луч-

ших мужей» войска Игоря Новгород-Северского. Бросить своих «простых» однополчан и самим прорваться из окружения они посчитали грехом перед Богом, предпочтя неизбежные гибель или плен жизни, добытой ценой предательства.

Следует заметить, что процесс профессионализации военного дела приводил к общему снижению боевой подготовки ополчения. С распадом родоплеменных отношений исчезла систематическая подготовка подраставшей части мужского населения. Поэтому сельское ополчение лишь в крайних случаях привлекалось к участию в боевых действиях. На поле боя оно становилось легкой добычей «княжьих мужей», которые «жали как колосья» толпы вооруженных чем попало смердов.

Основные военные события в рассматриваемый период были обусловлены междоусобной борьбой русских князей главным образом за великокняжеский престол и защитой от внешних врагов. Война с половцами почти без перерывов длилась около полутора веков. В данной лекции нет возможности хотя бы кратко привести хронологию ее событий. Отметим лишь, что главные победы в первом ее полувековом отрезке связаны с именем Владимира Мономаха.

Усобицы, прекращенные Владимиром Мономахом (1113—1125), возобновились после смерти его сына Мстислава (1132). Объектом нападений черниговских князей стал Киев, сохранявший еще значение столицы. Участие в этих войнах половцев сказывалось особенно разорительно на приграничных землях Южной Руси. Борьба с ними оставалась насущной задачей, решению которой посвятили себя наиболее выдающиеся полководцы данного периода. С 1146 г. началась длительная война за Киев между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким — сыном Мономаха, давшая выдающиеся образцы военного искусства. С 1169 г. Южная Русь и правившие там князья попали в зависимость от Андрея Юрьевича Боголюбского, а в последующем от его брата Всеволода Большое Гнездо — правителей Владимиро-Суздальской земли.

Оборона границ в рассматриваемый период формально оставаясь общерусской задачей практически (на конкретных

участках) превратилась в обязанность князей — правителей приграничных земель. Главным стратегическим направлением в обороне Южной Руси был степной юг и юго-восток. С приходом к русским границам в 1059 г. половцев здесь развернулась ожесточенная война, длившаяся с небольшими перерывами вплоть до начала двадцатых годов XIII в. С конца XI в. ее возглавил Владимир Мономах. Под его руководством были одержаны победы в 1096 г. под Переяславлем, в 1107 г. — под Лубнами, совершены походы в глубь степей в 1103, 1109, 1111 гг. Дело князя продолжили сыновья Ярополк и Мстислав в походах 1116 и 1129 гг., довершив разгром и частичное изгнание половцев, но возобновившиеся усобицы быстро свели на нет плоды их деятельности.

Позднее борьба с кочевниками шла с переменным успехом, но с конца семидесятых годов, когда в Киеве установилось правление одновременно двух князей, она вновь приобрела наступательный характер. Наиболее значительными были успешные походы в степь в 1152 и 1170 гг. Мстислава Изяславича; в 1184 и 1185 гг. — Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича; в 1192 и 1193 гг. — Ростислава Рюриковича; в 1202 и 1205 гг. — Романа Мстиславича. На северо-востоке успешно боролся с половцами рязанский князь Роман Глебович. В то же время главным противником здесь являлась Волжская Булгария. В ответ на нападения булгар владими́ро-суздальские князья организовывали походы на Волгу, привлекая к ним рязанских и муромских вассалов.

На западных границах все большую опасность представляли литовские племена и родственные им ятвяги. Здесь с ними успешно боролся Роман Мстиславович Волынский. Начало XIII в. характеризуется новым литовским натиском. Теперь литовцы уже представляли опасность и для Смоленска, и для Пскова, так как Полоцкая земля окончательно ослабела от дробления на уделы и внутренних смут.

После гибели в 1205 г. Романа Мстиславича, объединившего Волынь и Галичину, венгерские короли от политики традиционного союза с русскими переходят к попыткам подчинить себе Прикарпатскую Русь. Борьба за Галич длилась почти без перерывов до 1234 г. Ее возглавили Мстислав Мстиславич (Удалой) и Даниил Романович.

На северо-западных рубежах на протяжении всего периода новгородцы то отражали нападения чуди (эстов), то совершали походы в их земли за данью. В начале XIII в. в землях ливов укрепился немецкий рыцарский орден меченосцев, распространивший свою экспансию и на Эстонию. Русское влияние здесь было утрачено. В 1224 г. пал его последний оплот — г. Юрьев (Тарту).

Стратегия. Военные действия, как и в предшествующий период, достигались посредством походов. Но если в IX — начале XI в. они были еще достаточно примитивны по своим стратегическим замыслам, то во времена феодальной раздробленности их осуществление и достижение конечной цели значительно усложнились.

В условиях политической самостоятельности отдельных земель князьям приходилось сосредоточивать свои усилия на обеспечении безопасности как своего участка общерусской границы, так и внутренних границ. В этой связи первостепенное значение приобретал выбор стратегических партнеров, причем половецкие ханы, польские князья или венгерский король оказывались зачастую предпочтительнее двоюродных братьев. При выступлении в поход учитывались самые разнообразные факторы, начиная от времени года и хода полевых работ, условий зимовки половцев и кончая сложным переплетением дипломатических отношений между русскими землями и их иноплеменными соседями.

Эффективно решать стратегические задачи могли только крупные политические деятели. Классическим примером осуществления масштабной стратегической операции в данный период может служить операция по ликвидации самостоятельности Полоцкой земли Мстиславом Великим в 1128 г., когда отрядам девяти вассалов и великокняжеских воевод был назначен единый день начала наступления на противника с семи различных направлений.

Поставленные цели стремились достичь главным образом разгромом противника в полевом сражении. При этом, особенно со времен Владимира Мономаха, широко использовали внезапность нападений за счет совершения форсированных передвижений, в том числе и ночью. В походе Мо-

номаха на Дон в 1111 г. величина суточного перехода смешанной колонны временами достигала 50 км, а при наличии сменных лошадей конные отряды совершали переходы в 120 км и более.

Нередко передвижение войск осуществлялось по рекам в судах — насадах или комбинированным способом, когда конница шла берегом. Главными направлениями их являлись: вниз по Днепру — против половцев; вниз по Клязьме, Оке и Волге — против булгар; против шведов — по Волхову, оз. Ладога, Неве и Финскому заливу.

Зимой боевые действия не только не прекращались, а, скорее, активизировались. В этот период была возможность привлекать к ним большие людские ресурсы. Походы на половцев вообще оказались наиболее эффективны именно в морозные и снежные зимы, так как кочевники, привязанные к зимовкам, теряли способность к организованному сопротивлению.

Огромное значение русские полководцы уделяли ведению разведки в целях получения стратегических данных о противнике. Особенно показательны в этом отношении зимние рейды в половецкие степи отрядов легкой кавалерии численностью в несколько тысяч всадников. Направляемые для выяснения намерений противника, разорения его кочевий, они использовались также для срыва готовящегося набега или отвлечения внимания от другого направления. Нередко встречаются и упоминания о существовании сети агентурной разведки и ее действиях.

Оборонительная стратегия осуществлялась с опорой на крепости. Наиболее известна стратегическая оборонительная линия общей южной границы, созданная в период единого Киевского государства. В дополнение к построенным ранее некоторые киевские князья продолжали строить новые крепости. С середины XII в. в каждой из крупных русских земель возникла своя система стратегических крепостей, оборонявших границы, подступы к столице или контролировавших пересечения торговых путей.

В междоусобных войнах противник «затворялся» в городе лишь по причине своей слабости. Укрывшись за стенами

укрепления, князья выторговывали почетный мир, выжидали время, надеясь на перемену обстоятельств. При равных возможностях маневрирование вне стен всегда было предпочтительнее, чем сидение в осаде, поскольку создавало большую угрозу противнику и уменьшало вероятность собственного поражения.

В полевой войне, в зависимости от ее целей или соотношения сил, характера местности и иных обстоятельств, один из противников нередко предпочитал уклониться от решительного столкновения, «стать за твердь», «засечься», то есть занять недоступную или укрепленную позицию, чтобы изменить ситуацию в свою пользу, выждать более благоприятный момент для нападения или начать переговоры. Избравший же способ маневренной обороны мог достигать существенных результатов и при недостатке сил. Так, в 1185 г. небольшой русский отряд, встретив войско хана Кзы, отступил в дефиле среди болот, где часть сил вступила в бой, а другая часть, совершив глубокий обход, ударила в тыл половцам и разгромила их.

Важнейшие решения, касавшиеся вопросов коллективной обороны, принимались всегда коллегиально, на «снечах» (съездах) князей. В целом для русской стратегии данного периода характерна оборонительная направленность, стремление защитить свои рубежи, но оборона эта носила активный характер. Бить врага предпочитали на его территории. Чрезвычайно ценным и актуальным выглядит решение княжеского съезда 1223 г.: «Лучше нам встретить его (врага) на чужой земле, нежели на своей».

Тактика. Боевое построение войска в рассматриваемый исторический период не претерпело существенных изменений и, как и ранее, подразделялось на три части: «чело», полки правой и левой руки. Каждый из этих элементов боевого порядка обычно состоял из однородной боевой единицы — полка какого-либо князя или ополчения города. В междоусобных войнах такой боевой порядок сохранялся на протяжении всего периода. Лишь простое увеличение числа полков в объединенном войске крупной коалиции вызывало механическое растяжение «полчного ряда».

Усложнение боевых порядков русских войск связано в первую очередь с борьбой против половцев. Действуя на открытой местности, когда не было возможности надежно прикрыть фланги, князья вынуждены были эшелонировать боевое построение своих войск в глубину и выделять значительные резервы. Именно по такому принципу действовали Игорь и Всеволод Святославичи в 1185 г., имевшие 6 полков и расположившие их в три линии.

Сражение начиналось сближением сторон и перестрелкой конных стрельцов, затем следовал таранный удар копейщиков-оружников. Маневрирование до начала фронтального столкновения являлось исключением из правил и предпринималось в особых условиях (битва на р. Колокша, 1178 г.). Обычно маневр на поле боя происходил как импровизация, когда та или иная часть боевого порядка противника не выдерживала и, отступая, открывала соседа для удара ему во фланг.

Усиление феодальной раздробленности, профессионализация военного дела и распространение идеологии рыцарского индивидуального героизма (погоня за «честью и славой», соперничество из-за них) в русском военном искусстве, как и на Западе, приводили к анархии на поле боя, где каждый стремился отличиться любой ценой, заботясь в первую очередь о выборе себе противника «поблагоднее» для очередного поединка. Особенно характерно это было для западно- и южнорусских земель. Во Владимиро-Суздальском княжестве с его более прочной централизацией в большей степени сохранялась киевская, державная традиция в военном искусстве.

Военачальники, сражавшиеся в первых рядах, практически сразу же утрачивали возможность влиять на ход боя. В ситуации, когда лишь колышущийся в гуще боя полковой стяг показывал бойцам, что их глава продолжает действовать, исход столкновения в огромной степени зависел от стойкости войска. Падение же стяга однозначно расценивалось как перелом в сражении, поражение данной стороны.

В то же время нарушение боевого порядка и бегство одной, а то и двух частей с поля боя еще не означали оконча-

тельного разгрома, особенно если победители увлекались преследованием. В этом случае они сами могли оказаться под ударом части противника, сохранившей боеспособность и сомкнутый строй.

Подобная неорганизованность уравнивалась тем, что и в противоположном стане складывалась аналогичная ситуация, не позволявшая воспользоваться оплошностью противника, но при столкновении с монголами на Калке, имевшими великолепную организацию и четко налаженное управление, войско, собранное едва ли не с половины Руси, было наголову разгромлено.

Огромное значение русские военачальники придавали разведке и боевому охранению, функции которых выполняли «сторожи». Умелые действия разведчиков иногда оказывали решающее влияние на исход всего похода, как это случилось в 1103 г., когда передовой отряд русских «устерег» вражескую «сторожу» и уничтожил ее целиком. В результате половецкие полчища неожиданно для себя оказались перед строем изготовившихся к атаке русских полков, пришли в замешательство и были рассеяны.

Десятилетия непрерывной маневренной обороны границы с Диким полем выработали у русских воинов особую тактику степной войны. В столкновениях на открытом пространстве с превосходящими и высоко маневренными силами кочевников русские военачальники всегда стремились построить устойчивое ядро из пехоты (Мономах в 1111 г., Игорь и Всеволод в 1185 г., Владимир Переяславский в 1215 г.) или тяжелой конницы (Володислав и Михалко в 1172 г.) как опору для маневрирующих «стрельцов». Этот прием носил название «город».

Известны два излюбленных приема перехвата кочевников, возвращавшихся из набега: подстерегание на переправе, а также движение со стороны степи по тропе набега навстречу врагу с последовательным уничтожением передового охранения, конвоя пленников и в последнюю очередь — главных сил, прикрывавших отход.

Умело использовалось против половцев и их же традиционное ложное отступление. Так, в походе 1184 г. главные

силы, двигавшиеся по Днепру в насадах, прикрывал шедший далеко впереди отряд молодых князей и служилых тюрок («черные клобуки»), ведомый Владимиром Глебовичем Переяславским. Хан Кобяк долго отступал, пока не увидел, что князья повернули обратно и встали на дневку возле устья р. Орель. Уверившись в том, что это и есть все русское войско, он нагнал их и завязал перестрелку, о чем было сообщено киевским Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу. Конница главных сил обошла половцев, а авангард в это время атаковал их и связал боем. В результате кочевникам был нанесен удар, сопоставимый с победой 1103 г.

Для войска Владимиро-Суздальской Руси было свойственно стремление усиливать свою позицию полевыми укреплениями: надолбами, окопами, частоколами, засеками, рогатками. Такое стремление к пассивной обороне в последующем станет характерной чертой действий пехоты войска московского государства.

Повсеместно на Руси использовались засады, а также всевозможные военные хитрости: например, разбивка ложного лагеря с множеством костров, чтобы ночью создать видимость стоянки огромного войска и тем скрыть отход своих сил, и т.д. Одним из интересных и исключительно эффективных приемов был «обман стягом». Он применялся в междоусобных войнах, когда противники не слишком различались внешне; в случае бегства части своих войск, когда часть сил противника уходила на преследование, а у оставшихся врагов удавалось отбить стяг и прогнать их с поля боя. Тогда, подняв этот трофей и спрятав свой, возле него стерегли возвращавшихся из погони врагов, которые, будучи уверенными в победе, съезжались, по обычаю, к своему знамени. Внезапно поднятый стяг великого князя или грозного полководца мог сам по себе ошеломить противника, дезорганизовать его атаку и стать причиной его поражения.

С середины XII в. ускоренно стало развиваться искусство обороны и взятия крепостей. Все более активно применялись метательные машины. Из-за этого оборона городов стала носить эшелонированный характер, что выражалось в создании нескольких линий укреплений: внешнего острога

(частокола), нескольких рвов и крепостных стен. За счет ведения боя перед крепостными стенами расширялась зона обороны, а метательные машины противника отодвигались за пределы эффективной дальности их применения. Другим путем повышения активности и эффективности обороны крепостей стало увеличение числа башен и их высоты. Все чаще проездные башни, а также донжоны и цитадели строили из камня.

Овладение крепостями осуществлялось несколькими способами: измором (самый распространенный), «изгоном», то есть врасплох, через открытые ворота и штурмом. Последний способ к концу рассматриваемого периода применялся все чаще.

В 1220 г., штурмуя болгарский г. Ошель на Каме, владимирское войско столкнулось с четырехрядной системой обороны: тын на валу, за ним два дощатых заплота, ров, за которым — основная стена. За тыном перемещались конные стрелки противника. Чтобы овладеть такой крепостью, осаждавшим пришлось создать специальные отряды разрушения укреплений, которые, действуя впереди штурмовых колонн, под прикрытием метательных машин проделывали проходы, последовательно просекая тын, заплоты, и заваливали ров. Таким образом, в домонгольскую эпоху русское военное искусство получило свое дальнейшее развитие. Однако политическая раздробленность русских земель существенным образом ослабляла их военную мощь, что, наряду с возобладавшей среди военачальников идеологией рыцарского эгоизма, дезорганизующей государственную оборону, привело к поражению в столкновении с единым войском раннефеодальной «империи чингизидов».

МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ

Мстислав (Гавриил), старший сын Владимира Мономаха, родился в 1075 г. в Смоленске. Его матерью была Гида (Эдгита) — дочь последнего короля саксов Гарольда Несчастливого, убитого в 1066 г. в битве при Гастингсе. Еще отроком Мстислав стал княжить в Ростовской земле. Здесь

он успешно боролся с Олегом Черниговским и разбил его под Суздалем. В 1095 г. Мстислав Владимирович стал новгородским князем — наместником великого князя Киевского и организатором обороны северо-западных границ, вождем вооруженных сил огромной территории всего русского Севера.

В это время главную опасность для Новгорода представляла финноязычная чужь (так именовали на Руси предков эстонцев). Западные соседи, обложенные данью, помнили времена равноправного союза, совместных походов на Царьград и не собирались мириться с тем положением, в которое попали, оставаясь язычниками рядом с христианской державой. Уже Ярослав Мудрый в 1030 г. должен был умиротворять чудские племена, после чего вся Прибалтика платила дань Киеву, но затем русское влияние здесь вновь ослабло. Когда же в 1054 г. эсты отказались платить, посадник Остромир повел новгородцев в поход, но был разгромлен и погиб. Это повлекло две карательные экспедиции во главе с князем Изяславом Ярославичем, но стоило киевлянам уйти, как эсты снова восставали, отказывались платить дань и сами нападали на русские города. Им удалось взять построенный в их земле Ярославом Юрьев (Тарту) и создать угрозу Пскову. Лишь ценой огромных потерь (1000 человек) объединенное войско новгородцев и псковичей, положив чуди «бешисла», сумело остановить врага.

В начале XII в. положение на северо-западной границе вновь обострилось. В 1112 г. Мстислав с новгородцами разбил напавших эстов «на бору», вероятно, на своей территории. В 1116 г. новгородское войско под предводительством Мстислава вступило в пределы Эстонии и взяло крупнейший из племенных центров Оденпэ — «Медвежью голову», восстановив зависимость Северной Прибалтики от Новгорода.

Как опытный и преданный помощник, Мстислав постоянно требовался Мономаху на юге. Еще в 1111 г. он принимал участие в походе коалиции русских князей к половецким «городам» — зимовьям. Теперь в 1117 г. Владимир Всеволодович, будучи уже киевским князем, перевел сына в Белгород. Правда, в ведении Мстислава по-прежнему оста-

вался Север, где остался княжить сын Всеволод. Князь продолжал наведываться в город, где провел более 20 лет, женился на шведской принцессе и в 1116 г. заложил новую крепостную стену (перед тем новгородцы возвели каменную крепость в Ладоге, реконструировав древнейшие каменные укрепления, существовавшие здесь со времен Рюрика). В 1123 г. Мстислав Владимирович снова возглавил новгородцев. На этот раз — в зимнем походе «на ямь», т.е. финнов, и победил, хотя и «лют был путь» в снегах, без дорог, там, где летом вообще невозможны какие-либо боевые действия.

В 1125 г., по завещанию Мономаха, Мстислав Владимирович наследовал верховную власть над всей Русью. Продолжая дело Мономаха, он правил твердой рукой и получил прозвище Великий. Чтобы расправиться с чрезмерно самостоятельными полоцкими князьями, Мстислав организовал настоящую операцию: согласованное по времени и месту одновременное нападение на их земли отрядов 7 князей-вассалов и одного киевского воеводы. Согласно замыслу операции, удары по ключевым пунктам Полоцкой земли предполагалось нанести в следующем порядке: в день «Д» — 14 августа 1127 г. силы брата Мстислава, владимир-волынского князя Андрея, Всеволодка Гродненского, другого брата — Вячеслава Туровского и Вячеслава Клевского должны были соединиться под стенами Изяславля — крепости, расположенной неподалеку от Минска, в юго-западной части полоцких владений. В тот же день объединенные войска чернигово-северских Ольговичей двумя колоннами должны были атаковать другие полоцкие крепости — Стрежев, что выше Полоцка на Двине, и Борисов — в верховьях Березины. Княжившему в Смоленске сыну Ростиславу Мстислав приказал идти к Дрюцку (Друтск), придав ему орду торков под командой своего воеводы Ивана Войтишича. Этот отряд должен был подстраховать черниговцев, которым гарнизон Дрюцка мог ударить в тыл. Одновременно новгородцы с другим сыном — Всеволодом наносили с севера удар на Неключ. Самый же дальний путь (до 700 км) должен был проделать княживший в Курске сын Изяслав, получивший задачу атаковать Логожск.

Естественно, что сопротивление полочан было парализовано и сломлено за несколько дней. Все военачальники, и в первую очередь Изяслав, блестяще справились с поставленными задачами, явившись в назначенные точки в установленное время так, что старший среди полоцких князей Брячислав «не мога пойти ни семо, ни овамо» (ни туда ни сюда) и капитулировал.

Мстислав Владимирович как в разработке замысла, в планировании данной операции, так и в ее организации, а затем и в использовании ее политических результатов показал себя достойным учеником своего отца, настоящим государем-стратегом, проявив и незаурядную волю, и талант организатора, и широту чуждой шаблона мысли полководца — творца новых стратегических приемов, и методичную последовательность, расчетливость и принципиальность, столь характерные для Мономаха. Спустя некоторое время строптивые потомки вещаго Всеслава на 10 лет отправились в изгнание.

Покончив с внутренним врагом, Мстислав Владимирович вновь занялся обороной западных рубежей Руси (на юге половцы надолго перестали быть серьезным противником). В 1130 г. он посылал войска трех сыновей на Чудь, а на следующий год лично возглавил большой поход на Литву, в полной мере используя ресурсы Полоцкой земли, которой в это время управляли его наместники. Был захвачен многочисленный полон, но литовцы и в поражении показали свой характер. Выйдя из лесов, когда войско повернуло домой, они убивали отставших киевлян.

Это был последний поход. В следующем, 1132 г. Мстислав Великий умер, и объединенное волей Мономаха государство распалось теперь вновь и окончательно.

ЯРОПОЛК ВЛАДИМИРОВИЧ

Второй сын Владимира Мономаха и Гиды Саксонской родился около 1078 г. и смолodu участвовал в походах своего отца. Достоверно известно, что он был в первом походе против половцев в 1103 г., принимал участие в разгроме ханов,

осаждавших в 1107 г. Переславль. В 1111 г. Ярополк Владимирович вместе с отцом ходил в знаменитый «крестовый» поход к половецким городам. Нет точных указаний об этом, но мы можем с уверенностью предположить, что именно он, как сын Мономаха и наиболее опытный среди равных, командовал авангардом, состоявшим из дружин молодых князей, опрокинувших половцев на обратном пути, на берегу «потока Дегея», а потом, после упорной сечи, прорвавших вражеское окружение в битве на р. Сльнице (Тор). Спустя 2 года Ярополк ходил с отцом к пограничной крепости Вырь отражать половцев Аепы и Боняка, решивших проверить прочность русской границы в связи со сменой власти в Киеве.

Опасность со стороны степи оставалась серьезной, и Мономах, укрепившись как великий князь, посылает Ярополка княжить в Переяславль, принимавший на себя первые удары кочевников. Достигнутый ранее успех необходимо было закрепить, и в 1116 г. Владимир Всеволодович организует новый поход в степь, полностью доверив на этот раз командование сыну как признанному военачальнику. Русское войско во главе с Ярополком снова разорило половецкие зимовья, окончательно сломив у кочевников волю к сопротивлению. Была захвачена огромная добыча, множество пленников освобождено. В этом походе Ярополк нашел себе жену — осетинку («ясыню»). В 1120 г. переяславский князь вновь повел общерусскую рать в глубь Дикого поля, но теперь даже не довелось войти в соприкосновение с противником, хотя зашли далеко «за Дон», в края, где русскую силу не видели со времен Мстислава Владимировича, — половцы всюду отходили без боя; бежали без оглядки, спасаясь кто куда: за Волгу, на Дунай, в ущелья Северного Кавказа, переваливая в Абхазию или за «Железные Ворота» — Дербент. Казалось, что с половецкой угрозой наконец-то покончено, но спустя всего 5 лет она напомнила о себе снова.

Можно лишь догадываться, каким ликованием встретили весть о смерти Мономаха в половецких кочевьях, где этим именем матери уже давно пугали детей. Едва Мстислав, похоронив отца, привел к присяге его дружину, а Ярополк Владимирович доскакал до своего Переяславля, как половцы

внезапно напали на русские форпосты — Баруч и Бронь Княжу. Их план предусматривал захват кочевавших южнее Переяславля торков. Усилившись ими, половцы рассчитывали идти дальше «воевать Русскую землю». Вполне возможно, что среди торков находились недовольные зависимым положением подручных союзников-федератов, и половцы собирались опереться на эту свою агентуру, но наша контрразведка тоже не дремала.

Ярополку «весть бысть» о намерениях половцев и их клеветров, и он в ту же ночь по ее получении «вогнал» торчес-кие кибитки в город. Появившимся спустя несколько часов половцам оставалось теперь рассчитывать только на собственные силы, но и они, по-видимому, были достаточно велики. Не собираясь осаждать город, степняки направились грабить Посулье, будучи уверены, что Ярополк с одними переяславцами не рискнет выйти за ворота.

Но недаром летописец назвал этого князя «благочестивым и боголюбивым князем». Не дожидаясь подмоги, Ярополк Владимирович, имея всего около 1000 человек дружины и «воев» — ополченцев, выступил в погоню. Они настигли орду у Полкостеня. Один из источников дополняет, что князь не просто ринулся в бой очертя голову, а, получив сведения об обнаружении противника от разведки, сначала лично съездил на рекогносцировку, после чего «исполчил» свое немногочисленное войско и повел его в бой.

Половцы своевременно обнаружили угрозу и, подготовившись к битве, сами двинулись навстречу, рассчитывая на свое огромное численное превосходство. Видя надвигающиеся вражеские полчища, Ярополк обратился к соратникам, призвав на помощь Бога и дух своего отца, и «дерзнул с дружиною», ударив на врага. Половцы, как это случалось почти всегда, не выдержали атаки и побежали перед русским строем. Множество кочевников утонуло в Суле.

Ярополк Владимирович подтвердил свою славу способного полководца и мужественного воина, чего, вероятно, хватало для управления маленьким Переяславским княжеством, но, для того чтобы властвовать над колоссальной державой, которую вскоре передал ему Мстислав, этого было

слишком мало. Сразу же по вокняжении Ярополка в Киеве распад единой Руси стал свершившимся фактом. Первым отделился Полоцк, за ним — Новгород, восстали мятежные Ольговичи, вновь, как при Олеге «Гориславиче», призывая себе на подмогу половцев, и вскоре уже «раздрася вся Русская земля».

Ярополк Владимирович неоднократно громил черниговцев. Собирая огромные коалиции, он заставлял их капитулировать, не проливая русской крови. Это был чрезвычайно добродетельный, благородный и милостивый государь, но, как известно, наши недостатки есть продолжение наших достоинств. Прощая мятежников и врагов, он, вероятно, рассчитывал на свое военное счастье, но и оно в конце концов ему изменило. Летописи сохранили пример поразительного легкомыслия 57-летнего полководца.

8 августа 1135 г. войско Ольговичей и половцев, разорявшее города и села Переяславщины, на р. Супой было настигнуто ополчением Мономашичей. Ярополк, недооценивая противника, даже не стал дожидаться подхода всех своих частей, растянувшихся на марше, считая, впрочем, как и большинство его советников, что «не выстоять Ольговичам против нашей силы». В результате пренебрежения элементарными правилами киевские и союзные войска вступали в бой по частям. Сразу же была допущена крупная ошибка: «лучшая дружина», т.е. феодальное боярское ополчение великого князя, атаковала наименее стойкую часть вражеского войска — половцев (что свидетельствует или о слабости дисциплины, или о том, что вместо трезвой оценки обстановки Ярополк Владимирович и его воеводы руководствовались эмоциями) и, быстро опрокинув, погнало с поля боя, рубя и захватывая в плен. Но черниговские и северские полки остались стоять и успешно сопротивлялись атакам разрозненных отрядов Мономашичей и даже контратакуя.

В результате царившей на поле боя неразберихи даже великокняжеский стяг попал в руки противника. Ярополк совершил еще одну ошибку в тот роковой день. Потеряв выдержку, он решил, что победить Ольговичей сегодня уже не удастся, и приказал трубить отход, не дожидаясь возвращения лучшей части войска. Неистово ругая друг друга, Монома-

шичи отступили к Киеву. Черниговцы не преследовали, т.к. оставались в меньшинстве, и происходящее их пока вполне устраивало.

Тем временем «на полчище» стали возвращаться из преследования упоенные своей победой киевские рыцари, и Всеволод Ольгович приказал поднять трофейный стяг, а свои убрать. Привыкшие к победам мономаховы бояре, не подозревая об обмане, смешивались с ничем внешне от них не отличавшимися черниговцами, искали своих и попадали в плен. Так было захвачено множество знатных воинов, включая самого киевского тысяцкого, а некоторые, пытаясь сопротивляться, погибли.

Опрометчивость Ярополка Владимировича, так же как и его добродушие, дорого обошлась Руси. Следствием этого поражения стало разорение также окрестностей Киева, сожжение городов Нижнего Поросья на правом берегу Днепра. Позднее, проведя «всеобщую мобилизацию» в оставшихся подвластными землях, Ярополку удалось принудить Всеволода к капитуляции, и он снова простил его.

В том же (1138-м) году Ярополк Владимирович совершил свой последний поход, выступив на польского короля Болеслава Кривоустого, в поддержку галицких князей. Вместе с ним были его братья Вячеслав и Андрей и племянник Изяслав Мстиславич.

На подходе к осажденному Галичу Ярополк выслал вперед сильный разведотряд под командой наиболее способного и храброго воеводы по имени (прозвищу) Зев, который успешно выполнил задачу, захватив знатных языков, и определил место расположения войск и тылов противника.

Из допросов пленных выяснилось, что королевское войско заняло в ожидании подхода русских выгодную позицию между луговыми болотами, с тыла прикрытую горами. Также стало известно, что поляков значительно больше, чем предполагалось, и ожидается подход новых сил, в то время как местные князья стоят поодаль, в предгорьях Карпат, не решаясь приблизиться и не создавая Болеславу непосредственной угрозы.

Все это заставило многих приближенных советовать великому князю начать мирные переговоры или отступить к ближайшей крепости, где перейти к обороне на сильной по-

зиции. В этой ситуации изрядную силу характера проявил Андрей Владимирович, призвавший к защите русской чести, ибо не «множество войск, по Пророку, ни оружие, но милость Божия и храбрость побеждает».

Было решено немедленно начать обходное движение, чтобы напасть на поляков через лесистые холмы, прикрывающие их тыл. По окончании военного совета Ярополк, чтобы дезинформировать противника, приказал разгласить, что войско начинает отход. В подтверждение этого обозы были отправлены обратной дорогой. К Болеславу же были отправлены два знатных пленника с предложением о начале мирных переговоров. Они же, видя уход обоза, уверили короля о нерешительности Ярополка, а тот, сразу же по отправке парламентариев, в течение суток (день и ночь) вывел в тыл королевского лагеря и к утру занял высоты позади него. Сюда же подошли предупрежденные князья Васильковичи, а Владимирко и Ростислав Володаревичи подступили к польскому правому флангу. С рассветом они первые напали на польский лагерь.

Услышав шум битвы, Ярополк приказал трубить к атаке, и русское войско «с великим криком» ринулось с горы на равнину. Ничего не подозревавшие поляки без сопротивления стали разбегаться в разные стороны, неся огромные потери пленными и убитыми. Все походное имущество и транспорт достались победителям. Сам король едва смог спастись и, опасаясь нападения на свои земли, направил киевскому князю посольство с богатыми дарами, прося о мире. Вскоре по возвращении из похода на поляков Ярополк Владимирович умер, оставив государство в состоянии прогрессирующего упадка.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДОЛГОРУКИЙ

Не так давно в Берестове киевские реставраторы, срывая откос бастиона, насыпанного в петровские времена, и из-за которого разрушалась стена древней церкви, наткнулись на развалины давно разрушенного придела. При его расчистке было обнаружено захоронение. В саркофаге лежали остан-

ки мужчины могучего телосложения. Сохранилось роскошное княжеское одеяние, но более всего исследователей поразили руки усопшего: они были длиннее обычного.

Юрий Долгорукий был наиболее сильной личностью среди сыновей Владимира Мономаха от второй жены. Он родился около 1090 г. и уже ребенком стал княжить в Ростовской земле, появившись там примерно в 1096 г. Этому мальчику пришлось возглавить разоренную недавней усобицей землю, над которой к тому же висела опасность вторжения извне.

Как Киеву в течение столетий угрожали степные кочевники, так и славянским колониям в Волго-Окском междуречье, быстро превращавшимся в новый центр русской государственности, постоянно грозила нападениями Волжская Болгария. Несмотря на слабость внутренних ресурсов и тесные торговые связи с Русью, это мусульманское государство всегда оставалось ее опасным, хотя и не смертельным врагом.

Юность княжича совпала с усилением военной активности восточных соседей, и Юрию пришлось спешно укреплять свои немногочисленные города. Заново были отстроены и крепостные стены Суздаля. Как вскоре выяснилось, направление вражеского удара было угадано верно. Болгары в 1107 г. напали и осадили столицу Ополя, разоряя села и погосты вокруг. По свидетельству летописца, только чудо спасло суздальцев, которые, осуществив внезапную вылазку, разбили и прогнали многократно превосходящие силы болгар.

В том же году Мономах женил Юрия на дочери половецкого хана Аепы, что должно было не только ослабить натиск половцев на Южную Русь, но и привести к союзу против болгар. На следующий год было завершено сооружение укреплений Владимира. Вероятно, Мономах сам в это время присутствовал здесь на закладке первого каменного храма, на краю береговой кручи.

В 1120 г. суздальская рать во главе с Юрием Владимировичем совершила успешный поход на болгар. Их войско было разгромлено, захвачена большая добыча, но о взятии городов в летописях не сообщается. Командовал русским войском в ту пору ростовский тысяцкий Григорий Симеонович.

В 1132 г. умер старший брат Юрия — великий князь Мстислав Владимирович Великий, преемником его стал следующий по старшинству брат — Ярополк. Последний перевел Всеволода — старшего сына Мстислава — из Новгорода в Переславль, но против этого восстал Юрий и младшие Мономаховичи. Всеволод въехал было в Переславль, но прокняжил до обеда и был изгнан Юрием. Однако и тот продержался в Переславле лишь восемь дней — старший брат Ярополк «вывел» его оттуда. Впрочем, ссора длилась недолго; братья сговорились на том, что Юрий все же остается в Переславле и получает часть Ростовской земли.

После этого перемирия последовала утомительная борьба Юрия с Изяславом, племянником Мстислава Владимировича. Тот подговорил своего брата Всеволода пойти на область дяди вместе с новгородцами. 26 января 1135 (или 1137) г. на Ждановой горе сразились княжеские рати, и победу одержал князь Юрий. Затем последовала его война с черниговскими князьями, которая в итоге закончилась в их пользу. Киев перешел под власть одного из них — Всеволода Ольговича, а Юрий должен был оставаться на своем уделе, в Ростово-Суздальской земле. Пребывание это затянулось на добрых десять лет, видимо, к этому периоду следует отнести строительство Переславля-Залесского, Юрьева и других городов.

Но в 1146 г. Всеволод Ольгович умирает, и Киев переходит под власть Изяслава Мстиславича, который от отца перенял нелюбовь к Юрию. Ростовский князь Юрий Долгорукий, чтобы согнать Изяслава с княжеского стола, спешно примирился с черниговским князем Святославом, который намеревался посадить в Киеве своего брата Игоря. Свидетельством этого примирения и явилась встреча Юрия и Святослава в апреле 1147 г. на Москве. (Москву же через девять лет ростовский князь укрепляет, огораживая ее стеною, и она становится городом.)

1147 год ознаменован был также началом долгой борьбы Юрия за Киев — то с Изяславом Мстиславичем, то со своим братом Вячеславом. Юрий в этом противоборстве призывает на помощь половцев, но, осознавая никчемность этого противостояния, стремится кончить дело миром. Так, в 1149 г. после

одного из сражений Юрий послал гонца к Изяславу. И гонец передал тому слова Юрия: «Брат! Ты на меня приходил, землю мою повоевал, и старшинство снял с меня; а теперь, брат и сын, ради Русской земли и христиан, не станем проливать христианской крови». Но Изяслав не внял его призывам, и 23 августа на рассвете братья сошлись в кровавой сече.

Бои разгорелись на переправах через Днепр. Все попытки форсировать реку у города были сорваны благодаря техническому превосходству противника. Изяслав «исхитри» свои насады, нарастив борта, скрыл гребцов под палубой, а за фальшбортами поместил лучников в бронях. Для облегчения маневра эти суда были снабжены также передним рулем.

Тогда Долгорукий, продолжая связывать Изяслава боем за ближние переправы, отправил свои легкие силы, и в первую очередь половцев, далее по Днепру к Зарубскому броду. Предусмотрительный Изяслав и здесь держал прикрытие, но исход дела решила «психическая атака». Киевляне не выдержали атаки половцев и отступили к самым городским стенам.

Впрочем, в следующей битве на реке Лыбеди под Киевом военное счастье отвернулось от суздальцев и их союзников, и им пришлось отступать. Изяслав, мобилизовав все мужское население столицы, преследовал Юрия и всячески стремился навязать ему бой. Юрий же уклонялся от него, надеясь занять оборону на выгодной позиции и, используя местность, дожидаться помощи из Галича.

Позволив преследователям переправиться через реку Стугну, Долгорукий допустил ошибку. Чувствуя свою слабость, он избегал столкновения и не пытался разбить противника на переправе. В результате Изяслав нападениями на обоз заставил-таки Юрия и его союзников принять бой на невыгодных условиях.

В этом бою сын князя Андрей Юрьевич умело строил полки отца и воодушевлял их своим мужеством, кидаясь в одиночку на целое войско, но половцы — союзники Юрия, сильно потрепанные в предыдущей битве, не выдержали и первыми побежали с поля боя. За ними дрогнули Ольговичи. Последним отступал Юрий с сыновьями. Бежать пришлось через речку Рут, воины увязали в трясине, и многие попали в плен.

Сам же ростовский князь укрылся в принадлежавшем ему Переславле, но вынужден был, в конце концов, бросить все и уйти к себе «в Суждаль»; лишь весной 1155 г., после смерти Изяслава, Юрию Владимировичу удалось прочно обосноваться в Киеве — столице Руси. Став великим князем киевским, Долгорукий успешно удерживал половцев от набегов и усобиц мирными переговорами и демонстрацией силы. Удалось Юрию в годы своего правления улучшить отношения с Византией и подчинить Новгород.

Одного только не смог добиться Юрий Долгорукий — расположить к себе киевлян. За годы усобиц городское вече приобрело большую силу, с которой должны были считаться князья, а Юрий захватил власть силой, не заключив «ряд» — договор о своих полномочиях с горожанами. Не прибавляла ему славы и неразборчивость в выборе союзников, особенно половцев. Да, поистине чужаком оставался Юрий для киевлян; и сила, на которую он опирался, была для них силой враждебной.

...Внезапная смерть Юрия Долгорукого сразу после пира 15 мая 1157 г. была оценена современниками как убийство. Дальнейшие события достаточно характеризуют отношение горожан к князю: многие суздальцы сразу же после похорон Юрия были убиты, а имущество их было разграблено. Неудивительно, что место захоронения князя было забыто.

Юрий Долгорукий был, безусловно, если не умелым, то упорным военачальником, который несмотря ни на что, посредством интриг добивался великокняжеского стола. Неудачи не смущали его — терпя поражения на юге, он укреплял свои силы на севере, основывая города-крепости, в том числе и Москву. Он как бы обращался к своим потомкам — путь к югу, к объединению земель, начинается со своего удела, и в первую очередь надо окормлять его.

ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ

Старший сын Мстислава Великого Изяслав (Пантелеймон) (ок. 1096—1154) свою первую боевую славу добыл в походе на половчан в 1127 г. Тогда он княжил в Курске, стерег

от набегов степную границу. По приказу отца юный княжич, совершив стремительный многосотверстный марш, внезапно появился с войском под стенами Логожска и пленил здесь своего зятя Брячислава. После капитуляции полоцких князей и высылки их Мстиславом в Византию Изяслав был назначен управлять всей Полоцкой землей и участвовал в отцовских походах на Чудь (1130) и на Литву (1131).

После смерти отца Изяславу пришлось объехать чуть ли не всю Русь. Ярополк киевский, чтобы привязать к себе племянника, наделил его Волынью. Так было положено начало, вероятно, наиболее выдающейся княжеской династии из всех потомков Рюрика.

Когда в Киеве умершего Ярополка сменил Всеволод Ольгович, Изяславу удалось договориться с ним и сохранить за собой богатый Владимир-Волынский.

Заносчивый Игорь, брат Всеволода, однажды позволил себе уничижительно отозваться о Мстиславиче, назвав его «сверчком». Тот решил заставить себя уважать. Не имея сил для победы в открытом бою, он ночью переправился через Днепр с войском, вдвое уступавшим численностью черниговскому, и внезапным нападением разгромил противника. Об этом тогда даже сложили лестную для Изяслава поговорку: «Один сверчок тьму тараканов победил» — с намеком на Ольговичей, еще носивших в то время титул князей тмутараканских.

В 1143 и в 1145 гг. Изяслав участвовал в походах Всеволода на галицкого князя. Борьба с таким искусным полководцем, как Владимирко Володаревич, к тому же на его территории, в сложных условиях карпатских предгорий, была очень нелегка. В 1143 г. войска встретились на р. Серет под городом Тереховлем. Местность не позволяла сойтись в сече, и противники двинулись вверх по течению по разным берегам, приближаясь к Галичу. Владимирко энергично пресекал попытки Всеволода переправиться на западный берег. Так, перестреливаясь через поток, шли целую неделю. У Свиногорода галичанин занял сильную позицию на возвышенностях среди болот, но затем вновь передвинулся вплотную к реке. Между тем полки киевского князя успели скрытно

подготовить наплавные мосты и ночью переправились выше по течению. Всеволод, Изяслав и их союзники захватили оставленные галичанами высоты. Видя это, Владимирко успел отойти от берега на новую позицию — непосредственно возле города, опять прикрыв фланги болотами, так что Всеволод, даже имея численное превосходство, не решался его атаковать. Лишь создав ложным маршем видимость угрозы Галичу, Ольгович заставил блокированного Владимирка начать переговоры.

По смерти ненавистного захватчика Всеволода «княине» призвали княжить Изяслава как старшего внука Мономаха, потомкам которого они когда-то поклялись служить, и как достойного преемника Мстислава — продолжателя дела великих киевских князей. Это явилось прямым нарушением лестничного порядка престолонаследия, предписывавшего переход высшей власти по старшинству к следующему из братьев, а не к сыну старшего из них. Но «лестница» уже нарушалась ранее самим Мономахом, не уступившим Киев потомкам дяди, Святослава Черниговского, а затем и Всеволодом Ольговичем вместо старшего из Мономашичей — Вячеслава, попытавшимся восстановить на киевском столе черниговскую династию.

Согласившись сесть на своей «отчине» в Киеве, Изяслав, бросил вызов одновременно и здравствовавшим сыновьям Мономаха, и черниговским Ольговичам, а с запада всегда готов был воткнуть нож в спину галицкий Владимирко. Однако Мстиславич, воодушевленный поддержкой населения Киевщины, включая пограничных торков и берендеев, решил бороться, заявив: «Не идет место к голове, но голова к месту!»

Столицу еще предстояло отвоевать. Киев достался Изяславу малой кровью: плененного горожанами Игоря Ольговича даже пришлось спасать от народной расправы (позднее все же настигшей его).

Изяслав сразу же отобрал у Вячеслава захваченные последним города по Припяти и посадил в Турове сына Ярослава. Помня добрые отношения с Всеволодом и надеясь ослабить коалицию своих врагов, Изяслав подарил его сыну

Святославу несколько городков в верховьях Южного Буга — на стыке границ Галичины, Киевщины и «половецкой земли». Чтобы изолировать третьего из Ольговичей — Святослава, Изяслав вмешался в его усобицу с младшей ветвью черниговского княжеского дома — Давыдовичами. Он ходил им помогать и разгромил Святослава. Бежав на восток, тот нашел поддержку и понимание у Юрия («Гюрги») Владимировича Суздальского, готовившегося к борьбе с блестящим племянником. На пиру в пограничном Москове князья заключили союз против Изяслава. Оба женатые на половчанках, они задумали поднять на Мстиславича своих степных родичей.

Отношениям с кочевниками новый киевский князь, выросший в порубежном Курске, придавал первостепенное значение. В 1147 г. он встречался с половецкими ханами у крепости Воинь и заключил с их приднепровскими группировками мир. Но группировки восточные охотно откликнулись на призыв Долгорукого, будучи не прочь в очередной раз пограбить Русь.

Узнав, что Святослав с суздальской подмогой и крупными силами степняков идет на него, Изяслав выступил на встречу. Однако в связи с изменой Давыдовичей, переметнувшихся к Юрию, отошел к югу и соединился с войсками Вячеслава, ставшего союзником, и своих братьев. Здесь он дождался ухода половцев и принялся жечь городки на Северщине в тылу черниговцев, гарнизоны которых разбежались при его приближении, взял четыре крепости и беспрепятственно возвратился в Киев.

В следующем, 1148 г., Изяслав не стал дожидаться прихода Долгорукого, а сам перенес войну на север — вместе со смолянами брата Ростислава и союзными новгородцами появился на Волге, где взял Углич, Кснятин, Мологу, разорил окрестности Ярославля, сжег шесть городков, захватил 7000 пленных. Юрий не сумел оказать серьезного сопротивления. Готовясь к отпору, он собирал силы в Ополе — центре своих владений. Но до столкновения дело не дошло: помешала начавшаяся весенняя распутица.

Год спустя Долгорукий предпринял ответный ход. Его полки устремились на юг. Обе стороны активно использова-

ли авангарды из легкой кавалерии¹. У Юрия русские и берендейские стрельцы действовали вместе с половцами, у Изяслава — черные клобуки вместе с «молодыми людьми». Киевский князь отлично организовал разведку, которая, постоянно захватывая языков, сообщала ему во всех подробностях о передвижениях противника.

Решающая битва произошла под стенами Переяславля на закате дня. Она протекала с переменным успехом. Сражавшийся на стороне Мстиславича его черниговский тезка Изяслав Давыдович, прорубившись сквозь полки двоюродного брата Святослава Ольговича, обратил в бегство половцев и, преследуя их частью сил, ударил было во фланг «чела» — центра боевого порядка суздальцев, но в это время побежали «поршане»², а за ними и «кияне» самого Изяслава. Переяславцы же, имевшие тайную договоренность с Юрием Владимировичем, по-видимому, с самого начала перешли на его сторону. В результате Изяслав Мстиславич едва сумел уйти с поля боя. А ведь накануне Юрий готов был уступить ему Киев, предлагая лишь вернуть Переяславль, и киевские бояре просили князя согласиться. Теперь же, потеряв все, приходилось возвращаться на Волынь.

Из Владимира Изяслав разослал гонцов в соседние земли за помощью. В ответ венгерский король прислал 10 000 бойцов. Польский князь Болеслав прибыл с войском сам. На пиру, устроенном Изяславом в их честь, он, по европейскому обычаю, посвятил многих волынских дружинников в рыцарское достоинство. Впрочем, опасаясь набега пруссов на свои владения, Болеслав, как только заговорили об огромных силах Долгорукого, тут же увел своих поляков. После этого ушли и венгры.

¹ Термин обозначает скорее социальное положение, а не только возраст. Легкая кавалерия из русских использовалась в качестве конных стрелков, возможно, не имевших полного комплекта защитного вооружения.

² «Поршане» — жители долины пограничной реки Рось. Так называли только славянскую часть населения Поросья, в отличие от их соседей-тюрков — черных клобуков. Составляли, по-видимому, отдельную общину, отличавшуюся воинственностью. Своеобразный прообраз казачества.

Осмелевший Юрий осадил Луцк (где стойко оборонялся Владимир Мстиславич) и намеревался двинуться в глубь Волыни, но Владимирко Галицкий, не хотевший усиления Долгорукого на юге, выступил посредником и сумел склонить союзника к миру. По условиям заключенного договора Изяслав уступал дяде Киев, а тот возвращал захваченную новгородскую дань. Понимая, что племянник пустит эти деньги на наем венгров и поляков, Юрий в итоге договор не выполнил, и на следующий год война возобновилась.

Волынский князь начал первым. Мастер внезапных ударов и стремительных бросков, Изяслав захватил Луцк, затем в Пересопнице пленил сына Глеба — Юрия с дружиной; не давая противнику опомниться, устремился в Поросье, где в его войско влились черные клобуки. Когда он подступил к Киеву, Юрию не оставалось ничего другого, как бежать.

Поначалу Изяслав уступил добытый «стол» дяде Вячеславу, но «кияне» на вече сему воспротивились. Отправленному добывать себе Переяславль сыну Мстиславу Ростислав Юрьевич не позволил переправиться через Днепр. В это время Владимирко Володаревич, выступивший на помощь Юрию, уже подходил с юго-запада.

Встретились за Стугной. Киевляне с опаской оглядывали огромную и отлично вооруженную галицкую рать. Заволновались черные клобуки. В конце концов робость овладела ими, и они отказались сражаться. Изяславово войско стало разбегаться. Удрученный князь отступил к Киеву, но на другом берегу Днепра увидел подоспевшие полки Долгорукого. Пришлось снова возвращаться домой.

Вскоре соотношение сил вновь изменилось в пользу Мстиславича. Теперь его призывала в Киев и дружина старика Вячеслава. К тому же из Венгрии прибыло 10 000 всадников. Изяслав собирался двигаться на Киев через земли черных клобуков, пополняя ими свое войско, но Владимир с венграми не смогли удержать Володаревича в Галиче. Внезапность атак, стремительность и скрытность передвижений всегда являлись главным козырем Изяслава, и его южный сосед прекрасно это знал, имея разветвленную сеть четко действовавшей по всей Руси агентуры. Стоило волынцам выступить

на восток, как в Галич, меняя на подставах утомленных коней, помчался гонец, а там уж войско держали наготове. Здесь же находился и сын Долгорукого, лучший его помощник и воевода княжич Андрей, будущий Боголюбский.

Изяслав занял Пересопницу, сжег сопротивлявшийся Заречск и у Мыльска проведаль, что на него идет Владимирко. Оказавшись между двух огней, он тем не менее не пал духом и ускорил движение, оставляя в тылу заслоны и сторожи-заставы. Перешел Горынь под Дорогобужем; домчав до Случи, узнал: Владимирко уже рядом. Миновав Черный лес, Изяслав метнулся к Ушску, где форсировал Ушу. Неутомимый галичанин, оторвавшись с авангардом от основного войска, настигал его по следу. Мстиславич хотел сразиться, но по совету дружины ночью незаметно увел полки и помчался дальше, оставив на берегу горящие костры. У переправы через р. Тетерев он встретил пополнение и оттуда направился к городку Возвяглю, а брата Владимира с отрядом послал к Белгороду, где было много его сторонников, сам намереваясь в случае неудачи направиться к черным клобукам, а если повезет, то в Киев.

На Роси Владимиркова сторожа во главе с Андреем Юрьевичем настигла-таки Изяслава, но тот успел «зайти за твердь» (занять укрепленные позиции). Тем временем Владимир Мстиславич занял Белгород и мог теперь удерживать Владимирка. Изяслав же повернул на Киев.

Появление Мстиславича возле города снова оказалось для Юрия неожиданностью, и он бежал. Изяслав занял столицу Руси. Владимирко вынужден был ретироваться.

В 1151 г. Юрий опять двинул полки к Киеву. Противники сошлись на переправе через Днепр. Как всегда, Долгорукий имел численное превосходство, но Изяслав, этот «гений усобиц», компенсировал недостаток сил изобретательностью, приказав нарастить борта насадов, охранявших переправу, так, что гребцы оказались полностью скрыты. Поверх бортов настелили палубы, на которых за высоким фальшбортом разместились стрелки в бронях. Для повышения маневренности своих «галер» князь велел оснастить их вторым, передним рулем.

Подробности речного сражения до нас не дошли, известно только, что после упорных и бесплодных боев на переправе противники Изяслава направились к Витичевскому броду, но и там были отбиты. Тогда на военном совете Долгорукий и Ольговичи решили попытаться счастья на Зарубском броде, где стояла небольшая киевская застава. Поднимаемая клубы пыли, огромная масса половецкой конницы, сверкая бронями, внезапно появилась напротив Зарубского брода и покрыла реку, заставив дрогнуть сердца изяславовых воинов. Мстиславич стянул войска к Киеву и расположил их непосредственно у крепостных стен за р. Лыбедь.

Попытки союзников форсировать речку успеха не имели и лишь привели к большим потерям. Выдержав натиск, Изяслав контратаковал. Долгорукий скомандовал отступление. Зная, что к нему на соединение спешит галицкое войско, он принял решение «зайти на твердь»¹ и, дождавшись союзника на выгодной позиции, вновь перейти в наступление. Его намерения были, конечно же, ясны Изяславу, который постарался сразу же начать преследование. Обратившись к «киянам» с призывом взять в руки, кто только может, хотя бы «хлудъ» (жердь от забора), он на следующий день бросился вдогонку. Киевляне выступили, «не оставляя друг друга, все с радостью по своим князьям и на конях и пешие многое множество». В боевом порядке переправились через Стугну. Дойдя до старого «Змиева вала», остановились на ночлег, отрядив вперед сильный авангард. Разведка обнаружила Долгорукого на Перепетовском поле и вступила в соприкосновение с его охранением: «хотя битися с нимъ сторожеве, ехавше подъ Гюргеvy полкы и гонишась с ними».

Две рати простояли друг напротив друга до вечера, разделенные р. Рутю (Руть). С рассветом Изяслав перешел реку. Юрий, стараясь выиграть время, все отступал, ведя арьергардные бои, и слал к Володаревичу одного гонца за дру-

¹Тактический термин, обычно означающий использование обороняющимися защитных свойств местности. «Твердью» могла оказаться и река с обрывистым берегом, и болото. Реже так называли полевые укрепления, засеки.

гим. Преследователи не отставали. «Гюрги же передь ними заиде полкы своими за Малый Рутец и перейдя грязи стал на ночь». Изяслав и Ростислав Мстиславичи с Вячеславом и киевлянами остановились на расстоянии полета стрелы от противника, имея между ним и собой топкую пойму.

Утром в пятницу в обоих станах ударили в бубны, затрубили в трубы. Полки вооружались и строились — «доспевали». Юрий и Ольговичи и на этот раз попробовали уйти вверх по ручью Рутцу. Изяслав устремился параллельно по другому берегу. Вдруг все войско Долгорукого повернуло обратно, «къ Великому Рутови». Вероятно, местность впереди не позволяла занять надежную оборону, и суздальский князь принял решение удержаться на берегу Рута.

Разгадав его намерения, Изяслав атаковал сразу всеми легкими силами: те перешли Рутец и «начаша наездити в задь полковъ», пытаясь отбить обоз. В конце концов Долгорукий убедился, что «нелзе имъ за руть ити, оже наездять на задь полков ихъ и возы отимыють. И тако оборотячяся», Долгорукий принял вызов, не достигнув реки, в невыгодных для себя условиях.

Рати почти сошлись. В этот момент их вожди устроили состязание в доблести. Андрей Юрьевич один врезался во вражеский строй и «изломил» взятое у оруженосца копье, в первом попавшемся воине. При этом ранили его коня, сбили с княжича шлем, сорвали щит. Впрочем, сам Андрей остался невредим.

Точно так же поступил и Изяслав, но ему повезло меньше. Князю рассекли руку и «стегно» и ударом копья выбили из седла.

Грянула яростная сеча. Первыми не выдержали половцы. «Пустив по стреле», они сразу же открыли фронт. За ними дрогнули Ольговичи, а затем и суздальцы. На топких берегах и в тинистом русле Рута завязло и утонуло множество бегущих. Здесь же погиб и Владимир Давыдович Черниговский, а многие половецкие «князья» попали в плен.

Изяслав ничего этого не видел, т.к. лежал раненый. Богатые доспехи привлекли внимание пеших киевских ополченцев. Лицо князя скрывало глухое забрало, и они приня-

ли Изяслава за врага. Кто-то, рубанув мечом по шлему, рассек золотой образ Св. Пантелеймона. Изяслав поспешил снять шлем и назваться.

Уйдя на Левобережье, Юрий с сыном укрылись в Переяславле, но были вскоре изгнаны и оттуда.

В 1152 г. Изяслав Мстиславич ходил на Владимирка и расправился с ним с помощью венгерского короля. Оба князя сумели собрать под свои знамена огромные силы. Вместе с киевлянами, волынскими, черными клобуками Изяслава и смолянами его брата шли полки изяславовых дядей Вячеслава и Владимира Дорогобужского, Владимира Андреевича Луцкого и брата последнего — Святополка, а также переяславцы — всего более 30 000 воинов. Да еще король Гейза привел 73 полка (вероятно, «стяга». — Ю. С.)¹. Владимирко «мобилизовал» всю Галичину, включая дунайцев, нанял 30 000 болгар и сербов. Общая численность его войска превысила 70 000 человек.

Одно из крупнейших сражений в истории русских междоусобий произошло поблизости от Перемышля на берегу р. Сан и носило на редкость ожесточенный характер. Венгры и русские старались не уступать друг другу в храбрости.

Галичане дрались отчаянно. Изяслав и король рублились в первых рядах. Когда левое крыло галичан было смято, Владимирко повел в атаку свой последний резерв и лично поразил многих. Он вышел из боя, лишь узнав об отступлении разбитых болгар и сербов.

Покинув поле брани, Володаревич заперся в неприступном Перемышле. Здесь и был заключен мир, причем король Гейза заставил галичанина поклясться в выполнении условий договора на главной святыне Венгрии — кресте Св. Стефана, не вняв предупреждению Мстислава Изяславича, что этот человек способен нарушить любую клятву. И вот, не

¹ «Полк» — ополчение земли или княжества. Состоял из «стягов» — отрядов городов и крупных феодалов. В случае с венграми речь, очевидно, идет о т. н. «баннеретах» — тех, кто под своим знаменем вел группы мелких вассалов. Таким образом, в войске Гейзы было 73 барона и 3—4 сотни рыцарей.

успел Гейза увести своих вассалов за Карпатские перевалы, как Владимирко дерзко отказался возвращать захваченные города, да еще выгнал великокняжеского посла, посмеявшись ему в глаза. Только недолго он смеялся. Не прошло и часу, как кто-то ударил его невидимым копьем в сердце и галицкий князь испустил свой мятежный дух.

В начале 1152 г. Долгорукий снова нагрянул с полками «в Русскую землю». Теперь к нему пришла «вся Половецкая земля, что же ихъ есть межи Волгою и Днепром». Юрий Владимирович наказал переметнувшихся союзников, испепелив окрестности Чернигова. Но стоило половцам узнать о приближении киевского князя, как все их неисчислимые скопища кинулись наутек — одно имя Изяслава внушало им ужас, как ранее имена его отца и деда.

Оставшись без половецкой конницы, хозяин Залесья вынужден был пойти на попятную. Заключив мир с суздальским князем, Изяслав Мстиславич нанес кочевникам чувствительный удар на их территории, чего не случалось с 1129 г.

Весной 1153 г. Изяслав высылал сына Мстислава на Сулу. В том же году им пришлось сразиться с наследником Владимирка Ярославом, вернее — с боярами, так же как и покойный князь, не собиравшимися выполнять условия мирного договора. Здесь Изяслав в последний раз продемонстрировал свое мужество и талант полководца. Под натиском галичан он удержал свой полк на поле боя, несмотря на то, что полки братьев и даже сына Мстислава побежали. Разбив противостоящее «чело» противника и захватив галицкий княжеский стяг, Изяслав поднял его вместо своего. Этим он ввел в заблуждение многих ярославовых воинов, возвращавшихся из погони. Так поражение превратилось в победу.

В 1154 г. Изяслав, уже три года как вдовый, задумал жениться. Невесту — царскую дочь — сосватали в Абхазии. Мстислав встретил юную мачеху в устье Днепра и сопроводил до Киева. Брак оказался роковым: совершенно здоровый князь внезапно умер на брачном ложе. «И был плач великий яко в Киеве, тако и во всей русской земли по нему». Погребли Изяслава Мстиславича в монастыре Св. Феодора.

В.Н. Татищев сохранил для нас портрет и характеристику Изяслава из Иоакимовской летописи: «Сей князь великий был честен и благоверен, славен в храбрости; возрастом мал, но лицом леп, волосы краткие кудрявы и брада малая круглая; милостив ко всем, не сребролюбец и служасчих ему верно пребогато награждал; о добром правлении и правосудии прилежал; был же любочестен и не мог обиды чести своей терпеть. Всех лет жил 58».

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Второй сын Юрия Долгорукого и дочери хана Аепы Андрей родился ок. 1111 г. и, вероятно, еще в отрочестве стал княжить во Владимире-на-Клязьме. Здесь он оставался до 1147 г., когда в летописи встречается упоминание об участии его вместе с братом Ростиславом в походе на Рязань. Эту задачу они успешно выполнили. Рязанский князь бежал к половцам.

С 1149 г. Андрей принимает деятельное участие в борьбе своего отца с Изяславом Мстиславичем за киевский стол. Проведя несколько лет на юге, Андрей Юрьевич прославился редким мужеством в боях и примерным отношением к воинскому (и сыновнему) долгу, а также как способный военачальник-тактик, осмотрительный, хладнокровный и осторожный, но вместе с тем решительный и твердый.

Уже в походе на Волынь, к Луцку, на соединение с отцом, будучи ночью из-за случившегося переполоха брошен бежавшими союзными половцами, он остался на месте до рассвета, несмотря на уговоры брата и дружины, и оказался прав. Наутро Андрей снова отличился, но уже совершенно иначе. Бросившись на вышедшего из крепости неприятеля, он далеко опередил своих. Лишь с двумя телохранителями — «детскими» княжич пробился к самым воротам Луцка, был здесь окружен, дважды ранен копьями и едва не погиб, но сумел вырваться обратно, зарубив нескольких врагов. Своего израненного коня, вынесшего его из схватки, Андрей торжественно похоронил в кургане на речном берегу «комоньства его ради» (комоньство — конское мужество).

В дальнейшем Андрей Юрьевич стал правой рукой отца, его главным воеводой, исполнителем опасных и ответственных поручений в бесконечной феодальной войне за Киев, не переставая при этом совершать все новые подвиги. В 1151 г. в битве с Изяславом под Киевом Андрей переправился во главе атакующих через р. Лыбедь на вражеский берег, снова был там окружен и непременно погиб бы, если бы какой-то половец не повернул обратно его коня, схватив его за узду.

Спустя несколько дней в сражении на р. Руте Андрей, расставив полки для боя, первым на глазах у всех врезался в ряды киевского войска, подавая пример остальным и, «переломив копие», отчаянно рубился. С него сбили шлем, щит его был весь иссечен, но князь чудом остался невредим.

Отличился Андрей и при осаде Чернигова: подавая остальным князьям пример, он приказал штурмовать крепость, что в те времена еще было редкостью. Имя его уже внушало страх врагам. Позднее он одним своим появлением под Переяславлем смирил половцев, из союзников превратившихся в грабителей.

У Андрея Юрьевича случались и неудачи. В 1154 г., когда Долгорукий в очередной раз захватил Рязань, Андрей остался стеречь город, но однажды ночью был захвачен врасплох рязанским князем Ростиславом, нагрянувшим с половцами, и едва успел ускакать в Муром. Почти вся его дружина погибла или была пленена.

Помогая отцу на юге, Андрей не разделял его стремления утвердиться в Киеве. Сам он отчетливо видел упадок разоренного усобицами и половецкими набегами юга Руси и первым осознал политические перспективы нового «залесского» края, где вырос и куда всем сердцем стремился вернуться.

Уже тогда Андрей Юрьевич проявил себя как самостоятельный, зрелый политик, обладающий к тому же выдающимися человеческими качествами. Он неоднократно пытался примирить отца с Изяславом, уговаривая Юрия отказаться от борьбы, не сулившей прочного успеха; настаивал на соблюдении принятых договоров, скрепленных клятвами.

После того как Юрий Владимирович весной 1156 г. в третий раз и теперь довольно прочно овладел Киевом, Андрей

получил в удел Вышгород, но вскоре бросил его и тайком ушел на северо-восток, захватив с собой дивной византийской работы икону Божьей Матери, ставшую позднее главной святыней Русской земли. Разрыву с отцом предшествовали мучительные для обоих споры. Юрий Долгорукий не хотел отпускать своего самого верного помощника, прекрасно понимая, насколько ослабит его уход сына. Отъезд Андрея действительно стал одной из причин последовавшего вскоре падения Долгорукого.

Вернувшись на родину, Андрей принялся продолжать дело, начатое здесь отцом. В первую очередь он достроил заложенный Юрием в Переяславле-Залесском храм Спаса, одарил местное духовенство, сделал богатые вклады. У Андрея появилось новое прозвище — «Боголюбский» по загородной резиденции Боголюбову. Позднее он перенес столицу своего княжества из боярского Суздаля во Владимир-на-Клязьме, основанный его дедом.

После смерти отца, последовавшей в мае 1157 г., Андрей Юрьевич, согласно завещанию, должен был занять его место в Киеве. Залесье же оставалось младшим сыновьям — Михаилу («Михалке») и Всеволоду. Появление Андрея на юге неизбежно повлекло бы за собой новую войну, но он отказался от своих прав на Киев не из слабости или нерешительности, а пренебрегая дряхлеющим югом ради набирающего силы северо-востока Руси.

4 июня 1157 г. собрание представителей Залесской, или «Суждальской», земли в Ростове, расторгнув договор с умершим великим князем Киевским, впервые избрало себе государя — Андрея Юрьевича. С этой даты следует вести отсчет собственно российской истории, а Андрея Боголюбского считать первым настоящим правителем Новой Руси — будущей России.

Андрей Боголюбский сразу же заявил о себе как твердый и властный хозяин. Приехавшие с юга младшие братья даже не были допущены на избравший его «земский собор» и не получили в Залесье полноценных уделов. Через несколько лет они вместе с мачехой Андрея — принцессой Еленой отправились на ее родину — в Византию. Князем двигало стремление

сохранить государство единым, а не расколотым на куски, и ради осуществления своих целей Андрей должен был во второй раз перешагнуть через родственные чувства. Когда же отцовы бояре попытались помешать, он выгнал и их, не желая терпеть возле себя никакой фронды, «хотя быть самовластцем всей земли Суждальской».

Вскоре был восстановлен контроль над Рязанью, а в 1160 г. Андрей, возможно, по просьбе рязанцев, организовал большой поход в степь, едва не закончившийся катастрофой. Конница всей Северо-Восточной Руси, ведомая его старшим сыном Изяславом, зайдя далеко за Дон, сразилась с половцами. В первой схватке враги были опрокинуты и бежали, но, судя по описаниям Никоновской летописи, они использовали прием, известный позднее у казаков под названием «вентерь». Рассыпавшиеся по полю кочевники притворным отступлением заманили русских в урочище с характерным названием Ржавки (очевидно — болото) и здесь, повернув, ударили на своих преследователей «и многих избиша». Все-таки нашим удалось выстоять и на этот раз, снова обратив степняков в бегство, но домой из похода возвратилось меньшинство.

В 1164 г. Андрей Юрьевич поднял ополчения залесских городов и дружины своих вассалов в поход на волжских болгар — последний, возглавляемый им лично. Подобно отцу, этот князь в зрелом возрасте предпочитал подобные дела поручать сыновьям. Как и его дед — Владимир Мономах, Андрей Боголюбский большое внимание уделял идеологическому обеспечению своих действий¹. Поход, имевший в основе вполне материальные причины — торговое соперничество, Боголюбский представил как богоугодное дело, борьбу с не-

¹ Андрей Боголюбский причастен к появлению первых литературных произведений на Владимирской земле — цикла сказаний о чудесах иконы Владимирской Божьей Матери. Более того, князь, которого современники сравнивали с мудрым царем Соломоном, доказывая правоту своего дела, не боялся вступить в полемическую переписку с самим Кириллом Туровским — знаменитым проповедником и церковным писателем того времени.

верными — мусульманами. Войска взяли с собой икону Божьей Матери Владимирской.

Поход оказался исключительно удачен, что было приписано покровительству Богородицы. Несколько городков-крепостей и торговых центров на Волге и Каме были взяты и разгромлены; захвачены большие трофеи, а главное — прекратилось насилие над русскими купцами. На некоторое время было устранено препятствие для исключительно прибыльной торговли с Востоком.

Мало того, что данному чуду иконы Божьей Матери Владимирской было посвящено специальное литературное произведение, воспевавшее победы русского оружия, сама победа была объявлена религиозным праздником. Совпадая с византийской традицией «изнесения древ честного Креста Господня», этот праздник, сопровождаемый водосвятием, ныне называемый в народе «мокрым или медовым Спасом», по сути своей является древнейшим национальным воинским праздником России.

Могущество владимирского самовластца быстро возросло. Андрей Боголюбский подчинил своему влиянию смоленских, черниговских и полоцких князей, провозгласил себя великим князем и приступил к осуществлению своих далеко идущих замыслов. Его старшинство признал и Киев. Одновременно он начал украшать прекрасные храмы Владимира, которому предстояло стать новой столицей не только Залесья, но и всей Руси. Кафедральным стал Успенский собор, в котором долгие годы хранилась икона Владимирской Богоматери. Именно с тех пор владими́ро-сузда́льское зодчество стало славиться затейливой резьбой по камню — «узорочьем». Помимо белокаменных церквей сооружались и мощные оборонительные сооружения: парадные Золотые ворота, несколько уступающие им размерами Серебряные во Владимире и каменный замок в Боголюбове, рядом с которым появился прекрасный храм Покрова на Нерли.

В 1168 г. на киевский стол вступил Мстислав Изяславич, князь независимой Волыни, старый враг, с которым Андрею доводилось биться еще во времена борьбы их отцов в 50-е гг. Мстислав, в отличие от своего предшественника Ростисла-

ва Смоленского, не собирався ни в чем уступать Боголюбскому. Формальным поводом к войне послужило изгнание из Новгорода тамошнего князя — креатуры Андрея, и тот немедленно организовал поход на Киев коалиции одиннадцати князей. Огромное войско возглавили второй сын Боголюбского Мстислав и воевода Борис Жидиславич. После непродолжительной осады город был взят. Мстиславу Изяславичу удалось бежать. На киевский трон был посажен брат Андрея, Глеб Переяславский. Впервые «мать городов русских» становилась обычным вассальным держанием. Политический центр русских земель окончательно сместился далеко на восток. Великий князь Владимирский становился реальным владыкой почти всей Руси, за исключением Галичины и Волыни, но оставался еще Новгород, где Мстислав успел посадить своего сына Романа.

Зимой 1170 г. Мстислав Андреевич повел на север войска смоленских, полоцких, рязанских и муромских союзников и вассалов, но поход закончился страшным поражением. На четвертый день битвы под стенами города новгородское войско, возглавляемое волынским княжичем и посадником Якуном, одолело. Новгородцы энергично преследовали «низовские» полки, захватывая тысячи пленных, а возникшая при отступлении паника довершила разгром.

Тем не менее Андрей Юрьевич своей цели вскоре достиг, перекрыв пути подвоза хлеба в Новгород. В результате этой несложной меры вольнолюбивый город на несколько лет оказался в его подчинении.

В 1172 г. зимой состоялся новый поход на болгар. Усилившаяся боярская оппозиция сделала все для того, чтобы сорвать планы князя и тем ослабить его власть. Большая часть «копий» феодального ополчения не присоединилась к княжеской дружине. Ростовский тысяцкий Борис Жидиславич так и не привел свое ополчение, хотя Мстислав Андреевич с рязанцами и муромцами две недели ждал его в Городце и вынужден был выступить с явно недостаточными силами. В результате поход превратился в набег, да и он чуть было не закончился плачевно. Взяв один городок и разорив несколько селений, владимирцы должны были спешно уходить

от большого болгарского войска. После того как в Киеве умер (предположительно от отравы) Глеб Юрьевич, Андрей Боголюбский приказал занять его место Роману Ростиславичу Смоленскому, а затем потребовал от него и братьев выдать киевлян-отравителей. Когда же те отказались, он приказал Ростиславичам покинуть Киев. Не все братья этому подчинились. Храбрый Мстислав вызвал самовластца всей Русской земли на «суд Божий» и засел в Вышгороде, но Андрей даже не снизошел до того, чтобы лично руководить войсками новой коалиции. Огромную рать повели сын Юрий (будущий муж грузинской царицы Тамары) и все тот же Борис Жидиславич. Это было роковой ошибкой Андрея. Старшие сыновья — верные исполнители отцовской воли и, вероятно, способные военачальники безвременно умерли. Фактически войском безраздельно руководил глава недовольных бояр. Неудивительно, что на этот раз гигантское предприятие закончилось крахом. Не получив достойного вождя, 50-тысячное войско бесславно бежало из-под Киева, охваченное беспричинной паникой.

Теперь великий князь остался практически один на один с боярами-заговорщиками и вскоре погиб, в ночь на 29 июня 1174 г., преданный в своем Боголюбовском замке ближними слугами — «дворянами» и женой, подтверждая своей судьбой давнюю истину: «Бог гордым противится». Но и в последние свои минуты князь оставался воином — безоружный, он крушил кости нападавшим дубовой скамьей.

На страницах летописей навсегда запечатлелся образ благородного рыцаря и мудрого стратега, правителя, далеко опередившего свое время, которому русская культура и русская государственность обязаны столь многим.

МСТИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ

Сын великого князя киевского Изяслава и немецкой принцессы Мстислав имя свое получил в честь деда — последнего действительного великого правителя единой Руси. Прадедами его были Владимир Мономах и король Швеции Инг Стейнкельс.

С 1146 г. Мстислав участвует в борьбе с Юрием Долгоруким, Ольговичами и Владимирком Галицким за Киев. В 1147 г., когда стороны заключили перемирие, Мстислав был «посажен» отцом княжить в Переяславле. Здесь и начинается его воинская слава.

Случилось так, что Глеб — один из сыновей Долгорукого, оставленный на Черниговщине отцом, — вернувшись обратно в свой Суздаль, послушал злого совета и решил отбить Переяславль у Изяслава. Глебов воевода и «кормилец» Волослав рассуждал так: сын Изяслава еще младенец, его легко можешь изгнать. Решено было напасть на рассвете. С Глебом были крупные силы союзных половцев, не спешивших с пустыми руками возвращаться в свои кочевья, и в успехе налета Глеб не сомневался.

Казалось, ничто не мешало осуществлению коварного замысла. Действовало перемирие, и не чаявшая беды Мстиславова дружина мирно спала, выставив охранение только непосредственно у предместий. Однако случилось так, что в Переяславле оказался знаменитый во всей южной границе Демьян Куденевич — странствующий воин-пограничник, гроза половцев, человек феноменальной физической силы.

Не связывая себя службой какому-либо князю, не ища тленных богатств, он со своим маленьким отрядом и оруженосцем Тарасом, богатырем под стать хозяину, неустанно патрулировал окраины степи. В условиях, когда пограничная стража в княжествах постоянно деморализовывалась усобицами, Демьян своим добровольным и бескорыстным служением Русской земле оставил о себе память в летописях и былинах. Не раз случалось ему разгонять целые половецкие отряды, всегда нападая внезапно, и боялись его половцы панически, пугая друг друга легендами о сверхъестественной силе русского богатыря.

Как опытный воин, Демьян Куденевич был всегда начеку. Не изменил он своей привычке и ночуя за крепостной стеной. Его пятеро отроков находились возле него, и собраться по тревоге, когда заколотили в ворота перепуганные стражи, было делом минуты.

Ратники Мстислава еще только сбегались на княжеский двор, а в улочки придорожных слобод уже катился тысячеголосый вой нахлынувшей орды.

Половцы вместе с Глебовыми берендеями и дружинниками уже сновали меж дворов, вламываясь в двери изб и амбаров, но тут распахнулись городские ворота, и семеро всадников, устремившись навстречу тысячам, помчались по улице, крестя саблями налево и направо. Вот они врезались в толпу врагов и завертелись в сумасшедшей рубке. Рядом вспыхнула кровля, алым отблеском осветив могучую фигуру мстителя, и тотчас же раздался вопль: «Здесь Демьян!» Этого оказалось достаточно, чтобы половцы ринулись наутек, заражая паникой и своих союзников.

Пришлось Глебу Юрьевичу поворачивать коня, а следом уже нажимал Мстислав. Его дружина и присоединившиеся на ходу горожане секли замешкавшихся врагов. Погоня продолжалась до городка Посова. Здесь предстояло узкой колонной пройти по гати через болото, и Глеб, понимавший, что силы противника не могут быть значительны, вознамерился дать Мстиславу бой. Его воины стали разворачиваться, прикрывая гать, перед которой сгучились беглецы.

Переяславцы не дали противнику «исполчиться». Они мчались по пятам, рубя отстающих. Впереди на угорском иноходце летел Мстислав, рядом на могучем коне поспешал Демьян, выбирая себе достойного противника. Повергнув наземь множество половцев и суздальцев, Демьян сразил и самого Волослава, но при этом сам получил тяжелое ранение.

Потоптав и загнав в болото остатки Глебова войска, переяславцы вернулись с победой и почти без потерь, но Демьяна едва довели до города. Его положили в княжеских палатах. Мстислав все время проводил у постели умирающего и принял его последний вздох, дав себе слово заменить Демьяна на границе.

В следующем году война вновь свела Мстислава с Глебом в тех же местах. Имея в Переяславле доброхотов, Юрьевич вторично вознамерился захватить город. На этот раз Мстислав был настороже. Его дозоры еще на дальних подступах обнаружили вражескую рать и известили своего князя. Мстис-

лав тотчас же с дружиной вышел навстречу и там, где дорога проходила через лес, устроил засаду.

Пропустив мимо себя войско Глеба, он ударил ему в тыл, отрезав путь к отступлению. Тот, лишенный возможности развернуться, хотя и имел войско большей численности, чем у Мстислава, не мог ничего предпринять. Его люди пришли в смятение, бежали и рассеялись. Это поражение заставило вероломного Глеба оставить Городец — свою оперативную базу под Киевом — и уйти к себе в Залесье.

Изяслав поручал сыну ответственные задания. Пока сам великий князь с новгородцами разорял поволжские владения Долгорукого, Мстислав оставался на юге и берег границы. Позднее, в том же 1150 г., он вместе с отцом сражался на Стутне против Владимирка Галицкого, а после ухода Изяслава из Киева во Владимир Волынский был оставлен в Дорогобуже оборонять рубеж реки Горынь, прикрывая Волынь с востока. Половцы в том году разоряли окрестности Переяславля и Курска, пользуясь тем, что все князья были заняты усобицей и некогда им было оборонять землю от «поганных». Только в далекой Рязани тамошний князь исполнил свой долг. Догнав степняков на р. Верене, рязанцы напали на стан отдохавших половцев, перекололи их спящими и освободили пленных.

В 1151 г. Мстислав ездил послом от отца к венгерскому королю Гензе с просьбой о помощи войсками. В это время Юрьевое войско, обойдя заслоны Изяслава на бродах под Киевом, форсировало реку у Заруба. Эту неудачу киевского князя летописец объяснял отсутствием на месте его сына Мстислава.

Из Венгрии Изяславич вел походом шесть тысяч отборных всадников. Он шел с «довольною от Владимирка осторожностью», но под Луцком венгры налегли на выставленное местным князем угощение и перепились до полного бесчувствия, не слушая предупреждений Мстислава. Когда же люди Мстислава доложили о приближении галичан, лишь немногие из венгров сохранили боеспособность. В результате большинство их погибло под мечами галицких дружинников, а те, кто спасся, были обязаны этим Мстиславу, кото-

рый при наличии всего двухсот человек пытался сдержать целое войско, послав слуг будить союзников, но в конце концов вынужден был спасаться бегством. Венгерского воеводу схватили и привели к Владимирку. Тот приказал отрезать ему нос и уши и отпустить к королю. Мстислав же прибыл к отцу, занявшему к этому времени Киев, и вскоре они уже изгоняли Юрия из Городца. После этого Мстислав снова отправился в Переяславль. В том же году он похоронил мать.

В следующем, 1152 г., пока Юрий зализывал раны у себя на севере, Изяслав решил рассчитаться с Владимирком. Для этого снова понадобилась помощь венгерского союзника, за которой отправился Мстислав. На этот раз король пошел сам, с большим войском. Владимирко же успел нанять 30 тысяч болгар и сербов, собрав 70 тысяч человек. Густонаселенная Галичина могла выставить 40 тысяч — вдвое больше, чем Новгород.

В жестокой битве на реке Сан, где мадьяры и русские соревновались в храбрости, Мстислав Изяславич явил собой образец мужества. Находясь возле короля и наблюдая за кровавой сечей, он не выдержал: «Ты за нас терпишь, а мне стыдно стоять!» И с мечом в руке ринулся в гущу галицких полков, увлекая в атаку свою дружину. Его примеру последовал сам король со своим двором. Владимирко тоже повел в бой свой последний резерв.

Необычайному упорству галичан способствовал сложный рельеф. Складки местности сковывали действия наступающих. Потери с обеих сторон были очень велики. Когда же в конце концов наемников оттеснили от берега к болотам и там разгромили, галичане бросились спасаться бегством.

Поле боя осталось за волынянами и их союзниками, и на нем король Генза чествовал Мстислава Изяславича перед строем как героя и главного вдохновителя победы.

В конце января 1153 г. Изяслав во время похода на Левобережье узнал о новых набегах половцев. Для наказания кочевников он отрядил Мстислава с полком, придав ему торков и берендеев, а также русских пограничных жителей — «поршан» и ижеславцев, отличавшихся воинственностью.

Подробиностей похода Мтислава в степь летопись не сообщает, повествуя о действиях великого князя против Оль-

говичей. Известно только лишь то, что в начале марта от Мстислава прибыл гонец с вестью о победе над половцами на р. Угле (Орели). Сообщалось также об их преследовании степняков за р. Донец, взятии большого полона и добычи, освобождении из неволи множества христианских душ.

Значение этой, как назвал В.Н. Татищев, «сугубой победы» было велико. Недаром русские князья поздравляли друг друга, а гордый за сына Изяслав Мстиславич рассылал письма родственникам с этой доброй вестью. Такого не случалось со времен Мономаха. Ведь русским давно уже стало недосуг ходить в степь.

Конечно, силы одного Мстислава, даже вместе с «черными клобуками» (как стали называть правобережных служилых кочевников) и поршанами, были не настолько велики, чтобы действительно пройти по всем кочевьям левобережных кипчаков. В результате его февральского рейда разгрому подверглось только ближайшее к границе орельское объединение. Основные зимовки половцев на реках Волчьей, Донце, на Нижнем Дону, азовском побережье остались нетронутыми. Но важность этого похода заключалась в том, что половцам наконец-то был нанесен ответный удар, возобновивший традицию, прервавшуюся более двадцати лет назад. Понятна радость Изяслава, который когда-то сам начинал свою карьеру в пограничном Курске в схватках с половцами, а затем вынужден был растрачивать свой талант полководца в изнурительной борьбе с родственниками за эгоистические цели и ради их достижения ручьями проливать русскую кровь. Теперь же сын его приобрел совсем иную славу — славу защитника Русской земли. Летом Изяславич снова выступил на половцев в район Сулы, но те успели уйти в степи.

В том же году Мстислав Изяславич ходил с отцом под Галич на Ярослава Владимировича. В тяжелой битве у Тербоваля он командовал левым крылом войска и вынужден был отступить. Не зная, что Изяслав победил противостоящее ему «челе» неприятельского войска, Мстислав собрал и организовал до двух тысяч отступивших воинов и поспешил на помощь отцу. Теперь уже преследователи, увидев Мстислава во главе колонны, обратились в бегство. В это время Изяс-

лав поднял отбитые стяги Ярослава и благодаря этой военной хитрости стал захватывать в плен ничего не подозревавших галицких бояр, возвращавшихся из погони на поле боя.

После смерти отца Мстиславу пришлось оставить Переяславль и укрыться в Луцке. Здесь ему удалось закрепиться. Спустя два года он сумел отнять у дяди Владимира Мстиславича столицу Волынской земли, что заставило Юрия Долгорукого совершить сюда поход. Мстислав активно оборонялся, и население его поддерживало, видя в нем достойного и законного наследника своего отца.

С ощутимыми потерями осаждавшие вынуждены были отступить, а Мстислав их преследовал до самого Дорогобужа и возвратился во Владимир победителем. И здесь проявилась характерная черта его полководческого стиля — ведение возможно длительного преследования как средства нанесения максимального ущерба противнику минимальной ценой.

Отбившись от Юрия, Мстислав вступил в союз с черниговскими Давыдовичами (Изяславом и Ростиславом). После смерти Долгорукого старший из них — Изяслав — занял Киев, и Мстислав вступил с ним в борьбу, пользуясь поддержкой черных клобуков и киевлян. Он вскоре выгнал Изяслава из Киева, который отдал дяде Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, и с добычей вернулся в свой Владимир-на-Волыни. От дяди он получил Поросье, где стал успешно бороться с половцами.

В 1160 г. Мстислав участвовал в войне Ростислава Мстиславича с Изяславом Давыдовичем и добыл победу. Когда войска вступили в Киев, жители в первую очередь приветствовали Изяславича как истинного победителя и избавителя от власти Ольговичей.

Летом 1167 г. Мстислав по призыву Ростислава, как и многие другие князья, принял участие в защите торговых путей и купеческих караванов на Днепре. Тогда огромное войско все лето простояло у Канева, лишь рассылая в степь разъезды.

После смерти Ростислава Мстиславича все князья Южной Руси и находившиеся там Ростиславичи постановили пе-

редать престол Мстиславу Изяславичу «не как старейшему, но как храбрейшему» (обстановка в Диком Поле требовала присутствия на киевском «столе» лучшего полководца страны). Правда, при этом сами между собой поделили волости, как хотели, и заблаговременно составили союз против Мстислава на случай, если он с такими условиями не согласится. Из этой затеи ничего не вышло. Узнав о ней, Мстислав привел с собой под Киев поляков и галичан и всех заставил себя слушаться.

Установив относительный порядок среди «братии», Изяславич немедленно обратился к подготовке того, что, по видимому, было его заветной мечтой, — организации общерусского похода на половцев. Половецкая угроза в то время заметно возросла. Из-за установившейся на Руси мирной передышки половцев больше не приглашали в союзники и грабить «легально» им стало нечего.

Киевский летописец, симпатизировавший Мстиславу, повествуя об этих событиях, превращается в настоящего поэта. В его изложении зачин вести о походе 1170 г. звучит как гимн: «Вложи Бог въ сердце Мстиславу Изяславичю мысль благу о Русской земли, занеже ее хотяще добра всимъ ердцемъ, и съзва братию свою, и начаша думати с ними, река имъ тако: «Братье, пожалте си о Руской земли и о своей отчине и о дедице, оже несутъ (половцы. — Ю. С.) хрестьяна на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимаюче всегда поступаюче. А уже у нас и Гречьский путь изьотнимають, и Солонный, и Заозный. А лено ли ны было, братье, възряче на Божью помочь и на молитву Святое Богородици, поискати отецъ своихъ и дедъ пути, и своее чести».

«Братия» поддержала Мстислава единодушно, в том числе и Ольговичи, временно рассорившиеся со своими степными родственниками. Им тоже не по душе пришлось смиренное конвоирование чумацких и купеческих обозов по пыльным шляхам. К тому же зимой они уже отличились, разорив на Осколе кочевья ханов Кзы и Беглюка.

Ранней весной в поход вместе с Мстиславом поднялись двенадцать влиятельных князей. Войско вышло из Киева 2 марта 1170 г., и в течение девяти дней пути ему удавалось

сохранять скрытность, пока из свиты одного из княжичей не сбежал боевой холоп — «кошей». Перебежчик успел предупредить кочевников, и те в панике бежали, бросив вежи с семями.

Тогда князья оставили «у возов» Ярослава Всеволодовича обеспечивать тыл и далее пошли форсированным маршем. Они сумели захватить кочевья в устье р. Орели — «Угле» и по «Снопороду» — р. Самаре, а самих половцев догнали у Черного леса «и ту притиснувшие к лесу, избише (их. — Ю. С.), а ины руками изоимаша». Легкая кавалерия черных клобуков долго преследовала прорвавшихся половцев.

Пленников было взято столько, что всем русским воинам достались «колодники» и «чаги» — рабыни, их дети, а также огромное количество всякого скота. Освободили и томившихся в плену (еще не проданных в Крыму) православных. Всех поражало, что такая блестящая победа была достигнута практически без потерь. Русских погибло всего двое — дружинник и седельник¹. О потерях черных клобуков не сообщается. Один знатный воин попал в плен, увлекшись преследованием.

На Пасху русское войско возвратилось домой. Какая-то часть Половецкой земли была обескровлена, но начавшаяся очередная усобица помешала закрепить успех. Победа вместо радости посеяла новую зависть и злобу среди «братии».

На следующий год Мстислав снова созывал князей в Канев — сторожить купеческие караваны, но Ольговичи уже не прибыли. Вскоре откололись смоленские Ростиславичи, и мало кто из князей не таил теперь злобы на Мстислава Изяславича, обвиняя его во всяческих грехах и одновременно вымогая у него новые подачки. При этом Киевская земля и так почти вся была растащена на уделы.

В это время прибыли новгородцы просить себе князя, и Мстислав послал с ними сына Романа, не считая нужным согласовать это решение с Ростиславичами. Здесь он столкнул-

¹ Зависимые военные слуги, жившие под Киевом в особых слободах и составлявшие род легкой кавалерии.

ся с новым недругом. На Новгород претендовал еще один великий князь — Андрей Юрьевич Владимиро-Суздальский. Едва узнав о решении Мстислава послать Романа в Новгород, Андрей Боголюбский стал собирать войска и рассылать к недавним союзникам Мстислава Изяславича призывы объединиться против него.

К Андрею примкнуло одиннадцать князей. Со всех сторон Изяславич оказался окруженным врагами. Лишь благородный Михалко Юрьевич остался верен слову чести, встав на сторону Мстислава против родного брата. Мстислав послал его с отрядом черных клобуков на подмогу сыну, но на Смоленщине Михалко был перехвачен и пленен Ростаславичами. Берендеи и торки сдались без сопротивления — они, активно участвуя в усобицах, всегда стремились не обнажать своих сабель, если только на стороне противника не действовали половцы.

К концу зимы Киев был блокирован огромным войском, возглавляемым Мстиславом Андреевичем — старшим сыном Боголюбского. Мстислав Изяславич успешно отбивался, но на всю протяженность городских стен его войск не хватало, а поддержка большинства «киян» не распространялась далее сочувствия. По совету изменников осаждавшие отвлекли его внимание ложным приступом. Туда были брошены немногочисленные резервы, а в это время через оставленные без должной охраны уязвимые места в город ворвались суздальцы и черниговцы.

Очень многие соратники и слуги Мстислава пали в уличных боях или были пленены. Видя это, великий князь с братом Ярославом и несколькими дружинниками прорвали заслоны осаждавших и ушли на Волынь. Преследовать их побоялись.

Вернувшись во Владимир, Мстислав не отказался от борьбы. Он заключил союз с Ярославом Владимировичем и поляками, разорил Дорогобужское княжество — владение одного из своих врагов — и вскоре осадил в Киеве Давыда Ростиславича.

Осада была безуспешной, и Мстиславу пришлось уйти. Давний враг Мстислава Глеб Юрьевич, переправившись че-

рез Днепр, пустил в погоню за ним половцев, и здесь прославленный полководец вновь блеснул тактическим мастерством. Приказав основному войску изобразить бегство, он сам с отборной тысячей устроил засаду в лесу и ударил по преследователям. Едва ли не все половцы были перебиты.

Уже дома Мстислав Изяславич вдруг занемог. Внезапная болезнь все усиливалась, и 19 августа он умер. Похоронили князя во Владимире, в построенной им церкви Богородицы.

«Сей князь роста был не вельми великого, но широк плечима и крепок, яко его лук едва кто натянуть мог. Лицом красен (красив. — Ю. С.), власы кудрявы и кратки носил. Мужествен был во брани, любитель правды, его храбрости ради все князи боялись и почитали. Хотя часто с женами и дружиною веселился, но жены ни вино им не обладало. Он всегда к расправе и распорядку был готов, для чего вельможи упражнялся, и детей своих прилежно тому наставлял, сказуя им, что честь и польза князя состоит в правосудии, расправе и храбрости».

Это был последний великий князь киевский, правивший самостоятельно и независимо.

МИХАЛКО ЮРЬЕВИЧ

Год рождения Михаила Юрьевича точно неизвестен. Около 24 лет прожил он на свете, но пережитого и совершенного за эти годы хватило бы не на одну полную жизнь.

Когда лукавые «кияне» отравили его отца — Юрия Долгорукого, Михалке было примерно 4 года, а в летописи он впервые упоминается в связи с тем, что его вместе с матерью и братьями старший брат Андрей Боголюбский выгоняет из своего княжества.

Андрей изгонял претендентов на престол. Ведь согласно завещанию Юрия Владимировича, он должен был наследовать Киев, а Суздаль, Ростов и Владимир отдать самым младшим — Михаилу и Всеволоду.

Пришлось ехать на родину матери — принцессы Глены — в далекую Византию. Неизвестно, когда Михалко оттуда вернулся, но по возвращении получил крохотный удел под Ки-

евом — любимый отцом Городец на Остре. В 1168 г. Михаил по приказу своего сюзерена, Мстислава Изяславича, участвовал в походе на половцев и, если судить по туманному намеку летописца, преследовал их до «луки моря», где попал в критическое положение, но спасся. Вскоре Мстислав, враждуя с Боголюбским, послал его как безответного младшего вассала с отрядом союзных кочевников («коуями и бастеевой чадью») в Новгород, но в пределах Смоленской земли они выдали его тамошним князьям Ростиславичам, державшим тогда сторону Боголюбского.

После изгнания Мстислава из Киева Михалко был освобожден и стал служить брату Глебу, посаженному в Киеве Андреем Юрьевичем. Здесь он и прославился, защищая границу от половцев.

В 1169 г. заключать мир с новым киевским князем одновременно явились сразу и донские, и «лукоморские» половцы, кочевавшие по разным сторонам Днепра. Одни встали у Песочена, в Переяславском княжестве, другие — под Корсунем в Киевском, и потребовали прибытия Глеба Юрьевича. Вероятно, здесь не обошлось без предварительного сговора. Поскольку быть в двух местах одновременно еще никому из смертных не удавалось, то у кого-то из них появлялся повод обидеться на «невнимание» и пограбить.

Получив известие о появлении половцев, Глеб, недолго думая, помчался к Песочену, переживая за свою «отчину» — Переяславль. Узнав об этом, стоявшие под Корсунем половцы, надеясь, что на переговорах князь замешкается («а тамо ему постряпати»), кинулись разорять села в верховьях Случи, в окрестностях городков Полонного, Семыча и Десятинного. В тех краях половцев не опасались, и села «были взяты без утечи» со всем населением, скотом и имуществом.

Покончив с делами на Левобережье, Глеб Юрьевич направился на «ону» сторону, но было поздно. Под Корсунем уже несколько дней никого не было. Поняв, что обманут, князь хотел было сам идти на преследование вероломных кочевников, но его отговорили — войска с ним было мало. Зато рядом находился младший брат. Решено было отрядить для поиска Михалку, дав ему 1,5 тыс. берендеев и сотню переяс-

лавцев (своей дружины с ним не оказалось). Мужественный юноша, сознавая, на что идет, попрощался с братом и его боярами. Советником ему был назначен Володислав — храбрый и опытный воевода.

Найдя след набега — «дорогу половецкую», поехали по ней, рассчитывая, что степняки, как и волки, возвращаться будут своей же тропой. Так и вышло. Сначала «устерегли» и уничтожили половецкую «сторожу» — походное охранение. Это был крупный разъезд, человек 300. Этот отряд был окружен и уничтожен целиком. Захваченные «языки» сообщили, что за ними движется отряд в 7000, который гонит пленных и захваченный скот. Эта колонна также угодила в засаду и была разгромлена. Пленных освободили, но оказалось, что главные-то силы врага еще только подходят. Такова была особенность половецкой тактики — главные силы при отходе смешались в арьергард, прикрывая добычу.

Численность третьего отряда половцев летописец определил в «900 копий», заметив, что наши силы составляли всего «90 копий». Зная численность отряда Михаила Юрьевича, можно определить численность одного «копья» — этой наименьшей древнерусской тактической единицы, и численность приближавшегося противника, но, во всяком случае, ясно, что превосходство половцев было 10-кратным, а добиться внезапности более не представлялось возможным.

Описание этого боя чрезвычайно важно для понимания древнерусской тактики степной войны. Берендеев в отряде было в 15 раз больше, чем переяславцев, но тем не менее они все составили первый эшелон как «стрельцы» — т.е. легкая конница, а переяславцев поставили во втором, в качестве «города», т.е. опоры боевого порядка, живого укрепления, для того чтобы отряд не был смят массой врагов, имевших подавляющее численное превосходство. В тех условиях особенно важно было заранее выстроить «город», предвидя неизбежный бой в окружении.

Сражение было длительным, упорным и ожесточенным. Половцы давили своей численностью, смешав ряды русских и берендеев. Когда был зарублен знаменосец и торжествующие враги сорвали «чолку стяговую», положение спас Воло-

дислав. Он водрузил на древко стяга свой подшлемник, «прилбицу», и бой продолжался. Половецкому множеству наши противопоставили свою стойкость — единственное, что могло их спасти. Юный полководец был ранен копьями в руку и дважды — в бедро, но продолжал сражаться, ранены были и почти все уцелевшие. Наконец половцы не выдержали и побежали. Было пленено около 1,5 тыс., «а прочих почти всех перебили». Израненные победители с триумфом прибыли в Киев.

Зимой 1171 г. половцы повторили свой набег и примерно в тех же местах ограбили множество сел. Князь Глеб в это время уже болел и вынужден был снова послать им на перехват Михаила с братом Всеволодом. Вместе с ними был послан и Володислав.

События развивались примерно по той же схеме, что и в прошлый раз, что говорит о сложившихся тактических приемах как у половцев, так и у русских, учитывавших половецкие стереотипы поведения.

Как и в первом случае, двигаясь вдоль границы, нашли половецкую «дорогу» и, пойдя по ней, сначала уничтожили походное охранение, затем — конвоиров (в этот раз летописец привел точное число спасенных селян — «400 чади»), после чего разгромили и главные силы, прикрывавшие отход. Как видим, противник действовал достаточно шаблонно. Перехват удалось осуществить уже далеко от Киева — «за Бугом».

Вскоре Михалко оказался участником бурных событий, разыгравшихся после смерти Глеба. Андрей Боголюбский назначил его киевским князем, но Михаил Юрьевич остался в Торческе, прекрасно понимая, чем ему грозит в данном случае выполнение воли брата — «самовластца», не желавшего считаться ни с мнением киевлян, ни княжеской «братии». Михалко предпочел заниматься тем, к чему у него лежала душа — оборонять границу, а в Киев отослал Всеволода. Там его и арестовали нагрянувшие смоленские братья Ростиславичи. Подступив к Торческу, они осадили и Михаила, но, заключив с ним мир, разрешили выехать в Переяславль.

Пройдет еще несколько месяцев, и Михалко в составе огромного войска снова вступит в столицу юга победителем, а еще через месяц, после разгрома коалиции, вынужден будет уехать в Чернигов.

После смерти Андрея Боголюбского Михаил Юрьевич вместе со Всеволодом снова приехал в Залесскую Русь, боролся здесь со своими племянниками — тоже Ростиславичами — сыновьями умершего, самого старшего из сыновей Юрия Долгорукого, поддерживаемыми Новгородом, Рязанью и боярами Ростова. Заняв Владимир по приглашению жителей, Михалко 7 недель сидел там в осаде. Видя лишения горожан, готовых и дальше страдать за него, он добровольно прекратил сопротивление и ушел из города, возобновив борьбу на следующий год, т.к. владимирцы только его считали своим законным государем.

Больной Михаил направлялся из Москвы к Владимиру через Юрьев. Здесь, «на поле Белехове», у р. Колокши, его встретил с суздальским полком другой претендент на власть в Залесье — племянник Ярополк Ростиславич. Блестя на солнце доспехами, суздальцы одним своим видом рассчитывали смутить южан, но не на тех напали, а полководец, даже везомый на носилках, сумел так воодушевить свой маленький отряд, что тот встал непоколебимо как скала. Наступательный порыв суздальцев, с криками скакавших вниз по склону на ошетилившийся копьями строй, иссякал по мере приближения к нему. В результате вместо таранного удара завязалась перестрелка, и стоило только воинам Михаила Юрьевича податься вперед, как войско Ярополка побежало, бросив даже стяг.

15 июня Михаил, торжественно вступив по Владимир, занял по праву принадлежавший ему трон и стал править по совести, наводя порядок в земле. Он, в частности, судил убийц Андрея Боголюбского, но недолго довелось ему покняжить. Будучи слабого здоровья, Михаил через год умер в Городце на Волге, оставив о себе светлую память как о храбром воине и добродетельном князе. Н. Карамзин, отдавая должное этой благородной душе, позже напишет: «Жив в

веке суровом, мятежном, он не запятнал себя ни жестокостью, ни вероломством, и любил спокойствие народа более власти».

ИВАН БЕРЛАДНИК

Едва ли в древнерусской истории можно отыскать еще одного такого незадачливого претендента на княжеский стол, такого князя-изгоя, такого князя-авантюриста, такого князя-кондотьера, такого князя-народного вожака, словом, такого колоритнейшего представителя Рюриковичей, как Иван Ростиславич Берладник.

В Ипатьевской летописи, из которой можно главным образом почерпнуть сведения о Берладнике, ничего не говорится об его отце, что породило несколько версий в исторической литературе. Вот что повествуется под 1147 г. в Никоновской летописи, созданной в первой трети XVI столетия: «Князь же Святослав Ольгович иде в Рязань, и быв во Мченске, и в Туле, и в Дубке на Дону, и в Елце и в Пронске, и прииде в Резань на Оку, и поиде вверх по Оке и пребыв во граде Осетре, и тамо отступи от него князь Иванко Бердланик, сын Ростиславль, внук Мстиславль, правнук Владимира Манамаха, праправнук Всеволожь, препраправнук Ярославль, пращур великого Владимира, и иде ко отцу своему Ростиславу в Смоленск». В этом генеалогическом построении правильно названы имена лишь двух самых отдаленных предков нашего героя — прапрапрадеда Ярослава Мудрого и пращура Владимира Святославича, остальные же из перечисленных Рюриковичей не связаны с ним близкими родственными узами.

Московский книжник времен Василия III (1505—1533), один из составителей Никоновской летописи, сам воссоздал ложную генеалогию на основании отчества Ивана Ростиславича, ошибочно посчитав, что раз тот, покинув своего прежнего покровителя Святослава Ольговича, отправился к смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу, последний непременно является его отцом. В действительности же речь шла о переходе Берладника от прежнего сюзерена на службу к новому. И в одном из источников Никоновской летопи-

си — Московском летописном своде 1497 г. (как и в первоисточнике информации о данном событии — Ипатьевской летописи) нет никакого перечисления его предков, а говорится лишь о том, что у Осетра «Ростиславичь Иван Берладник отступи от него (Святослава Ольговича. — *В.П.*) к Ростиславу Смоленскому». Хотя позднее, уже после смерти Ивана Ростиславича, его сын Ростислав Берладничич также находился при княжеском дворе в Смоленске, Берладник, владевший Звенигородской волостью на юго-западе Руси, не мог происходить от представителя смоленской ветви Рюриковичей — Мономашичей.

Без какой-либо ссылки на источники ученый-генеалог Н. Головин писал в середине XIX в., что Иван Ростиславич был сыном перемышльского князя Ростислава Владимировича, умершего в 1126 г., а сестра его, Елена Ростиславна, стала в 1160 г. второй женой польского князя Болеслава IV Кудрявого. Это явно ошибочное мнение до сих пор встречается иногда в генеалогической литературе. Внук же Ярослава Мудрого, Ростислав Владимирович, скончавшийся в 1067 г., приходится прадедом нашему герою. Нет также достаточных оснований считать Берладника и сыном Ростислава Васильковича, внуком Василька Теребовльского, о чем предположил украинский историк Л.В. Войтович. В условиях перераспределения наследственных владений, произошедшего в начале правления галицкого князя Владимира (Владимирки) Володаревича, к представителю перемышльской княжеской линии, каковым был Иван Ростиславич, вполне могла перейти Звенигородская волость, располагавшаяся к северу от Галича, в бассейне р. Белки. Более достоверным представляется мнение большинства ученых (Н.М. Карамзина, Н.А. Баумгартена, Н.П. Дашкевича, М.С. Грушевского, Н.Ф. Котляра и др.), правомерно считающих Берладника сыном перемышльского князя Ростислава Володаревича, умершего около 1143 г.

Владимирко (Владимир) Володаревич, которому принадлежали Белз и Звенигород, после смерти двоюродного брата Ивана Васильковича, княжившего в Галиче, овладел Галицкой волостью и перенес в ее центр столицу своего расширив-

шегося княжества. Это знаменательное известие зафиксировано в Ипатьевской летописи под 1141 г.

А Ивану Ростиславичу после смерти отца достался пограничный с Польшей Звенигород, тогда менее значительный политический и торгово-экономический центр. Недовольный доставшимся уделом и допущенной по отношению к нему несправедливостью со стороны дяди, галицкого князя Владимира Володаревича, Берладник только и ждал удобного момента, чтобы вступить в борьбу за более богатые владения. И случай взять реванш судьба ему предоставила очень скоро.

Летом и осенью 1144 г. великий князь киевский Всеволод Ольгович вместе с другими южнорусскими князьями совершил большой поход «на многоглаголивого Володимирка» Галицкого, чей авторитет среди населения Галича после этого упал. И уже в январе следующего года (в Ипатьевской летописи это событие помещено под 1144 г., но историк Н.Г. Бережков уточнил хронологию событий), воспользовавшись отъездом Владимира Володаревича на зимнюю охоту, «послали галичане за Иваном за Ростиславичем в Звенигород и ввели к себе в Галич». Несмотря на поддержку горожан, звенигородскому князю не удалось удержаться на галицком столе. После двухнедельной осады города он потерпел поражение от более мощного войска Владимирки. Обладая личной отвагой, но не приобретя еще достаточного военного опыта, Иван Ростиславич в «неделю мясопустную» (18 февраля) совершил ночную вылазку со своей дружиной, да неожиданно попал в засаду, ударившую с тыла и отрезавшую его от спасительных крепостных стен Галича. Галичане еще сопротивлялись в течение недели, а незадачливому претенденту на галицкий стол пришлось с боем пробиваться через полки Владимирки Володаревича и бежать с остатками войска на Нижний Дунай. Не засидевшись там, он вскоре степью пробрался в Киев под защиту великого князя Всеволода Ольговича. Тот пытался (правда, без особого успеха) отобрать Звенигород у Владимирки для Ивана Ростиславича, потерявшего, как оказалось, навсегда свой удел и доходы от него.

Князь-изгой какое-то время укрывался в районе р. Берлад (Бырлад), впадающей в Серет, левый приток Нижнего Дуная (современная территория Румынии), из-за чего получил свое прозвище. Там возникли поселения вольных людей, беглецов из Руси, предшественников позднейшего русского и украинского казачества, занимавшихся пиратством и называвшихся берладниками.

В 1146 г., после смерти своего покровителя Всеволода Ольговича и вокняжения в Киеве Изяслава Мстиславича, наш герой отправился с дружиной на службу к одному из черниговских князей — Святославу Ольговичу, сидевшему тогда в Новгород-Северском. Так изгнанник превратился в предводителя наемного войска. Он не отличался, однако, верностью и уже в начале следующего года, взяв силой у Святослава в качестве платы огромную сумму — 12 гривен (слитков) золота и 200 гривен серебра, перешел от него к смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу, при дворе которого также не засиделся. В 1148 г. ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий, по свидетельству Новгородской первой летописи, «послал князя Берладского с воинами» совершить нападение на новгородских сборщиков дани, которые отправились за ценной пушниной на Северную Двину. Иван Ростиславич приказал соорудить из лодок легкое подвижное укрепление для защиты от стрел новгородцев, окопавшихся на речном острове и напавших на третий день на суздальцев, понесших значительные потери. Скорее всего, такой военный прием он усвоил на Нижнем Дунае. Ни этот эпизод, ни последующая почти 10-летняя деятельность князя-наемника в качестве воеводы на северо-востоке Руси далеко не случайно совсем не отражены в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях — памятниках владими́ро-суздальского летописания. Очевидно, Берладник участвовал во всех походах своего сюзерена, воевавшего с Новгородом, захватывавшего не раз Киев и боровшегося за Волынь.

Тем временем в Галиче продолжал княжить Владимирко Володаревич. Его сын Ярослав (двоюродный брат Ивана Берладника) впервые упоминается на страницах летописи под 1150 г., когда вступает в брак с Ольгой, дочерью Юрия

Долгорукого, просватанной за него в политических целях. Но их брак, однако, оказался непрочным и впоследствии принес немало страданий и горечи обоим супругам. При весьма драматических обстоятельствах вокняжился Ярослав Владимирович на галицком столе в феврале 1153 г. после смерти отца, потерпевшего незадолго до кончины поражение от великого киевского князя Изяслава Мстиславича и в порыве гнева изгнавшего его посла, боярина Петра Бориславича. Чтобы урегулировать конфликт, молодому галицкому князю пришлось вернуть с дороги Петра Бориславича и поклясться в верности Изяславу Мстиславичу как верховному сюзерену: «...Кланяюсь тебе, прими меня, словно сына своего Мстислава: пусть Мстислав ездит подле твоего стремени по одной стороне, я со всеми своими полками буду ездить по другой стороне подле твоего стремени».

Нарушив клятву, Ярослав не стал возвращать захваченные еще его отцом киевские владения (города Бужск, Шумск, Тихомль и др.), что стало причиной очередной войны Киева с Галичем. Решающая битва в ходе военных действий состоялась на р. Серет под Тереховом и закончилась, по сути дела, вничью из-за огромных потерь с обеих сторон. Перед ее началом галицкие бояре, сомневаясь в полководческом мастерстве своего неопытного князя и опасаясь за его жизнь, отстранили его от командования войском, прямо заявив: «Ты молод, поезжай в сторону и смотри на нас» (свидетельство Ипатьевской летописи). Послушавшись их настоятельного совета, Ярослав укрылся за стенами Терехова. Впоследствии Ярославу Осмомыслу еще не раз приходилось сталкиваться с жесткой позицией всемогущих галицких бояр. Хотя княжеская власть на Руси и носила монархический характер, князь не обладал абсолютной свободой действий и должен был постоянно считаться с мнением феодальной аристократии — боярства, владевшего крупными земельными вотчинами и содержавшего вооруженные отряды.

Несмотря на довольно длительную службу, Юрий Долгорукий не очень-то дорожил Иваном Берладником, своим военным вассалом с княжеским титулом, и в ответ на просьбу зятя, галицкого князя Ярослава Осмомысла, опасавшегося

притязаний Берладника на Галич, приказал в 1156 г. привести его, закованного в кандалы, из Суздаля в Киев.

Казалось бы, все, конец, и незадачливого князя-изгоя ждет скорая и суровая расправа. Но счастье, быть может, в последний раз улыбнулось ему. Нашему герою удалось избежать тогда жестокой казни, которую готовил для него в Галиче двоюродный брат. Протесты возмущавшегося столь вероломным поступком высшего киевского духовенства заставили Юрия Владимировича отказаться от первоначального намерения и дать повеление вернуть Ивана Ростиславича в Суздаль, но по дороге тот был отбит и укрыт в Чернигове Изяславом Давыдовичем, нуждавшемся в нем, очевидно, для давления на Осмомысла.

В результате происков галицкого князя в Киев в 1158 г. прибыли послы польского короля и южнорусских князей, требуя выдачи Берладника. Изяслав, занявший после смерти Юрия Долгорукого киевский престол, не отдал в руки Ярославу Осмомыслу изгнанника. Тот же не стал, однако, еще раз испытывать судьбу и убежал из Киева в степи, к половцам, а затем с ними — на Нижний Дунай, где совершал пиратские налеты на торговые корабли и вредил галицким рыболовам. В 1158 г. берладники на время захватили и разграбили в устье Днепра важный порт Олешье, который принадлежал Киеву, перешедшему в руки князя Ростислава Мстиславича, изгнавшего Изяслава Давыдовича, покровителя Ивана Ростиславича. Киевские воеводы Юрий Нестерович и Якун, направленные в ладьях («насадах») вдогонку, сумели настигнуть и разгромить пиратов только у нижнедунайского города Дичина (Вичины).

Но их предводитель, уцелев, собрал 6-тысячное войско из берладников и наемных половцев и двинулся в поход на владения Ярослава Осмомысла. Население Кучелмина, по словам летописца, с радостью встретило князя-изгоя, но у следующего города Ушицы его ждала засада, устроенная заранее Ярославом Осмомыслом. В лагерь Берладника перебежала через городские стены часть смердов. Этот примечательный факт говорит о многом. Пользовавшийся симпатией народных масс, князь-изгой запретил союзным половцам подвер-

гнуть города погрому, и недовольные наемники покинули его, вынужденного вновь бежать в Киев. Сидевший там Изяслав Давыдович начал безуспешную борьбу с Ярославом Осмомыслом, пытаясь отвоевать для верного вассала земельные владения, но был разбит, не получив военной помощи от других князей. Именно тогда был упущен последний шанс Берладника занять Галич, чьи жители в послании даже обещали перейти на его сторону, как только тот явится «со своими стягами» под галицкие стены. Но силы противников были слишком неравными, и вместе с покровителем ему пришлось отступать и от Галича, и от Киева, и от Чернигова, пока они не укрепились в небольшом городке Вырь в Посемье, на границе со степью. Позже в одном из сражений под Киевом погиб Изяслав Давыдович, а бывший звенигородский князь — Рюрикович, потеряв опору и не имея шансов на военный успех, бежал из Руси, очевидно, опять на Нижний Дунай, в Берладь.

На протяжении тех 17 лет его жизни, которые освещены в Ипатьевской летописи, Иван Ростиславич лишь эпизодически появлялся в Нижнем Подунавье с целью пополнения своей дружины с помощью местной вольницы и не мог создать там какое-либо княжество, входившее в число владений Рюриковичей. Лишь в Новгородской первой летописи он под 1149 г., да и то, скорее, иронически, назван «Берладским князем».

Тем не менее до последнего времени в научной литературе можно встретить утверждения о существовании древнерусского княжества в Берладии. Сторонники данной точки зрения по-прежнему ссылаются на некую грамоту Ивана Ростиславича Берладника 1134 г., текст которой был издан в 1860 и 1869 гг. патристически настроенным румынским писателем Б.П. Хыждеу на основе якобы утраченной средневековой рукописи. Несоответствие ее нормам древнерусского языка и историческим реалиям XII в. было обстоятельно доказано многими учеными.

Чтобы разобраться, соответствует ли она (хотя бы в минимальной степени) современным историческим и археологическим данным о нижнедунайских землях в XII в., целесо-

образно привести здесь текст этой грамоты полностью. «У име отца и сына (и святого духа): аз, Иванко Ростиславовичь от стола Галичского, князь Берладьскы сведчую купцем (меси) бриськъм да не платет мыт у граде нашем (у Ма) лом у Галичи на изклад, разве у Берлади и у Текучом и (у г) радох наших, а на исьвоз розьным товаром тутошным и угрьским и чес(кым), а то да платет николи жё разве у Малом у Галичи. А кажить воевода. А на том обет. (В лето) от рожьства Христова, тисещу и стья и тридесять и четири лет месяца мае 20 день».

С первого взгляда, кажется, что в грамоте нет ничего экстраординарного, так как в ней изложены вполне характерные для эпохи Средневековья условия торговли: освобождение купцов из Месемврии от уплаты пошлины за ввоз товаров в Малый Галич и обязанность их платить мыто за вывозимые отсюда товары местного, а также венгерского и чешского происхождения.

Однако же тогда, в первой половине XII в., не существовало ни права склада товаров, утвержденного якобы по грамоте Иваном Ростиславичем в Берладе, ни двух других нижнедунайских городов (Малого Галича на месте Галаца и Текуча), которыми будто бы он владел. Все эти центры известны по письменным источникам лишь с XV в. Археологами не выявлены следы городской жизни XII в. в бассейне р. Бырлад. На территории современного румынского города Бырлада, расположенного на правом берегу одноименной реки, открыто поселение IX—X вв., относящиеся к XII—XIII вв. курганные погребения тюркоязычных кочевников, а также селение XIII—XIV вв. С учетом первого письменного упоминания о нем в 1407 г. можно предположить, что город Бырлад возник не ранее XIII и не позже XIV в. В окрестностях города Текуча на правом берегу р. Бырлад найдены лишь две анонимные византийские монеты, на основании которых нельзя утверждать о его существовании как торгового центра с XII столетия.

Итак, с помощью современных археологических данных невозможно подтвердить подлинность хотя бы части свидетельств из грамоты 1134 г. Уже сама ее датировка вызывает

большие сомнения, поскольку Иван Ростиславич впервые упоминается в летописи под 1144 г. еще без прозвища «Берладник». При составлении текста этого фальсификата явно были использованы сочинения византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), летописная речь князя Святослава Игоревича 969 г. о торговом значении Переяславца на Дунае, уставная грамота молдавского господаря Александра львовским и подольским купцам от 8 октября 1407 г., в которой упоминается о взимании мыта в городе Берладе, и ряд других более поздних источников.

Придунайская область Берладь не стала древнерусской княжеской волостью, передававшейся по наследству, и нельзя ставить знак равенства между ней и Тмутараканским княжеством на Северном Кавказе. Последняя, в отличие от первой, была отрезана от остальных русских княжеств степными пространствами, и в Тмутаракани в XI в. действительно княжили, чередуясь, представители разных ветвей Рюриковичей. Галицкие же владения в бассейне р. Прут, вдоль течения которой сохранился топоним «Берладский путь», непосредственно примыкали к Берлади. Но название «берладники» почему-то не закрепилось за стекавшимися туда беглыми людьми из Руси. После смерти Ивана Ростиславича оно исчезает со страниц летописи. Вероятно, так именовались лишь его сподвижники из числа известных по источникам XII—XIII вв. бродников — смешанного по этническому составу славяно-тюркского населения древнерусских степных окраин, промышлявшего военными набегами. Их можно также назвать предшественниками позднейшего казачества. Часть этой вольницы, проживавшей у юго-западных владений Галича, именовали галицкими «выгонцами». Их положение на Нижнем Дунае на стыке интересов Галича и Византии, а затем и Второго Болгарского царства не было достаточно прочным и устойчивым из-за противодействия соседних мощных политических образований.

Почему же, несмотря на смелость, военные способности и упорство в достижении цели, Ивану Берладнику не удалось одержать верх в борьбе с противниками, и прежде все-

го с Ярославом Осмомыслом? Дело в том, что, лишившись феодальных владений и не получая больших доходов, он в отличие от них не мог содержать сильную дружину. Его непрофессиональное воинство из беглых горожан и крестьян уступало дружинникам и по уровню дисциплины, и по боевому мастерству, и по вооружению.

Можно только догадываться о том, как, потерпев очередное поражение, Иван Ростиславич очутился в 1161 г. в далеком византийском городе Фессалоники. Берладника трудно представить в роли смиренного паломника, отправившегося на близлежащий Святой Афон, расположенный на полуострове Халкидики, к западу от Константинополя. Скорее всего, он попал в плен к византийцам на Нижнем Дунае, был вывезен в Фессалоники насильно и проживал там в заточении на положении пленника. Здесь, вдали от родины, и закончил этот неугомонный человек свой жизненный путь, о чем весьма скупое поведал летописец: «Преставился князь Иван Ростиславич, нареченный Берладник, в Селуни: иные так молвят, якобы от отравы наступила его смерть». Вероятно, Ярославу Осмомыслу помогли убрать с дороги соперника византийские власти, заинтересованные в союзе с галицким князем.

Оказавшись победителем в борьбе с Берладником, Ярослав Осмомысл, заметно усилившись, в 1159 г. вступил вместе с союзниками в Киев, но не стал там сам княжить, а пригласил на киевский стол Ростислава Смоленского. И позднее влиятельный галицкий князь не раз проявлял значительный интерес к киевским делам, посылая свою сильную дружину в 1168 г. для охраны от нападения половцев купцов-«гречников», возвращавшихся из Византии в Киев по Днепру, в 1173 г. — под Вышгород во время очередной княжеской междоусобицы, связанной с борьбой за Киев Андрея Боголюбского.

И позже, уже в последние годы жизни, Ярослав Осмомысл продолжал активно участвовать в южнорусских делах. Без его поддержки не могла обойтись ни одна из крупных внешнеполитических акций, предпринимавшихся Киевом. В 1184 г. великий князь киевский Святослав Всеволодич и

его соправитель Рюрик Ростиславич, решив начать очередную войну против половцев, направили послов к другим русским князьям, чтобы те прислали свои дружины. Родной брат и двоюродные братья Святослава отказались поддерживать его, говоря: «Далеко нам идти к низовьям Днепра, не можем свою землю оставить без защиты...» Военная помощь пришла из Переяславля, Луцка, Пинска, Гродно, а также от Ярослава Осмомысла из Галича. Объединенный поход в июне 1184 г. на юг увенчался успехом: половецкая орда хана Кобяка была разбита союзниками, захватившими богатую добычу и множество пленных, включая самого хана.

Приобретя немалый авторитет среди других южнорусских князей, вместе с тем у себя дома в Галиче Ярослав Осмомysl постоянно находился в зависимости от влиятельного местного боярства, позволявшего себе бесцеремонно вмешиваться даже в личную жизнь князя, его отношения с нелюбимой женой Ольгой и сыном от нее Владимиром. Ярославу давно уже были ближе и дороже не они, а любовница Настасья и побочный сын Олег. Узнав о намерении мужа развестись с ней и отправить в монастырь, Ольга с сыном бежали в 1171 г. в соседнюю Польшу. Разрушение брачных уз с дочерью Юрия Долгорукого и сестрой Андрея Боголюбского могло вызвать нежелательные политические осложнения для Галича. Руководствуясь подобными расчетами, но отнюдь не заботой о нравственности, возмущенные галицкие бояре схватили и безжалостно сожгли на костре несчастную Настасью, перебив ее родственников и арестовав самого князя Ярослава с Олегом. Таким жестоким способом они лишь на время заставили князя примириться с вернувшейся затем супругой, вскоре, однако, вынужденной навсегда покинуть Галич по требованию мужа, отправиться к брату в Суздальскую Русь и принять там монашеский постриг. Сына своего законного Ярослава также невзлюбил и, женив Владимира на дочери черниговского князя Святослава Всеволодича, галицкий стол страстно желал передать по наследству не ему, а незаконнорожденному Олегу «Настасьичу».

От брака с Ольгой Ярослав Осмомysl имел также трех дочерей. Одна из них, Ярославна, жена новгород-северского князя Игоря Святославича, хорошо известна по «Слову о

полку Игореве». Вторую дочь Ярослав выдал замуж за одного из польских князей, а брак третьей дочери с венгерским королем Стефаном III оказался неудачным и был расторгнут.

На протяжении его княжения Галич поддерживал тесные связи с Венгрией и Польшей и чаще враждебные, чем дружественные отношения с Византией. Одному из самых могущественных русских князей XII в. посвящено обращение автора «Слова о полку Игореве», созданного вскоре после неудачного похода в 1185 г. против половцев его зятя, новгород-северского князя Игоря Святославича: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича». В словах этих, безусловно, есть определенная доля преувеличения. Южная граница Галицкого княжества, не доходя непосредственно до Дуная, располагалась к северу от его дельты. Впрочем, в условиях, когда византийская власть в Нижнем Подунавье ослабевала из-за набегов кочевников и восстаний местного населения, Ярослав Владимирович мог активно вмешиваться в борьбу за контроль над этим важным регионом. При Ярославе в Галицком княжестве велось активное строительство городов и укреплений на западе и юге, с его именем связывают основание города Ярослава около Перемышля. Князь не отличался, однако, способностями полководца, посылая свои полки против врагов под командованием воевод.

Тяжело заболев и почувствовав скорое приближение смерти, старый уже Ярослав Владимирович призвал к себе знатных бояр и добился от них клятвы быть верными назначенному им преемнику Олегу, а затем повелел «раздавати имение свое монастырем и нищим, и тако даваша по всему Галичю по три дни и не могоша раздавати». Скончался он 1 октября 1187 г. и был погребен в галицком храме Успения

Св. Богородицы. Нарушив клятву, галицкие бояре и Владимир Ярославич вскоре после кончины Ярослава Осмомысла изгнали из Галича Олега Настасьича, после чего последовали 10-летние междоусобицы, осложненные вмешательством Венгрии и закончившиеся присоединением Галицкого княжества к Волынскому Романом Мстиславичем в 1199 г.

К борьбе за Галич сразу же подключился и Ростислав Берладничич — сын Ивана Берладника от неизвестной по имени и происхождению жены (возможно, ею была вдова Изяслава Давыдовича), которому от рождения была уготована такая же полная превратностей жизнь изгоя. В 1189 г. Берладничича, находившегося при дворе смоленского князя Давыда Ростиславича, настроенные против Венгрии бояре пригласили на княжение в Галич, где в то время сидел на троне венгерский королевич Андрей. Явившись туда поспешно и во главе немногочисленной дружины, Берладничич не получил должной поддержки от галицкой знати, часть которой придерживалась тогда венгерской ориентации. Ему, правда, поначалу удалось даже захватить в Галицкой земле два каких-то города, после чего князь-изгой двинулся к самому Галичу. А там Берладничича уже поджидали превосходящие силы противника — войско королевича Андрея и отряды его союзников — галицких бояр. Оказавшись в такой далеко не безвыходной ситуации, Ростислав Иванович, вопреки советам бывалых дружинников, не отступил, хотя и мог, ретировавшись, вернуться в Смоленск либо поступить на службу к какому-нибудь из могущественных князей-Рюриковичей. Со словами «не хочу блудити в чюже земле, но хочу голову свою положити во отчине своеи» он ринулся в гущу неприятеля, да в яростной кавалерийской схватке был тяжело ранен и упал с коня (ПСРЛ. Т. II. Стб. 663—665). Попавшего в плен в беспомощном состоянии, Ростислава привезли в Галич, где часть горожан пыталась его вроде бы освободить и возвести на княжение. Чтобы не допустить этого, венгры безжалостно умертвили Берладничича, приложив к его ранам яд. Так сын повторил печальную судьбу своего отца.

СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ

Святослав был сыном Всеволода-Кирилла Ольговича (былинный Чурила Пленкович), жестокого и вероломного князя, в борьбе с Ярополком за Киев приводившего на Русь половцев и выжигавшего окрестности столицы. В 1139 г. он захватил Киев и отдал сыну Владимир-Волынский. Через 4 года Святослав женился на Марии Васильковне, дочери одного из полоцких князей. В 1144—1146 гг. он участвовал в войне Всеволода Ольговича с Галичем и Венгрией.

После смерти его отца, ненавидимого родственниками, для Святослава началась трудная и тревожная жизнь, в которой хватало и битв, и погонь, и клятв, и предательств, побед и поражений, осад и оборон, не хватало в ней только приличного удела.

Будучи против своей воли вовлечен в борьбу могущественных родственников и поддерживая своего дядю Святослава, союзника Юрия Долгорукого, он трижды был вынужден «играть душою», нарушать клятву и переходить на сторону его противников, а потом снова просить прощения. Довелось ему во главе половецких орд, в авангарде Долгорукого, форсировать Днепр на Зарубинском броде, а в 1154 г. и в плену у половцев побывать. Наконец, в 1158 г. он начал княжить в своей отчине — Новгороде-Северском. В эти годы он активно помогал Андрею Боголюбскому в его походе на Киев, а в 1174 г. отобрал у осиротевших двоюродных братьев Святославичей Чернигов. Был Святослав и среди участников похода на половцев под руководством Мстислава Изяславича в 1168 г. После смерти Андрея Юрьевича Святослав поддерживал его младших братьев Михаила и Всеволода в войне за владимирское наследство.

В 1177 г. Святослав Всеволодович заявил о себе как самостоятельный политик. Когда половцы разорили Поросье, он потребовал суда над смоленским князем Давыдом Ростиславичем, не пришедшим на помощь согласно договору о коллективной обороне от половцев, в результате чего контролировавшие Киев братья Давыда Роман и Рюрик не смогли отразить нападение врага, и все Поросье подверглось опустошению.

Тогда же он ненадолго овладел Киевом, боярство которого оценило позицию черниговского князя. Позже он стал соправителем Киева совместно с Рюриком Ростиславичем. Пригласив половцев, он пытался было воевать с Всеволодом Большое Гнездо и даже сжег Дмитров, но не смог преодолеть его оборону, помирился и спустя два года уже посылал ему в помощь против болгар сына Владимира.

В 1179 г., снова став киевским князем, Святослав, ожидая набега на Правобережье, вышел с войсками к Трепелю, но половцы напали на другой стороне. Когда к князю прискакал гонец из Переяславля с известием, что «воюют половцы около города», Святослав Всеволодович и бывшие с ним князья спешно переправились и заняли позицию за Сулой, у Лукомля, надеясь перехватить степняков при отходе, но половцы, узнав об этом, сумели обойти засаду и благополучно ушли восвояси. Выжидательная тактика себя не оправдала.

В 1184 г. начался новый этап в борьбе русских земель с половцами. В конце февраля они напали на окрестности городка Дмитрова (южного). Киевские соправители выступили незамедлительно, выслав вперед сильный авангард. В результате половцы были разгромлены. Летом Святослав и Рюрик организовали большой поход против правобережных половцев, возглавляемых ханом Кобяком. Войска 10 князей двинулись на юг традиционным, комбинированным маршем: одна часть — вдоль берега Днепра на конях, другая — в ладьях, но двигавшиеся по берегу дружины молодых князей под командой переяславского князя Владимира скрывали от противника движение по Днепру главных сил, создавая у него иллюзию того, что этот отряд и есть все русское войско. В результате Кобяк напал на него, ввязался в бой, после чего попал в окружение главных сил русских. В плену оказались 12 ханов, 2 были убиты. Всего ж было пленено 7000 кочевников, а убито их было «бещисла». Одна из двух крупнейших группировок половцев, т.н. «лукоморская», была разгромлена наголову. Эта победа затмила успех 1168 г.; по своим масштабам и результатам она сопоставима лишь с победой Владимира Мономаха в 1103 г.

В феврале 1185 г. Святослав и Рюрик одержали новую победу, нанеся удар по войску главы донских половцев хана

Кончака, намеревавшемся напасть на Переяславль. Поскольку сам Кончак благополучно избежал плена, Святослав, едва просохли степные дороги, направил в набег на половецкие кочевья крупный отряд легкой конницы воеводы Романа Нездиловича, а сам отправился собирать войска для нового похода, намереваясь летом идти на Дон, но его планы спутал Игорь Новгород-Северский, который, не предупредив его, отправился в поход с одними только близкими родственниками и ополчением Северской земли.

Спустя несколько дней после этого известия, находясь еще в северских пределах, Святослав Всеволодович уже спрашивал уцелевших беглецов. Узнав о разгроме «Игорева полка», Святослав Всеволодович воскликнул: «Игорь отворил ворота на Русскую землю!» Он спешно, насколько это было теперь возможно, организовал оборону северского Посеймья, оставив здесь сыновей Олега и Владимира; написал в Смоленск, брату Рюрика Давыду, вызывая его «постеречь землю Русскую». Примчавшись в Киев, он немедленно разослал гонцов к прочим князьям, требуя прийти на помощь, чтобы не допустить прорыва левобережных половцев на киевскую сторону.

Вскоре Давыд со смолянами уже стоял под Киевом, прибыли и «иние помощи», до самого Канева надежно прикрыв Правобережье. Когда из осажденного Переяславля примчался гонец с просьбой о помощи, Святослав и Рюрик переправились через Днепр, но, дожидаясь подхода смоленского войска, упустили Кончака. Тот успел отойти, разорив по дороге городок Римов на Суле. В то же время хан Гза, оставшийся грабить Посеймье, был там разбит войском, высланным Святославом из Киева во главе с сыном Олегом и воеводой Тудором. Часть киевского войска под командой княжича обороняла лесистое дефиле между болотами, отвлекая противника, пока воевода с другой частью заходил ему в тыл.

В следующем году весной киевские соправители попытались закрепить успех и добить Кончака, но неудачно: половцам удалось уйти от преследователей. Новый поход состоялся в разгар необыкновенно снежной зимы, сковавшей передвижения половцев. Эта попытка также оказалась неудачной.

Несмотря на успешные действия разведки, снявшей половецкое охранение, тяготы похода были столь велики, что войско не смогло преодолеть последние два перехода, отделявшие его от цели. Однако в конце зимы, когда морозы миновали, на половцев снова был послан воевода Роман Нездилович с союзными кочевниками — «черными клобуками». Набег был удачен.

В 1190 г. Святослав и Рюрик заключили, наконец, мир с половцами, но передышка была недолгой, чему виной отчасти оказался сам Святослав. Поверив навету, он приказал схватить старейшину черных клобуков Кундудья — одного из главных героев войны с половцами. Позже тот был освобожден, но обиду не простил и, уйдя к половцам, среди которых сразу же нашлись желающие пограбить, стал мстить, нападая на пограничные городки и села. Набеги половцев, вдохновляемые этим перебежчиком, в конце концов вызвали ответные действия. Черных клобуков без разрешения отца повел княживший в Поросьи Ростислав Рюрикович. Он смело углубился далеко в степь и, напав врасплох, захватил большую добычу, сумев отбиться от преследователей.

Половцы, конечно же, должны были отомстить, а Рюрик Ростиславич в это время находился в Овруче, одновременно готовя поход на Литву и свадьбу сына. Туда же, по возвращении, отправился и Ростислав, бросив границу и не думая о последствиях своей вылазки. Святослав, прекрасно сознавая, что должно последовать далее, быстро выдвинулся к границе. Половцы, действительно уже скрытно подступившие к русскому рубежу, узнали о его появлении от «языка» и в страхе бежали. На этот раз русская разведка оказалась не на высоте, но мудрость старого полководца компенсировала просчеты подчиненных.

Узнав о бегстве половцев, Святослав демонстративно отправился в Киев, но, отлично зная психологию степняков, оставил у Канева сына Глеба с дружиной в засаде. Не получившие «удовлетворения» половцы действительно вскоре попробовали прорваться снова и перешли Рось. Глеб попытался отрезать их от реки. Увидев приближающееся русское

войско, кочевники в панике высыпали на лед и «обломились» на нем. Множество их здесь утонуло, другие попали в плен или были порублены, но Кундудью удалось «утечь», поэтому и следующее лето прошло в тревогах. Соправители «со всей братьей» провели его под Каневом, «стерегучи землю свою от поганных». Осенью Святослав Всеволодович собрался в новый поход, но черные клобуки подвели, видимо, посчитали, что уже довольно отомстили. Война замирала, выдыхалась сама собой.

Зимой 1193 г. Ростислав Рюрикович повторил свою авантюру и, вернувшись из удачного набега с большой добычей, сразу же ушел к отцу в Овруч, где тот снова собирал войска для похода на Литву. Святослав был вне себя от гнева. Дряхлый старец «в серебряной седине», каким его еще в 1185 г. изображал автор «Слова о полку Игореве», он уже не мог более заменить на границе своего легкомысленного соправителя и лишь направил тому письмо, полное упреков и требований «постеречь Русскую землю». Пришлось Рюрику с полдороги возвращаться. Святослав волновался не зря. И в эту зиму половцы рыскали у границы. Две орды напали на Поросье, и одна из них под Торческом была разгромлена.

В 1194 г. умер Святослав Всеволодович Киевский — сын Всеволодов, внук Ольгов. Долгую и бурную жизнь прожил этот незаурядный человек. Смолоду ему пришлось хлебнуть лиха, набираясь военного и житейского опыта, но к старости, приобретя силу и авторитет, будучи приглашен в Киев, он сумел мудро распорядиться своей властью, употребив ее на пользу родной земле. В грозный час последнего половецкого нашествия он оказался на высоте своего положения, сделав максимум возможного.

Святослав Всеволодович заметно уступал в полководческих качествах Изяславу Мстиславичу и его сыну Мстиславу, растратившим свой талант в междоусобных войнах, но счастливо найденная киевским боярством компромиссная система дуумвирата, обеспечившая на длительный период относительную политическую стабильность юга Руси, позволила ему проявить все свои способности по обеспечению

безопасности южной границы и именно ему, победителю Кобыяка, Кончака и Кзы, следует отдать второе место среди русских полководцев XII в. после Владимира Мономаха.

ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ

Сын Святослава Ольговича Новгород-Северского, а позднее — Черниговского, гостившего некогда у Юрия Долгорукого в «Москове», родился в 1151 г. Войну впервые увидел 8-летним княжичем, будучи с родителями осажден в Чернигове войсками дяди Изяслава Давыдовича.

Можно предположить, что в 1169 г. Игорь первый раз принял личное участие в боевых действиях, отправившись в поход на половцев вместе со старшим братом Олегом. На следующий год он вместе со всеми Ольговичами участвовал в грандиозном походе против кочевников, предпринятом Мстиславом Изяславичем, а затем изгонял его из Киева в составе войск коалиции, собранной Андреем Боголюбским.

В 1174 г. состоялся его первый самостоятельный выход в степь с войском. Этот поиск, произведенный с разрешения больного брата, принес начинающему полководцу первую громкую славу. Благодаря искусной разведке Игорь сразу же добился крупного успеха. От захваченного «языка» стало известно, что хан Кончак пересек границу Переяславского княжества и скоро проследует обратно с добычей. Половцам устроили засаду на переправе через Ворсклу. Дождавшись «ополонившихся» в переяславских пределах половцев, Игорь без труда наголову разгромил своего будущего друга и свата, отняв добычу и пленников. Придя с победой в Переяславль, Игорь часть добычи вернул соседу — юному Владимиру Глебовичу Переяславскому, а лучшие «саигаты» — почетные трофеи — отослал сюзерену в Чернигов и Киев.

Игорь Святославич активно участвовал в усобицах, и в 1175 г. в новом походе на Киев он возглавлял авангард коалиционной армии; бился под Вышгородом с Мстиславом Ростиславичем Храбрым. В 1178 г., по смерти Олега Святославича, Игорь наследовал Северщину и много ходил в походы по призыву своего старшего двоюродного брата — Свято-

слава Всеволодовича Черниговского, действуя совместно с приглашенными тем половцами. В этих походах он подружился с Кончаком. В 1180 г., у Долобска под Киевом, они в ожидании генерального сражения коротали ночь у костра и, будучи застигнуты внезапным нападением войск Рюрика Ростиславича, едва спаслись, в прыгнув в одну лодку. Война тогда вскоре закончилась тем, что главные противники поделили верховную власть между собой.

Весной 1184 г. во время половецкого набега на Переяславское княжество, Игорь Святославич действовал по приказу Святослава Всеволодовича. Он был послан в погоню за уходившими половцами вместе с Владимиром Переяславским, но, не желая уступать ему место в авангарде (из-за будущей добычи), рассорился с ним и, пользуясь своим старшинством, принудил того вернуться домой, а сам с братом Всеволодом Курским, племянником Святославом Рыльским и старшим сыном Владимиром, а также присланными в подмогу из Киева черными клобуками догнал степняков на берегу разлившейся р. Хирии. Потопив здесь многих половцев и еще больше их скота, он, по замыслу киевских соправителей, должен был идти громить половецкие кочевья, но, узнав, что обозленный Владимир ограбил его городки по р. Сейму, вернулся и устроил в отместку резню в переяславском городке Глебове.

В том же году Игорь Святославич, как и все Ольговичи, уклонился от участия в общерусском походе против главы одной из крупнейших половецких группировок днепровского Левобережья — Кобяка, организованном Святославом и Рюриком Киевскими. Игорь решил действовать самостоятельно. Рассчитывая, что половецкие силы будут отвлечены к Днепру, он надеялся напасть на беззащитные кочевья с востока. Состав участников похода был тем же — младший брат, племянник и сын.

Этим планам не суждено было осуществиться. Помешал случай: в степи за р. Мерлом войско северских князей наткнулось на шедший в набег половецкий отряд и рассеяло его, упустив, таким образом, фактор внезапности. Решено было опыт повторить на следующий год, а тем временем на

Днепре была одержана выдающаяся победа. Ее организация, которой до сих пор не уделяли внимания военные историки, заслуживает подробного рассмотрения.

Выступая на врага, Рюрик и Святослав выделили авангард, или, точнее, разведотряд из дружин 6 молодых князей. Придали им 2100 берендеев и выслали для поиска противника вперед, а сами стали спускаться в речных судах (в «Слове о полку Игореве» автор словами Ярославны, обращающейся к Днепру, обмолвился о святославовых насадах, которые тот «лелеял» «до полку Кобяка»). Эта подробность раскрывает замысел похода и объясняет поведение половцев. Таким образом, становится ясно, что отряд молодых князей, едва ли более 4—4,5 тыс., которыми командовал Владимир Глебович (он выпросил эту должность, мотивируя тем, что его земля полностью разорена набегами), играл троякую роль. Он не только являлся охранением и разведкой, не столько прикрывал, сколько скрывал от половцев выдвижение главных сил, отвлекая на себя внимание их разведки и тем самым представляясь «наживкой» для Кобяка.

Половцы вовремя узнали о выходе русских в степь, и догнать их не удавалось. В конце концов, зайдя далеко на юг, русские князья, утомленные длительным маршем по жаре, повернули обратно и 30 июля остановились на дневку в устье р. Орели. Очевидно, к этому времени половецкий хан, не имея сведений о каких-либо иных русских силах, кроме отряда своих преследователей, окончательно уверился, что это и есть все русское войско.

Кобяк вернулся, и его воины затеяли перестрелку с русскими через реку. По-видимому, он предполагал нанести поражение дерзкому русскому отряду, зажав его в междуречье («Угле» русских летописей). Тотчас же к главным силам, стоявшим у Инжирьброда (возможно, современная Переволочка), было отправлено донесение. Получив его, все южнорусские войска, собранные соправителями, спешно выступили по берегу к Орели, одновременно, как можно предположить, легкая конница, двигаясь впереди и левее, перейдя Орель, отрезала половцам пути отхода на юг.

Охотник сам угодил в ловушку. Едва на горизонте завиднелась пыль, поднятая спешащей подмогой, как русский от-

ряд перешел от обороны к наступлению. Первым, подавая пример, в ряды кочевников врезался Владимир Глебович. В результате удалось захватить 10 половецких «князей» (приводятся имена), чего не случалось со времен похода 1103 г. и разгрома орды хана Урусобы на р. Сутин (Молочная) — более 80 лет. В том числе был пленен сам Кобяк Карлыевич с двумя сыновьями. Редчайший случай! Подобное до сих пор произошло только с Шаруканом в битве под Сновском при первом крупном нападении половцев на Русь в 1066 г. Два бека помельче были убиты. Рядовых же кочевников истребили «бес числа». Было это 30 июля, на память святого Ивана Воина.

Победа Святослава и Рюрика, которую современники ставили в один ряд с самыми крупными победами Владимира Мономаха, стала убедительным подтверждением превосходства русского военного искусства. Наши полководцы научились бить половцев, усовершенствовав их же прием — заманивание в ловушку. К сожалению, это событие, которому место в ряду наиболее славных побед русского оружия, даже воспетое автором «Слова», в настоящее время незаслуженно забыто.

Значительная доля славы этой победы, наряду с богатейшей добычей, заслуженно досталась переяславскому соседу Игоря. Можно себе представить, как он был уязвлен этим. Кобяк был доставлен в Киев и там «пал в горнице Святославлѣ», после чего его имя исчезает из источников. Это позволило Б.А. Рыбакову предположить, что после суда он был казнен за свои многочисленные злодеяния против Руси.

Это обострило отношения Руси со Степью. Второй крупнейший владыка Левобережья — Кончак принял вызов и поклялся отомстить. Весной следующего года он появился на переяславской границе, вооруженный мощной карабалистой (лук натягивало «сорок мужей») для метания «живого огня». Управлял ею ученый артиллерист «бесоурменин» (т.е. мусульманин, вероятно, из Хорезма или с Ближнего Востока). Такого в русско-половецких войнах еще не случалось. Хан слов на ветер не бросал. Половцы вознамерились штурмом брать русские города.

Как только Святославу стало известно о том, что Кончак стоит на Хороле, готовый к нападению (хан вступил в переговоры с черниговским князем и упустил время; возможно, он хотел обеспечить изоляцию Переяславля?), он послал к Игорю гонца с предложением о совместном выступлении.

Святославич рвался в поход, но времени на сборы не оставалось, и, главное, был такой гололед, что дружина решительно этому воспротивилась. Выступать сейчас, да еще в спешном порядке, означало погубить коней и помешать общему делу, т.к. скорость движения колонны была бы неизбежно ниже обычной и в назначенное время выйти в район сосредоточения на р. Сулу все равно не успевали.

В отсутствие Игоря авангард киевских соправителей вновь возглавил Владимир Глебович. Внезапно подкравшись к ставке Кончака, он застал врасплох и рассеял его войско, но, увлекшись грабежом лагеря, упустил Кончака, которому удалось оторваться от преследователей по насту. Теперь Кончак, как раненый зверь, становился особенно опасен. Он один стоил целого войска, тем более что ущерб его живой силе был нанесен, по-видимому, небольшой. Борьба Киева и Степи достигла кульминации. Летом следовало ожидать решающего столкновения, которое должно было решить судьбу половецкой Степи. Игорь Новгород-Северский, преследовавший в первую очередь личные цели, здесь оставался как бы в стороне. Он мыслил другими категориями, мучаясь от мысли, что сосед-«мальчишка» опередил его своей славой.

Вероятно, Святослав был недоволен действиями своего авангарда на Хороле. Сохранив свои основные силы, жаждущий мести глава донецких половцев мог опередить русских. Чтобы этого не случилось, как только сошли талые воды и степные дороги стали проходимы для конницы, соправители послали в рейд по половецким кочевьям летучий отряд «берендичей» воеводы Романа Нездиловича. Это была своего рода разведка боем, одновременно отвлекавшая внимание противника от действий противоположной стороны. Сам же Святослав Всеволодович в тот же день выехал на северо-восток, намереваясь в принадлежавшей ему земле вя-

тичей собрать ополченцев для предстоящего в конце мая похода на Кончака. Старец «в серебряной седине» был полон энергии. Он чувствовал, что наступил его звездный час. Остановившись вечером по пути в свой домениальный Корачев в Новгороде-Северском, Святослав наверняка делился своими планами с двоюродным братом. Великий князь собирался идти «летовати на Доне», но этим планам не суждено было свершиться.

Игорь (в крещении — Георгий) выступил в роковой поход 23 апреля — на день своего тезоименитства — «Юрьев день весенний». То есть едва Святослав Киевский покинул его столицу, как «затрубили трубы во Новгороде» (Северском), возвестив сбор войска. О походе знал и младший брат Святослава Ярослав Всеволодович Черниговский. К нему Игорь, намереваясь достигнуть Дона, обратился за подмогой, обещая поделиться добычей. В помощь северским дружинам был выделен полк служилых тюркских вассалов Чернигова, кочевников-ковуев.

Лаврентьевская летопись, основывающаяся на владимиро-суздальском, враждебном Ольговичам, источнике, не без иронии сообщает: «Здумаша Ольгови внуци на Половци. За неже бяху не ходили томъ лете со всею князьюю, но сами поидоша особе, рекуща: «Мы есмы ци не князи же? Пойдем та кыже собе хвалы добудем»».

На этот раз Ольговы внуки решили идти далеко в глубь степей, «к Дону Великому», но куда именно? Большинство исследователей принимают версию Кудряшова — Б.А. Рыбакова, в основе которой лежит утверждение В.Н. Татищева о том, что на самом деле под «Доном» следует понимать р. Донец, высказанную в связи с изложением в «Истории Российской» событий похода на половцев в 1111 г. Не разбирая здесь весьма спорные аргументы Татищева и его последователей, привязывающих оба похода к берегам Донца, выскажем свое мнение относительно направления похода 1185 г.

Река Дон так называлась уже в XII в.; это можно видеть по различным источникам. Со времен великой мономаховой победы в марте 1111 г. Дон стал апофеозом воинской славы. Дойти до Дона было мыслимым пределом полководческой

доблести для ослабленных раздробленностью русских князей. Где-то за Доном, в области абсолютно неведомой, можно было в самых смелых мечтах «поискать града Тматороканя», принадлежавшего прадеду Игоря.

Когда-то объединенное войско семи сильнейших русских князей, ведомое Мономахом и Святополком Изяславичем, двигаясь «Залозным шляхом», вышло к самому сердцу «Половецкой земли» — городам-зимовьям в низовьях Дона (в черте современного Ростова) и, разорив их на обратном пути, выдержало тяжелейшее сражение с силами объединившихся половцев. Очевидно, что киевские князья-соправители Рюрик Ростиславич и Святослав Всеволодович, «совокупив братью», также рассчитывали идти «летовать» в те же края, двигаясь частью через район поверженной кобяковой группировки, но мог ли Игорь Новгород-Северский, имея едва ли десятую часть совокупных южнорусских сил, идти туда же, пересекая места расположения нескольких, еще не битых половецких группировок, собирая на себя объединенные силы половцев, чтобы «похитить славу» у своих сюзеренов? Неужели разгром Кобяка мог ввести его в заблуждение относительно боеспособности кочевников?

Между тем «испытать шеломом Дона» можно было более простым и легким путем, избрав направление на восток, к его среднему течению, к югу от современного города Острогожска, пройдя краем «Поля половецкого». Зная Игорев индивидуализм (северский князь отдавал себе отчет, что в составе объединенного войска его будут затмевать другие и он «потеряется», его независимость, нелюбовь к совместным действиям из-за необходимости делиться добычей и славой), можно с известной долей уверенности предположить этот маршрут, тем более что в этом направлении, на р. Оскол и Айдар, совершал он и свои последующие, более осторожные и успешные походы. Этот вариант подробно рассмотрен в книге И. Сырнева. «Перебреле» Донец, Игорь на Осколе два дня (по Б.А. Рыбакову — 5—7 мая н. ст.) ожидал подхода курского войска брата Всеволода. Соединившись, Святославичи подошли к р. Сальнице, где встретили свою возвращавшуюся из поиска разведку. Здесь, по сути, решилась судьба

похода и их собственная. Донесение разведки встревожило князей. Захватить «языка» не удалось. Половцы оказались настороже. По словам командира разведчиков, те ездили «в бронях», т.е. были готовы к бою, ждали выступления в поход или нападения. И, что хуже всего, разведка была обнаружена («видихомся», т.е. обоюдно виделись, «с ратными» — приятелем). Фактор внезапности был утерян. По Дикому полю гонцы уже понесли весть о появлении русских.

Поход оказался под угрозой срыва. Руководители встали перед выбором: продолжать поход или возвращаться: обнаружение половецкого сторожевого охранения говорило о близости кочевья — вероятно, в 1—2 переходах. В то же время с потерей внезапности степень риска столкнуться со слишком крупными силами степняков резко возрастала. Командир разведчиков, предлагая два варианта, как будто поддерживает второй: «Да или поедете борзо, или возвратися домовъ, яко не наше время». Что предпринять? Возвращаться или же немедленно идти вперед и попытаться захватить ближайшее кочевье, до которого оставалось менее двух переходов?

Как видим, разведка лишь частично выполнила свою задачу и принесла весьма скудные сведения. Вместо показаний «языка», который мог бы раскрыть планы половцев на летнюю кампанию, Игорю и Всеволоду пришлось довольствоваться данными наблюдений и «умозаключением» разведчиков, которых, вероятно, хватило бы для принятия правильного решения более осмотрительному полководцу, но только не этим, рвущимся в бой героям.

Думается, что едва ли Игорь, зрелый муж, опытный и досих пор удачливый полководец, мог просто недооценить противника. Степень опасности он сознавал, но неполнота разведданных, оставлявших надежду на успех, и подтолкнула Святославичей, неспособных со своей удельной «колокольни» уследить за стремительно менявшейся стратегической обстановкой в степи, на дальнейшие ошибочные, если не сказать безрассудные, действия. В итоге возобладал не здравый смысл, а соображения чисто этического порядка: «оже ны боудеть не бившеся возворотитесь, то соромъ ны

боудеть поушеи смерти, и како ны Богъ дасть». Зная конечный результат, мы за этой рыцарской фразеологией можем увидеть все то же, знакомое до слез, неизбывное российское «авось». Исполнившись решимости доказать свою смелость и стяжать новые лавры, князья в ночь с 9-го на 10-е форсированным маршем пересекли «шеломянье» (по мнению Б.А. Рыбакова — водораздел Дона и Днепра) и направились к верховьям Самары, т.е. выбрали направление на юг. По другой версии событий, войско продолжало двигаться на юго-восток. Утром дозорные разглядели впереди скопление кибиток, стад и толпы половецких всадников, которые «отъ мала до велика стояхуть на оной стороне реки Сюоурлия».

Тягостная неопределенность закончилась. И враг, и добыча — все теперь было на виду, и Игорь принялся «рядить» полки («изряди полковъ 6»). Здесь мы встречаем первое в отечественной военной истории описание трехэшелонного боевого порядка. Главные силы составляли полки Игоря (новгород-северцы и путивльцы), Всеволода (куряне и трубчевцы) и их племянника Святослава Ольговича (рыльцы). Они в данном случае играли роль эшелона поддержки. По замыслу Игоря, главную роль в предстоявшем бою должны были сыграть легкие силы — полк «молодых» под командой сына Владимира (вероятно, сводный) и полк черниговских ковуев «иже бяху» с воеводой Ольстином. Еще ближе к противнику располагался полк «стерльцов», выделенных ото всех частей. Старшие князья, учитывая сложную и неясную обстановку, не предполагали втягиваться в стычку, страхуя свой авангард. «И русичи великие поля червленими щитами перегородили, иша себе чести, а князю — славы».

Когда войска были построены, Игорь, по словам очевидцев, обратился к «...братьи своее»: «Сего есмы искале, а потягнемъ!» Длинное, сверкающее серебром «стружие» (полководческий жезл) поднялось в зенит, на мгновение замерло, приковывая взгляды воевод, а затем резко, указующим жестом, опустилось вперед. Построенное в боевой порядок войско выдвинулось на рубеж реки, но далее произошло нечто неожиданное. Едва конная цепь оказалась в пределах досягаемости половецких стрелков, те, «пустив по стреле», пом-

чались к своим главным силам. Более того, немедленно повернули коней и остальные половцы, до сих пор делавшие вид, что готовятся к схватке за свои «вежи», «которые же далече реки стояхоуть». Но русичам теперь стало не до размышлений над этим — добыча ускользала! И вспенилась вода в Сюурлие (Гнилуша?), запели стрелы, засвистел в ушах ветер погони. На преследование отпустили и рыльский полк, чего первоначально делать не предполагалось — племянник дядю упросил, а Игорь и Всеволод «помалу идяста, не распустяста полку своего», явно опасаясь излюбленной степняками засады крупными силами. Половцы, не задерживаясь, «пробегоша» через свои становища, которые ранее как будто собирались защищать, «русь же, дошедше вежи, исполонишася...».

Целый день прошел в гонках за рассыпавшимися на небольшом пространстве стадами, табунами и кибитками. Лишь к ночи вернулись молодые князья к главным силам. Возвратились на измученных конях, ведя не только полон, но и — «на хвосте» — крупные отряды половцев, державшиеся пока на почтительном удалении. К этому времени Святославичам, с тревогой озировавшим горизонт, и без докладов стало ясно, что против них «собрашася Половци вси». Они хотели было немедленно, в ночь уходить обратно, но Святослав Ольгович заявил, что в его полку кони так устали от дневной скачки, что не выдержат еще одного перехода (третьего подряд без отдыха), т.е. будет много отставших. Молодой князь, коря себя за опрометчивость и слабовольное потакание подчиненным, признался, что «далеко есмя гонихом по половьци». Это решило судьбу всего похода и его участников. Святослава поддержал Всеволод, осознавший, что боя в окружении все равно не миновать, и решено было заночевать, чтобы утром встретить судьбу во всеоружии.

Многим не спалось той тревожной ночью. То и дело с разных сторон слышался заунывный вой, и непонятно было, то ли это волки, привлеченные скоплением вооруженных людей, собрались, чуя скорую поживу, то ли перекликались половецкие «сторожи», стыкуя фланги отрядов вокруг чутко дремлющего в поле «Ольгова гнезда». Временами из степи доносился неясный шум. Чудилось, как будто брякала,

позванивала своими пряжками и кольцами упряжь — то подходили все новые «чади», «курени» и «коши» кипчакских беков и султанов.

Все это было похоже на западню. Становилось ясным и вчерашнее поведение половцев. Не впервой было им заманивать русичей в свои сети. Еще за 25 лет до описываемых событий, в 1160 г., в верховьях Дона конница всей Северо-Восточной Руси, ведомая сыном Андрея Боголюбского Изяславом, увлекшись преследованием как обычно «рассыповшихся по полю» после первой стычки половцев, угодила в засаду в болотистой луговой котловине («на Ржавках») и едва вырвалась с большими потерями. Еще ранее в подобном положении оказались Святополк Изяславич с Владимиром Мономахом, когда после разорения половецких «городов» встретили на обратном пути вооруженные силы всей «половецкой земли». Они прорвались после целого дня изнурительного побоища. Теперь же сил, чтобы завязать горловину «мешка», куда угодили неосторожные Святославичи, у половецких ханов было более чем достаточно.

В субботу с рассветом половецкие полчища со всех сторон, подобно лесу («акъ борове»), стали подступать к русскому стану, и князья не могли выбрать, на кого им ударить, — «быс бо ихъ бешисленное множество». Только теперь князья осознали всю катастрофичность своего положения.

Внезапное, как может показаться, появление в одной точке всех сил «половецкой земли» сразу же после нападения русских на одно крайнее становище объясняется двумя причинами. Во-первых, примерно 5 мая, если не раньше, с тех пор как северские и курские дружины вышли из перелесков лесостепи в открытое «поле», по степи во все стороны кругами стала распространяться тревога. «Русские идут!» — кричал проносившийся мимо аила всадник, перескакивая на свежую лошадь. Так за считанные дни можно было покрыть огромные расстояния. Но — и это главное — Игоря уже ждали, точнее, ожидали нашествия куда более крупных русских сил. Поэтому и разведка половецкая оказалась на высоте, и охранение захватить не удалось. Половцы после двукратного поражения, только что пережившие набег черных клобу-

ков, со дня на день ожидали то ли очередного нападения, то ли призыва в новый поход и были наготове. Уже около 10 лет отношения Руси и Степи ухудшались. Главная причина — прекращение русских усобиц, а с ними — и спроса на наемников, и притока рабов. Копившееся напряжение достигло предела и искало выхода. Несмотря на поражения последних лет, кипчаки, помня времена Мономаха, бегство своих отцов и их унижения на чужбине, отступать не собирались. От Крыма до Волги, от Посулья до Тамани «поганые» поднялись все как один на свой «последний и решительный»; готовыми дорогами, погоня упряжки, нагруженные тысячами стрел, помчались они «к Дону Великому», действуя, скорее всего, по заранее намеченному плану. Наступила кульминация многолетнего противостояния, и, думается, если бы северские и курские полки и в самом деле явились лишь авангардом объединенного войска киевских отправителей, это ничего бы не изменило в поведении кочевников. В такой обстановке, когда все Дикое поле напоминало растревоженный улей, искатели «чти и славы», не научившиеся думать «за противника», попали «как кур в ошип».

Стало ясно: не прорваться, но была еще возможность — дать шпоры коню и, бросив добычу, не оглядываясь на отстающих, устилая путь зарубленными и застреленными в спину, вырваться из этого котла на сменных лошадях. Поэтому, чтобы не дать соблазна слабым душам, князья сошли с седел, говоря «...оже побегнем — оутечемь сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога боудет ны грехъ — сих выдавше поидел но или оумремъ, или живи боудемъ на единомъ месте!» Все воины последовали примеру своих вождей и, спешившись, «поидоша бьючи», под градом стрел. Стрелой же, вероятно, вскоре был «уязвлен» Игорь — левая рука его онемела. Так, под непрерывным обстрелом, шли они до ночи, «перегородив поля великие червлеными щитами», но и когда «насташе ноши субботни», они продолжали движение, укрывая коней внутри каре, поражаемые летящими из темноты стрелами. Куда? Может быть, к ближайшей русской крепости Донец. Поскольку русичи лишили себя маневра и ограничили скорость движения, половцы не спешили по-

кончить с ними, выжидая, когда усталость и жажда сделают свое дело. «Бишася 3 дни стрелци», — вносит ценное дополнение Лаврентьевская летопись. В этом тексте делается упор на физические страдания воинов: «...а к воде не дадуче имъ ити... изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони и сами в зное и тузе...»

Утром в воскресенье, после суток движения по безводному плато, «взмятошася ковуеве», — для них, непривычных к длительным пешим переходам, такой способ передвижения, должно быть, был сущей мукой, — «и побегоша», бросив общий строй. К ним примкнула и какая-то часть русских. В это время Игорь, раненый, один ехал верхом во главе колонны главных сил и потому вынужден был лично пуститься им вдогон, чтобы вернуть бежавшую часть авангарда: «хотя возворотити ихъ к полкомъ». Более послать оказалось некого. У всех окружавших его воинов лошадей, как и положено, вели коноводы в глубине строя. Все решали секунды. Даже помешать ему никто не успел.

Надеясь остановить бегущих, Игорь даже снял шлем, но никто не повернул обратно, лишь один, вероятно, боярский сын («Михалко Гюргевич») внял голосу чести.

Желая сгладить возможное негативное впечатление от поступка, могущего бросить тень на участников похода, автор летописи пишет эпитафию героям, предпочевшим смерть, раны и плен спасительному бегству: «не бяху бо добри снялися с ковуи, но мало от простых, или кто от отрокъ боярских. Добри бо вси бяхуть ся идоуше пеши и посередѣ ихъ Всеволодь не мало моужество показа».

Пытаясь вернуть ковуев, Игорь, отдалившись от фронта червленых щитов, оказался в опасной близости к врагам, ехавшим по сторонам, и те немедленно воспользовались оплошностью князя. Лихие джигиты «из Тарголова рода» помчались наперерез и «яли» князя на глазах у всего войска, на расстоянии полета стрелы «от полку его». Накинуть аркан на одинокого раненого всадника было делом техники.

Это ошеломляющее событие произошло так внезапно, что ни прикрыть, ни отбить полководца его вассалы и слуги, как и простые «вои», составлявшие крепкие стены «города»,

оказались не в состоянии. Стремянные аристократов и конноводы «простых» вели их коней в глубине каре, там же, где, вероятно, еще пребывала и добыча, захваченная накануне.

Игорь, теперь уже с противоположной стороны, сидя «в кошеевом седле», на чужом коне, имел возможность еще несколько часов наблюдать за агонией своего обреченного войска. Командование взял на себя Всеволод. Как можно предположить из анализа текстов, пленение Игоря резко обострило ситуацию. Возможно, Всеволод сделал попытку отбить брата и повел войско в атаку (попутно надеясь прорваться?), или ободренные половцы решились наконец отказать от своей волчьей выжидательной тактики. Но именно теперь, утром в воскресенье, ломались копья и стучали сабли о шеломы в кавалерийской схватке, а стрелы шли дождем на протяжении 30 часов до того.

Петр Бориславич, если это был он, первый наш военный писатель, не пожалел красок, описывая психологическую драму своего главного героя. Игорь Святославич, удерживаемый врагами, видя «крепко бьющегося» брата, молил Бога, чтобы тот не попустил увидеть его смерти. Пришла естественная мысль о своем наказании. Совесть христианина напомнила ему о разоренном по его приказу Глебова, о его защитниках и жителях, зарубленных его воинами: «Се возда ми Господь по безаконию моему и по злобе моеи на мя. И снисдоша днесь греси мои на голову мою». Между тем нынешняя трагедия приближалась к своей развязке.

Измученное жаждой (уже начинало палить солнце третьего дня битвы) и более чем суточным непрерывным движением, северское войско оказалось на берегу степного озера. Это место достаточно темно для понимания. Что означают слова владимирского источника: «...и поступиша мало к воде»? К какой? К воде пробилась не все? Во всяком случае ясно, что половцы, видя, что русским удалось добраться до воды, поспешили взять инициативу в свои руки «и питиснуша» наших к самому берегу, где «...бишася с ними крепко и быс сеча зла велми». Всеволод попытался вновь бросить на половцев тяжелую конницу, но из этого ничего не вышло — «кони бо бяху подъ ними изнемогли».

Это был конец. В полдень «пали стяги Игоревы» и «...побежени быша наши гневом Божиимъ. Князи вси изымани быша, а бояре и велможи, и вся дружина избита, а другая изымана, и та язвена». Всеволода пленил сын Кзы — Роман, а Святослава — некто Елдечук из рода «бурцевичей». Так, в воскресенье, «наведе на ны плачь и во веселие место желю на рече Каяле», где Игорю предоставилась возможность раскаяться во всех ранее совершенных грехах.

Все князья остались живы потому, что половцы стремились захватить их живыми. За князя можно было получить от 1 до 2 тыс. гривен серебра, за воеводу — 500 (В.Н. Татищев). Пленников развели по становищам, и Кончак, поручившись за друга Игоря, забрал его жить к себе.

Определить соотношение количества попавших в плен и погибших затруднительно. Летописи не сохранили точных данных ни об общей численности северско-курского войска, ни о числе плененных. Источники же, как известно, сообщают о дружине в первую очередь как о погибшей, а во вторую очередь как о плененной и раненой, т.е. погибло не менее ее половины.

Спасти же почти никому не удалось. Пробриться было практически невозможно, «зане яко стенами силнами огорожени бяхоу полкы Половецкими». Еще сложнее было избежать гибели или пленения при преследовании. Из всего полка ковуев спаслось около десятка человек.

Следующая строка повести в Ипатьевской летописи — «...а прочие в море истопоша» — побудила Б.А. Рыбакова предположить, что дружины молодых князей также прорывались в южном направлении и были прижаты к берегу Азовского моря, где и погибли. Допустить такое трудно. Скорее под «прочими» автор имел в виду ковуев, которых погоня загнала в море. Те же, кто не смог пробиться, остались на берегу озера, отстреливаясь из-за туш убитых лошадей, и в конце концов попали в плен. Может быть, под морем имелась в виду та самая «вода»? Нежелавшие сдаваться отходили от берега и тонули ранеными под половецкими стрелами. В плену Игорь был окружен почетом, штатом прислуги, вел роскошную жизнь, охотясь с ханскими соколами и исповедуясь специально вызванному из Руси священнику, пока

половцы клали головы под стенами Путивля и Переяславля. К бегству его вынудило известие о разгроме Кзы, понесенных им потерях и желании выместить злобу на пленниках. Сумев бежать, Игорь Святославич несколько лет, приходя в себя от позора, лелеял свою месть и дожидался, пока в городках по Десне и Сейму подрастет новое поколение сорвиголов, «под шеломами взлелеянных, с конца копы вскормленных». В 1191 г. он возглавил новый поход на половцев, захватив у них много скота и «ополонившись». Княжеское самолюбие могло бы быть удовлетворено. Половцы утихли, и серьезной угрозы, во всяком случае для Северщины, более не представляли. Друг Кончак, став теперь и родственником, предпочитал разбойничать на другом берегу Днепра — в Поросье. Можно было завершать пограничную часть своей карьеры и думать о Черниговском столе, но Игорю все было мало. Его отрезвила лишь неудача нового, зимнего похода за Оскол.

Половцы снова опередили Игоря. Попав в полуокружение в сходных условиях, он ночью бежал вместе с войском «заложившись», т.е. опрометью, «прижав уши» и не думая о чести.

В 1198 г. Игорь Святославич занял, по старшинству, черниговский трон и успел еще построить прекрасную церковь, сохранившуюся до наших дней, а также приложить руку к созданию чернигово-половецкой коалиции, войска которой под предлогом помощи свергнутому «князю» Рюрику Ростиславичу в 1203 г. подвергли столицу Южной Руси неслыханному погрому. Впервые степняки шныряли по улицам древнего города, угоняя в рабство тысячи жителей и оскверняя святыни, но Игорь этого уже не видел. За полгода перед этим он умер, успев принять схиму.

ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Самый младший из сыновей Юрия Долгорукого Всеволод (Дмитрий), известный по прозвищу Большое Гнездо, родился в 1154 г. в только что заложенном городе, названном в его честь, — в Дмитрове. Его матерью была византийская принцесса Елена.

После внезапной смерти отца и последовавших за этим трагических событий осиротевшая семья переехала обратно в Ростово-Суздальскую землю. Здесь, в «сужденной дали», по «ряду», заключенному Юрием с местным боярством, его младшие сыновья должны были, по смерти отца, получить уделы. Теперь здесь прочно сидел старший брат Андрей, не испытывавший к мачехе теплых чувств и не намеренный делить с сиротами свою землю.

Прожив несколько лет на положении бедных родственников, Елена с детьми в 1162 г. отправилась в изгнание — на родину, в Константинополь, ко двору императора Мануила. Андрей Боголюбский рассчитывал передать своему наследнику Русское государство с самодержавной властью неразделенным.

Вернулись на Русь сыновья Долгорукого примерно в 1168 г., когда Боголюбский, находившийся в зените своего могущества, вознамерился подчинить себе и Киев, для чего на юге ему понадобились «свои люди». Уже в 1169 г. Всеволод в составе суздальского войска участвовал во взятии Киева и остался здесь вместе с братом Михалкой служить «у стремени» брата Глеба, посаженного Андреем на киевский престол. Здесь он проходил воинскую науку. В начале 70-х гг. принял боевое крещение в схватках с половцами.

После смерти Глеба Юрьевича в Киеве сменились Владимир Дорогобужский, Роман Ростиславич Смоленский. Наконец Боголюбский, издеваясь над Ростиславичами, отдал киевский престол брату Михалке, княжившему у торков, но тот благоразумно не поехал, послав занять «златокованный» стол Всеволода. Исполняя братню волю, тот прибыл в великокняжеский терем, но вскоре был там арестован ворвавшимися в город смоленскими князьями. Михаил Юрьевич договорился с Ростиславичами, и те отпустили Всеволода к брату. Позднее они оба участвовали в неудачном походе на Киев и осаде Вышгорода в 1174 г. Крушение власти Боголюбского привело его младших братьев к потере уделов на юге. Они тогда нашли приют при черниговском дворе.

После гибели Андрея Боголюбского в результате заговора ростовское боярство предпочло его братьям их взрослых

племянников — детей самого старшего из сыновей Юрия Владимировича, Ростислава — Ярополка и Мстислава, долго находившихся в тени. Они также пребывали в Чернигове. Поначалу претенденты мирно договорились между собой: избрав Михаила старшим, они надеялись поделить Залесские земли по справедливости.

Из этих благих намерений ничего не получилось. Ростов определенно не собирался держать слово, данное Долгорукому и его детям, а Ростиславичи рассчитывали на поддержку рязанского князя Глеба, женатого на их сестре. В Москве Ярополк оставил Михаила и Всеволода и выехал в Переяславль, где принял присягу собравшейся здесь местной дружины. Между тем Юрьевичи прибыли во Владимир, где жители приняли их с честью.

Началась усобица. Владимир был осажден, окрестности грабили рязанцы и муромцы, горожане страдали от голода и в конце концов с плачем вынуждены были просить Михалка (Всеволод не упомянут) покинуть Владимир. Пришлось возвращаться «в Русь».

Тем дело не кончилось. В следующем, 1176 году владимирцы, недовольные лихоимством ярополковой администрации, сами позвали Михаила и Всеволода. Те с небольшой дружиной выступили в сопровождении сына черниговского князя Владимира Святославича. Владимирцы выслали отряд им навстречу, а Ярополк, узнав о том, вознамерился из Ростова перехватить дядьев, но за Москвой «Божьим промыслом разминулись (они) в лесах».

Пытаясь исправить ошибку брата, Мстислав с суздальской дружиной помчался «как на зайцев». В пяти верстах от Владимира внезапно слева из-за горы появилась блистающая доспехами, с поднятым распущенным стягом суздальская дружина. Витязи Мстислава с громкими криками ринулись на небольшой отряд, окружавший носилки, в которых везли больного Михаила, но Всеволод сумел сплотить своих воинов, и горсть храбрецов встала как скала. Стрельцы осыпали приближающегося неприятеля градом стрел, и спускающаяся по склону лавина стала замедлять свой бег, а затем и... обратилась вспять, бросив стяг!

После такого позора Ярополк бежал в Рязань, а Мстислав — в Новгород. Михалко же, придя во Владимир и приняв делегацию суздальцев, посадил брата править в Переяславле. В том же году они, вероятно, по просьбе владимирцев, вместе ходили на Глеба Рязанского и заставили его вернуть все, что он захватил во Владимирской земле, включая чудотворную икону Богородицы и богослужебные книги из Успенского собора.

В субботу 20 июня следующего, 1177 г., в Городце-на-Волге на закате дня преставился исполненный всяческих добродетелей благоверный великий князь Михаил Юрьевич, и наступило время Всеволода. Владимирцы, помня крестное целование отцу его, перед Золотыми воротами дали присягу новому князю служить ему и его детям: «...и посадиша и (его) на столе дедне (город основал Мономах) и отне».

Ростовцы не собирались сдаваться и уступать древнее старшинство в земле Владимиру. Едва узнав о смерти Михалка, они призвали из Новгорода Мстислава Ростиславича, клянясь служить только ему. Тот немедленно прибыл и собрал земское и феодальное ополчение Ростова (в летописи перечисляются категории воинов: «бояре», «гридьба», «пасынки»). Можно предположить, что вторая категория — менее знатные наследственные служилые, потомки воинов младшей дружины — телохранителей «гридней» Киевской Руси, в то время как «пасынки» — аналог южных «милостников», служащие в первом поколении, лично принятые в младшую дружину данным князем (как бы «усыновленные»), возможно, из состава отроков или даже лиц зависимых, вооруженные на его средства и от него получившие право на ренту с конкретных земельных держаний (сел).

Всеволод двинулся ему навстречу с дружиной, владимирцами и «что быше боярь осталось у него». На подходе к Суздалю все войско увидело на небе явленный чудесно образ Божьей Матери рядом со своим городом. Всеволод укрепился в своей правоте, но надеялся избежать кровопролития и предложил племяннику оставить за ним Ростов, а доходы с Суздаля поделить, но тот послушал гордые речи ростовских бояр и предпочел помериться силами. Между тем Всеволод

под Юрьевом соединился с переяславцами. Противник был уже рядом.

В субботу 27 июля, в день, памятный потомкам как годовщина Полтавской битвы (на память Св. Сампсония Странноприимца), решилась судьба княжения. Утром Всеволод, построив полки, перешел р. Кзу и атаковал боевые порядки Мстислава, стоявшие у Липиц. Передовые полки легкой кавалерии (стрельцы) затеяли обычную перестрелку, затем развернувшиеся к бою конные массы обеих сторон двинулись навстречу, с шага переходя на рысь, покрыв собою необозримые юрьевские поля. «И поможе Бог князю Всеволоду Гуревичу».

Вожди ростовского боярства сложили головы на поле, Мстислав бежал обратно в Новгород (откуда его вскоре выгнали), а прочих многих пленили и связанными пригнали во Владимир. О потерях в войске Всеволода не упоминается. Кажется, их почти и не было («А у Всеволода в полку не бысть пакости»). Вскоре он послал на новгородское княжение племянника Ярослава.

На этом военные тревоги не прекратились. В конце лета изгнанный новгородцами Мстислав, придя в Рязань, подбил Глеба напасть на Москву. Осенью они сожгли город и разрушили окрестности. Всеволод выступил было на рязанцев окрестной дорогой через Переяславль, где собирал войска, но по просьбе новгородцев, встретивших его «за Переяславлем, под Шерньским лесом» и обещавших помощь, задержался. Узнав, что Глеб от Москвы повернул на Рязань, Всеволод вернулся во Владимир.

Зимой владимирский князь снова выступил на юг. В Коломну к нему пришли союзники: племянник Владимир Глебович из Переяславля Южного, сыновья черниговского Святослава Всеволодовича — Олег и Владимир. Но здесь же им стало известно, что Глеб с Мстиславом и половцами тайными тропами прошел по дебрям заснеженной Мещеры и воюет окрестности Владимира.

В тылу в это время творилось страшное: Глеб Рязанский отдал Владимирщину половцам на разграбление. Был осквернен и опустошен храм Покрова Богородицы, что на Нер-

ли, дивно украшенный Андреем Боголюбским драгоценными камнями, иконами, золотом, серебром и прочим узорочьем. Впервые ворвавшись в Залесье, степняки, поубивав множество народу, собрали по селам огромный полон и гнали толпы несчастных босыми по морозу.

Узнав об этом, Всеволод Юрьевич как можно скорее вернулся прежней дорогой в Ополье и нашел войско Глеба стоящим лагерем на р. Колокше с половцами и полоном. Целый месяц никак не замерзавшая река мешала схватке. Лишь по наступлении масленой недели лед на Колокше стал выдерживать всадника, но атаковать в развернутом конном строю стало трудно из-за глубоких снегов.

В первый день Великого поста «князь Всеволод нарядь полкъ... и пусти возы на ту сторону реки». Глеб Рязанский двинул против этого подвижного укрепления полк под началом Мстислава Ростиславича, как представляется, намереваясь зайти во фланг противникам. Тогда Всеволод послал Владимира Глебовича Переяславского с его людьми и частью дружины на подмогу возам, которые, судя по всему, образовали цепь против Мстислава. После этого Глеб с сыновьями Романом, Игорем и Ярополком перешли Колокшу и, утопая в снегу, намеревались атаковать позицию Всеволода на Прусковой горе. В это время Владимир опрокинул Мстислава, и Глеб, подойдя на выстрел к фронту Всеволода, увидев обозначившуюся угрозу флангового охвата, вынужден был повернуть вспять.

Всеволод немедленно перешел на преследование и довершил разгром. Почти все вожди рязанцев, кроме Игоря Глебовича, были пленены. Половцам же не было пощады: всех перебили из мести за их злодеяния.

Во Владимире два дня праздновали победу, а на третий день горожане потребовали от князя смерти своих врагов, и Глеба — в первую очередь. Всеволод старался спасти своих пленников и посадил их в поруб. Рязанцы же в это время под угрозой нашествия выдали скрывавшегося на южной окраине их земли, в Воронеже, Ярополка Ростиславича.

Всеволод намеревался заставить Глеба отказаться от княжения и сослать его на юг, но тот предпочел умереть князем

во владимирской тюрьме. Когда Ярополка привезли во Владимир, горожане вновь стали требовать смерти Ростиславичей. С оружием пришли они на княжий двор и, взломав поруб, ослепили обоих братьев. После чего они были отпущены, как и Роман Глебович.

По пути на юг слепцы, усердно молясь в Смоленске, внезапно прозрели и возобновили свои происки. Новгородцы, прознав о таком чуде, посчитали их угодными Богу и пригласили княжить: Мстислава — в Новгороде, Ярополка — в Торжке, а ставленника Всеволода Ярослава послали в Волок Ламский. Мстислав вскоре умер, Ярополк занял его место, но Всеволод этого не потерпел и заставил новгородцев изгнать его.

В следующем году Всеволод ходил на Торжок и взял его, а затем захватил в Волоке Ярослава Мстиславича.

В 1180 г. великий князь по просьбе младших братьев Романа Глебовича Рязанского выступил к Оке. В Коломне он пленил Глеба, сына черниговского Святослава Всеволодовича, державшего сторону Романа (и к тому же посадившего сына на новгородское княжение, чем, безусловно, очень задел владимирского князя). Затем владимирская «сторожа» на Оке разбила передовой отряд рязанцев, «притиснув» их к берегу. Перейдя на южный берег, Всеволод взял городок Борисов-Глебов и осадил Рязань. Здесь, заключив мир с Романом, Всеволод распределил рязанские волости по старшинству между Глебовичами.

Теперь следовало ожидать войны с Черниговом. Действительно, на следующий год Святослав с новгородской подмогой и нанятыми половцами вторгся в Подмоскovie с волжской стороны. Рати сошлись на р. Влене, где в 40 верстах от Переяславля Всеволод с рязанскими и муромским вассалами ожидал противника на выгодной позиции.

Помня былые доброту и гостеприимство черниговского князя, Всеволод сдерживал владимирских и суздальских воинов, а противоположная сторона не решалась атаковать из-за крутых берегов и окрестных холмов. Желая выманить Юрьевича на равнину, Святослав прислал к нему парламентариев, но тот их отослал во Владимир и остался на месте, ожидая,

что у противника сдадут нервы и он решится пойти на штурм и подставится. Этого не произошло. Наступала весна. Опасаясь половодья, Святослав отступил.

Простояв две недели и не решаясь напасть из-за «тверди», войска разошлись, не заключив мира, причем черниговцы, чтобы досадить Всеволоду Юрьевичу, сожгли Дмитров. Святослав пришел в Новгород, где Ярополка снова приняли и послали править в Торжок. Вслед за тем Святослав отправился на юг и вскоре стал править Киевом вместе с Рюриком Ростиславичем.

Новое появление Ярополка на суздальской границе в 1182 г. повлекло за собой новый поход Всеволода к Торжку. Стремясь захватить город внезапно, он предпринял форсированный марш, но цели не достиг, хотя, вероятно, и помещал жителям подготовиться к осаде. Предвидя свою участь, город оборонялся месяц, но голод заставил жителей заковать своего раненого накануне стрелой князя в цепи и открыть ворота. Это не спасло их от разграбления и плена. В результате новгородцы, выгнав Святослава сына, запросили князя у Всеволода. Тот, отпустив пленных, послал в Новгород своего родственника — Ярослава Владимировича. После этого и Глеб Святославич был отпущен к отцу в возобновление прерванной дружбы. На Руси установился шаткий баланс сил и интересов, просуществовавший довольно долго.

С прекращением усабиц Всеволод обратил свои взоры на восток. В 1184 г. состоялся речной поход на волжских болгар. О причинах похода не упоминается, но ясно, что в основе лежало торговое соперничество.

Экспедицию снова лично возглавлял великий князь. Вместе с ним в походе участвовали: племянник Изяслав Глебович, Владимир — сын Святослава Киевского, Мстислав — сын Давыда Смоленского, четверо рязанских Глебовичей и Владимир Муромский. Флотилия, войдя в пределы Болгарии, причалила возле устья р. Цывили. Высадившись, войско двинулось к «Великому» городу и по дороге осадило городок Тухчин, задержавшись здесь на два дня.

Не взяв крепости, на третий день пошли дальше, отправив обратно белозерский полк с воеводой Фомой Ласкови-

чем, наказав охранять ладьи на месте высадки. Вперед было выслано сильное охранение. Оно и обнаружило впереди войско, которое было приняли за противника, но оказалось, что это половцы «емяковы», которых привел мятежный болгарский «князь». Посоветовавшись со своим окружением, Всеволод под присягой присоединил половцев к своему войску.

Подойдя к болгарской столице, князья расставили полки (вероятно, вокруг города), а сами стали совещаться. Тем временем Изяслав Глебович, желая снискать себе славу, во главе своей дружины атаковал с копьем наперевес неприятельских пехотинцев, занятых перед стенами, под прикрытием крепостных стрелков, устройством дополнительного внешнего ограждения из досок — «плот». Очертя голову княжич «загнавъ за плотъ», к самым «воротомъ городнымъ», где в ком-то «изломи копье», но при этом стрела, выпущенная почти в упор, пробила его броню. Тяжелораненый княжич был принесен в лагерь.

Тем временем против белозерцев, охранявших место высадки, собрались жители трех болгарских городков, пытавшихся уничтожить в первую очередь суда — «учаны». Ценой больших потерь болгары были отброшены.

Рана любимого племянника парализовала деятельность Всеволода. 10 дней войско бездействовало под стенами города, пока болгары не предложили начать переговоры, которые закончились заключением мира. На обратном пути Изяслав умер.

На следующий год Всеволод послал на болгар своих воевод с городецким полком. Было захвачено множество ленных. По возвращении войск из похода Всеволод Юрьевич получил возможность вмешаться в усобицу рязанских князей. Там старшие Глебовичи осадили в Пронске своих младших братьев — Всеволода и Святослава.

Пытаясь предотвратить братоубийство своих вассалов, Всеволод направил в Рязань посольство, но трое старших окончательно вышли из повиновения, ответив, что не нуждаются в советах. Младшие же запросили у него помощи. В Пронск поспешил отряд в 300 человек. Эта символическая помощь великого князя ничего не решила. Бои под Пронс-

ком приняли ожесточенный характер. Пришлось посылать уже серьезные силы — Ярослава Владимировича (к тому времени изгнанного новгородцами), а также Владимира и Давыда Муромских.

Когда к князьям под Пронск пришла весть о том, что владимирское войско подошло к Коломне, они бежали от города к Рязани. Узнав об этом, Ярослав и муромцы посчитали задачу выполненной и вернулись во Владимир вместе с Всеволодом Глебовичем. Но в это время трое братьев вновь навалились на оставшегося в Пронске Святослава. «Отняв воду» у осажденных, они смогли принудить их к капитуляции. Святослав открыл братьям ворота и получил город во владение в обмен на обещание быть заодно с ними против уехавшего во Владимир Всеволода, а владимирскую подмогу, дружину Всеволода Глебовича, его жену и детей посадили в темницу. В ответ великий князь стал готовить карательный поход.

Рязанцы испугались, отпустили всеволодовых «мужей», клялись в верности, но Юрьевич «не всхоте мира их», собираясь примерно наказать «буйных». Глебовичи упростили выступить в роли миротворца-посредника черниговского епископа Порфирия, но его миссия закончилась провалом. Созвав вассалов, Всеволод «перебродивше» Оку и «взяша се ла вся и полон многъ и возвратишася в своя си... землю ихъ пусту створиша и пожгоша всю». В 1182 г. Всеволод восстановил контроль над Новгородом, снова посадив там Ярослава. Несколько лет Залесская земля жила мирно. Всеволод распространял свою власть над Рязанью, Смоленском, Новгородом, Муромом, Переяславлем Южным, Псковом, частью Волыни и некоторыми более мелкими владениями (Городок-на-Остре). Князь собирал полюдые, разъезжая по своему огромному государству, устраивал сгоревшую столицу, улаживал церковные дела, выдал замуж дочерей, в том числе Верхуславу — восьми лет. Княгиня его Мария, осетинка родом, теперь ежегодно рожала сыновей. Это была замечательная женщина, отличавшаяся не только чадолюбием и благочестием, но и государственной мудростью. Она основала во Владимире девичий монастырь, прозванный Княгининым и ставший усыпальницей женской половины влади-

мирского княжеского дома. Летописцы сравнивают ее со святыми императрицами Еленой и Феодорой, называют второй Ольгой. Последние годы жизни она страдала от тяжелого недуга, а перед смертью, собрав сыновей, заклинала их жить мирно между собой, любить друг друга... Как чувствовала, что забудут они эти слова очень быстро. В 1205 г., незадолго до кончины, она приняла постриг.

После смерти Святослава Всеволодовича и установления в Киеве единовластия Рюрика Ростиславича Всеволод потребовал от него нескольких городов на Правобережье, которые тот уже успел отдать зятю Роману Волынскому, а получив, подарил их собственному зятю (сыну Рюрика) и тем спровоцировал многолетнюю войну между ними с участием Ольговичей Черниговских и, конечно же, половцев, закончившуюся страшным погромом Киева и победой Романа, вскоре погибшего. Сам же Всеволод в усобице почти не участвовал, пока черниговцы не пленили его смоленского зятя, после чего, еще полгода «перестряпав», великий князь «вседе на конь». В 1196 г. его войска, действуя в интересах Рюрика, вторглись в северную часть черниговских владений — землю вятичей, взяв тамошние города и «землю ихъ пусту створи», но черниговские князья изъявили покорность, и дело кончилось миром. Когда-то автор «Слова о полку Игореве» приглашал Всеволода, способного «Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать», вступить за разоряемую «погаными» Южную Русь, но тогда она, не дождавшись «спасителя», «обошлась» своими силами. Лишь спустя 14 лет Всеволод Юрьевич надумал повоевать с половцами, по-видимому, вняв просьбам рязанских князей, чьи земли постоянно страдали от набегов степняков. Взяв с собой подросшего старшего сына Константина, великий князь в апреле выступил в поход, имея целью, как представляется, не только поугатать кочевников, но и «вспомнить молодость», еще раз взглянуть на весенние степи да и «испытть шеломом Дона» — осуществить заветную мечту всех полководцев «мономаховой школы». К тому же полезно было еще раз продемонстрировать строптивым рязанцам владимирскую мощь.

Поход длился около 2 месяцев. Кипчаки в страхе разбежались, не вступая в столкновения с залесскими полками;

уходили с кибитками на Левобережье или к Лукоморью, предоставляя русским возможность разглядывать пустые становища. Судя по тому, что в Лаврентьевской летописи упоминается про «зимовища», можно предположить, что суздальцы добрались до низовий Дона, по крайней мере — до скрытых ныне под гладью Цымлянского водохранилища огромных пойменных лугов в районе Саркела — Белой Вежи, а может быть, и ниже, туда, где вблизи пастбищ донской дельты и располагались таинственные половецкие «города», в средоточие найденных памятников половецкой культуры.

После этого великому князю несколько лет пришлось неотступно заниматься новгородскими делами. До войны здесь не дошло, и княжить в Новгород вместо не слишком удачливого свояка Ярослава поехал маленький сын Святослав с боярами-советниками, которых позднее сменил 20-летний Константин в качестве полноценного государя. Другой же сын, 10-летний Ярослав, был послан в Переяславль Южный. В 1205 г. вновь, вероятно, как и ранее, из-за торговых неурядиц, возникла необходимость военной акции на Волге.

Все это время Южную Русь сотрясали непрерывные усобицы. Главным инициатором их стал теперь сын Святослава Всеволод Чермной, изгнавший из Переяславля Ярослава. В конце концов, в 1206 г., услышав об окончательном разорении «Руской» земли (Киевщины), Всеволод Юрьевич не выдержал и решил вмешаться, сказав при этом: «Им, что ли, одним отчина Русская земля, а нам разве не отчина! И пусть меня с ними Бог управит!» Последние слова означали объявление войны. Отряд воеводы Степана Здиловича совершил набег на один из вятичских городов — Серенск и сжег его.

Получив весть от отца, Константин быстро собрал мощное ополчение всей Новгородской земли, включая и псковичей, и ладожан, и новоторжцев. Вскоре он уже был в Москве, ожидая подхода главных сил здесь, на границе черниговских владений. Оповестив вассалов о сборе на Оке, Всеволод выступил с сыновьями Юрием, Ярославом и Владимиром. В Москве же ему сообщили, что рязанские князья вступили в сговор с черниговскими.

Великий князь приказал разбить на пологом берегу Оки шатры и приготовить угощение. Двое постаревших Глебовичей — Роман и Святослав — прибыли вместе со взрослыми сыновьями и племянниками Игоревичами и Владимировичами. Всеволод же Пронский умер незадолго перед тем. Все ожидали похода на Киев, но, вместо того чтобы начать пир, Всеволод удалился, и его место заняли обвинители.

Напрасно клялись и божились рязанцы в своей невинности (о чем среди летописцев нет единого мнения), тем более что в их рядах произошел раскол. Олег и Глеб Владимировичи, быстро сообразив, переметнулись на сторону сильного. В итоге великий князь осудил главу рязанского рода — Романа Глебовича, Святослава с двумя сыновьями и двоих Игоревичей, приказал схватить также их ближних бояр и закованными отвезти во Владимир, после чего войска вступили в рязанские пределы.

Пронск был осажден, князь его Михаил Всеволодович, подтверждая подозрения, бежал в Чернигов, к своему тестю Всеволоду Черному. Жители, которых возглавил Изяслав — брат переметчиков Владимировичей, страдая от жажды, яростно оборонялись 6 недель. Ежедневно они должны были пробиваться к воде (крепость на высокой узкой гряде не имела колодцев) через заслоны всеволодовых воинов. Рязанцы с Романом Игоревичем в это время пытались помешать подвозу продовольствия осаждающим, напад (неудачно) на Оке на владимирские суда.

В сдавшемся Пронске была захвачена богатая добыча, которой великий князь наградил в первую очередь новгородцев. Изяслав был отпущен с миром, а вместо него Всеволод посадил княжить муромского Давыда — «главного обвинителя». Рязанцы, за которых ходатайствовал епископ, изъявили покорность, отослав во Владимир оставшихся князей. Поскольку сват Рюрик сам справился с Черным, в очередной раз выгнав его из Киева, Всеволод Юрьевич вернулся в столицу. Желая иметь Константина своим помощником, он не отпустил его обратно на север, вернул новгородцам прежние вольности, и около года они управлялись без князя, после чего туда был прислан Святослав.

В Рязани была оставлена владимирская администрация, которую в 1208 г. возглавил Ярослав. Там усиливалось недовольство. Узнав о готовящемся против него заговоре, Ярослав оповестил отца. Всеволод с дружиной вскоре прибыл к Рязани и, приказав всем жителям выйти из города, поджег его укрепления. Рязань сгорела дотла, а рязанцев расселили по городам Суздальской земли. Сожжен был также и Белгород Рязанский. Вернувшийся Михаил Всеволодович Пронский и Изяслав Владимирович, избежавшие пленения, в 1209 г., наняв половцев, мстили Всеволоду, разоряя Подмоскovie, но посланный против них Юрий Всеволодович разбил зимой их отряд, загнал в мешчерские леса на р. Пру, а потом выбил и оттуда. В то же время трое Владимировичей, объединившись, заставили Давыда вернуть Пронск Михаилу.

Вскоре после этого против великого князя внезапно выступил племянник Рюрика Ростиславича Мстислав Торопецкий — сын Мстислава Храброго. Он напал на Торжок, пленил здесь Святославовых слуг и прислал гонца в Новгород, предлагая служить городу так же, как и его всеми почитаемый отец. Горожане немедленно его поддержали. Святослав Всеволодович был изолирован в палатах архиепископа. Войска с обеих сторон вскоре были собраны. Владимирцев возглавил Константин, но до битвы не дошло. Всеволод решил уступить и удовлетворился тем, что его сына отпустили с миром.

В следующем году при посредничестве митрополита Всеволод помирился со своим черниговским тезкой, простив ему изгнание сына из Переяславля (тот вернул права на город), а сам, получив Киев, свой Чернигов отдал неутомному Рюрику. На юге на недолгое время установился мир, залогом которого явилась женитьба Юрия Всеволодовича на черниговской княжне. Перед тем сам Всеволод на старости лет (у него уже были внуки Василько и Иван-Всеволод Константиновичи) повторно женился на княжне «из Руси» по имени София. Рязанские князья продолжали оставаться в заточении. Им не помогло и заступничество самого митрополита. Отказываясь признавать их «сродниками», великий князь видел в них только вассалов-изменников.

Рюриковы укрепления. Старая Ладога

Изборск

Поход Олега на Константинополь в 907 г. Олег ставит корабли на колеса

Присяга Олега и дружины перед языческим идолом

Князь Игорь

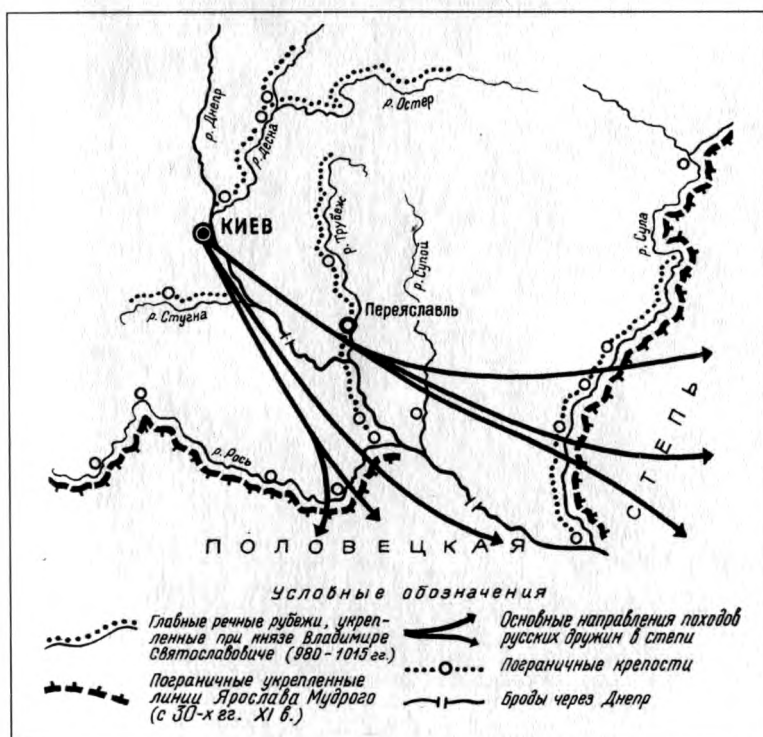
Князь Святослав советуется с дружиной

Князь Святослав ведет дружину в Адрианополь в 970 г.

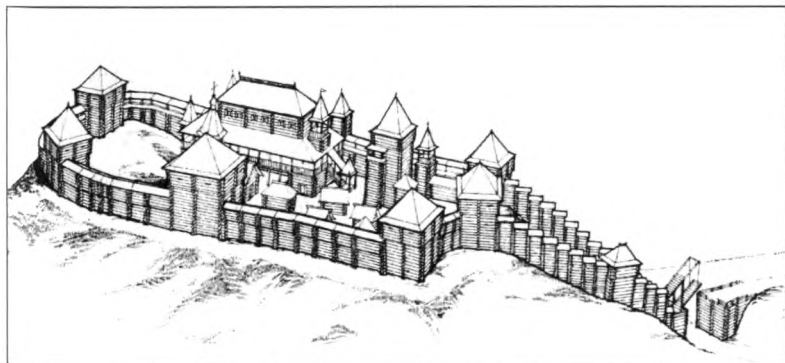
Князь Владимир осаждает Корсунь (Херсонес)

Основные рубежи обороны Южной Руси с X—XI вв.

Киев. Центр города в X — начале XI в.

Любечская крепость

Ярослав Мудрый

Юрий Долгорукий

*Москва. Строительство крепости на Боровицком холме
при Юрии Долгоруком. 1156 г.*

Андрей Боголюбский

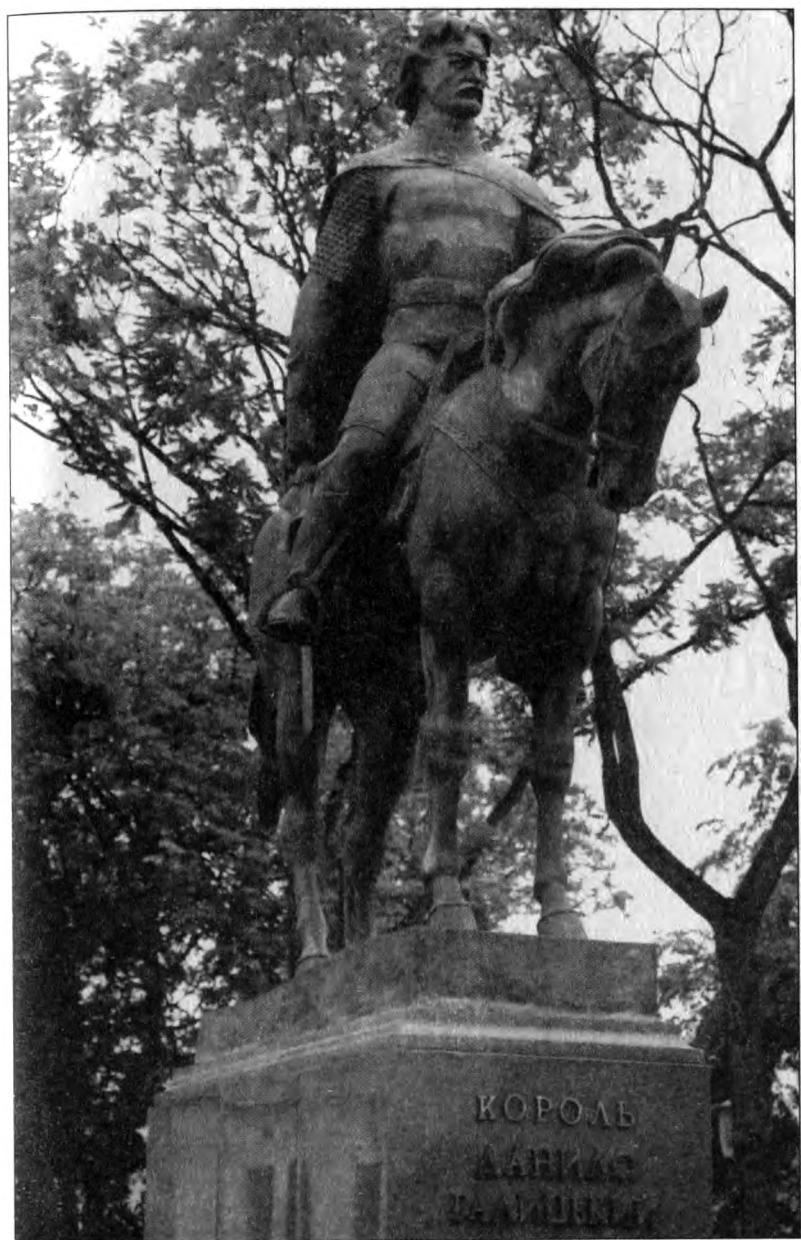
Битва Игоря Святославича с половцами

Владимир Мономах

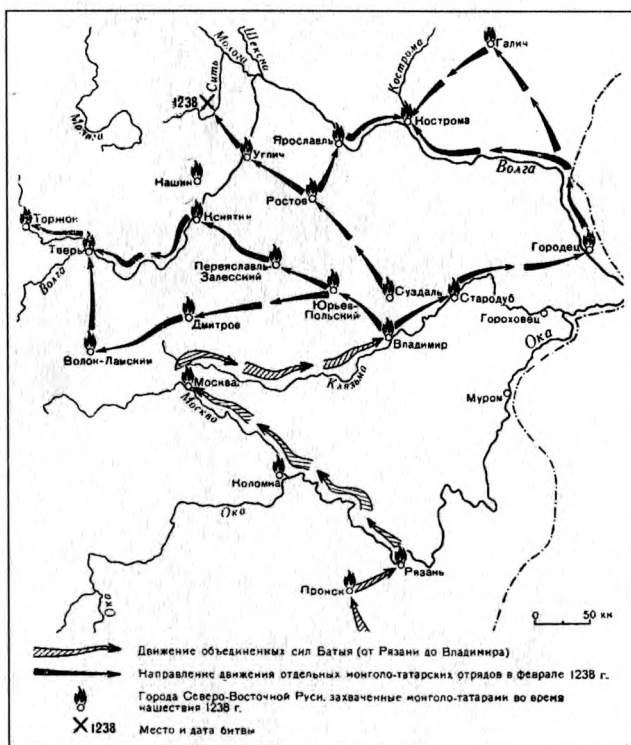
Смерть Владимира Мономаха

Памятник Данилу Галицкому в Галиче

Епископ Кирилл Ростовский обнаруживает тело великого князя Юрия Всеволодовича после битвы на Сити

Разгром монголо-татарами городов Северо-Восточной Руси. Начало 1238 г.

Памятник Александру Невскому в Городце

Князь Довмонт Псковский

*Стены Псковского кремля
со стороны Довмонтова города*

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо умер 16 апреля 1212 г. «Миродержец» Суздальской земли из своих 66 лет прокняжил здесь 36, превзойдя величием (но не человеческими качествами и талантами) своего старшего брата Андрея. Следует признать, что это был государь, близкий к идеалу и в то же время незаурядный военачальник. Он оказался способен организовать огромные военные ресурсы самой сильной из русских земель и эффективно их использовать. Стиль Всеволода-полководца заметно отличается от запальчивой рыцарственности его южных современников. Следует признать, что вершиной его полководческой карьеры являются не блестящие победы на Липице и Колакше, столь способствовавшие росту его авторитета, а стояние на Влене, когда задача отражения вторжения огромной коалиционной рати была решена с минимумом потерь.

Всеволод постоянно стремился решать споры миром. Так, находясь длительное время в состоянии войны с черниговскими князьями, он предпочитает не прямые действия, стремится обескровить их опасных союзников-половцев, чье появление на Руси в составе черниговского войска всегда влекло за собой разорение сельских местностей и массовый увод населения в рабство. Свидетельством этого является донской поход Всеволода Юрьевича 1199 г.

На годы его правления приходится расцвет культуры на берегах Клязьмы. В 1185—1189 гг. перестроен златоверхий Успенский собор, ставший эталоном храмового зодчества. В 1192—1195 гг. сооружен Рождественский собор в монастыре, в 1193—1197 гг. — дворцовый Дмитриевский, украшенный пышной резьбой по камню. Всего за 2 года, в 1194—1196 гг., воздвигнут каменный замок-детинец. Весь стольный град украсился новыми храмами и монастырями, где развивалось летописание.

Случалось и так, что этот мудрый правитель, достойный продолжатель дела старшего брата, порой оказывался бессильным перед обстоятельствами. Удачливый во внешней политике, он нередко отступал перед мнением земских соборов и, в первую очередь, владимирской городской общины, от имени которой он, по сути, и правил. Огромная вне-

шняя власть Всеволода III уравнивалась весьма демократическим сословно-представительским строем, в первую очередь, в городах с их вечем. К тому же его правление представляло собой баланс интересов нового и старого центров Залесья. Побежденная старая столица смирилась надолго, но не навсегда. Как лидер он устраивал всех, но на старости лет столкнулся с оппозицией по вопросу о престолонаследии.

Законный наследник Константин, последние годы княживший в Ростове, не захотел переходить во Владимир — вновь сказались претензии Ростова на старшинство в земле. Почувствовав приближение смерти, Всеволод собрал земский собор и утвердил наследником Юрия. И теперь вся Владимиро-Суздальская земля нелицемерно скорбела по своему великому князю, с тревогой ожидая новых усобиц.

ВЛАДИМИР ГЛЕБОВИЧ

Внук Юрия Долгорукого, Владимир, стал наследным князем Переяславля в 11 лет в 1168 г., когда Андрей Боголюбский, изгнав из Киева Мстислава Изяславича, посадил там своего брата Глеба Юрьевича — отца Владимира. Мать его происходила из рода черниговских князей. Когда весной 1169 г. к Песочену, что под Переяславлем, подступило множество половцев, равно готовых и заключить мир, и кинуться грабить села, переяславскому князю было, как отмечает летопись, 12 лет. Из этого следует, что он родился в 1157 г.

Княжич вырос на границе, среди постоянных тревог и ожидания опасности, в городе, где имя его великого прадеда — Владимира Мономаха было у всех на устах и многие еще помнили его. Владимиру было с кого брать пример. С немалой долей уверенности можно сказать, что 10-летним он вместе с отцом участвовал в грандиозном походе 1168 г. На его глазах происходило пленение половецких вождей на Орели и Самаре и побоище у Черного леса. Неудивительно, что в таких условиях сложился характер столь возвышенный, мужественный и самоотверженный, вызывавший восхищение современников, хотя героизм в то время был нормой поведения всякого благородного человека. В 1172 г. Владимир

Глебович лишился отца, которого отравили в Киеве. Тогда же самолюбию юного князя был нанесен чувствительный укол. Половцы разорили окрестности переяславских городков Серебряного и Баруча и беспрепятственно уходили в степь, но на переправе через Ворсклу подстерег молодой брат новгород-северского князя Олега Святославича Игорь и разбил наголову, отняв всех пленных и добычу. Придя с триумфом в Переяславль, Игорь принялся делить ее. Одну часть — наиболее ценные трофеи, т. н. «саигат», отослал старшим князьям — своим сюзеренам, в Киев и Чернигов, а часть подарил (или вернул?) Владимиру, не сумевшему, в 14 лет, защитить своих подданных.

Многократными набегами княжество было разорено, обезлюдено, не из кого было набрать дружину, некого собирать в ополчение, и поэтому, когда в 1179 г. половцы вновь разорили окрестности Переяславля, Владимиру Глебовичу снова не удалось организовать эффективного отпора им. Киевская подмога не сумела перехватить половцев на обратном пути, и они с добычей и полоном благополучно ушли восвояси.

Владимир Глебович участвовал в весеннем походе 1184 г., когда киевские соправители Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович выступили навстречу половцам. В авангард они послали своих родственников — вассалов: Святослав — Игоря, а Рюрик — Владимира, но корыстный Игорь, пользуясь своим старшинством, заставил его отказаться от участия в битве, чтобы не делиться трофеями. С помощью отряда черных клобуков он прижал кочевников к берегу разлившейся речки и разгромил. В это время Владимир Глебович, вне себя от обиды, напал на пограничные городки Игоря на Сейме и ограбил их, что впоследствии привело к ответному набегу и жестокому разорению Игорем переяславского городка.

Летом того же года киевские соправители организовали большой поход, собрав под свои знамена 10 князей из южных и западных русских земель, но из черниговских Ольговичей никто не поддержал Святослава, поэтому командовать авангардом назначили Владимира Глебовича, к тому же он и сам просился на эту должность на том основании, что его

«волость пуста от половцев», т.к. лучшая добыча доставалась передовым.

Согласно замыслу похода, под начало Владимира переходили дружины 5 молодых князей. Для усиления ему также придавался крупный отряд берендеев в 2100 человек. Этот немногочисленный, но достаточно сильный отряд (примерно 4—5 тыс. всадников) должен был, двигаясь по левому берегу Днепра, скрыть от противника выдвижение главных сил, спускавшихся следом по реке в насадах и одновременно создать у половцев впечатление, что именно он и есть все русское войско.

Осторожный Кобяк долго отступал, но в конце концов попался на эту приманку, когда утомленные преследованием князя сделали дневку возле устья Орели. Половцы вернулись и затеяли перестрелку через реку. Немедленно к Святославу и Рюрику помчались гонцы. Насады причалили к берегу выше и ниже устья, а молодые князья, ударив на врага, связали его боем, пока крылья главных сил не сомкнулись в тылу у половцев.

Успех был достигнут впечатляющий. Со времен Мономаха русским князьям не удавалось нанести кочевникам столь сокрушительного поражения. В плен попал сам Кобяк Карлыевич и 2 его сына, и еще 9 ханов. Двое были убиты. Пленено было 417 знатных воинов, а общее количество убитых врагов составило около 7000. Автор «Слова о полку Игореве», посвященный в детали разработки операции, славил организатора похода и главнокомандующего — Святослава Всеволодовича, но главным героем битвы, несомненно, стал Владимир Глебович, ведь именно его отряд вынес основную тяжесть похода и боя и полностью выполнил поставленную задачу. К тому же молодые князья, будучи в непосредственном соприкосновении с противником и на конях, должны были захватить и основную массу пленных.

Весной следующего года хан Кончак, поклявшийся отомстить за казненного Святославом в Киеве Кобяка, встал в верховьях Хоролы и затеял переговоры с Ярославом Черниговским, надеясь обеспечить себе правый фланг, чтобы сохранить возможность беспрепятственного отхода в степь. Но

он просчитался. Черниговские «доброхоты» сообщили Святославу Всеволодовичу, что брат его ведет сепаратные переговоры с врагом.

Киевские соправители выступили немедленно. В авангарде снова шел переяславский князь и с ним — сын Рюрика, Ростислав. Подкравшись к половецкому становищу, молодые князья свалились на него как снег на голову, но допустили оплошность, не обратив вовремя внимания на ханскую ставку, расположенную поодаль. Множество половцев попало в плен, снова была захвачена богатая добыча, в том числе и метательная машина, которую Кончак припас для обстрела русских городов. За ханом отрядили погоню, но одинокий всадник на лихом аргамаке далеко опередил преследователей, уходя по утреннему мартовскому насту. Теперь степной владыка, подобно раненому зверю, становился особенно опасен. И русским, и половцам было ясно, что лето принесет новые битвы. Война приблизилась к своей кульминации.

В начале лета все силы Половецкой земли, разгромив войско северских князей, подобно морскому приливу хлынули к южным рубежам Руси. Хан Кза предпочел грабить незащищенную Северщину, а благородный Кончак, выполняя клятву, повел свои орды к Переяславлю. Целый день степняки, засыпая защитников стрелами, пытались взобраться на стены посада. Дружина и горожане едва удерживали внешний «острог». Видя, что враги одолевают и вот-вот ворвутся на стену, удалой «сын Глебов» предпринял вылазку. «Будучи дерзок и крепок к рати», он выехал из ворот города и с копьем наперевес врезался в бесчисленные толпы врагов, стяжав себе нетленную память и славу в потомках, но мало кто из дружины осмелился последовать за ним, и окружили его враги: трижды ранив, едва не подняли на копья. Видя, как бьется их князь, переяславцы отбили его, а вскоре подоспела и выручка из-за Днепра, и Кончаку пришлось снимать осаду.

После этого Владимир Глебович долго болел и, так и не оправившись от ран, на следующий год решил принять участие в новом походе Святослава и Рюрика. Больной, он просил направить его, как обычно, в авангард и усилить черными клобуками его малочисленную дружину.

В надежде застать половцев врасплох, движение совершали очень быстро, без обоза, но половцам удалось уйти, переправившись на другой берег Днепра, как раз перед началом быстрого подъема воды. Надеясь еще раз сразиться с врагом, Владимир Глебович еще крепился, а теперь окончательно расхворался, слег и более не встал. «О нем же Украина много постонала», — горестно и безыскусно заметил суровый летописец, впервые так назвав степное пограничье. Умер один из самых славных его рыцарей, настоящий народный герой.

МСТИСЛАВ РОСТИСЛАВИЧ (ХРАБРЫЙ)

Пятый, самый младший, сын смоленского князя Ростислава Мстиславича, внук Мстислава Великого и правнук Мономаха Мстислав родился около 1145 г. Править уделом в Белгороде он начал в 1162 г., а в 1167 г. вместе с отцом ходил защищать от половцев торговые караваны на Днепре, между Каневом и порогами. Среди главных участников похода на половцев 1168 г., организованного Мстиславом Изяславичем, имя его не упомянуто, но как молодой и еще не отличившийся он, скорее всего, был в числе «иных многих».

Вскоре Мстислав Ростиславич уже шел войной на своего славного тезку (и дядю) в составе войск Андрея Боголюбского, а следующей зимой (1170) участвовал в неудачном походе на Новгород.

Ростиславичи после смерти отца во всем подчинялись Андрею, в первую очередь по причине его старшинства (приходился им дядей) и многочисленности суздальских полков и потому, что в силу своих личных качеств он, безусловно, обладал большим моральным авторитетом. Покорились бы они и тогда, когда требования его стали оскорбительными, если бы не Мстислав. Он приказал обрить посла Боголюбского — мечника Михна в ответ на переданное тем приказание владимирского-самовластца Ростиславичам: покинуть Киев. Отсылая опозоренного дружинника к его грозному господину, Мстислав от лица своих братьев сказал: «Ступай к своему князю и передай от нас: «Мы тебя до сих пор счита-

ли отцом и любили, ты же прислал к нам такие речи, что считаешь меня не князем, а подручником и простым человеком; делай, что замыслил. Бог нас рассудит».

Бросив вызов фактическому владыке почти всей Руси, Мстислав со своей дружиной и дружиной брата Давыда укрылся в Вышгороде. Подошедшее вскоре колоссальное войско 20 князей, по некоторым подсчетам достигавшее 50 000, 4 недели осаждало неприступный город-замок, даже не пытаясь его штурмовать. Но если осаждавшие вели себя пассивно, то возглавляемая Мстиславом горстка осажденных постоянно тревожила их вылазками. Смоленские витязи то и дело выезжали из ворот и бросались в бой. Эти схватки, судя по описаниям, походили на рыцарские турниры, в которых «раненых было много, а убитых — мало».

В конце концов деморализованное долгим бездействием и разногласиями войско, лишенное твердого единого командования, отступило, охваченное внезапной паникой. Мстислав и здесь не упустил случая отличиться и отбил огромный обоз.

Беспримерная оборона прославила молодого Ростиславича по всей Руси. Он получил почетное прозвище «Храбрый». По словам летописца, популярность Мстислава, подкреплявшаяся молвой о его исключительных нравственных качествах, была такова, что «не было земли на Руси, которая бы не хотела иметь его у себя». В 1175 г. смоляне, изгнав его племянника Ярополка Романовича, пригласили Мстислава. И это — при живых старших братьях!

Дело здесь, конечно же, было не в одной только личной храбрости. Несомненно, что он и ранее был любим на родине. Видимо, князь действительно был добр, человечен, отзывчив, т.к. известен случай, когда Мстислав, узнав о мучениях пленного рязанского князя Глеба, заточенного во Владимире, просил за него Всеволода Юрьевича.

В 1178 г. Мстислав Ростиславич был приглашен княжить в Новгород, страдавший в это время от набегов чуди. Приехав туда, Мстислав на вече призвал новгородцев отомстить и освободить Русскую землю от «поганных». Собрав 20-тысячное ополчение (стандартная цифра, которой новгородские

летописцы из века в век обозначали общую численность своего войска), Мстислав вступил в пределы Эстонии и, придя «на очелу», в течение недели разорял и жег селения, «воюя по всей земле их». Отведя душу, новгородцы погнали домой огромный полон и стада скота. На обратном пути Мстислав Романович заходил, по просьбе псковичей, в их город и навел там порядок, весьма жестко поступив с выборной администрацией — «соцкими».

Проведя зиму в Новгороде, Мстислав весной выступил на Полоцк против своего зятя Всеслава за давние «обиды», причиненные Новгороду еще прадедом того — Всеславом Вещим, но, послушав старшего брата, возвратился с полпути.

Умер Мстислав Ростиславич внезапно, едва вернувшись из похода, 13 июня 1180 г. За недолгое время княжения Мстислава новгородцы так успели полюбить его, что похоронили в главной своей святыне — храме Святой Софии, чего более не удостоивался ни один князь. Его смерть опечалила и торков на далеком киевском юге, любивших его за лихость, широту души и бескорыстие. Повсюду современники скорбели о безвременной кончине Мстислава, вспоминая необыкновенное благородство этого князя-рыцаря: «Он всегда порывался на великие дела... и не могла вся Русская земля забыть доблести его».

Рано умер Мстислав Ростиславич, но оставил после себя сына, тоже Мстислава, которому суждено было затмить отцовскую славу, за постоянное воинское счастье прозванного современниками Удатным и переименованного потом историками в Удалого.

РОМАН МСТИСЛАВИЧ

Будущий полководец, внук великого князя Киевского Изяслава Мстиславича и польского короля Болеслава Кривоустого Роман Мстиславич (ок. 1152—1205) провел свое детство при дворе Казимира Великого — дяди по материнской линии.

Родина Романа — Волынь — являлась одной из богатейших земель на Руси. От набегов степных кочевников она была надежно прикрыта южными соседями. Из внешних

врагов князьям Волыни приходилось воевать только с прусскими и литовскими племенами, а также с поляками.

В 1168 г. Мстислав Изяславич, заняв киевский стол, по просьбе новгородцев направил к ним княжить своего сына Романа. Сразу же по приезде тот совершил удачный рейд под Торопец, северный форпост смоленских родственников, ставших союзниками врага — Андрея Боголюбского, где «полонил немало голов».

Вскоре Мстислав Изяславич под натиском мощного враждебного княжеского союза вынужден был бежать из Киева. Казалось, что и Роману предстояло теперь уступить доходное и почетное место в Новгороде ставленнику Боголюбского. Но случилось иначе. Когда к Новгороду подступило огромное войско владимирского «самовластца» и его многочисленных союзников, новгородцы встали стеной за полюбившегося князя. В те же декабрьские дни сама Богородица вступилась за Новгород и явила чудо от своей иконы «Знамение». Войска южной коалиции были наголову разгромлены, а о молодом Мстиславиче заговорили по всей Руси и за ее пределами.

Спустя четыре года осиротевший Роман Мстиславич по совету дружины перешел княжить во Владимир-Волынский, тогда же состоялся его брак с дочерью Рюрика Ростиславича. Пятнадцать лет занимался он «устроением» и защитой своей «волоости» от северных соседей — прусского племени ятвягов и литовцев, в наказание за набеги входя в их земли и уводя многочисленных пленников. В эти же годы его полки неоднократно участвовали в походах Киева на половцев.

В «Слове о полку Игореве» автор так характеризует во-
лынских князей Мстиславичей:

А вы, буй-Романе и Мстиславе?
Ведь у вас железные молодцы,
Под шеломами латинскими!
Ими треснула земля
И многие страны: Хинова,
Литва, Ятвяги, Деремела и половцы
Сулицы свои побросали,

А головы свои преклонили
Под их мечи булатные.

В 1188 г., воспользовавшись беспорядками в Галичском княжестве, где народ был недоволен своими правителями, Роман Мстиславич занял Галич, оставив Владимир младшему брату. Однако вскоре законный галицкий князь заставил его уйти. Дома Роман теперь тоже оказался лишним и обратился за подмогой к тестю, ставшему к тому времени киевским князем. Рюрик Ростиславич организовал поход в Галич — в итоге неудачный. Роман, заручившись поддержкой польских родственников, предпринял попытку отвоевать Волынь — с тем же успехом. В утешение Рюрик дал большую часть Поросья с городами Торческ, Треполь Корсунь, Богуславль и Канев, а вскоре угрозами вынудил младшего Мстиславича вернуть Роману и Владимир.

Впрочем, через семь лет по просьбе великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо Рюрик у Романа Поросье отобрал, и тот затаил обиду на обоих. Случай отомстить представился в 1199 г., когда после смерти Владимира Ярославича в Галиче пресеклась местная династия. Роман с помощью поляков овладел столицей Прикарпатской Руси, объединив под своей властью наиболее населенные, экономически развитые и богатые русские земли. На следующий же год он изгнал Рюрика Ростиславича из Киева, жители которого с радостью встретили сына своего любимца Мстислава. Однако сразу укрепиться здесь не удалось. Под давлением Всеволода Роману пришлось уступить Киев луцкому князю Ингварю Ярославичу.

В том же году Роман предпринял поход на половцев, о чем его просил и византийский император Алексей III Комнин. Поход оказался исключительно удачен. Было освобождено множество пленных христиан — как русских, так и македонских и болгарских, подданных василевса Алексея. «И бысть радость велика въ земли Русьстей».

Тем временем у Рюрика зрело намерение отомстить предателям-киевлянам, приветствовавшим вокняжение Романа. Он призвал черниговских князей и огромные орды по-

ловцев и 1 января 1203 г., сломив отчаянное сопротивление горожан и луцкой дружины, овладел Киевом.

Не первый раз уже Киев брался «копьем», но никогда здесь не творилось подобного. Кочевники разорили все храмы и монастыри, угнали в рабство тысячи жителей. А Рюрик не препятствовал насилиям и святотатствам. От этого разгрома Киев так и не оправился вплоть до нашествия монголов.

Единственным оплотом справедливости в глазах современников оставался Роман Мстиславич. С ним люди связывали надежды на освобождение плененных родственников, обуздание степняков, прекращение усобиц, установление прочного мира. И тот их надежды оправдал.

Люттой зимой 1205 г. Роман Мстиславич организовал новый поход в степь, собрав под свое начало множество князей, включая Рюрика. Превосходство русского оружия было продемонстрировано на этот раз особенно убедительно. Скованные в передвижениях глубокими снегами, кочевники казались совершенно не в состоянии противостоять объединенному русскому войску, направляемому волей сильно-го лидера. В результате кипчаки признали свою полную зависимость от Романа.

По возвращении из похода Роман Мстиславич продолжил усилия по консолидации личной власти. Для начала он арестовал тестя и насильно постриг в монахи его и его семью, в том числе бывшую жену, давно уже возвращенную отцу. Нейтрализовав главного соперника и реально подчинив себе всю Киевщину с Поросьем, населенным воинственными черными клобуками, Роман Мстиславич сделался едва ли не самым могущественным среди русских князей и уже начинал вынашивать план нового политического устройства Руси — объединение земель под властью Великого князя (императора), выбираемого из своей среды правителями Владимиро-Суздальского, Галицко-Волынського, Чернигово-Северского, Полоцкого, Смоленского и Рязанского княжеств.

Этот проект так и не осуществился. В 1205 г. Роман Мстиславич отправился помогать своему брату Лешку против дяди Владислава — уже взял было две крепости, но поляки помирились, и князь повернул домой. Возле города Завихоста он с небольшой свитой отъехал от войска на охо-

ту и, застигнутый внезапным предательским нападением, был убит.

Внезапная смерть Романа Волынского и Галицкого как громом поразила Русь. Погиб наиболее талантливый государственный деятель и полководец в этом поколении Рюриковичей, последний витязь уходящей героической эпохи, воспетый как народный заступник в былинах и летописях. Судя по содержанию дошедших текстов, главной заслугой Романа Мстиславича современники считали его решительную борьбу за безопасность южных границ. Его походы показали, что в снежные зимы половцев можно «брать голыми руками». Пусть и не Роман является автором этой стратегии (реализовать ее пытались еще киевские соправители Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич) — именно он начал осуществлять ее систематически.

Ипатьевская летопись содержит, по всей видимости, отрывок из поэмы-«похвалы» Роману:

Устремил бо ся бяше на поганые
яко и левъ,
Средит же бысть
яко и рысь,
И губяше ихъ
яко и крокодилъ,
И перехожаше землю ихъ
яко и орель,
Храбор бо бе
яко и турь.
Ревновавше бо деду (прадеду. — Ю. С.)
своему Мономаху.

Такая личность не могла не привлекать. Выше говорилось об обращении к Роману Мстиславичу императора Византии с просьбой об освобождении из половецкого плена македонцев и болгар. Римский папа Иннокентий III предлагал ему корону в обмен на принятие католичества, на что русский князь, превосходивший силой многих королей (Волынский летописец называет его даже «приснопамятным са-

модержцем всея Руси»), ответил полной достоинства отповедью.

Словесный портрет Романа известен в пересказе В.Н. Татищева: «Сей Роман Мстиславич, внук Изяславлев, ростом был хотя и не весьма велик, но широк, и надмерно силен. Лицом красен (красив. — Ю.С.): очи черные, нос великий с горбом, власы черны и коротки. Вельми яр был во гневе; косен языком — когда осердился, не мог долго слова выговорить. Много веселился с вельможи, но пиан никогда не был. Много жен любил, но ни едина им [не] владела. Воин был храбрый и хитр на устроенье полков <...> Всю жизнь свою в войнах препровождал, победы многи получил, а единою побежден был. Того ради всем окрестным был страшен».

Кратко и ярко характеризует волынского князя автор «Слова о полку Игореве»:

Высоко плаваеши на дело
в буести,
Яко соколь на ветрах
ширяся.

Смерть Романа Мстиславича, завершившая эпоху «светло-светлой и украсно-украшенной», растущей и хорошеющей Руси «Слова о полку Игореве», имела тяжелые последствия. Неугомонный Рюрик тут же снял ряску и включился в борьбу за киевский стол. В Галицкой земле возобновилась усобица. Волынь, лишившись своего защитника, вскоре стала добычей поляков. Вторая жена Романа Мстиславича с малолетними сыновьями, опасаясь измены, бежала из Владимира через потайной лаз в стене («дырою градною»). Много лет потом Даниил и Василько Романовичи боролись за наследство отца...

МСТИСЛАВ МСТИСЛАВИЧ УДАЛОЙ

В своих оценках деятельности и личных качеств Мстислава Удалого историки и литераторы практически сходятся, не скупясь на комплименты. В. Бузескул — один из авторов

XIX в. — назвал Мстислава Мстиславича одним из «...наиболее выдающихся и вместе с тем симпатичных личностей дотатарской Руси». Мужество, бескорыстие и благородство в сочетании с редким полководческим талантом князя Торопецкого сделали его, по-видимому, наиболее популярной фигурой на Руси в десятых — начале двадцатых годов XIII столетия. Какими же были условия, послужившие становлению такой личности?

Прадедом его был старший сын Владимира Мономаха Мстислав Великий. Замечательный государственный деятель, достойный продолжатель дела своего отца, но, к сожалению, умерший в расцвете лет. Дед Мстислава Роман, канонизированный церковью основатель династии смоленских Рюриковичей, славился более своими семейными добродетелями и благочестием, зато его сыновья были настоящими воителями. Однако и на их фоне блистал доблестями отец нашего героя, получивший почетное прозвище «Храбрый» в то время, когда храбрость была неперменным качеством любого мужчины. Поэтому можно сказать, что младшего Мстислава воспитывало само героическое время, повсеместно рождавшее героев, воевавших постоянно, причем не только из-за материальных причин, но и ради славы, как своеобразного виртуального «трофея» и неперменного атрибута знатного воина. Воинственность и рыцарская удаля составляли главные черты этого времени и не только на Руси. Однако наряду с блестящей храбростью, жаждой подвигов, свойственным деятелям той эпохи, во многих из них явственно видны и христианские добродетели, братолюбие, стремление к ограничению пролития русской крови и, по возможности, заключению мира.

В Мстиславе Мстиславиче, впитавшем и бранный дух эпохи, и идеалы раннего, радостного, молодого русского православия, воспитанном на рассказах о славных предках и, в первую очередь, о несравненном отце, эти качества развились в максимальной степени. К тому же следует добавить, что подвиги и слава его отца, пользовавшегося всеобщей любовью и популярностью, заставляя его самого поступать так же, заранее располагали всех и в пользу сына.

Известно, что князь новгородский Мстислав Храбрый, умирая, «приказал» ближним боярам и своим братьям своего младшего сына Владимира «с волостью его», но при этом ничего не говорится о старшем сыне, из чего можно сделать вывод, что в 1180 г. малолетний Мстислав Мстиславич уже был наделен уделом и являлся его самостоятельным владельцем, что было тогда заурядным явлением. Скорее всего, что этой «волостью» был Торопец, на севере Смоленщины.

Место и точная дата рождения Мстислава, сына Мстислава Ростиславича Храброго, неизвестны. Можно лишь предположить, что к тому моменту, когда киевская летопись застаёт его в качестве князя городка Треполя, это был юноша лет шестнадцати — восемнадцати, сирота, «сыновец», получивший из милости могущественного дяди Рюрика третьестепенный удел на беспокойной половецкой границе.

Впрочем, к 1193 г. война, длившаяся около полутора веков, уже затихала. Ее новым обострением как раз и стал берендейско-русский набег на половцев, главным героем которого стал сын киевского князя Ростислав Рюрикович Торческий, взявший с собой в степь совсем еще молодого и неопытного «стрыичича».

Уже за Росью Мстислав со своим воеводой Сдиславом Жирославичем присоединились к отряду двоюродного брата и сюзерена. «Изъездом» — конным марш-броском преодолели они ничейную полосу степи до половецкой границы — реки Ивли, где их разведка захватила половецкое охранение. Выяснив, что кочевья располагаются еще в одном переходе от рубежа, князья промчались всю ночь и под утро нагрянули на становища лукоморской орды, захватив их, что называется, «без утечи».

Ополонившиеся, отягченные всевозможной добычей удалыцы сопровождалась до самой Роси половцами, так и не рискнувшими напасть на многолюдные полки торческого князя. Увенчанный славой герой отправился к отцу в Овруч, намереваясь примкнуть к походу на Литву. Ясно, однако, было, что степняки обязательно попытаются вызволить своих пленников или хотя бы отомстить. Это прежде всего понимал соправитель Рюрика Ростиславича Святослав Всево-

лодович, заставивший того «сторожить свою землю» вместо похода на запад. Ростислава отец услал подальше от глаз сурового старика, к тестю Всеволоду Юрьевичу во Владимир. О Мстиславе же Трепольском летопись молчит в силу его малозначительности. Можно лишь догадываться, что ему-то пришлось в полной мере расхлебывать заваренную другим кашу, поскольку половцы всю зиму бродили поблизости от границы, нападая на торков и берендеев.

Несколько лет после этого летописи ничего не сообщают о Мстиславе Трепольском, пока в 1197 г. Рюрик Ростиславич не послал его к Владимиру Галицкому за подмогой против своего врага Романа Волынского. Вместе с галичанами Мстислав Мстиславич разорял окрестности города Перемия в романовой волости.

В 1203 г. Мстислав Мстиславич участвовал в победоносном зимнем походе великого князя Романа Киевского, Галицкого и Волынского на половцев, подробности которого, к сожалению, остаются неизвестными. В том же году трепольский князь женился на дочери половецкого хана Котяна.

1207 год застаёт Мстислава уже в столице Поросья Торческе. Падение Рюрика Ростиславича означало крутые перемены и для него самого. Войско черниговских Ольговичей во главе с Всеволодом Чермным осадило город. Надежды удержаться было мало, но Мстислав хорошо подготовился к осаде и решил бороться. По сообщению В.Н. Татищева, Мстиславич, ободрив войско, устроил успешную вылазку, перебив многих неприятелей и отступив обратно в крепость лишь из-за угрозы оказаться отрезанным от ворот. Вероятно, Мстислав решил действовать по примеру отца, сумевшего выдержать в свое время беспримерную осаду Вышгорода против огромного войска Андрея Боголюбского, истребляя на вылазках цвет его дружины, однако вышло иначе. Черниговцы применили «тактику выжженной земли», принявшись беспощадно разорять окрестности Торческа.

Храбрый, но человечный князь этого зрелища вынести не смог и предложил Всеволоду сдать город, если тот прекратит зверства и даст ему гарантии беспрепятственного ухода. Тот с удовольствием согласился, и Мстислав Мстиславич поки-

нул Южную Русь, вернувшись на Смоленщину, в свой Торопец.

Этот небольшой и откровенно бедный удел занимал уникальное положение, контролируя истоки Западной Двины, Ловати, Волги и Днепра. Отсюда было недалеко до киевского Юга, но еще ближе к псковскому и полоцкому Западу, новгородскому Северу и суздальскому Востоку. Торопецкий князь мог выступать посредником в их спорах, влиять на политику этих государственных образований. Недалеко отсюда было и до продолжавшей свое усиление Литвы.

Недолго пробыл Мстислав Мстиславич в Торопце, приглядываясь к тому, что происходило в соседних землях. Не прошло и трех лет, как новгородско-владимирские противоречия дали ему шанс заявить о себе.

Зимой 1210 г. торопецкий князь для всех неожиданно объявился в Торжке. Его дворяне схватили местного посадника, назначенного владимирским князем Всеволодом и его сыном — очередным наместником Новгорода Святославом. Новгородцам же Мстислав послал гонца со словами: «Кланяюсь Святой Софии и гробу отца моего и всем новгородцам. Пришел к вам, слыша насилие, творимое над вами владимирскими князьями, потому, что жаль мне своей отчины». Это был точно рассчитанный ход. Возможно, что кто-то из противников владимирской партии сам предложил его Мстиславу. Во всяком случае, новгородцы, уставшие от поборов и владимирского произвола, откликнулись на призыв сына любимого ими князя и, не думая о последствиях, свергли Святослава Всеволодовича, посадив его под стражу. Мстислава же позвали «с великою честью» княжить в Новгороде. Он торжественно въехал в город «и рады были новгородцы», посадив его на «отне столе».

Это означало войну, и Мстислав с новгородским войском двинулся вновь к Торжку, но кровопролития удалось избежать. Возможно, что старый и больной Всеволод уже утратил необходимую твердость и к тому же беспокоился о судьбе сына. Во всяком случае, он удовлетворился формальным признанием Мстиславичем формального вассалитета: «ты ми еси сынъ, а яз тебе отецъ» и отпуском Святослава с его людьми.

В 1212 г. Мстислав, подобно отцу, совершил поход в землю чуди — Юго-Восточную Эстонию «и много плениша их и скота бесчисла приведоша». В начале зимы того же года он снова водил новгородцев на земли эстов, теперь уже на город «...рекомый Медвежью Голову» (эст. Отепя, нем. Оденпе). В результате «чудь» признала свою зависимость от Новгорода, заплатив дань, а вернее — отдалась под покровительство русских перед угрозой немецкого завоевания, предпочтя меньшее зло.

Следующий поход на Запад состоялся в 1214 г. Ведомое Мстиславом Мстиславичем новгородское войско прошло Эстонию вплоть до моря, разоряя села, сжигая укрепления и встало «под городом Воробеином» (замок Варбола). И здесь была взята дань. Впрочем, немецкий хронист считал, что главной целью русских был поиск в Эстонии немецких войск и защита своих интересов. В походе участвовали многочисленные родственники-союзники Мстислава: брат Владимир, племянник Давыд из Торопца, псковский князь Всеволод Борисович. Войско вернулось домой без потерь и с огромным полоном. Одна треть добычи была отдана новгородцам князю и поделена между его дворянами.

В том же году братья — «внуки Ростиславли», изгнанные Всеволодом Черным из Южной Руси — призвали Мстислава на помощь. На Ярославовом дворище князь созвал вече и попросил новгородцев о помощи. Те отвечали своему любимцу: «Куда ты глазами взглянешь, туда мы головы свои бросим». С посадником Твердиславом и новгородцами он двинулся на юг и, соединившись со смолянами, взял Речицу «на щит», разорил и другие черниговские города по Днепру. Под Вышгородом они разгромили черниговцев, захватив в битве князей Давида, а также Ростислава и Ярополка Ярославичей, после чего город открыл ворота и Всеволоду пришлось бежать из Киева, где он сидел целых десять лет. Теперь Мстислав Мстиславич, став хозяином положения, «посадил» на киевский стол своего старшего двоюродного брата Мстислава Романовича. Затем последовал поход к Чернигову, под стенами которого был заключен мир, закрепивший результаты похода.

После возвращения с юга Мстислав недолго оставался в Новгороде. Став покорителем Киева, он ощущал теперь себя другим человеком, способным на большее, чем достиг до сих пор, а север, как ему казалось, уже не мог дать новой, большей славы. Вскоре Мстиславич, созвав вече, сложил с себя новгородское княжение и ушел на юг, искать новых подвигов.

Новгородцы избрали себе в 1215 г. зятя Мстислава, Ярослава Тверского и Переяславского — сына Всеволода Юрьевича Суздальского. Он оказался полной противоположностью своему тестю. Гордый, заносчивый, гневливый, упрямый, мстительный и злопамятливый, он не ужился с новгородцами. Уйдя в Торжок, Ярослав перекрыл подвоз продовольствия в Новгород, стал хватать по дорогам купцов и грабить их имущество, да еще отнял у Новгорода другой его торговый «пригород» — Волок Ламский. Когда же новгородцы отправили к своему князю послов, те разделили участь купцов и также оказавшись в порубе. В Новгороде начался голод, да такой сильный, что родители начали продавать детей в рабство. Народ в поисках пропитания стал разбредаться из города по селам в поисках пропитания.

И вдруг в этот критический момент в Новгороде вновь объявился Мстислав. Созвав вече, он сказал: «Кланяюсь Святой Софии. Я узнал о ваших бедах. Либо ворочу вам ваших мужей и волости, либо положу голову за Новгород», и на том целовал крест. Новгородцы с энтузиазмом присягнули новому князю, а наместника ярославова и его дворян тотчас схватили.

Ярослав, узнав о случившемся, стал готовиться к обороне, приказав устроить непроходимые засеки не только на дороге в Новгород, но и на реке Тверце. Мстислав же, по обыкновению, предпочел мириться, но тщетно ездил к Ярославу его парламентар. Тот упорствовал и только разослал подальше новгородских заложников. Он надеялся на помощь брата Юрия Суздальского. Тогда Мстислав, ободря упавших духом голодных и немногочисленных новгородцев, сказал: «Да не будет Торжок Новгородом, а Новгород Торжком! Где Святая София, там и Новгород! Пойдем же искать мужей своих — вашей братьи и волости».

На новый, 1216 год, 1 марта князь выступил в поход Селигерским путем, в обход ярославовых засек, через свой удел, стремясь собрать необходимые для похода запасы продовольствия и фуража, так как ничего этого нельзя было найти в Новгороде. Сил у него было ничтожно мало — всего пятьсот человек, так как тяжело было новгородцам собраться в поход.

Предупрежденный из Новгорода Ярослав послал на это направление полк брата Святослава, который с пятью тысячами осадил мстиславову пограничную крепость Ржев, где оборонялся воевода Ярун с сотней воинов. Мстислав поспешил на выручку, и осаждавшие бежали при его приближении.

Соединившись с гарнизоном Ржева и псковичами брата Владимира, Мстислав вступил в тверской удел Ярослава, осадил Зубцов. Здесь к нему подошел со смоленским войском двоюродный войском брат Владимир Рюрикович. Далее решено было идти на Тверь, куда перешел и Ярослав. Не доходя Твери, высланный вперед Ярун разгромил ярославову сторожу в сто человек, однако осаждать Тверь братья не стали. По-видимому, в это время Мстиславу стало известно о намерении Константина Ростовского — старшего из сыновей Всеволода — вступить с ним в союз против братьев, чтобы решить с ними спор о принадлежащем ему по обычному праву великокняжеском столе.

Войско свернуло на Волгу и, разоряя поволжские города, двинулось на соединение с ростовцами Константина. Война приобрела совсем новое содержание. Теперь речь шла уже не столько о выручке новгородцев и наказании Ярослава, сколько о том, кому княжить во Владимире, и Юрий Всеволодович собрал под свои знамена огромную рать. В виду грозной опасности под великокняжеские стяги пришли степные наемники бродники, жители поволжских городов и муромские вассалы, были призваны даже пешие смерды, что, по-видимому, здесь было не в обычае, и более того, летописец упоминает о холопах в составе войск великого князя. Конечно, боеспособность такого воинства была минимальной.

Соединившись с Константином, войско Мстислава встало у Юрьева Польского. Сюда же подошли и Всеволодовичи. Мстислав за время похода неоднократно обращался к Ярославу с призывами о мире, но получал отказы. Теперь, когда стали ясны масштабы предстоящей трагедии, Мстиславич снова попытался ее избежать («мы пришли ...не на кроволитие»), дважды посылая парламентаров, но братья не желали слушать голоса разума. Они уже делили плоды будущей победы. В то же время они, заняв сильную позицию, не спешили помериться силами с опытным противником на равнине. Силам коалиции пришлось приблизиться к стану Всеволодовичей, находящемуся на Авдовой горе, под которой протекал заросший кустарником ручей Тунег. Плоская вершина горы была по краю обнесена кольями и плетнем, за которым стояли полки младших братьев Константина.

После ненастного, ветреного и холодного дня, проведенного в вялых атаках и перестрелках, что походило на разведку боем малыми силами одних только «молодых», пока вожди колебались, решая, не пойти ли им прямо на оставленный без защиты Владимир, под давлением Мстислава было принято решение — атаковать позицию Всеволодовичей. Летопись сохранила его аргументацию: «Гора нас не победит и гора нам не поможет, но глядя на Крест Честной и на правду, пойдем к ним». Исходя из этой фразы, можно было бы подумать, что полководец уповает целиком лишь на морально-психологический фактор — превосходство духа его войска, убежденного в своей правоте, однако события показали, что это было не совсем так.

Наступило утро 21 апреля. Полки антисуздальской коалиции выстроились в следующем порядке. На левом фланге — Владимир Рюрикович со смолянами — против Ярослава, правее — Мстислав (здесь же впервые упомянут еще один участник коалиции, Всеволод Мстиславич — сын Мстислава Романовича Киевского с дружиной, в одном полку с Мстиславом) с новгородцами — против Юрия, далее — брат Владимир с псковичами — против Святослава Юрьевского, а на правом фланге — Константин с ростовцами — против своего самого младшего брата, Ивана Стародубского.

Разъезжая перед фронтом своих полков, Мстислав Мстиславич зычным голосом обратился к воинам: «Братья, мы вошли в землю сильную. Глядя на Бога и правду, станем крепко, не оглядываясь назад. Побегше не уйти! Так забудем же дома, жен и детей, ведь все равно когда-то умирать (т.е. лучше умереть с честью, на поле боя, отстаивая правое дело)». Зная новгородский обычай, он предложил новгородцам выбор: идти в бой на конях или пешими. Те не захотели «умирать на конях», предпочтя сражаться пешими, чувствуя землю, «как деды на Колакше» в этих же местах. Сойдя с коней, они поснимали верхнюю одежду («порты») и, разувшись, побежали на врага бегом («боси посकोиша»). Глядя на них, спешила и часть смолян. Им в помощь Владимир Рюрикович направил конный полк воеводы Ивора Михайловича, но тот замешкался, пробираясь через болотистую «дебрь». Князья с дружинами ехали следом, образуя как бы третий эшелон, приберегаемый для решающего удара или развития успеха.

Тем временем пехота, поднявшись по склону, с криками ударила на полки Ярослава и Юрия. Те, с непривычки побросав свои колья и топоры, отпрянули от края горы. Один стяг Ярослава был подрубен. Передние ряды Владимирцев гибли на месте, но убежать не могли, сдерживаемые многими рядами глубокого построения. С помощью подоспевшей кавалерии Ивора Михайловича удалось еще потеснить противника, подрубив и второй Ярославов стяг, но вражеских сил было слишком много. Видя, что для победы не хватает сил, Мстислав, обращаясь к Владимиру Смоленскому, произнес: «Не дай Бог, брате, выдать сих добрых людей». В этих словах весь Мстислав. Для него главное в жизни — сдержать слово, не подвести других. Все остальное не столь важно. Одновременно вступили в дело и остальные силы коалиции, связав боем остальные полки Всеволодовичей.

Согласно сообщениям летописей, княжеские дружины Мстислава и Владимира Рюриковича ударили на Ярославов полк «через своих пешцев». Трудно себе представить, как конные дружины проехали через плотный строй сражающихся. Для того, чтобы это оказалось возможно, пешцы дол-

жны были разомкнуться, образовав проходы для кавалерии, а перед тем — выйти из боя. Вероятно, так и произошло. Первый натиск — «суим» закончился. Новгородцы и смоляне, исчерпав свой запал, остановились, что и было замечено полководцем, немедленно принявшим решение на ввод в бой резерва. Случай в военном искусстве домонгольской Руси исключительно редкий. Однако вовсе уникальным видится именно это «через». Неужели наши предки были столь же организованны, что, подобно римлянам, способны были совершать на поле боя перестроения? Для этого надо было не только иметь четкую организацию, с делением частей («полков») на подразделения, не только уметь пользоваться различными звуковыми сигналами управления, но и обладать навыками строевой подготовки.

Отчасти это подтверждается упоминанием в едином контексте о количестве стягов (частей), а также «труб» (эскадронов?) и «бубнов» (рот?) в войсках Юрия и Ярослава. Достаточно давно уже А.Н. Кирпичниковым высказана догадка, что музыкальные (сигнальные) инструменты, перечисленные наряду со стягами, выступают здесь синонимами подразделений, подобно рожкам римских манипул. К сожалению, это единственное подобное упоминание, что не позволяет сделать столь далеко идущие выводы. Однако, если такую организацию имели «сырые», спешно набранные войска Всеволодовичей, по большей части состоявшие из неопытных в военном деле землепашцев, то с куда большей вероятностью можно это предположить в отношении искушенных в нем смолян, новгородцев и псковичей.

В этой битве Мстислав Мстиславич проявил себя не только как мудрый и опытный полководец, не бросающийся, подобно большинству князей-современников, очертя голову в схватку во главе передового отряда, а сохраняющий контроль за развитием событий, но и как могучий боец, стяжав лавры личного героизма. И новгородский и суздальский источники единодушно сообщают, что он трижды проехал сквозь полки Юрия и Ярослава «секущи люди».

Снова перед нами загадка. Как себе представить, что князь, орудуя к тому же не мечом, а топором «с поворозою»,

т.е. петель на рукояти, прорубившись через окружавший его строй (или толпу) врагов, затем снова сквозь них «возвращается на исходное положение», чтобы повторить это снова и снова! Здесь приходит на ум сравнение с Западной Европой, где такое же, дословное, описание подвига выдающегося воителя является мыслимым пределом воинской доблести. Однако там это выглядело иначе. Рыцарь, выбив копьем из седла противника (или одолев его в поединке другим оружием), рассеивал его свиту, не имевшую права по своему статусу (да и реальной возможности) с ним сражаться на равных, и, таким образом, оказывался в тылу вражеского боевого порядка, представлявшего собой линию рыцарских «копий». Не видя более перед собой равного противника, он возвращался назад, чтобы оказаться перед лицом нового соперника — нечто подобное современным спортивным турнирам, организованным по олимпийской системе «на выбывание». Аналогичную ситуацию видим мы и в описании битвы при Шумске в 1231 г., когда Даниил Галицкий, победив очередного противника, будучи окружен вражескими пешими слугами, озирается и не видит, с кем бы он мог еще сразиться.

На Липице, конечно же, было не до правильных поединков на копьях. Однако, как представляется, определенное сходство должно было существовать. Оно заключалось в том, что князю реально могли противостоять только лица, обладавшие подобным же статусом благородного мужа — профессионала и соответствующим комплектом вооружения. Пешцы же, тем более не обладавшие ни выучкой, ни подходящим вооружением, просто не представляли для него помехи, как бы плотно они ни стояли в своих тесных рядах. Скорее же всего, они просто разбежались с его пути, не смея поднять оружия на князя. Так что реально князь Мстислав со своим топором, по-видимому, одолел в поединках трех знатных противников кряду (что почище, чем три сшибки на копьях). А приписание ему троичности «прохождения сквозь вражеский строй», возможно, свидетельствует о проникновении на Русь рыцарской идеологии с Запада.

Согласно легенде, записанной составителями поздней, Никоновской летописи, Мстислав, пробившись к шатрам и

обозу противника («товарам и кошам»), едва не погиб здесь от меча также прорубившегося сквозь строй суздальцев ростовского «храбра» Александра Поповича, мужа необычайной силы. Получив формальный вызов, князь поспешил снять шлем и назваться.

Между тем полк Ярослава, испытывавший наибольшее давление, не выдержал и побежал. За переяславцами последовали и владимирцы с суздальцами, а там кинулись наутек и все остальные, устилая свой путь телами зарубленных, заруживая реки утонувшими. Смоляне сразу же кинулись грабить лагерь, сдирать с убитых одежду. Видя это, Мстислав призвал всех не разбредаться, а закончить бой («прилежите к боеви»), чтобы войско, превратившееся в толпу мародеров, не погубил бы опомнившийся противник. Тот, однако, продолжал бегство, потеряв 9200 человек только убитыми. Гора «победила» владимирцев, казавшихся заложниками своей тесной дугообразной позиции с непроходимым обозом и лагерем посередине, лишенных возможности поддерживать друг друга. Выбрав слабое звено — полк Ярослава — Мстислав, подобно Эпаменонду при Левктрах, сосредоточил на направлении главного удара лучшие силы — в точном соответствии с главным принципом военного искусства! Не имея на то прямых указаний, можем ли мы после такого примера сомневаться, что Русь, заимствовав у греко-византийских наследников Рима христианство, а с ним и классическую культуру, не ознакомилась и с основами античного военного дела?

Придя на следующий день к стенам Владимира, где укрывлся Юрий Всеволодович, победители свергли его и отправили в ссылку на Волгу, в Городец. Великим князем стал Константин, принимавший в Липицкой битве наименьшее участие. Судьбу уже второго великого князя решил Мстислав Мстиславич, проявляя всегда и везде величайшее миролюбие и благородство. Так и под Владимиром он не позволил победителям ночью ворваться в беззащитный город, чем спас его от погрома.

Затем Мстислав и Константин направились к Переяславлю, чтобы вызволить новгородцев и покарать Ярослава, ко-

торый все еще продолжал злобствовать, хватая теперь и смоленских купцов. Узнав о приближении Мстислава и Константина, тот понял, что загнал себя в угол, и наконец-то пошел на мировую. Но теперь Мстислав был неумолим. Лишь присутствие Константина избавило Ярослава от сурового наказания, а Переяславль от взятия «на щит». Ограничившись контрибуцией, Мстиславич отобрал у зятя свою дочь и два года не возвращал ее.

Вернувшись в Новгород, Мстислав недолго там пробыл. Уже на следующий год он уехал в Киев, а затем вернулся только для того, чтобы попрощаться с новгородцами. Тогда же в Торжке умер его сын Василий. Отклонив все просьбы остаться, князь заявил, что хочет искать галичского княжения, о чем, вероятно, давно уже думал. Теперь эти мечты сбывались. Мстислав Мстиславич получил письмо от польского короля Лешко Белого. Тот называл его братом и звал княжить в Галиче, который, впрочем, еще предстояло отвоевать у венгров. Понимал ли Удатный князь, как его стали теперь называть, что солнце его подвигов уже миновало зенит и клонится к закату, что больших подвигов, чем с новгородцами, он на западе уже не совершит?

Галицкое княжество, утратив династию своих правителей, переходило из рук в руки в череде заговоров, переворотов, измен и непрерывного кровопролития. Сыновья Романа Мстиславича Волынского Даниил и Василько были еще малы, чтобы претендовать на Галич, в эти годы они лишены были и своей законной отчины. Наконец Галич достался иноплеменникам — уграм и ляхам, покровителям сирот, но те не смогли мирно поделить добычу, и Лешко теперь призывал Мстислава против венгерского короля Эндре в качестве орудия реализации своих изощренных планов.

Придя в Киев, Мстислав стал набирать войско для похода на запад. Это ему не составило труда. Добровольцы считали за честь послужить под стягом такого прославленного полководца, чья слава, кажется, стала вровень с Мономаховой. Как воин и военачальник Мстислав вырос на юге. Здесь все ему было знакомо. Собрав вскоре значительные силы, включая и дружины братьев, он выступил в поход на Галич.

Одно только его имя заставило бежать жестоких оккупантов и их приспешников — галицких бояр. Безо всякого труда Мстислав Мстиславич унаследовал золотой трон своего родственника, Ярослава Осмомысла. Вскоре он выдал дочь Анну за Даниила Романовича, который после многолетних трудов добился-таки отцовского стола во Владимире-на-Волыни. Новый галицкий князь предвидел предстоящую борьбу с венграми, но неожиданно и Лешко превратился во врага, из-за того, что Даниил потребовал у него захваченные ранее приграничные волынские города. Поскольку Лешко не собирался их отдавать, Даниил пожаловался Мстиславу. Тот, однако, зятя не поддержал, связанный своей признательностью королю Польши. Даниил управился сам, разбив поляков и отвоевав города на Буге, но Лешко решил, что этими успехами волынский князь обязан галицкой помощи. В письме королю Эндре (Андрею), Лешко отказывался от своей доли в Галиче, отдавая ее своему зятю — сыну венгерского короля, женатому на его дочери, «как только выгоним русских». Получив его, Андрей с войском подступил к Перемышлю. Сидевший там тысяцким Ярун вынужден был бежать. Отряд, посланный Мстиславом из Галича к отложившемуся от него Городку, был разбит подоспевшими венграми и поляками. Погибли многие из близких к Мстиславу дворян, носивших дарованные им золотые цепи.

Мстислав стоял на р. Зубрье с князьями союзниками. Сюда прибыли беглецы из разбитого отряда, оповестив о силе неприятеля. Оценив обстановку, полководец решил отойти, убедив Даниила Галицкого и Александра Белзского идти защищать Галич. Даниил пошел, а Александр не посмел, с чего началась вражда между ними.

Ляхи и венгры двинулись на Галич, но в упорной битве на Кровавом Броде Даниил не позволил им прорваться к городу. Тогда неприятели обратились на Мстислава, заставив его покинуть пределы княжества. Тот успел предупредить о своем отходе Даниила, и он, день и ночь сражаясь, сумел с группой соратников прорваться с большим риском и лишениями к Мстиславу, воздавшему дань его храбрости и осыпавшему зятя многими дарами.

Не имея достаточно сил, Мстиславич предложил Даниилу вернуться во Владимир (Волынский), а сам отправился в Дикое Поле к тестю Котяну за помощью. Король Андрей, оставив за себя в помощь сыну воеводу Фильния, ушел восвояси. Остались в Галиче и крупные силы поляков, а кроме них, если верить новгородской летописи, наемники из Чехии и Моравии.

1219 год прошел в подготовке к реваншу, а на следующее лето Мстислав вернулся с половецкой подмогой. Его враги не дремали в ожидании ответного хода, так что едва только пронесся слух о возвращении Мстислава из степи с ордой, как Лешко выступил против Даниила, чтобы недопустить его соединения с Мстиславом. Фильний же, укрепив Галич, оставил в нем королевича Коломана (Кальман) с женой и двинулся на Мстислава. Тот ожидал его неподалеку с Владимиром Рюриковичем Смоленским и половцами, оставленными в засаде.

Полки сошлись, и вскоре Владимирово крыло дрогнуло, попятилось и побежало. Ляхи, а за ними и часть угров пустились в погоню. Державшийся на месте Мстислав, дождавшись, когда они кажутся на достаточно безопасном расстоянии, ударил на оставшихся венгров и галичан, приведя их в замешательство, и разгромил. В это время и Владимир, выполнив задачу по разделению вражеского войска путем заманивания, остановил свою дружину и опрокинул преследователей. Фильний был пленен. Между тем те поляки, что далее всех ускакали с поля боя, возвращались, ни о чем не подозревая. Мстислав выслал против них половцев, а сам поднял захваченный польский белый стяг, использовав редкую старинную уловку. Поляки, отбросив половцев, прорвались к нему, надеясь, что там еще держатся свои, и здесь все нашли свою смерть.

Погибших врагов было не перечесть. Вопли умирающих слышны были даже в Галиче. На кровавом поле, где трупы лежали грудями, половцы собирали богатый урожай трофеев и пленников. Тех из врагов, что избегли смерти на поле боя, ловили смерды и истребляли без пощады.

В это время галичане, разобравшись в том, что произошло, принялись ловить и резать оккупантов. Видя это, Каль-

ман приказал выгнать все население города за ворота вместе с семьями. Так он надеялся не только обезопасить себя от мятежа, но и получить необходимое для осады продовольствие. Победители тем временем подошли к городским стенам и предложили защитникам капитуляцию и жизнь. Те отказались, на что Мстислав пообещал, что теперь никто из них жив не будет. Ночью удалось подкопаться под ворота, противоположные напольной стороне, пробравшиеся внутрь воротной башни открыли их, и находившиеся в готовности конные дружинники во главе с Мстиславом ворвались в крепость, истребляя мечущихся врагов.

Некоторое количество венгров и поляков спаслось, поднявшись на кровлю храма Пресвятой Богородицы, где, по распоряжению Фильния, загодя были устроены укрытия, откуда они стали отбиваться. Там же оказались королевич Кальман со своей польской женой. Однако спустя некоторое время они стали страдать от жажды. Пожалев женщину, Мстислав распорядился подать им бочку воды. Когда же к жажде добавился и голод, королевич сдался на милость Мстислава. Он вместе с женой был отправлен в Торческ, а все остальные попали в рабство к половцам и людям Мстислава. Среди прочих пленен был и глава галицкого боярства Судислав. Валяясь в ногах у князя, он вымолил себе пощаду. На беду свою Мстислав Мстиславич поверил ему и даже дал во владение Звенигород. Вскоре прибыл в Галич и Даниил, отбившийся от Лешка.

Король Эндре грозил войной, но Мстислава напугать было невозможно. Он спокойно предложил соседу суд Божий, и тот умерил свой тон. Переговоры продолжались, пока Мстислав не послушался совета Судислава: освободить Коломана при условии, что тот откажется от Галича, который через три года будет передан в наследство Марии, третьей дочери Мстислава, вступающей в брак с другим сыном короля. Перемышль же, по свадьбе, передавался в приданое. Эти условия разрушали венгерско-польский союз, так как дочь Лешка теряла права на Галич, но, с другой стороны, Галича лишался и Даниил, не говоря уже о судьбе младших сыновей Мстислава, о которых отец как будто вовсе не ду-

мал. Этот договор, отрицательные плоды которого проявились не сразу, дал долгожданный мир Галичине, продолжавшийся до тех пор, пока однажды из своих степей на двор к Мстиславу не примчался черным вестником наступающих бед изгнанный монголами Котян.

События Калкского похода и подробности несчастной битвы известны достаточно хорошо, как и роль в них Мстислава Мстиславича — инициатора похода и главного виновника неслыханного разгрома. Решившись в одиночку разбить действительно не столь уж великие численно силы неизвестного противника, он переоценил свои собственные. Удача отвернулась, наконец-то, от «удатного» князя. Судьба горько посмеялась над вековым искателем подвигов и все большей славы, наглядно показав всю их тщету. Того, кого еще недавно превозносили по всей Руси, теперь проклинали по всему ее югу и западу. Примчавшись одним из первых на днепровскую переправу, он, как видно, пребывая в полной растерянности, приказал отталкивать от берега и рубить лодки, обрекая других беглецов на гибель и плен.

Вернувшись едва ли не в одиночку в Галич, князь, потерявший на Калке последних верных соратников, был обречен доживать век среди измен и тревог, в окружении людей, абсолютно чуждых ему, не любивших, а зачастую и ненавидевших его, не способных ни поверить на слово, ни держать его, привыкших вместо правил кодекса чести руководствоваться одной только эгоистической выгодой и инстинктом власти. Ситуацию, сложившуюся при новом дворе Мстислава, характеризует следующий эпизод. Некто Жирослав распространил среди бояр слух, что князь собирается идти в степь и вернуться с ордой Котяна, чтобы истребить их всех. И все бояре внезапно бежали за горные перевалы в Перемышль, прислав оттуда спросить ничего не подозревавшего Мстислава, правда ли это. Пришлось князю посылать к своим слугам духовника, убеждать, что они поверили досужему вымыслу....

Мстислав Мстиславич любил Даниила как сына, но однажды поверил клеветнику — Александру Белзскому, ненавидевшему Романовичей, будто Даниил подговаривает ляхов

помочь ему захватить Галич. Мстислав, столь же легковёрный, сколь и честный, поверил в это и поддержал Александра против Даниила, а тот действительно привел подмогу из Польши. Боевые действия сложились неудачно для Мстислава и особенно для Александра. Поляки повоевали часть Галичины, а Романовичи — окрестности Белза и Червена. На следующий год Мстислав призвал Котяна с его ордой и Владимира Рюриковича, ставшего теперь киевским князем, но сам, страдая от необходимости воевать с Даниилом, решил проверить правдивость Александра. Ложь его открылась, но он был в очередной раз прощен. Даниил же был принят и обласкан с еще большей любовью и осыпан дарами. Для Даниила Мстислав готов был отдать даже самое лучшее — любимого коня Актаза, равного которому не было.

Вскоре началась война с венграми, то ли из-за нетерпения короля скорее получить обещанный Галич, то ли из-за того, что королевичу накануне по неведомой причине пришлось бежать из Перемышля (что вполне могло быть провокацией). Венгры снова взяли Перемышль, а за ним Звенигород и подошли к Галичу, но не смогли переправиться через разлившийся Днестр, на другом берегу которого стоял Мстислав. Постояв, король направился к Теребовлю, взял его, а затем Тихомль и осадил Кременец, под которым понес от осажденных большие потери, после чего вернулся к Звенигороду. Сюда с войском подошел Мстислав. Даниил же вынужден был стоять на Буге, обороняясь от Лешка, вновь действовавшего по совместному с венграми плану.

Венгерское войско вышло из лагеря навстречу галичанам. В битве Мстислав одолел и гнал врагов до лагеря (по-видимому, укрепленного). Король Эндре, не надеясь на победу, с остатками войск спешно направился к границе. Мстислав мог бы его пленить, но, послушав изменников бояр, не стал преследовать неприятеля и позволил тому благополучно уйти за Карпаты. Судиславу этого показалось мало. Теперь он настаивал на том, чтобы Мстислав отказался от Галича, передав его королевичу Андрею (младшему), так как бояре не хотят, чтобы он продолжал княжить. Мстиславу же хотелось передать Галич Даниилу, но пришлось поступить против

воли... Себе же старый князь оставил «Понизье» — нынешнюю Подолию — после чего ушел в свой Торческ. Осознав свою ошибку, Мстислав подержал Даниила в его правах на наследство Мстислава Немого — Луцкое княжество и даже обещал, что поможет на будущий год отвоевать Галич, но было поздно. К не слишком еще старому князю подкралась болезнь. Почуввав приближение смерти, Мстислав Мстиславич захотел увидеться с Даниилом, «имея кь нему велику любовь въ сердце своемъ». Ему он хотел поручить своих малолетних сыновей, но этому помешали. Доблестный витязь ушел из жизни неведомо в каком захолустье, лишенный дружеской поддержки и участия. По некоторым данным, он принял схиму.

Лишь в 1231 г. Даниил Романович, получив от Владимира Рюриковича «часть в Русской земле», т.е. Киевщине, дал детям Мстислава, «шюрятомъ своимъ», их отчину — Торческ: «за отца вашего доброеанье примите и держите Торцкий городъ».

РЮРИК РОСТИСЛАВИЧ

Сын великого князя Ростислава Мстиславича, правнук Владимира Мономаха и внук Мстислава Великого — Рюрик (в крещении — Василий¹) — впервые упоминается как князь Вручего (Овруч), участник похода Изяслава Давидовича на Туров. События относятся к 1157 г. В следующем году отец послал его под Минск помогать Рогволоду Борисовичу Полоцкому в борьбе против Ростислава Глебовича. Через некоторое время молодой княжич с новым поручением отца был отправлен к Святославу Ольговичу для войны с Изяславом Давыдовичем и половцами. Здесь он командовал «киевским полком», а после, зимой 1159 г., в брянских лесах осаждал в городке Вщиже Святослава Владимировича, вассала Изяслава. В 1162 г. Рюрик ходил под Торческ, опять же против

¹ По установившейся на Руси традиции, детям давали два имени: славянским при рождении или позднее нарекали родители, а христианским — священник при крещении. Князей, как правило, знали по их древним «княжеским» именам.

Изяслава, а затем отнял у его союзника и своего дяди Владимира Мстиславича город Слуцк. Через год Ростислав Мстиславич женил сына на дочери половецкого хана Белука.

После смерти отца Рюрик Ростиславович участвовал в приглашении Мстислава Изяславича Волынского на киевское княжение и получил от него город Вручий (Овруч). А вскоре под его началом выходил под Канев на охрану торговых путей. В победоносном походе на половцев в 1170 г., завершившемся разгромом степняков на р. Орель, он не участвовал из-за болезни, отпустив свою дружину с братом Давыдом.

Ссора из-за дележа добычи, как известно, явилась одной из причин нарушения и без того неустойчивого равновесия сил в Южной Руси. Мстислав оказался практически в изоляции, а его недавние союзники, в том числе Рюрик, стали помогать Андрею Боголюбскому в стремлении согнать Изяславича с киевского престола. Словом, Ростиславович участвовал в осаде Киева, изгнании Мстислава, приняв гегемонию Боголюбского. Как сподвижник Андрея Юрьевича в победоносном походе на Новгород, он был посажен там на княжение. Правда, не смог ужиться с новгородцами и быстро оттуда уехал к себе во Вручий. В 1173 г., после смерти Глеба, Ростиславичи заняли Киев, и Рюрик первый раз стал Великим князем.

После разрыва отношений с Боголюбским Рюрик присоединился к братьям и принял участие в осаде дружины Михаила Юрьевича в Торческе. Но вскоре, преследуемый огромным войском Боголюбского, ушел в Белгород, где выдержал осаду.

Благодаря мужеству брата Мстислава Ростиславичи отбили от залесских полчищ, сохранили политическую независимость и власть над Киевщиной, но обеспечить надежную оборону границы от внешнего врага не сумели.

В конце мая («на русальной неделе») 1177 г. крупные силы половцев напали на Поросье. Княживший в Киеве Роман Ростиславич отправил на выручку торкам и берендеям Рюрика и двух своих сыновей — Ярополка и Бориса.

К сожалению, Рюрик так и не смог заставить племянников повиноваться. По дороге родственники переругались, и

в результате последовал разгром, какого давно уже не знало русское оружие. Погибло и было пленено множество знатных дружинников, о чем есть упоминание в «Слове о полку Игореве». Князья спаслись «вбегоша» в ближайший городок Ростовец. Половцы же получили возможность безнаказанно свести счеты с черными клобуками, взяв один за другим «6 городов берендич». Осаждали они и Ростовец, но безуспешно.

Поражение дорого обошлось Ростиславичам, утратившим свое влияние на киевское вече. Симпатии столичного боярства стали склоняться на сторону правившего в Чернигове Святослава Всеволодовича. Началась усобица, в ходе которой Роман умер, и Рюрик стал главой смоленского княжеского дома. В борьбе за киевский престол он уступал некоторое время Святославу Черниговскому, но в 1180 г. военное счастье оказалось на его стороне.

Войска двух мощных коалиций разделял Днепр. С городских круч в ночном мраке виднелись сотни костров на огромном пространстве. Указывая на них, Рюрик ставил задачи своим союзникам и вассалам, среди которых особую роль предстояло сыграть поддерживающим его черным клобукам.

Неизвестно, кому принадлежала дерзкая идея ночного окружения гигантского чернигово-половецкого войска, но воинское мастерство исполнителей замысла, как, впрочем, и беспечность Ольговичей с их союзниками, позволили смоленским дружинникам и берендеям незамеченными переправиться через реку и внезапно обрушиться на лагерь неприятеля.

Рассейв черниговское войско, Рюрик проявил редкое благоразумие. Он предложил Святославу разделить с ним власть в Русской земле и киевский трон: «возлюби миръ паче рати и пожити хотя въ братолюбии». Возможно, на такое решение повлияла позиция киевского боярства.

Власть князя поделили на следующих условиях: сам «великий стол» и город Киев (с доходами) отходили Святославу, а «Русская земля» (Киевщина) — Рюрику, который жил тоже в Киеве.

Создание в Киеве своеобразной системы дуумвирата совпало по времени с дальнейшим возрастанием мощи по-

ловецких объединений и их военной активностью. Стабилизировавшееся внутривосточное положение в Южной Руси позволило перейти к наступательным действиям против кочевников. Главным врагом в степи был вождь правобережной Кумании хан Кобяк.

Как и автор «Слова о полку Игореве», летописец, оставивший наиболее интересные описания эпизодов борьбы с половцами в тот период, лаврами победителя Кобяка в походе 1184 г. венчает однозначно Святослава и его вассала Владимира Глебовича Переяславского, командовавшего авангардом. Если же посмотреть на события объективно, то видно, что в походе на равных участвовали силы обоих соправителей. Особо оговаривается факт усиления авангарда крупной частью черных клобуков — подчиненных Рюрика. Возможно, на симпатиях автора отразился тот факт, что Святослав, не в пример прочим своим родственникам Ольговичам, действительно был вдохновлен идеей борьбы с «погаными». Он, подобно Мономаху, скорее всего, и являлся инициатором похода. Рюрик же был менее эмоционален (или активен), к тому же состоял в родстве с кочевниками и остался в тени, хотя действовали они сообща и все время находились вместе во главе объединенных главных сил.

То же наблюдалось и весной следующего, 1185 г., когда оба соправителя, снова выслав сводный авангард, сообща двинулись к Хоролу против хана Кончака. Известно, что из-за опрометчивых и не слишком умелых действий азартной молодежи русского авангарда Кончак «утече» буквально между пальцев. В погоню ему были брошены Рюриковы черные клобуки. Он же позднее, в апреле, послал с ними в глубокий стратегический рейд по степи своего воеводу Романа Нездиловича.

Повествуя о событиях лета этого драматического года, летописец освещает их вновь от лица Святослава. Роль Рюрика совершенно не раскрыта, хотя он все время находится рядом. Ростиславич как бы позволяет порывистому старцу с молодой душой играть первую роль и спокойно делает свое дело — стоит в обороне на правом берегу, идет со всеми на выручку переяславцам. При этом не может быть сомнений в

том, что ни одно решение не могло быть принято без его согласия.

И позднее, в ходе безуспешных походов второй половины восьмидесятых годов, Рюрик действует на равных со Святославом. Лишь однажды летописец вынужден был указать на активную роль Ростиславича, когда зимой 1186 г. войско в трудном походе по глубоким снегам изнемогло настолько, что оказалось не в состоянии сделать до цели — половецких кочевий — всего один, последний, переход! Только Рюрик тогда настаивал на продолжении похода, но из-за позиции Ярослава Черниговского пришлось трубить отбой.

Ближе к весне решено было все-таки наказать половцев, и в новый рейд Рюрик послал незаменимых наездников в черных папахах. Вел их все тот же Роман Нездилович. Набег был удачен, так как кипчаки ушли разбойничать к дунайским городам в полной уверенности, что этой зимой русских уже нечего бояться. Их стада и «вежи» были взяты без сопротивления.

В 1190 г. наступил долгожданный мир, который сопративители отметили грандиозной охотой. Торжества были омрачены арестом Святославом торческого старейшины Кунтугдья (или Кунтувдея) по обвинению в государственной измене. Рюрик сумел защитить своего вассала, но сам факт показателен. По крайней мере, этот случай не был расценен Ростиславичем как оскорбление и не стал поводом для разрыва отношений со Святославом.

Особо заметна роль Рюрика в нормализации отношений с кочевниками. Он, «курировавший» Правобережье, достаточно легко и быстро добился прибытия «своих» половцев на «мирный конгресс». Видно, что кочевники его уважали — ему, женатому на половчанке, доверяли. Рюрик Ростиславич легко нашел с куманами общий язык, но переговоры оказались сорваны неуступчивым и не в меру заносчивым Святославом. В конце концов мир все-таки был заключен, и здесь инициатива принадлежала Рюрику. Немало этому способствовал эпизод с прощением Кувдудья, ушедшего ранее в степь и мстившего Святославу. Поскольку сей «муж дерзъ и надобен в Руси» был, Рюрику удалось убедить его вернуться

и как-то загладить вину перед соправителем. Летописец здесь целиком на стороне Рюрика. Так Ростиславич установил прочные личные контакты с ханами, столь пригодившиеся ему впоследствии.

Следует отдать должное проницательности Рюрика, который первым определил новый вызов для Руси. В противоположность Святославу, жившему воспоминаниями о временах Мономаха и по старинке видевшему главную угрозу стране на юге, Рюрик был хорошо осведомлен о положении на западной границе. Его домен граничил с Волынью, принадлежавшей его зятю Роману, то и дело вынужденному отбивать наскоки литовцев и ятвягов. Ростиславич смотрел на запад и видел, похоже, далеко вперед. Во всяком случае, чувствуется, что половцы, с которыми русские успели породниться, не вызывали у него серьезных опасений. Было ясно, что они давно утратили свой наступательный потенциал и все более подпадали под влияние христианства и русской культуры. Совсем иное — Литва в конце XII в. Уже были заметны быстрый рост ее военного потенциала и повышение агрессивности по отношению к соседям. Остановить этот процесс и попытаться Рюрик Ростиславич.

В конце 80-х — начале 90-х годов он организовал походы в помощь зятю. Дважды эта затея срывалась. Ему по требованию одряхлевшего соправителя из-за ссор с половцами приходилось бросать полки на юг, причем один раз разворачивать их уже на марше. Тем не менее из польских источников известно, что на Литву Рюрик ходил неоднократно.

После смерти Святослава в 1194 г. народ и духовенство с восторгом приветствовали Рюрика. У покойного соправителя характер был явно «не сахарный». В сравнении с ним Рюрик выглядел добряком. К тому же своими миротворческими усилиями он снискал себе любовь «крестианъ и поганыхъ». Возможно, что этот изнеженный «барин», которого жизнь долго щадила, и сам был о себе такого мнения — кто знает глубины своей души? Не деля более власти, Рюрик действительно принялся за украшение и благоустройство столицы. Все, казалось бы, шло хорошо и даже благоустоно, но начинались новые времена.

Став великим князем в Киеве, Рюрик постарался жить в мире с Всеволодом III, признавая старшинство последнего внука Мономаха и своего свата (женил Ростислава на Всеволодовне). Но в 1202 г. Всеволод поссорил его с собственным зятем. Владимирский владыка усиленно настаивал на передаче ему Поросья с городами, и Рюрику пришлось подчиниться. Всеволод же сразу отдал этот пограничный удел во владение своему зятю Ростиславу. Роман Мстиславич, естественно, возмутился — слишком несправедливо выглядела, по его мнению, такая комбинация, и, глубоко оскорбленный подобным отношением к себе, начал войну с тестем.

Закончилось благословенное время покоя и мира. Походы и разорения следовали один за другим. Миролюбец Рюрик собирал теперь огромные полчища половцев и раз за разом опустошал Галичину, надеясь посадить там Ростислава, предварительно выжив Романа. Теперь Рюрика уже проклинали, и не только в Галиче. Война требовала расходов, а ненавистные половцы, хоть и мимоходом, но грабили села, и киевляне роптали.

Совсем иначе вел себя Мстиславич, стараясь беречь киевщину — свою «отчину и дедину». К тому же он, обладая качествами хорошего полководца, однажды застал тестя врасплох и захватил Киев. Бежать с насиженного места Рюрику пришлось еще и потому, что горожане его не поддерживали, а, наоборот, радостно приветствовали Романа Мстиславича. Причины, вероятно, кроются в следующем. В Киеве традиционно не любили тех, кто водил слишком тесную дружбу с половцами, оборачивающуюся разорением не только вражеских, но и своих земель. Можно также предположить, что Рюрик, как и многие правители до него, не любивший утруждать себя «по мелочам», утратил контроль над своими «чиновниками» — тиунами и вирниками. Об этом прямо говорит цитируемый В.Н. Татищевым летописец: «Судьи его и по градам управители многую тягость народу чинили, для того мало он в народе любви и от князей почтения имел». Безусловно, сказалась и традиционная любовь «клян» к «Изяславову племени».

Старый князь был уязвлен в самое сердце. Ведь он уже давно, живя здесь, привык считать этот город своим и, ко-

нечно же, рассчитывал окончить здесь свои дни. На киевских горах прошли счастливые года в привычном почете и роскоши. Теперь же такая жизнь летела под откос, и он стал готовить месть «предателям». Эта месть должна была быть ужасной — под стать «преступлению». Годы не убавили его энергии, и Рюрик принялся собирать сторонников в новую антиромановскую коалицию. Как всегда, откликнулись Ольговичи и привели левобережных половцев. Еще более многочисленные войска пришли на зов Ростиславича из правобережной Кумании. Не прошло и года, как «вся половецкая земля» морем заколыхалась вокруг киевских стен. Мать городов русских была взята штурмом после отчаянного сопротивления.

Настал день 2 января 1202 г., когда изгнанник торжественно въехал в Золотые ворота, но это был страшный триумф. Наслаждаясь своей местью, Рюрик Ростиславич позволил себе то, чего никогда до него не допускал ни один русский князь. Он отдал город на разграбление степнякам.

Когда-то Киев уже брало на щит войско Боголюбского и его многочисленных союзников. Были в нем и половцы, но тогда им не позволяли разгуляться. Теперь же удержать их просто не представлялось возможным.

«И створися велико зло в Русстеи земли, якого же зла не было от крещенья надъ Киевом». Город был опустошен, в нем творились неслыханные святотатства: «Не токмо едино Подолье разграбиша, но и Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша, и Десятинную святую Богородицу, и монастыри все...» «Иконы одраша, а иныя поимаша и кресты честныя и сосуды священные и книги и порты блаженныхъ первыхъ Князѣй, еже бяху повешали въ церквахъ святыхъ на память собе». Старики, а также убогие и больные, жившие при монастырях, были иссечены все, «... а что чернецъ и черницъ и попов, и попадии, и Киань, и жены ихъ, и дщери ихъ, и сыны ихъ, то все ведоша иноплеменици въ вежи своя». Словно новый Нерон, взирал престарелый Ростиславич на катастрофу великого города и прощался с прошлым. С того времени блеск и слава Киева померкли, и никогда уже не смог он вернуть себе прежнего великолепия.

В феврале того же года Роман осадил Рюрика в Овручском замке и заставил целовать крест, но не себе, а Всеволоду — формальному старейшине всех русских князей. Тот не попомнил зла, сотворенного всей Русской земле, и вернул Киев Рюрику.

Зимой 1204 г. Рюрик уже шел походом на половцев. Можно не сомневаться, что реально командовал Роман. Он и заставил «великого», цеплявшегося за тень прежней власти, идти против союзников. Зима выдалась «лютая», и половцам от того была «тягота велика». Описание похода практически отсутствует. Судя по содержанию небольшой летописной заметки, половцы бежали, не оказав серьезного сопротивления. Князя взяли полон и стада.

По возвращении в Треполье Рюрик и Роман собирались «положить ряд» о разделе владений. Дело кончилось захватом киевского князя со всей семьей и насильственным пострижением его самого, княгини, сына Ростислава и «отпущенной» Романом Рюриковны в иноческий сан. Позднее по просьбе Всеволода Роман освободил Ростислава и посадил его «княжить» в Киеве.

Со смертью Романа Рюрик воспрянул духом. Он мигом скинул рясу и вскоре, отобрав у сына Киев, уже вел половцев и Ольговичей на Галич. Сломить сопротивление галичан не удалось, но и в Киеве Рюрик не усидел. Теперь уже против него выступили Ольговичи. Раз за разом несчастный старик, давно утративший душевный покой, потерявший людское уважение, а теперь и семью, с маниакальным упрямством врывается в «свой» город, ставя абсолютный рекорд количества своих «княжений». Пережив ровесников, Рюрик боролся со следующим поколением претендентов. Его, конечно же, должна была мучить совесть, мысли о том, что скоро придется держать ответ перед Богом. В 1207 г. он, чтобы угодить своему небесному покровителю, построил в Киеве каменную церковь Св. Василия. В том же году Всеволод Чермной изгнал его из Киева. Ольговичи также были изгнаны из Киева и Переяславля объединенным смоленским войском.

Всему приходит конец, и одряхлевший Ростиславич в 1210 г. согласился уступить заветный город Всеволоду Чермному, вытребовав себе Чернигов. Здесь он и умер в 1215 г.

Пробыв на великом княжении 37 лет, Рюрик Ростиславич шесть раз изгонялся из Киева и «много пострадал, не имея покоя ниоткуда».

РОСТИСЛАВ РЮРИКОВИЧ, КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ

Старший сын Рюрика Ростислав, в крещении названный Михаилом, родился 13 апреля 1170 г., «в пятницу на вербной неделе», в дороге, когда его отец возвращался после непродолжительного княжения в Новгороде. Мономашич в четвертом поколении, по матери он приходился внуком половецкому хану Белуку. В 1187 г. Рюрик заключил важный для себя династический союз, женив Ростислава на восьмилетней дочери могущественного Всеволода III Большое Гнездо Верхуслане. Их свадьба в Белгороде, на которой присутствовало двадцать князей, прогремела на всю Русь.

Непременный (и неприметный) участник всех отцовских походов, Ростислав в 1188 г. впервые выступил в относительно самостоятельной роли, будучи направлен отцом в Галич добывать себе освободившийся «тамошний стол». Успеха он тогда не добился.

Снова на страницах летописи это имя встречается по поводу событий 1190 г., когда Ростислав был направлен стеречь Поросье. Его появление в Торческе оказалось весьма своевременным и заставило половцев, ведомых пылавшим местью Кундувдыем, ограничиться разорением одного городка.

Зимой того же года он по просьбе старейшин черных клобуков возглавил их ответный набег на половцев к днепровским порогам. За Днепром «у Протопчи» на обширном пойменном лугу «наворопшики» захватили огромные стада скота, конские табуны и немалое количество кибиток степняков.

Половцы быстро организовали преследование и уже на третий день обратного пути догнали медленно отходящее войско. Перед изготовившимся к нападению превосходящим в силах противником Ростислав построил своих всадников к бою и стал выжидать. Лишь подпустив противника на близкое расстояние, он приказал распустить великокняжеский стяг, хорошо знакомый половцам. Это внесло за-

мешательство в ряды степняков, считавших, что имеют дело с одними торками и берендеями (официально между Степью и Киевом в этот период действовали условия мирного договора). Половецкие вожди, находясь непосредственно перед фронтом русского отряда, каждый во главе своих людей, уже не имели возможности определиться, что предпринять в таком непредвиденном случае, и были обращены в бегство одними ростиславовыми стрельцами. При преследовании в плен попал половецкий «князь» Кобан.

После возвращения домой Ростислав уехал к отцу во Вручий и вскоре выступил в поход на Литву, оставив свой пост в Торческе. Прикрывать границу пришлось сопровителю Рюрика Ростиславича старому Святославу Всеволодовичу. Как и предполагалось, половцы не успокоились и вскоре «Ростиславлею дорогою» пришли мстить, но были разбиты на берегу Роси сыном Святослава Глебом.

Результатом зимней вылазки Ростислава стало возобновление боевых действий на всем протяжении русско-половецкой границы. Лето южнорусские князья провели под Каневом, «стерегучи землю свою от поганных». Там же, вероятно, находился и Ростислав.

Зимой 1193 г. «лепшие мужи» черных клобуков вновь принялись уговаривать Ростислава возглавить очередной набег на половцев, «пока снегу мало и путь не тяжел». Рюрикович, почувствовавший вкус к авантюрам такого рода, теперь не колебался. В это время он вместе с отцом охотился в лесах под Чернобылем. Приняв решение, Ростислав тайком уехал с ловов, «вборзе» собрал дружину, кликнул в подмогу удалых «поршан» и позвал с собой «сестричича» Мстислава Мстиславича.

За Росью, на просторе нейтральной полосы, неслись карьером, распугивая зверье. В «дикой степи» уже крались, выслав вперед охранение и обшаривая складки местности и дальние перелески чуткими дозорами. Вечером на речке Ивле разведчики захватили половецких «сторожей», от которых узнали, что кочевники со стадами «лежат» всего в одном переходе к югу.

Князья решили, как водится в таких случаях, выступать немедленно в ночь, двигаться быстро и бесшумно. В темно-

те подобралась к становищу и окружили так тихо, что ни одна собака не залаяла, а на рассвете по сигналу со всех сторон кинулись к вежам.

Добычи было очень много. И, что особенно ценно, попало немало «княжевичевъ» и «добрые мужи» (знатные. — Ю. С.), а уж челяди, рабов-колодников, скота и коней — «не бе числа»! В обратный путь отправились «со славою и с честью великою», гоня толпы связанных язычников.

Половцы и в этот раз собрались с силами и догнали отягченное добычей войско Ростислава, но теперь русских было значительно больше, и напасть степняки не рискнули, хотя и ехали следом до самой Руси.

Как и в прошлый раз, Ростиславу не сиделось в Торческе, куда он вернулся под Рождество. Собрав свои «саигаты» (т.е. лучшие трофеи. — Ю. С.), он выехал к отцу во Вручий, где тот уже собирал войска в новый поход на Литву.

Пойти на западных соседей в этот раз не удалось. Половцы собрались мстить. А Святослав Киевский отправил соправителю гневное письмо, полное упреков по поводу нарушения мира его сыном. Пришлось Рюрику Ростиславичу уже с похода разворачивать полки на юг. Сына же, чтобы тот не попадался на глаза суровому старику, отправил погостить сначала к брату в Смоленск, а затем к его тестю во Владимирна-Клязьме. Половцы же действительно подходили к границам княжества, но были успешно отбиты.

Таким образом, этими двумя эпизодами практически и ограничивается вклад Ростислава Рюриковича в отечественное военное искусство. Далее все было достаточно рутинно.

В 1195 г. Ростислав волей случая даже оказался «великим» князем. На киевский престол он был «посажен» все тем же Всеволодом III в результате компромиссного соглашения, достигнутого с Романом. А через год передал опустошенный перед тем Киев отцу — главному виновнику катастрофы, постигшей «мать городов русских».

В 1205 г. Ростислав вместе с Рюриком участвовал в победоносном походе Романа Мстиславича на половцев. По возвращении в Треполье он был вместе с отцом схвачен слугами Романа и должен был подвергнуться насильственному по-

стрижению в монахи. Но вмешательство владимирского властелина помогло и на этот раз. Наконец, еще до окончания этого бурного года, памятного гибелью в Польше Романа, Ростислав Рюрикович снова оказался киевским князем по воле Всеволода III. Реально княжил Рюрик, а Ростислав практически до конца жизни оказался в тени своего неумного отца. Он умер в 1218 г., пережив родителя всего на несколько лет, и не совершив, кажется, более ничего выдающегося.

МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ ЧЕРНИГОВСКИЙ

На исходе лета 1246 г. из ворот полуразрушенного Чернигова, еще не оправившегося после опустошительного Батыева погрома, выехал небольшой конный отряд. В центре его выделялась группа из 3 человек в более богатом одеянии — пожилого уже черниговского князя Михаила Всеволодовича, его внука (сына дочери Марии), юного ростовского князя Бориса Васильевича, и многолетнего советника, приближенного боярина Федора. Их сопровождали несколько слуг и охрана. Всадникам предстоял неблизкий путь через выжженные солнцем степные пространства в ставку хана Батыя на Нижней Волге. Грустный, с недобрим предчувствием, Михаил Всеволодович покидал свой родной город, и за долгую дорогу у него было достаточно времени вспомнить всю прожитую жизнь, которой сопутствовали успехи и победы, но в последние годы — по большей части горести и неудачи...

Происходил он из черниговской княжеской династии Ольговичей, относясь к XI колену Рюриковичей. Его отец, Всеволод Святославич Чермный, владея с 1204 г. Чернигом, а до этого Новгород-Северским, неоднократно пытался закрепиться на киевском престоле, но всякий раз под напором более сильных соперников ему приходилось оставлять захваченный на время город. Мать, Мария, дочь польского короля Казимира Справедливого, в 15-летнем возрасте была выдана замуж за Всеволода Святославича в 1179 г. В древнерусских летописях не указан год рождения Михаила Всево-

лодовича, но В.Н. Татишев в «Истории российской» пишет без ссылки на источник, что родился он в 1179 г. Перепутав юную полячку с Марией, женой другого князя Всеволода Ольговича, историк ошибочно предположил, что она умерла в августе 1179 г. от болезни «приключися от тяжкого рождения сына Михаила», хотя в действительности его мать скончалась позже, в 1186 г., как засвидетельствовано в более позднем Мазуринском летописце XVII в. Значит, наш герой мог родиться в промежутке между 1179/1180 г. и 1186 г. Некоторые историки, непонятно на каком основании, датируют его рождение 1195 г., хотя вряд ли так поздно (через 16 лет после женитьбы) у Всеволода Черного появился первенец, если даже предположить, что он сын от второго брака, заключенного с не известной по имени княжной после кончины первой супруги. Михаила Всеволодовича Черниговского иногда путают из-за идентичного имени и отчества с пронским князем Кир («Кюрь») — Михаилом Всеволодовичем, женатом на его родной сестре и упоминающемся в летописях между 1207 и 1217 г.

Первое упоминание о Михаиле Черниговском в Лаврентьевской летописи появилось под 1206 г., когда «Всеволод же посади сына своего в Переяславли», откуда молодого Михаила вскоре изгнал великий князь киевский Рюрик Ростиславич. В последующие годы столь же безуспешно Михаил Всеволодович пытался закрепиться в землях Владимиро-Суздальской Руси, совершая в союзе с рязанским князем Изяславом Владимировичем нападения на владения Всеволода Большое Гнездо. Сын могущественного владимиро-суздальского князя, Юрий Всеволодович разгромил дружины незадачливых союзников. Как видим, никакие родственные чувства (а сестра Михаила Всеволодовича Агафья была с 1212 г. замужем за Юрием Всеволодовичем) не могли помешать князьям претендовать на чужие земли и решать споры силой оружия. Сам Михаил Всеволодович, будучи женатым на дочери знаменитого Романа Мстиславича, объединившего Галицкое княжество с Волынским, не раз воевал с его сыном (родным братом супруги) Даниилом Романовичем. Этот брачный союз также не стал препятствием для

предъявления Михаилом немногим позднее претензий на волынские и галицкие земли. Хотя при подготовке династических браков князья обычно строили определенные политические планы, далеко не всегда они оправдывались.

Спустя немного времени после смерти отца, последовавшей в 1212 или 1215 г., с 20-х гг. XIII в. деятельность Михаила Всеволодовича становится еще более активной, особенно с 1223 г., когда после гибели в первом столкновении с монголами черниговского князя Мстислава Святославича он сел наконец княжить в Чернигове, а ранее весной участвовал в княжеском совете в Киеве перед битвой на р. Калке. Сообщая об участии черниговских князей в этом сражении русских и половцев с монгольской ратью, летописцы почему-то не уточняют, был ли среди них со своей дружиной Михаил Всеволодович. Очевидно, Михаил все-таки присутствовал там, но ничем не отличился в качестве военачальника. Лишь по свидетельству Ермолинской летописи, включающей независимый Северорусский летописный свод начала 70-х гг. XV в. и ряд более древних интересных известий, «Михаило Черниговский» наряду с другими князьями перед отправлением в поход против монголов «начя вои строити». Но ни в Ипатьевской, ни в Лаврентьевской летописях нет об этом упоминаний, быть может, из-за недоброжелательного отношения их составителей к нашему герою.

Прошло два года после поражения русско-половецких войск на Калке, и мы уже видим Михаила Всеволодовича далеко на севере Руси, в Новгороде Великом, куда тот был приглашен новгородцами, вступившими зимой 1224/1225 г. в затяжной и весьма острый конфликт со своим князем Всеволодом Юрьевичем (внуком Всеволода Большое Гнездо) и его отцом Юрием, захватившими Торжок и товары находившихся там новгородских купцов. После прихода Михаила ситуация сразу же улучшилась: «бысть легко по волости Новугороду». Ему удалось быстро добиться возвращения конфискованного купеческого добра: «Того же лета ходи князь Михаило к князю Юрью и взя товары новгородцем, что поимал князь Юрьи на Торжку». Однако он не засиделся на берегах далекого Волхова в окружении могущественного

новгородского боярства, уйдя вскоре обратно в родной Чернигов, где чувствовал себя более уверенно и надежно. Перед уходом, по словам летописца, Михаил заявил жителям Новгорода: «Не хочу у вас княжити, иду Чернигову; гость ко мне пускайте, а яко земля ваша, тако земля моя. Новгородцы же много уимаша и, молячесь, и не могоша его умолити, и тако проводиша и с честию». Вскоре, в 1227 г., он выдал свою дочь Марию замуж за ростовского князя Василько Константиновича, племянника Юрия и Ярослава Всеволодовичей, с которыми Михаилу Черниговскому не раз приходилось конфликтовать.

В апреле 1229 г. наш герой вновь приехал в Новгород, где недовольство 4-летним правлением Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского) привело к разрыву с ним. Михаил тут же уладил конфликт из-за задержки в Смоленске новгородских послов, а затем предложил новгородцам в связи с болезнью владыки Антония избрать нового архиепископа. С именем Михаила Черниговского связаны очередные княжеские уступки боярской и торгово-ремесленной верхушке города. При нем, как сообщает новгородский летописец, опять «бысть легко по волости и по граду». Во время своего вторичного прихода, желая заручиться поддержкой населения и прежде всего боярства, Михаил дал льготы бежавшим ранее смердам, освободив их на 5 лет от налогов, и целовал «крест на всей воли новгородстей и на всех грамотах Ярославлех», окончательно согласившись с ограничением княжеской власти вечем Великого Новгорода, в котором оставил своего сына Ростислава. Последний вынужден был вскоре уйти оттуда под давлением упорно стремившегося вновь стать новгородским князем Ярослава Всеволодовича. Михаилу Черниговскому не удалось объединить под своей властью и Чернигов, и Новгород, для чего требовались гораздо большее могущество и поддержка новгородского боярства, а его явно не устраивал подобный вариант развития событий. Конфликт между отцом Александра Невского и Михаилом Всеволодовичем из-за Новгорода был урегулирован в 1230 г. при участии ряда высших церковных иерархов Руси — киевского митрополита Кирилла I, черниговского

епископа Перфурия и игумена Спасского Берестового монастыря в Киеве Петра Акеревича. Предполагают, что последний позднее, в 1245 г., по поручению Михаила отправился на Лионский собор, чтобы просить у правителей католических государств Западной Европы помощи в борьбе с монголами, покорившими Русь.

Новгородское княжение было лишь кратковременным эпизодом в деятельности Михаила Черниговского, политические интересы которого были в большей степени связаны с Южной Русью, где он не раз участвовал в княжеских междоусобицах, стремясь расширить свои владения. Под 1226 г. в Ипатьевской летописи сообщается о его конфликте с курским князем Олегом Игоревичем, вероятнее всего, из-за черниговского стола, на который оба князя претендовали. В этом столкновении Михаилу Всеволодовичу оказывали помощь его шурины владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович, а также Василько и Всеволод Константиновичи; они же при содействии митрополита Кирилла способствовали заключению мира.

Через несколько лет оформился антигалицкий союз Владимира Рюриковича Киевского, Михаила Всеволодовича Черниговского и их сторонников. Потеряв Новгород, Михаил на рубеже 20—30-х гг. XIII в. обратил свой взор на галицко-волынские земли, пытаясь отобрать их у брата своей жены Даниила Романовича, к которому тогда не питал никаких родственных чувств. Еще в 1228 г. черниговские дружины в составе войск упомянутой выше коалиции участвовали в осаде принадлежавшего Даниилу г. Каменца на Волыни. Бежавший на запад волынский князь вскоре вернулся обратно с союзными поляками, двинувшись с ними в поход на Киев, и конфликт завершился подписанием мира, который не привел, однако, к окончательному прекращению борьбы. Велась она с переменным успехом, истощая силы соперников накануне вторжения на Русь монгольских полчищ Батыя.

В 1233 г. последовал разрыв союзнических отношений между Михаилом Всеволодовичем и великим киевским князем Владимиром Рюриковичем, не без основания опасав-

шимся притязаний черниговского князя на Киев. Воспользовавшись ослаблением противника, на следующий год Даниил Романович двинул свои полки на Черниговщину и захватил ряд городов. Особенно ожесточенное сражение (по словам летописца, «люто бо бе бои») развернулось за Чернигов, который, несмотря на применение противником стенобитного тарана, Михаилу Всеволодовичу удалось отстоять. Мало того, вскоре и сам он перешел в наступление, действуя в союзе со смоленским князем Изяславом Мстиславичем. В 1235 г. их дружины вместе с половцами взяли Киев. Затем Михаил Черниговский захватил у Даниила Романовича Перемышль и Галич, посадив там своего старшего сына Ростислава. Тот, однако, под давлением более сильного Даниила Романовича не сумел долго удержаться на галицком столе.

Летом 1236 г. Михаил вместе с Ростиславом и помогавшими им венграми вначале успешно оборонялся от Даниила Романовича в осажденном Галиче, но после подхода мощных подкреплений под командованием Василько Романовича вынужден был пойти на мировую, оставив Галич и довольствовавшись переданным ему в качестве компенсации Перемышлем.

Накануне монгольского завоевания Руси Михаил Всеволодович не раз захватывал Киев, владение которым было для него вожаделенной мечтой, и не раз вынужден был покидать «мать городов русских» под натиском более сильных соперников, и прежде всего Ярослава Всеволодовича. Во главе своей дружины Михаил нередко участвовал в феодальных междоусобицах, то побеждая, то терпя поражения, но в отличие, например, от Мстислава Удалого или Даниила Галицкого составители летописей не рисуют его храбрым полководцем. Правда, трудно ожидать от галицко-волыньских и владими́ро-суздальских летописцев благожелательного отношения к нему.

В отличие от летописных сводов в помещенном в Степенной книге (XVI в.) «Чюде преподобного Никиты Переяславского о исцелении князя Михаила Черниговского» говорится о его христианских добродетелях. Еще при Всеволоде Большое Гнездо, т.е. до 1212 г., «случи же ся ему божиим

попущением недугом тяжким одержиму быти, яко и вся составы тела его разслабиша». Тяжелобольной князь пожертвовал церквам немало своих богатств, но и этот благочестивый поступок не помог ему исцелиться от недуга. Услышав о чудесах, которые творил старец Никита, живший в Переяславле-Залесском на Плещеевом (Клещине) озере, Михаил с надеждой на излечение болезни отправился туда, взяв с собой в помощь двух бояр и нескольких слуг. Согласно тексту «Чюда», трижды на пути князя к преподобному Никите появлялся дьявол в облике монаха, но, несмотря на его козни, Михаил Всеволодович, молясь, достиг цели. Получив благословение и жезл от старца Никиты, он сразу же выздоровел и «повеле поставити честный крест на том месте, на нем же прощен бысть от тяжкого недуга, и восприим благословение, вдав монастырю довольная, и итиде восвояси хвалу Богу воздая и его молебнику и чюдотворцу Никите». По словам автора литературного произведения, «честный же тот крест и доныне стоит» с обозначением года чудесного исцеления. Вот эта упомянутая в «Чюде» дата (6694-й г. от сотворения мира, или 1186-й от Рождества Христова) и вызывает сомнения, ибо незадолго до нее Михаил родился и не мог в столь юном возрасте совершать самостоятельные поступки. Смушают и некоторые другие явно вымышленные детали. Но все же рассказ, очевидно, имел какую-то реальную основу — случившиеся гораздо позднее, в начале XIII в., болезнь и выздоровление князя, а литературную форму с добавлением чудес он приобрел уже после гибели Михаила Черниговского и причисления его вместе с верным боярином Федором (не он ли сопровождал своего сюзерена в Переяславль-Залесский?) к лику святых. Цель произведения — подчеркнуть благочестивость князя, вовсе не отмеченную домонгольскими хронистами, в основном неодобительно описывавшими его деятельность накануне и в момент нашествия могущественных завоевателей с востока.

Осенью 1237 г. Михаил Всеволодович отказал в военной помощи своему соседу, рязанскому князю Юрию Игоревичу (Ингваревичу), первому принявшему на себя удар монгольских полчищ. Но вскоре опасность нависла и над Чер-

ниговщиной. Весной 1238 г., покорив Владимиро-Суздальскую Русь и возвращаясь в южнорусские степи, монголы после ожесточенного сопротивления уничтожили небольшой городок Козельск, относившийся к числу окраинных владений черниговской ветви Рюриковичей. В 1239 г. подошла очередь и самого Чернигова, который тоже достался завоевателям ценой немалых потерь. Но Михаила Всеволодовича не было среди его защитников. К тому времени он сумел наконец осуществить (хотя и в трагический для Руси момент) свою давнишнюю мечту — стать великим киевским князем. Этот почетный титул достался ему после стольких лет упорной борьбы на слишком короткий период — не более одного года. Можно только гадать, смог бы Михаил Черниговский при иных обстоятельствах отстоять его от притязаний могущественных соперников — Ярослава Всеволодовича и Даниила Романовича, но перед военной мощью монгольской рати он оказался бессилён, как, впрочем, и другие русские князья, активные участники феодальных междоусобиц.

По сообщению Тверской летописи, посланный Батыем на разведку Менгу-хан, «увидев Киев, был поражен его красотой и величиной; отправил он послов к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, желая его обмануть, но князь Михаил послов убил, а сам убежал из Киева вслед за сыном в Венгерскую землю». Очевидно, его дружина была ослаблена в ходе недавних междоусобиц. Ставший после гибели старшего брата Юрия великим князем владимиро-суздальским, Ярослав Всеволодович в 1239 г., воспользовавшись бегством в Венгрию Михаила Черниговского, захватил Каменец и взял в плен его жену. Для ее освобождения понадобилось вмешательство могущественного брата — Даниила Галицкого.

Надежды на содействие католических государств Центральной Европы, однако, не оправдались. Не дождавшись военной помощи от венгерского короля Белы IV, а затем и от своего родственника Конрада Мазовецкого в Польше, Михаил Всеволодович с Ростиславом вынуждены были вернуться на Русь. Им пришлось отправиться на поклон к не-

давнему врагу — князю Даниилу Романовичу, оказавшемуся незлопамятным, и обласкавшему беглецов, очевидно, из-за необходимости объединения сил перед вторжением монголов в галицко-волынские земли. По словам летописца, Даниил и Василько Романовичи дали Михаилу Черниговскому «много меду и говяд и овец довольно», а Ростислав получил в держание Луцк. Узнав о захвате монголами Киева в декабре 1240 г. и опасаясь мести завоевателей, продвигавшихся все дальше на запад, отец и сын вновь бежали в Польшу, а затем и дальше, в Силезию, где немцы — жители города Среда (Серадза) «увидали у него много добра, побили его людей, отняли много добра и внучку его убили».

В большом горе и смятении вернулся Михаил в 1241 г. на пепелища разрушенного дотла Киева и поселился у города на днепровском острове, а его старший сын Ростислав сел княжить в Чернигове. Положение Михаила Всеволодовича было весьма шатким из-за продолжавшегося соперничества с Ярославом Всеволодовичем и Даниилом Романовичем, а также по причине неурегулированных отношений с монгольскими завоевателями, совершавшими тогда поход в Центральную и Юго-Восточную Европу.

На протяжении 1241—1242 гг. молодой Ростислав принимал нападения на владения Даниила Романовича — города Бакот и даже Галич, но не сумел там удержаться, а затем отправился в Венгрию. Об участии его отца в этих военных операциях ничего не сообщается. По-видимому, Михаил в то время не решался покинуть Киев, да и сил у него было не так уж много. Около 1243 г., не дождавшись от хана Батыя подтверждения своих притязаний на киевский великокняжеский стол, ярлык на который был отдан его сопернику Ярославу Всеволодовичу, Михаил Всеволодович ушел в родной Чернигов.

По записи Ипатьевской летописи под 1245 г. (в действительности в 1243 г.) он женил, наконец, старшего сына Ростислава на Анне, дочери венгерского короля Белы IV. Но, когда Михаил бежал в Венгрию, спасаясь от мести возвратившихся из похода монголов, встретил при королевском дворе весьма прохладный прием. По словам летописца, «король

же угорьскими и сын его Ростислав чести ему не створиша, он же разгневався на сына, возвратися Чернигову», где его положение из-за непризнания Орды было неустойчивым. В соседнем Киеве сидел воевода великого князя владимиросуздальского Ярослава Всеволодовича, его многолетний противника в борьбе за власть в Южной Руси. Ждать поддержки Михаилу Черниговскому было не от кого: в августе 1245 г. русско-венгерское войско во главе с его сыном Ростиславом потерпело поражение в битве под Ярославом от галицко-волыньских дружин Даниила Романовича.

У Михаила не оставалось иного выхода, кроме как отправиться в ставку хана Батыея на Нижней Волге «просить у него своей волости», то есть ярлык на черниговское княжение. Его поездка в Орду была вызвана не только необходимостью подтверждения своих прав на Чернигов, но и желанием отнять у Ярослава Всеволодовича Киев — «мать городов русских». Всю жизнь Михаил стремился стать великим киевским князем и не расстался со своими честолюбивыми замыслами после установления ордынского ига на Руси.

Но хан Батый предпочел поддержать не черниговского князя Михаила, а владимиросуздальского Ярослава в борьбе за первенство в Южной Руси. Участь Михаила была, очевидно, предрешена даже в случае выполнения им всего языческого ритуала в ханской ставке. Мученическая гибель Михаила Всеволодовича освещена в летописях и в более пространным виде — в «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» (конец XIII в.).

Весьма лаконично повествует о гибели Михаила Всеволодовича в Орде под 1245 (6753) г. составитель Ипатьевской летописи: «... Батыеви же рекшу поклонися отец наших закону. Михаил же отвеща, аще Бог ны есть предад и власть нашу грех ради наших во руце ваши, тебе кланяемся и чести приносим ти, а закону отец твоих и твоему богонечтивому повелению не кланяемся. Батыи же яко сверпыи зверь възъярися, повеле заклати, и заклан быс безаконным Доманом Путивльцем нечистивым, и с ним заклан быс боярин его Федор иже мучениский пострадаши и восприяста венечь...» Еще один раз об этом упоминается там же под 1250 г.: «...Ми-

хаила, князя Черниговского, не поклонившегося кусту со своим боярином Федором, ножом заклани бысть...»

Столь же кратко описывается это печальное событие под 6754 (1246) г. в Лаврентьевской летописи: «...Михаило княз Черниговьскыи со внуком свои Борисом поехалаша в Татары, и бывшим им в станех, посла Батыи к Михаилу князю, веля ему поклонитесь огневи и болваном их. Михаилу же князь не повинуся велению их, но укори и глухыя его кумиры, и тако без милости от нечистых заколен бысть...»

Какая же из летописных датировок верна? Долгое время считалось, что убийство Михаила Всеволодовича и боярина Федора произошло в 1246 г., и эта дата фигурирует в большинстве научных, популярных и справочных изданий. Но в последние годы все чаще и достаточно аргументированно высказывается мысль в пользу гибели Михаила Черниговского в 1245 г., как засвидетельствовала Ипатьевская летопись, хотя в большинстве случаев ее хронология сбивчива. В качестве одного из доказательств (и довольно весомого) приводится также факт отсутствия упоминаний об участии Михаила Всеволодовича в битве под Ярославом в августе 1245 г., когда тот уже, очевидно, отправился в Орду. 1245 г. также датируется его гибель в Новгородской первой и Софийской первой летописях.

Не меньший интерес, чем летописные известия, представляет сообщение иностранного путешественника, побывавшего в ставке хана Батыя весной 1246 г. и в следующем году. То был итальянец Джованни дель Плано Карпини, францисканский монах, направленный римским папой Иннокентием IV из Лиона к монголам с дипломатическим поручением. Не будучи непосредственным свидетелем убийства Михаила Черниговского, он описал его обстоятельства со слов очевидцев по горячим следам события, что особенно ценно. Вот его рассказ: «Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей Русских, когда он отправился на поклон к Бату, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингисхану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится

изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом».

Более детально описываются последние дни и часы жизни погибших в Орде за веру в сохранившемся в нескольких редакциях XIII—XVI вв. «Сказаниях об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора», включенного в разных вариантах в летописные своды. Оно проникнуто симпатией и сочувствием к страдальцам за христианскую веру, отказавшимся от земной жизни в пользу вечной посмертной славы православных мучеников. Убийство князя Михаила и боярина Федора произошло, скорее всего, 20 сентября, а не тремя днями позднее (т.е. 23 сентября), как указывается во второй редакции пространного «Сказания» и Воскресенской летописи начала XVI в. Одним из более поздних редакторов «Сказания» стал в XV в. известный писатель-агиограф Пахомий Логофет, выходец из Сербии. В этом популярном житийном произведении помещены дополнительные свидетельства, в частности, о беседе и благословлении духовного отца перед поездкой святых Михаила и Федора в Орду, о внуке Михаила молодом ростовском князе Борисе Васильковиче, о приближенном Батыя Эльдиге (Елдиге) и вероотступнике Домане — непосредственных участниках их убийства.

Перед поездкой в ставку Батыя, согласно «Сказанию», Михаил Всеволодович отправился к своему духовному отцу, а тот дал ему следующее напутствие: «Многие поехавшие исполнили волю поганого, соблазнились славою мира сего, —

прошли через огонь, и поклонились кусту и идолам, и погубили души свои. Но ты, Михаил, если хочешь ехать, не поступай так: не иди через огонь, не поклоняйся ни кусту, ни идолам их, ни пищи, ни питья их не бери в уста свои. Твердо стой за веру христианскую, так как не подобает поклоняться христианам ничему сотворенному, а только Господу Богу Иисусу Христу». В ответ священник услышал от князя: «По молитве твоей, как Бог соизволит, так и будет. Я бы хотел кровь свою пролить за Христа и за веру христианскую». Михаила Всеволодовича поддержал верный боярин Федор. Причастив и благословив будущих мучеников, княжеский духовник отпустил их со словами: «Бог да укрепит вас и да пошлет вам свою помощь, — ведь за его вы хотите пострадать».

После этого князь Михаил Черниговский, его юный внук Борис Василькович и боярин Федор в сопровождении небольшого отряда дружинников двинулись из Чернигова на юго-восток в направлении ставки золотоордынского хана Батые. И вот, наконец, тяжелое путешествие по степным пространствам позади, а впереди — неизбежная гибель от рук иноверцев. Прежде чем предстать перед лицом хана Батыя, Михаилу Всеволодовичу вместе с Федором, как и другим русским людям, требовалось, по ритуалу, пройти мимо горящих костров, поклонившись затем солнцу и языческим идолам. Но Михаил и Федор сразу же отказались соблюдать монгольские обычаи. Тогда разгневанный Батый прислал одного из своих вельмож — Елдегу с угрозой лишить их жизни, если те будут продолжать упорствовать и пренебрегать языческим ритуалом.

В случае же полного повиновения Михаила ждали ханская милость и ярлык на княжение. Его внук и бояре стали уговаривать князя подчиниться, обещая за него со своими людьми принять покаяние — епитимью. Лишь Федор призывал Михаила Всеволодовича оставаться непреклонным, вынести все муки, но сохранить в чистоте православную веру. И отвечал князь на уговоры: «Не хочу только по имени христианином называться, а поступать как поганый». Не помогли сломить его и новые, более настойчивые просьбы

Бориса Васильковича и бояр. Чувствуя скорое приближение смерти от рук неверных, стали Михаил и Федор сами себя отпевать и так с псалмами на устах встретили своих убийц. Те же долго избивали непокорного князя, а затем один бывший христианин, некто Доман, отступившийся от веры, отрезал мученику голову. Такая же печальная участь ждала и боярина Федора. Их тела были брошены псам на съедение, но сохранились благодаря проживавшим в Орде православным христианам.

По всей видимости, к сохранению и перевозке из Орды в Чернигов останков Михаила Всеволодовича и боярина Федора был причастен внук первого, ростовский князь Борис Василькович, свидетель последних дней жизни деда. Вернувшись на Русь, он поведал о мученической гибели Михаила Черниговского и княжил в Ростове до своей гибели, последовавшей в 1277 г. во время похода на алан в составе войска золотоордынского хана Менгу-Тимура.

Какова же судьба сыновей и дочерей Михаила Всеволодовича, хранивших память об отце, погибшем от рук ордынцев?

Старший сын Михаила, Ростислав, остаток жизни провел на чужбине, получив от своего тестя — венгерского короля Белы IV — в управление ряд областей, населенных южными славянами, и став баном (правителем) Славонии и Мачвы. Его владения находились на границе с Болгарией, между реками Дунаем, Дриной, Савой и Моравой. Но Галич ему так и не удалось захватить, хотя в венгерских документах (например, в грамоте 1247 г.) Ростислав именовался «герцогом (князем) Галиции», а его жена Анна — «галицкой княгиней». Но это титулование отражало скорее несбывшиеся претензии, чем политические реалии. Никаких достоверных свидетельств о политических и иных контактах Ростислава с Русью после 1245 г. не сохранилось. Одна из дочерей Ростислава Михайловича и Анны стала супругой болгарских царей — сначала Михаила II Асеня (вскоре убитого в результате заговора), а затем Калимана II, также погибшего. Воспользовавшись возникшим династическим кризисом, Ростислав Михайлович вмешался в борьбу за болгарский трон

и даже принял в 1257 г. титул «императора болгар», но закрепиться в Болгарии ему не удалось. Вторая его дочь, по имени Кунгута (Кунигунда), была выдана замуж за чешского князя Лешко Черного. Помня о своем погибшем в Орде отце, Ростислав назвал одного из своих сыновей Михаилом; ему, а также второму сыну Беле и вдове Анне, перешли после кончины, последовавшей в 1263 г., владения Ростислава в Подунавье.

О его судьбе на чужбине вряд ли хорошо было известно в родном Чернигове в XIII в. Если даже родственники и получали порой известия из Венгрии, то с течением времени о нем забыли. Вот почему сведения о жизни Ростислава после 1245 г. не отразились в русских письменных источниках того времени. Поэтому составитель Родословной книги, созданной в России в XVI в., описывая род Михаила Всеволодовича и перечисляя его сыновей, ошибочно указал, что Ростислав умер, не оставив потомства: «...большой Ростислав, в лето 6737 (1229) был при отце на Новгороде на Великом, не стало его бездетна». От брака с неизвестной по имени дочерью Романа Мстиславича Михаил Всеволодович имел помимо Ростислава еще несколько сыновей — черниговского и удельного брянского князя Романа (также убитого в конце XIII в. в Орде), удельного князя карачевского и звенигородского Мстислава, удельного князя брянского и тарусского Юрия (Георгия), удельного князя глуховского и новосильского Семена (Симеона), наконец, Олега, который не получил самостоятельный удел. Все они записаны в Любецком синодике. Наиболее известный из них, Роман Михайлович, основал под Брянском Свенский монастырь. Кроме сыновей у Михаила Черниговского были две дочери — Феодулия и Мария.

Младшая из его дочерей Феодулия родилась в 1212 г. и должна была стать женой суздальского князя Мины Ивановича, скончавшегося перед свадьбой. Приехав в Суздаль из Чернигова в 1227 г., опечаленная невеста сразу же постриглась в Ризположенском монастыре и вошла в историю под именем преподобной Евфросинии Суздальской. Она прославилась своей просветительской деятельностью. В более позднем «Житии святой Евфросинии Суздальской» (вторая

четверть XVI в.), один из списков которого красочно иллюстрирован в начале XVIII в., описывается, как «преподобная Евфросиния послала книги ко отцу своему великому князю Михаилу, и укрепи его на мучение от царя Батыея». Скорее всего, это вымысел составителя ее Жития. Других документальных свидетельств о жизни св. Евфросинии (Феодулии) и ее женихе Мине Ивановиче не сохранилось, посему к тексту этого более позднего агиографического произведения надо относиться осторожно.

Старшая дочь Михаила Всеволодовича Мария в том же 1227 г. была выдана замуж за ростовского князя Василька Константиновича, а после гибели последнего от рук монгольских завоевателей по окончании битвы на р. Сити в марте 1238 г. стала вдовой и позднее внесла большой вклад в распространение почитания своего отца. Она построила в честь св. Михаила и св. Феодора храм в Ростове Великом, а умерла в 1271 г.

Михаил Черниговский и Феодор относятся к числу наиболее популярных и чтимых святых Русской православной церкви, отмечающей два праздника: 20 сентября — день гибели святых Михаила и Феодора, 14 февраля — день перенесения их мощей из Чернигова в Москву (1572 г.). Уже во второй половине XIII в. культ святых черниговских мучеников стал распространяться в Ростове и Чернигове, с XIV в. — в Москве. В их честь был назван один из храмов Чернигова. А в 1557 г. Иван Грозный направил константинопольскому патриарху для поминания Царский синодик, в который вписали имена св. Михаила и св. Феодора. Через 15 лет их останки, находившиеся в Спасском соборе Чернигова, по повелению Ивана Грозного привезли в Москву. В Московском Кремле они долгие годы находились в соборной церкви Черниговских чудотворцев, разобранной в 1770 г., затем — в Сретенском соборе, а с 1774 г. — в Архангельском соборе, где их положили в новую серебряную раку. При вскрытии обнаружили почему-то останки не двух святых мучеников за веру, а лишь одного из них. Остается загадкой, когда же и каким образом были утрачены мощи второго святого. св. Михаилу и св. Феодору посвящены ряд произведений средневековой

русской иконописи и прикладного искусства. Тексты их жития, возникшего в своей основе еще в XIII в., не раз переписывались, редактировались, дополнялись. Наряду с пространным «Сказанием об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» было составлено их краткое житие, лишенное многих подробностей, но зачитывавшееся целиком во время богослужения. В середине XVI в. митрополит Макарий включил Житие святых Михаила и Феодора в сборник «Великие Четы-Минеи». Их образ отразился и в других произведениях средневековой русской литературы, например, в «Сказании о князьях владимирских» (нач. XVI в.). Церковное почитание принявших мученическую смерть за православную веру оформилось намного раньше канонизации русских князей-полководцев, сражавшихся с иноверцами, — Александра Невского, Дмитрия Донского.

ЯРОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ

Ярослав (Федор) Всеволодович, третий сын Всеволода Большое Гнездо родился во Владимире-на-Клязьме 8 февраля 1190 г. Его мать — Мария — была яесской княгиней. Под 1194 г. в летописи встречаем упоминание о торжественных «постригах» княжича Ярослава 27 апреля. По древнему обычаю, приняв мальчика из материнских рук, отец, отрезав прядь волос, сажал его в седло. «И бысть радость велика в Володимери». Отныне ребенок поручался «дядьке» — так начиналось воинское воспитание. Обращают на себя внимание ранние сроки постригов — уже на четвертом году. Князя готовились с подготовкой помощников. Это было традицией Владимирского дома.

Детство у будущих правителей тогда кончалось необычайно рано. Сам Долгорукий когда-то прибыл княжить в Ростовскую землю, едва выйдя из младенчества. На одиннадцатом году жизни Всеволод уже послал своего сына княжить в далекий южный Переяславль, и в 1203 г. юный князь уже значится среди участников похода Романа Мстиславича на половцев.

В молодости Ярослав не стяжал себе заметной воинской славы. Однако можно предположить, что и наследственной чести не ронял. В 1206 г. жители карпатского Галича пригласили его к себе княжить. Этому воспротивился Рюрик Ростиславич. Не дорожа более отношениями с могучим залесским сватом (сноха Верхуслава Всеволодовна — за сыном Ростиславом), он вместе с черниговскими союзниками заставил Всеволодова сына отступить и уехать обратно.

Вскоре Ярослав и из Переяславля был выбит войском Всеволода Чермного. Уйдя к отцу в Залесье, Ярослав спустя два года участвовал в войне с рязанскими князьями, после чего остался наместником в покоренной Рязани, где не сумел справиться с восстанием. Пришлось прибегнуть к крайним мерам, и в результате карательного похода владимирцев Рязань была сожжена.

Вскоре по возвращении войска с берегов Оки Всеволод послал своих сыновей в поход на Новгород, чтобы не допустить вокняжения там Мстислава Мстиславича. Поход окончился переговорами, и новгородцы своего добились — князь Удатный сел на новгородский стол.

После смерти отца Ярослав, получивший в удел Переяславль-Залесский, поддержал Юрия в начавшейся усобице против старшего брата Константина. Боевые действия поначалу велись без большого напряжения и ожесточения, перемежались перемириями, пока под Ростовом не разразилась кровопролитная битва, несколько отрезвившая братьев Всеволодовичей, но в том же 1215 г. Господин Великий Новгород позвал Ярослава Всеволодовича на княжение.

Править новый князь вместе с братом Святославом стал непривычно властно и жестко, даже жестоко, да и в материальном (фискальном) отношении стал притеснять сильнее, чем собственных подданных, заставляя отчислять в свою пользу от городских доходов слишком много. На этой почве возникли трения, окончившиеся тем, что глава администрации — посадник Яков Зуболомич был князем арестован и, закованный «в железа», отправлен в Тверь. Конечно, усидеть после этого в вольном городе Ярославу было невозможно: он, выйдя из города, встал в Торжке, перекрыв подвоз хлеба из «низовской земли».

Начался голод. Дважды Новгород пытался начать переговоры, посылая делегации «лучших» мужей, но они только пополняли собой число заложников, отсылаемых в Пеяславль, где с ними обращались жестоко и почти не кормили. Так продолжалось, пока на стороне горожан не выступил Мстислав Удатный.

Этот конфликт наложился на владимирскую усобицу. Прославленный полководец, оказавшись в Новгороде, заключил союз с Константином и, заручившись поддержкой воинственных братьев из Пскова и Смоленска, собрал новгородское ополчение, горевшее желанием посчитаться с Ярославом. Всеволодовичи в ответ собрали огромное войско, куда кроме дружин и ополчений городов и сел Верхневолжья и Опожья вошли и войска муромских вассалов, и отряды степных бродяг полутюрок — «бродников», т.е. казаков. Помимо сбора сельского ополчения, чего в этих относительно спокойных краях не делалось уже очень давно, в строй поставили даже холопов.

В марте столкнулись авангарды. Мстиславов воевода Ярун (на Калке тоже будет командовать авангардом своего князя), с меньшими силами заняв городок Ржеву, отбил от Святослава Всеволодовича, после чего сам Удатный занял Зубцов и отсюда послал к Ярославу в Торжок договориться о мире, но тот в высокомерных и вызывающих выражениях отверг переговоры, после чего на дорогах к Новгороду и даже по р. Тверце устроил непроходимые засеки («оучиниша твердь»).

Новгородцы предложили князьям другой путь на Тверь, где Ярун снова отличился, разгромив Ярославову «сторожу» (боевое охранение). Затем союзники разорили все Верхнее Поволжье с городами Кснятином, Дубной и Шошей. После, соединившись с Константином, пришли к Переяславлю, но Ярослава в городе не оказалось. Наконец, в середине апреля 1216 г. несметные рати сосредоточились на холмистых полях близ Юрьева Польского, на р. Липице. Здесь собрался цвет русского воинства.

По словам источника XV в., в числе дружины, или «двора», Мстислава Удатного были «мужи храбры зело и велицы

богатыри, яко львы и яко медведи, не слышать бо на собе ран». Среди них выделялись «два храбра, Добрыня Златый пояс да Александр Попович с слугой Торопом, славные богатыри». («Тверской сборник». ПСРЛ. Т. 7. С. 70. На с. 72 Добрыня назван Рязаничем и с ним упомянут еще один выдающийся воин — Савелий Дикун.) Такими были наши первые дворяне, или «слуги дворские». Впрочем, в это время, в противоположность боярам, применительно к неродовитой части «двора», вновь вошел в употребление древний термин «мужи».

Владимирские князья стали лагерем на Авдовой горе, крутым склоном обращенной к долине ручья Тунег, за которым начиналась пологая Юрьева гора. На ней построились к бою полки новгородцев, ростовцев, смолян и псковичей.

Благородный Мстислав, которому Константин уступил главенство в коалиции, пытался окончить дело миром, но получил надменный ответ на сочном древнерусском: «Далеко есте зашли и вышли, аки рыбы на сухо». Возможно, что эти слова принадлежат Ярославу как самому бойкому среди братьев. Тем не менее Всеволодовичи, хотя и собрали небывалое по численности войско, наступать не собирались. Они укрепили свою позицию по краям обрыва плетнем и кольями и отказывались ее покидать.

Чувствуется, что у братьев не было лидера. Это, впрочем, не мешало суздальским боярам накануне в пьяном виде хвататься, что они своих противников «седлами закидают».

Холодный, хмурый и дождливый день 20 апреля прошел в мелких стычках, перестрелках и перебранках. Войска коалиции малыми силами вяло атаковали, скорее производили разведку боем. Похоже, Мстислав Мстиславич проверял свой замысел, нащупывал слабые места в обороне противника. Как увидим далее, анализ разведанных позволил полководцу принять верное решение.

Главный удар силами новгородцев при поддержке смолян Владимира Рюриковича было решено нанести по правому флангу Всеволодовичей, где стояли стяги сводного полка Ярослава. Это было верно и психологически. К тому же Мстислав гениально сумел обратить защитные свойства

сильной позиции противника и большую численность его войск против него же.

Прикрыв края обрыва большими скученными массами своего подковообразного построения, а в центре расположив лагерь и обоз, Всеволодовичи сами сковали свои силы и лишили себя возможности маневра ими. Владимиро-суздальские полки можно было теперь бить на выбор и концентрировать на избранном направлении главного удара отборные части в нужном количестве и в точном соответствии с главным принципом военного искусства.

На следующее утро Мстислав, урядив полки, воодушевил их пламенной речью. Новгородцы, по обычаю дедов, предпочли идти в бой пешими. Спешились и смоляне. Преодолев болотистую, заросшую кустарником долину ручья, они под градом стрел поднялись по крутому склону и ударили на Ярославовых воинов. Им удалось несколько потеснить части Ярослава от края горы. Один из 17 его стягов был подрублен, но подчиненные ему городчане, муромцы и бродники продолжали храбро сопротивляться. Далеко по холмам, то возносясь к небесам подобно грому, то спадая, разносился тысячеголосый яростный рев, стук и лязг. В Юрьеве, за несколько верст от места побоища, слышны были «вопи живых и вытие прободенных».

На подмогу новгородцам Мстислав бросил смоленскую кавалерию воеводы Ивора Михайловича. На пересеченной местности конница не могла использовать все свои преимущества и лишь дальше потеснила воинов Ярослава. Пал еще один его стяг, но и это не принесло желанного перелома. Удачно начавшееся сражение приобретало затяжной характер. Тогда Мстислав с простотой истинного мужества произнес: «Не дай Бог выдать этих добрых людей», — и повел в атаку лучшие силы — свой двор.

Закованные в сталь «храбры», пройдя по телам переяславских и муромских дружинников, стали «жать как колосья» толпы стоявших за ними хлебопашцев. Сам Мстислав боевым топором и Александр Попович мечом проделали сквозь их ряды кровавые просеки и, столкнувшись возле возов, в тылу противника, едва не зарубили друг друга. В конце кон-

цов полк Ярослава не выдержал и «вдал плещи», обрекая на истребление и полки Юрия, Святослава и Ивана Всеволодовичей, удерживавших свои позиции.

Битва превратилась в избиение. Бегущие гибли под мечами и стрелами преследователей, раненые тонули в речках. Более 9000 своих сынов лишилась Русь в тот страшный день — разъяренные победители пленных почти не брали.

Братья Всеволодовичи бежали с поля боя в разные стороны. Уйдя от погони, они срывали с себя и прятали дорогие доспехи (на один из комплектов наткнется крестьянка в XIX веке). Спустя несколько часов Юрий оказался под стенами Владимира в одной рубашке, а Ярослав, загнав четырех коней, на пятом примчался в свой Переяславль и, горя местью, приказал хватать смоленских и новгородских купцов. Многие из новгородцев, помещенные в тесное узилище, задохнулись там.

Победители подошли к Владимиру и посадили на отцовский трон Константина, а Юрий отправился на Волгу, в маленький городок Радилов, после чего пошли к Переяславлю, где Ярослав пытался отсидеться, «еще пребывая в злобе и дыша гневом».

Чтобы спасти город и удел от разорения, ему пришлось выехать навстречу и просить прощения и защиты у старшего брата от Мстислава. Перед стенами были разбиты шатры, где Ярослав, угощая и одаривая своих победителей, пытался умерить их гнев. Мстислав же, приняв подарки, послал людей в город, освободил там уцелевших новгородцев и смолян и забрал Ярославову княгиню — свою дочь. Кроме того, как можно понять из текста «Академического списка» Суздальской летописи, он еще и «поя» (т.е. захватил) и всех людей Ярослава, что были при нем вне города. Ярослав многократно просил прощения, заявляя, что какая бы ни бывала вражда между князьями, «но не до такой же степени!» Каялся: «По правде мя крест оубиль». Молил отпустить хотя бы княгиню, но все было напрасно. Около двух лет потом Мстислав не возвращал ее мужу, заставляя Всеволодовича смирять гордыню унижением. Переяславль же остался нетронутым победителями главным образом благодаря позиции Константина.

Тем временем Новгород сдавал в некогда подвластной ему Эстонии одну позицию за другой, особенно после отъезда оттуда Мстислава Удатного. Для борьбы с Орденом одних собственных сил было недостаточно, и в 1221 г. Ярослав снова стал новгородским князем. Несомненно, это был уже другой, много переживший и передумавший человек. С этого времени начинается новый этап в его военной и политической карьере. Судьба доверила ему возглавить оборону северо-западных рубежей страны от начавшейся экспансии католицизма. Вскоре по прибытии Ярослав Всеволодович с 20-тысячным войском выступил в поход на запад и осадил Венден — главную базу магистра. Взять замок удалось — отсутствовал опыт осады каменных европейских укреплений. С большой добычей, но не достигнув цели, пришлось возвращаться.

В следующем году по всей Эстонии запылало мощное антикатолическое восстание. В Новгород прибыли гонцы с просьбой о помощи против немцев. Подмога была спешно собрана и направлена, но оказалась недостаточной. Первая половина 1223 г. прошла в боях, братья-рыцари теснили язычников и их православных союзников. Только к концу августа в Новгород наконец прибыли великокняжеские полки, до того, вероятно, отвлекавшиеся в поход на Калку, но опоздавшие и потому уцелевшие, и объединенное войско, превышающее 20 000 человек, под началом Ярослава Всеволодовича вступило в пределы этой несчастной страны.

Ярослав усилил гарнизон Юрьева, взял Оденпэ — важнейшую эстонскую крепость, уже захваченную к тому времени Орденом. Первоначально предполагалось идти на Ригу — резиденцию епископа и центр германского влияния в Прибалтике, но эзельские послы уговорили новгородцев сначала взять Ревель и покончить с датчанами. 4 недели русское войско, неся потери от камнеметов, пыталось одолеть каменные стены, но безрезультатно. Взяв огромный полон, новгородцы отступили. Ярослава слишком занимала ситуация, сложившаяся на Руси после битвы на Калке, и он спешил уйти, бросая союзников. Вскоре по возвращении он уехал из Новгорода.

Зимой 1225 г. на Русь, только что пережившую калкскую катастрофу, нагрянула небывалая еще беда. Сила, давно покоившаяся в трущобах приеманских пуш и уже не одно десятилетие беспокоившая наиболее дальновидных русских политиков, вдруг выплеснулась наружу. «Бе бо рать велика зело, ака же не была от начала миру», — комментировал новгородский летописец вторжение орды литовцев, как снег на голову прорвавшейся в самый центр русских земель.

Непревзойденные мастера лесной войны, прекрасно ориентировавшиеся в незнакомых дебрях, всадники в звериных шкурах на своих маленьких конях мчались звериными тропами по безлюдным водоразделам, покрывая огромные расстояния и незамеченными пронизывая страну от западных границ до самой Волги. Наводнив весь край от Полоцка до Новгорода и Торопца, они уже перехватывали купцов на дорогах под Смоленском!

Из Переяславля на помощь смолянам поспешил Ярослав Всеволодович. Узнав о подмоге, к нему присоединились торопчане, новоторжцы и часть новгородцев. Уходивших литовцев объединенная рать настигла под Усвятом. Видя погоню, те построились в боевой порядок на льду озера и оказали яростное сопротивление. Врубившись в литовские ряды, первыми пали Василий — меченоша Ярослава и торопецкий князь Давыд — племянник Мстислава Удатного, но враг был разгромлен. Потери литовцев составили 2000 убитыми и пленными. Попали в плен их князья. Вся добыча была отбита.

Эта победа, безусловно, подняла авторитет переяславского князя, новгородцы опять стали усиленно звать Ярослава на свой стол. Вернувшись в 1226 г. на берега Волхова, Ярослав сразу же задумал поход на Ригу с тем, чтобы одним ударом подрубить под корень католическое влияние во всей Прибалтике, но осуществить свой замысел ему не удалось. Идея похода на Ригу, ставшую уже заметным посредническим центром балтийской торговли, не нашла поддержки ни в Новгороде, ни во Пскове. От войны давно уже страдали торговые интересы не только правивших там боярских группировок, но и более широких купеческих и торгово-ремесленных слоев, стремившихся к миру любой ценой.

Вместо Риги зимой 1227 г. Ярослав повел новгородцев в небывалый поход на емь — в «страну мрака». Можно предположить, что значительная часть войска совершала его на лыжах, хотя прямых упоминаний об этом нет. Иное просто невозможно себе представить в занесенных метровыми сугробами финских лесах, куда «не один от князеи русских не возможе бывати и всю землю их плени». Походы в землю еми изредка совершались и ранее, но не зимой! Хорошо организованный поход принес богатую добычу, устранил угрозу Карелии, особенно же радовало летописца то, что «воротились все здрави».

В следующем году князь участвовал в добровольном крещении карел. Давние соседи и союзники против шведов окончательно вошли в состав Руси. В том же году Ярослав Всеволодович вновь рассорился с новгородцами. Теперь — из-за желания подчинить своей воле Псков. Уехав из города, он оставил здесь двух своих сыновей — Федора и Александра, сам же поспешил принять участие в походе Юрия Всеволодовича на мордву. По возвращении из похода Ярослав захватил Волок и, как в молодости, стал грозить вольному городу голодом. Прибывшие послы снова оказались в темнице.

Наконец, в 1230 г. князь вернулся в «город своей мечты» — дела в Прибалтике неминуемо заставляли новгородцев обратиться за военной помощью к переяславскому князю как наиболее сильному правителю и опытному полководцу. Выбора у них практически не было. Приглашение другого кандидата грозило неминуемой войной не только с Ярославом, но и со всей владимирской «братией» и их вассалами из Рязани и Муром. К тому же черниговские князья все более погружались в южнорусскую политическую «мышиную возню» вокруг Галичины и вконец одряхлевшего Киева, а Смоленск установил столь тесные торговые связи с Ригой, что в качестве союзника против немцев становился сомнителен. Да и Литва, с каждым днем становившаяся все сильнее и совсем почти подмявшая вконец изнемогший Полоцк, отвлекала все внимание и силы местных князей. Разоряла Литва и новгородские волости. В 1229 г. были опустошены Лобня, Морева и

Селигер, и здесь Ярослав был незаменим, в том числе и как гарантия самой мощной, владимирской, поддержки перед лицом все крепнущего Ордена и молодого народа, чью бушующую силу в том же 1230 г. объединил Миндаугас.

Воина новгородцев против Ордена возобновилась спустя 9 лет. В 1233 г. немецкие рыцари, взяв в 1224 г. Юрьев, а с ним и Восточную Эстонию, не собирались останавливаться на достигнутом. Воспользовавшись изменой, они захватили Изборск. В том же году они устроили набег на Тесово под Новгородом. Захватив там пленных, они посадили их в ожидании выкупа «в железа». Псковичи вернули Изборск и теперь горели желанием расквитаться.

На следующий год Ярослав Всеволодович привел в Новгород свои полки из Переяславля и, «совокупив вои», вступил в Чудскую землю. Русское войско столкнулось с немецкими дозорами и остановилось, не дойдя до Юрьева. Поступившие вскоре сведения о приближающемся неприятеле заставили русских выступить навстречу.

Битва произошла на льду р. Эмбах — «на Омывже», под стенами Юрьева — Дерпта. «Великая свинья» — колонна тяжелой конницы — ударила в грудь русских полков, но не могла ее пробить. Зато немцы, скучившись перед русским строем, «обломишася» под лед «и истопоша их много». Остатки тевтонов бежали в город и укрылись в нем. Морить рыцарей голодом Ярослав не стал, — не они в тот момент казались главной опасностью, а потому князь заключил с ними мир «на всей правде своей», заставив впредь платить с Юрьева и области ежегодную дань, что символизировало верховную власть Новгорода над Восточной Эстонией.

В 1234 г. литовцы напали на Русу и захватили было посад, но были отбиты местным феодальным ополчением («гридьба», «огнищане») и вооруженными купцами. Ограбив пригородный монастырь, налетчики отступили. Князь Ярослав с конными новгородцами догнал их «на Дубровне», в Торопецкой волости и рассеял, потеряв при этом десять человек.

В 1236 г. Ярослав Всеволодович по просьбе Даниила Галицкого и брата Юрия занял киевский стол и номинально стал великим князем, не приложив к этому абсолютно ника-

ких усилий, но, кажется, так ничем себя на юге и не проявил. Очевидно, что все его интересы и пристрастия как прагматично мыслящего политика оставались связаны с Новгородом, где за него остался княжить сын Александр.

С большой долей уверенности, хотя и не имея на то прямых указаний источников, мы можем предположить, что в феврале—марте рокового 1238 г. Ярослав Всеволодович несомненно находился в Новгороде и организовывал его оборону с владимирского направления. Почему Ярослав не откликнулся на зов брата и не выручил Юрия ни на Сити, ни ранее? По всей видимости, до падения Рязани владимирский великий князь рассчитывал на свои силы, а после падения Владимира новгородцы, скорее всего, не позволили Ярославу распорядиться земским ополчением. Оценив масштабы вторжения и поняв, что время для объединения сил уже упущено, в Новгороде решили, что, засекаясь на селигерском пути, можно отстоять свою землю. Идти же на выручку Торжка и далее означало ставить на кон судьбу не только войска, но и своего отечества. Можно себе представить, как рвались защищать родные очаги переяславские дружинники (добавим к этому, что оборону Твери организовывал сын Ярослава — имя неизвестно — погибший при взятии города в феврале), но появление новгородцев в «низовской земле» тогда, когда лучшие ее войска уже погибли под Коломной и во Владимире, едва ли могло что-то изменить. Верх одержала жестокая целесообразность.

Почему же новгородский князь не выступил на помощь в декабре — январе? Может быть, он еще не успел вернуться в Новгород из Киева? «Вычищенные» и не раз отредактированные в самые страшные годы ига летописи ничего не говорят нам о действиях Ярослава, возможно, из боязни скомпрометировать его в глазах победителя и сюзерена. Однозначно можно лишь сказать, что какие-либо личностные мотивы не могли в данном вопросе оказаться решающими. Взаимоотношения Ярослава и Юрия Всеволодовичей, хотя и ухудшились в 30-е гг., дойдя до открытой усобицы в 1232 г. (впрочем, без кровопролития), но не были настолько испорчены, чтобы помешать новгородскому князю прийти на помощь своей отчине в годину страшной беды.

Весной Ярослав Всеволодович вернулся на безлюдное пепелище стольного града. Развалины Владимира все еще были усеяны тысячами трупов, и первой заботой его было организовать их сбор и похороны. Прятавшиеся по лесам жители потянулись к вернувшемуся государю. Нарушая пугливую тишину, застучали первые топоры на новостройках.

Недолгой была передышка. На следующий год снова напали литовцы, угрожая Смоленску и разорив большую часть княжества. Ярослав бросился со всеми наличными силами и деблокировал город, но в это время за лесами огромным костром запылал Муром, и некому было отразить новый татарский набег. С Оки татары перешли на Нижнюю Клязьму и разорили волости к востоку от Владимира, взяв Гороховец. Население в ужасе перед новым нашествием разбегалось, не думая о сопротивлении.

В 1243 г. Батый потребовал Ярослава Всеволодовича к себе в новую столицу на Волге. Владимирский князь прибыл в Сарай, а сына Константина пришлось послать в Каракорум. Новый владыка Русской земли встретил своего владимирского вассала с честью и отпустил, выдав ярлык на владимирское княжение, оставив старшим в Русской земле.

В 1245 г. Ярослав Всеволодович вынужден был вторично отправиться в Орду. Теперь ему самому пришлось из Сарая выехать на далекий восток — в Монголию, к великому хану. «Много томления» довелось там ему пережить. Против старого князя велась какая-то интрига, в которой был замешан его ближний боярин Федор Ярунович. На пиру перед отъездом князь принял из рук ханши чашу с отравой и пустился в обратный путь уже больным. Через неделю, 30 сентября 1246 г., Ярослав Всеволодович скончался в дороге, «положи душу за други своя и за Русскую землю». Тело его было привезено во Владимир и погребено в Успенском соборе.

ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ

Располагаясь на стыке владений Смоленска, Чернигова и Рязани, Москва то и дело оказывалась свидетельницей бурных событий. Сначала, после смерти Андрея Боголюбского, это была война за владимирское наследство между Михаи-

лом и Всеволодом Юрьевичами и их племянниками Ростиславичами, осложненная вмешательством Глеба Рязанского, а позднее — борьба Владимирского княжества с Рязанью. Владимирские рати то и дело проходили через Москву, то в качестве союзников рязанцев, то как их противники. Буйные и гордые рязанцы тоже не оставались в долгу, разоряя окрестности городка.

Москва начала XIII в. располагалась на бойком месте и уже выделялась среди своих ровесников, судя по тому, что в 1213 г. один из сыновей Всеволода, Владимир, получив по завещанию Юрьев-Польский, не захотел там княжить. Он ушел в Ростов к Константину Всеволодовичу, намеревавшемуся управлять Залесьем из его древней столицы. Вероятно, Москва входила тогда в ростовский удел, так как в награду за поддержку Константина Владимир стал князем московским. В этом качестве он пробыл менее года. С возобновлением уобицы он был обязан поддержать брата-сюзерена и выступил с московским полком к Дмитрову. Действия москвичей успеха не имели. Пришлось снимать осаду и уходить обратно. Противоборство главных сил проходило с переменным успехом, но в конце концов Константин помирился на время с Юрием и Ярославом, а Владимиру в результате этого на родине места не нашлось. Ему было предложено отправиться на юг, в Переяславль, принадлежавший тогда владимирскому княжескому дому.

Едва появившись в Переяславле, Владимир женился на дочери соседа — черниговского князя Глеба Святославича. Вскоре на Переяславщину напали половцы. Владимир выступил навстречу, разбил их и гнал до реки Ворсклы. Здесь степняки, по словам В.Н. Татищева, «совокупяся, дали жестокий бой». Скорее всего, они, по своей привычке, заманили неискушенного и честолюбивого юношу в ловушку. Переяславцам пришлось отступать. Половцы некоторое время преследовали их, но потом отстали, и Владимир, ободрив свое войско, вновь напал на кочевников и разбил их троекратно превосходящие силы.

Со славой возвратился молодой князь в свою столицу, но едва успел он отряхнуть с себя походную пыль, как половцы

явились снова — «для отмщения своего стыда и вреда». Собрав еще более крупные силы, они тем не менее направили к городу лишь небольшой отряд. Владимир, как и в первый раз, погнался за ними теперь уже до Хорола. Здесь половцы, переправившись, затеяли с переяславцами перестрелку через реку, надеясь заманить русских на свой берег. Русская разведка, однако, сумела обнаружить множество половцев, притаившихся за горою, и воеводы не позволили князю перейти реку. Решено было уходить, дождавшись ночи, но еще вечером половцы, поняв, что их замысел раскрыт, успели переправиться и ударили в тыл переяславскому войску, отрезав ему пути отхода. Другие стали форсировать Хорол в виду русского стана; «был бой между ими престестокий», где множество от полка Владимирова было убито и пленено. Попал в плен и сам князь. Тем не менее полного разгрома не произошло. Помогла наступившая темнота, и к утру воевода Петр Тать вывел поредевшее войско к Переяславлю.

Половецкий набег ценою пленения князя и сопротивления русских был сорван. Кочевники не преследовали их и не пытались разорять села, надеясь на богатый выкуп. Впрочем, для них это была пиррова победа. Больше они на Южную Русь не нападали, предпочитая грабить ее в качестве союзников русских князей в постоянных усобицах.

Ждать освобождения Владимиру пришлось несколько лет. В разгоревшейся династической войне родичам стало не до него. Только уложив на липецком поле (1216) без малого десять тысяч воинов, Всеволодовичи опомнились, перделили заново отцово наследство и тогда вспомнили о томлящемся в неволе брате.

Вернувшись в 1218 г. из плена, Владимир, однако, так и остался в тени. Москва ему уже не досталась ни при жизни Константина, ни позднее — при сменившем его Юрии, укрепившем этот город за своим сыном Владимиром, которому и довелось в январе 1238 г. защищать Москву от Батыя. Владимиру Всеволодовичу выделили во владение Стародуб и какую-то еще «ину властью», как довесок к городку. В 1224 г. летопись единственный раз упомянула о его деятельности: «Посла великий князь Гюрги брата своего Володимера и сы-

новца своего Всеволода Константиновича с полкы...» Но куда? Неизвестно. Строка явно оборвана. Может быть, на мордву, так как в полках были одни только стародубцы и ярославцы, но скорее — в помощь новгородцам, собиравшимся в то время выручать эстонского князя Вячко, осажденного немцами в Юрьеве; впрочем, помощь эта опоздала.

Владимир Всеволодович тихо скончался в Стародубе в 1228 г.

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

Даниил Галицкий (1201—1264) был выдающимся государственным деятелем Древней Руси, единственным из ее князей, увенчанным королевской короной, активным участником международной европейской политики середины XIII в. Однако далеко не сразу он достиг такого могущества, хотя и унаследовал от своего отца, знаменитого Романа Мстиславича, присоединившего Галицкое княжество к Волынскому, обширные владения в Юго-Западной Руси. По отцовской линии Даниил, родившийся в 1201 г., являлся праправнуком Владимира Мономаха и одновременно правнуком не менее известного князя Болеслава Кривоустого, объединителя Польши. Относительно происхождения его матери Анны, второй жены Романа Мстиславича, историки высказывают разные суждения: одни считают ее уроженкой Византии (дочерью императора Исаака II Ангела либо представительницей знатного византийского рода Каматеросов), другие — венгеркой, третьи — полькой. По еще одному (наиболее достоверному, на мой взгляд) мнению, она происходила из знатного волынского боярского рода и была сестрой боярина Мирослава, ставшего впоследствии ближайшим сподвижником Даниила Галицкого. Наконец, крайне сомнительно предположение о том, что Даниил появился на свет в результате первого брака Романа Мстиславича с Предславой — дочерью великого киевского князя Рюрика Ростиславича. При крещении Даниил получил, по обычаю, христианское имя Иоанн.

Вряд ли отец, рано ушедший из жизни, да к тому же проводивший немало времени вне княжеской резиденции,

успел оказать ощутимое влияние на его воспитание. Когда Роман погиб во время похода на территории Польши в 1205 г., Даниилу исполнилось 4 года, а его младшему брату Васильку было не более 2 лет. Малолетнему князю не удалось укрепиться на княжеском столе в Галиче из-за сильного противодействия могущественного галицкого боярства и претензий на его «отчину» северских Игоревичей (Владимира, Романа, Святослава), сыновей дяди «Слова о полку Игореве» Игоря Святославича, организовавших в 1206 г. поход в юго-западные русские земли. С ними заодно был и новый великий князь киевский Рюрик Ростиславич, променявший монашескую келью на великокняжеский престол. А польский король, хотя и вел свои войска в пограничные районы Галицко-Волынского княжества, не оказал ощутимой военной помощи наследникам Романа Мстиславича. Вскоре под давлением местных бояр его вдове пришлось покинуть Галич и отправиться вместе с малолетними сыновьями Даниилом и Васильком во Владимир-Волынский, но и там обстановка для них оказалась не очень благоприятной, поскольку беглецы не получили должной поддержки от местной знати.

С 1206 г. на несколько десятилетий перестало существовать объединенное Галицко-Волынское княжество, а для юного Даниила наступили годы суровых испытаний. Из Владимира-Волынского он при весьма драматических обстоятельствах бежал в Польшу, а затем — в Венгрию, где проживал при королевском дворе до 1210 г., когда с помощью венгерских войск двинулся отвоевывать отцовские владения, начав с Перемышля и Звенигорода. Вскоре ему удалось на непродолжительное время вновь сесть на галицкий стол, хотя фактически, конечно, правила тогда в Галиче его мать, вдовствующая княгиня Анна, не ужившаяся и на сей раз с властолюбивыми галицкими боярами, обладавшими не только экономической мощью, но и многочисленными вооруженными отрядами, превосходившими по силе княжескую дружину. В результате такой неравной борьбы уже в 1211 г. она опять была изгнана вместе с 10-летним Даниилом в Венгрию, откуда позднее они переехали ко двору краковского

князя Лешко Белого. Но правители Венгрии и Польши постоянно вели двойную игру, стремясь извлечь собственную выгоду из ослабления вследствие междоусобиц галицко-волинских земель, на которые давно зарились. Поэтому не могло быть и речи об искренней и действенной поддержке ими Романовичей, пытавшихся восстановить сильное объединенное княжество. Таким образом, вмешательство венгров и поляков лишь усугубляло и без того сложную обстановку феодальной анархии на западных рубежах Руси.

В то время не раз менялись князья в Галиче (то северские Игоревичи — Владимир, Роман, то венгерский королевич Коломан), а однажды в 1213 г. «вокняжися и седе на столе» боярин Володислав, что являлось редчайшим для русского Средневековья случаем. Наконец, в 1219 г. на галицкий стол пригласили из Новгорода Мстислава Удалого, храброго военачальника, но недалековидного политика, устраивавшего и боярство, и краковского князя Лешко. Сидя во Владимире, Даниилу Романовичу пришлось пока довольствоваться волинскими владениями и накапливать силы для будущей решающей схватки за Галич. Рассчитывая на помощь тестя, возмужавший Даниил в 1219 г. женился на дочери Мстислава Мстиславича Удалого Анне, но его надежды на поддержку могущественного родственника не оправдались, поскольку галицкий князь занимал по отношению к планам зятя в лучшем случае нейтральную и даже недружественную позицию.

Более надежной и верной опорой для Даниила Романовича стали волинские горожане, торговцы и ремесленники, младшие слои дружинников, заинтересованные в ликвидации боярской анархии, в восстановлении сильной княжеской власти. К тому времени его мать, княгиня Анна, уйдя в монастырь, покинула политическую арену, и Даниил стал самостоятельным правителем Волинского княжества. С юных лет, часто участвуя в военных походах, он научился хорошо владеть оружием и умело командовать своей дружиной. Эти качества молодого волинского князя прекрасно проявились в 1223 г. в ходе битвы на р. Калке, где «Даниил был ранен в грудь, но по молодости и храбрости не почувствовал ран на

теле... крепко бился, избивая татар... он был отважен и храбр, с головы до ног не было у него недостатков». К счастью, рана оказалась неопасной для жизни, и после поражения союзного войска Даниил смог вернуться к себе на Волынь, где ему вновь и вновь приходилось с помощью оружия доказывать свои права на наследственные владения.

В 1229 г. Даниил вместе с братом Васильком в качестве союзников Конрада Мазовецкого отправились в поход в Польшу против князя Владислава Ласконого, захватив по пути несколько городов, дошли до Силезии, где под городом Калишем был заключен русско-польский мирный договор. 30-е гг. XIII в. ознаменовались для Даниила Романовича ожесточенной борьбой за Галич с Михаилом Всеволодовичем Черниговским и его сыном Ростиславом. Еще в 1228 г. черниговские полки вместе с войском Владимира Рюриковича Киевского участвовали в осаде принадлежавшего Даниилу г. Каменца на Волыни. А через несколько лет волынский князь сам перешел от обороны к наступлению и отправился в 1234 г. на Чернигов, действуя в союзе с великим князем киевским Владимиром Рюриковичем и имея на вооружении штурмовые орудия типа катапульт — «тараны». Как повествуется в Ипатьевской летописи, «люто бо бе бои у Чернигова, оже и таран на нь поставиша, меташа бо камением полтора перестрела, а камень якоже можаху 4 мужи силнии подъяти». Даниил Романович тогда воевал без усталости, порой проводя на ногах и в седле практически без сна три дня подряд. Отбивая вместе с союзниками половецкий набег на Южную Русь, он упрекал их в нерешительности и в намерении к отступлению, «рекшу, не подобает воину, устремившуся на брань или победу прияти, или пастися от ратных». И сам во время боя с половцами под Звенигородом показывал примеры храбрости, оставшись без своего гнедого коня, убитого противником.

Тем временем на Русь грянула беда. Покорив Волжскую Булгарию, тумены монгольского хана Батыя вторглись осенью 1237 г. в Рязанское княжество, а в начале следующего года разграбили владими́ро-суздальские земли. Не осознав еще монгольской опасности, Даниил Романович продолжал

борьбу за отцовское наследие с черниговскими князьями. И в 1238 г. ему удалось, воспользовавшись отсутствием Ростислава, отправившегося с войском в Литву, окончательно вокняжиться в Галиче. Этому способствовала активная поддержка галицких горожан, которые, по словам летописца, при появлении Даниила Романовича «бросились к нему, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику». Недоброжелательно встретили его приход епископ Артемий, дворский Григорий, отражавшие настроения непокорного и властолюбивого галицкого боярства, которое с трудом смирилось с вокняжением Даниила. Князь же победоносно «вошел в свой город, пришел в храм Богородицы, принял стол отца своего, объявил победу и поставил на Немецких воротах свое знамя». Приблизительно тогда же, направляясь в поход против воинственных ятвягов, Даниил с дружиной неожиданно повернул в сторону Дрогичина на Западном Буге и выбил немецких рыцарей-тамплиеров, посаженных Конрадом Мазовецким в этот важный торговый центр на русско-польском пограничье.

Объединив всю Галицко-Волынскую Русь, к чему стремился долгие годы, Даниил Романович не мог, однако, быть спокойным за свое будущее и торжествовать, ибо уже началось монгольское завоевание русских земель. Захватив накануне монгольской осады Киев, галицко-волынский князь оставил там своего наместника, тысяцкого Дмитра, которому поручил оборонять город от захватчиков, а сам вернулся в свое родное княжество. Оказавшись незлопамятными и сохранив какие-то родственные чувства к мужу своей сестры Михаилу Черниговскому и его сыну Ростиславу, бежавшим от нашествия монголов, Даниил с Васильком приютили у себя беглецов, дали им «много пшеницы, меду, быков и овец вдоволь» и город Луцк. После захвата и разгрома в декабре 1240 г. Киева Батыева рать двинулась на запад покорять Галицко-Волынскую Русь. Тщетно пытался Даниил Романович создать сильную антимонгольскую коалицию, предлагая скрепить военный союз с Венгрией браком своего сына Льва с дочерью венгерского короля Белы IV. Не удалось ему заручиться поддержкой ни Венгрии, ни Польши,

недальновидным правителям которых вскоре пришлось самим ощутить тяжесть монгольского нашествия, нанесшего значительный ущерб и галицко-волынским землям. После возвращения из Венгрии и Польши на родину перед Даниилом встала задача скорейшего восстановления разрушенных и сожженных городов и сел. Ослаблением князя пытались воспользоваться галицкие бояре и венгерский король, выделившие военные отряды в распоряжение Ростислава Михайловича Черниговского, вновь стремившегося занять Галич. Во время решающего сражения в августе 1245 г. под городом Ярославом Даниил с Васильком сумели наголову разгромить русско-венгерское войско Ростислава Михайловича. Даниил в очередной раз проявил себя как мужественный и талантливый полководец, использовав для достижения победы обходной маневр одного из своих полков и вовремя введя в действие свой резерв.

Блистательная победа позволила Даниилу Романовичу окончательно подавить упорное сопротивление галицкого боярства, которое, воспользовавшись монгольским нашествием, подняло против него мятеж в 1241—1242 гг., захватив ряд западных и южных центров Галицко-Волинского княжества, в том числе богатую соляными источниками Коломыю. При подавлении боярского заговора дружинники князя не пощадили ни непокорного епископа Перемышля, ни «знаменитого певца Митусу, издавна из гордости не хотевшего служить князю Даниилу». Справившись с врагами внутренними, галицко-волинский князь в одиночку не мог противостоять монгольским завоевателям и отправился в 1245 г. на поклон к хану Батю, в ставке которого на Нижней Волге ему пришлось испить горькую чашу унижений и заявить о своей покорности. «О злее зла честь Татарская! Данилови Романовичу князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Киевом и Володимером и Галичем, со братом си инеми странами: ныне сидеть на колену и холопом называется, и дани хотять, живота не часть и грозы приходить. О злая честь Татарская», — такими печальными словами описывал летописец его поездку в Золотую Орду за ярлыком на княжение. Но в душе галицко-волинский властелин так

и не примирился с зависимостью от Орды и в конце 40—50-х гг. XIII в. приложил немало усилий для сплочения антимонгольских сил, заключив союз со своими недавними противниками венгерским королем Белой IV и польскими князьями и заручившись поддержкой владимиристо-суздальского князя Андрея Ярославича, женившегося в 1251 г. на его дочери.

После распада антиордынской коалиции Даниил Романович в 1254—1257 гг. один, без союзников, вел упорную борьбу с войском монгольского полководца Куремсы и не раз побеждал в сражениях с ним. Стремясь проучить и заставить повиноваться гордого правителя Галицко-Волынской Руси, золотоордынский хан направил в поход против нее и соседней Польши огромную рать Бурундая. Силы были неравны, и Даниилу вместе с Васильком пришлось в 1259 г. вновь подчиниться Орде и уничтожить по требованию монголов укрепления многих галицко-волыньских городов (Владимира, Кременца, Львова, Луцка и др.). Так и не удалось ему до смерти сбросить ненавистное ордынское иго. Русь оставалась разобщенной, а на помощь Запада рассчитывать было нереально. Хотя, чтобы получить столь желанную военную поддержку от соседних католических государств, Даниил Романович принял еще в 1254 г. в своем городе Дрогичине королевские регалии («венец и скипетр и коруну»), присланные римским папой Иннокентием IV, надеявшимся, что новый король окажет содействие в распространении католицизма в западнорусских землях. Но не оправдались надежды ни галицко-волыньского князя, ни римской курии. Сие знаменательное событие отразилось, кажется, и в западноевропейских источниках. Во всяком случае, о нем вспоминал в своем сочинении английский посол Джильс Флетчер, посещавший Россию в 1588—1589 гг.

Все годы Даниил Романович проводил активную внешнюю политику, направленную на защиту интересов Галицко-Волыньской Руси. Одну из своих дочерей, Переяславу, он выдал замуж в 1248 г. за Земовита, сына мазовецкого князя Конрада, приблизительно тогда же женил сына Льва на Констанции, дочери венгерского короля Белы IV. Стремясь сде-

лать еще одного своего сына, Романа, герцогом Австрии, чему противодействовал чешский король Пшемисл II, Даниил в 1203 г. ходил с войском воевать в Силезию и Моравию. Не раз ему приходилось сражаться и против воинственных ятвягов, и против Литвы. Вся жизнь его с раннего детства прошла в военных походах и сражениях.

Немало внимания уделял он восстановлению старых и строительству новых городов и крепостей в своих владениях. Заложенный в середине XIII в. и ставший впоследствии крупным торговым центром Львов был назван им в честь любимого сына Льва. В отстроенный после пожара на новом месте пограничный город Холм Даниил Романович приглашал из разных мест ремесленников (причем не только русских, но и иноземных — немецких, польских): «Нача призывати приходае Немце и Русь, иноязычники и Ляхы... мастера всяции бежаху ис Татар седелници и лучници, и тульници, и кузнице железу и меди и серебру и бе жизнь и наполниша дворы». Холм стал любимой княжеской резиденцией, где постаревший воитель, страдавший от болезней из-за неоднократных ранений, провел, отойдя после 1260 г. от активного участия в политике, свои последние годы.

Там у него появилось время для воспоминаний о многочисленных сражениях и о других перипетиях жизненного пути. Немало он успел свершить за 63 года жизни в трагичную и переломную для Руси эпоху. Единственное, что его, пожалуй, беспокоило, это сохранявшаяся угроза со стороны Золотой Орды.

Галицко-волынский летописец с гордостью именовал Даниила королем и сравнивал по мудрости с библейским царем Соломоном. Сердечные, подлинно братские отношения связывали его с детских лет с братом Васильком. Скончался Даниил Романович после тяжелой болезни в 1264 г. в своей резиденции в Холме и был торжественно погребен в возведенном им храме Св. Богородицы Марии. Его деятельность наиболее полно описана в Галицко-Волынской летописи, одной из составных частей знаменитой Ипатьевской летописи. Вот такой своеобразный некролог помещен в ней по случаю смерти знаменитого средневекового правителя:

«...Король бяшетъ тогда впал в болестъ велику, в ней же и сконча живот свой, и положиша во церкви святей Богородицы, в Холме, юже бе сам создал. Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда города многи, и церкви постави, и украси е различными красотами; бяшетъ бо братолюбьем светеса с братом своим Василком; сей же Данило бяшетъ второй по Соломоне».

ЮРИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ СУЗДАЛЬСКИЙ

Юрий Всеволодович родился в 1189 г. Поскольку Лаврентьевская летопись в статье за 1189 г. сообщает об этом событии после даты похорон ростовского епископа Луки — 11 ноября, то очевидно, что очередной, четвертый (и второй из достигших зрелого возраста) сын Всеволода Большое Гнездо появился на свет до первого марта, когда на Руси наступал новый год.

На четвертом году жизни, 28 мая 1192 г. княжич Георгий прошел обряд постригов — посвящения в воины. «Того же дни и на конь его всади. И быс радость велика в граде Суждали». Отец, надо думать, широко отмечал переход своего чада в новую, мужскую жизнь, по традиции выставив горожанам угощение. И никто из веселившихся суздальцев тогда и помыслить не мог, что в воинское седло сел, вероятно, самый несчастливый из русских полководцев.

Впервые после этого княжич Юрий упомянут в 1200 г., одиннадцатилетним, когда вместе с отцом и братьями провозжал в Новгород брата Святослава. На следующий год — аналогичное сообщение об отправке в Переяславль Южный брата Ярослава. Юрий же неотлучно находится при отце. Он упоминается в 1202 г. по случаю освящения храма Успения Богородицы в Княгининном монастыре и после регулярно участвует в различных торжествах и церемониях, находясь рядом с отцом. В 1207 г. Юрий Всеволодович участвует в походе против рязанцев и осаде Пронска, ничем здесь не отличившись.

Самостоятельных поручений, в отличие от младшего брата Ярослава, он не выполняет вплоть до 1208 г., когда его по-

сылают против рязанских князей, разорывших окрестности Москвы. Здесь Юрию, или его воеводам, удалось разбить рязанцев и захватить пленных. Таким образом, он первым из сыновей Всеволода Большое Гнездо не отличался на поле брани. В следующем году великий князь посылал своих сыновей во главе с Константином против Мстислава Удатного к Торжку. В походе, скорее всего, участвовал и Юрий. До столкновения не дошло. Мстислав отступил — слишком неравны были силы.

В 1211 г. Всеволод Юрьевич женил сына Георгия на дочери главы черниговских князей Всеволода Чермного. Венчание состоялось в Успенском соборе во Владимире, при огромном стечении народа. Этот брак должен был закрепить недавно заключенный мир с Ольговичами. Очевидно, решение на сей счет было принято годом ранее, когда во Владимир из Киева приезжал в качестве посредника митрополит Матфей, с просьбой о заключении мира. Черниговцы возвращали ранее захваченный Переяславль Южный и обязывались во всем соблюдать интересы великого князя на юге.

Этот год принес много перемен. Поскольку старший сын Константин отказывался выполнить отцовскую волю, и намерен был столицей государства непременно сделать Ростов, то еще загодя Всеволод, почувствовавший приближение смерти, вынужден был собрать земский собор, на котором преемником великого князя на владимирском столе был утвержден Юрий.

14 апреля 1212 года, на память Мартина исповедника, папы римского, скончался великий князь Всеволод Большое Гнездо, восстановивший величие Владимира и его главенство среди русских земель. На престол вступил двадцатидвухлетний Юрий Всеволодович.

Первым шагом молодого государя было помилование рязанских князей и епископа Арсения, уже пять лет томившихся в плену. Все они были прощены и с миром отпущены домой. Однако вслед за мирной акцией в отношении соседей-вассалов последовал поход вместе с Ярославом к Ростову, против старшего брата, настаивавшего на своем старшинстве. Фактически же это была борьба Ростова и Владимира,

старого и нового центров Залеской Руси. На сторону старшего брата перешел Святослав, и усилившийся Константин вознамерился отобрать у Юрия Владимир. Под стенами Ростова был заключен мир, но он оказался коротким.

Вскоре к Ростову отъехал еще один брат — Владимир. На новые переговоры братья съехались к Юрьеву Польскому, где Святослав вернулся под власть Юрия. За это он получил в удел этот город. Константин же наделил Москвой державшего его сторону Владимира.

Менее чем через год Юрий вместе с братьями Ярославом, Святославом, Иваном и Давыдом Муромским подошел к Ростову. Здесь, на р. Идше, произошла ожесточенная битва, не принесяшая победы ни одной стороне, однако войска коалиции вынуждены были уйти, разорив окрестности. В отместку Константин напал на Кострому и всю ее погромил и выжег, пленив жителей. Тем временем Юрий и Ярослав с войсками пришли к Москве и «вывели» оттуда Владимира. Тому пришлось отправиться на юг — княжить в Переяславль «Русский».

Противники с трудом помирились, сохранив то, что имели. Однако баланс сил был нарушен в следующем году изгнанным из Новгорода Ярославом, поднявшим против себя новгородцев и собственного тестя Мстислава Мстиславича Удатного. Юрий Всеволодович поддержал Ярослава. На стороне Мстислава выступил его брат Владимир Псковский. Противников Мстислава, естественно, поддержал Константин с ростовцами и ярославцами. На зов владимирского князя пришли младшие братья, муромские вассалы, наемные отряды бродников, полки опольских и поволжских городов, а когда война подступила к центральным районам Суздальщины, то в ополчение призвали и смердов. Усилившись подмогой из Смоленска, антивладимирская коалиция встретилась с войсками младших Всеволодовичей на Липицах — под Юрьевом Польским.

Юрий и Ярослав, не рискуя напасть первыми, укрепились на Авдовой горе, но Мстислав Мстиславич сумел обратить сильные стороны их позиции в ловушку для неопытных военачальников. Грандиозная битва была проиграна. Толь-

ко убитыми Всеволодовичи потеряли более 9 тысяч человек. Братья бежали в разные стороны. Ярослав — к Переяславлю, Юрий — к Владимиру.

Горожане встретили побежденного князя неласково. Его впустили в город, но защищать не стали. Едва неприятели окружили Владимир, как в нем начались пожары. В первую очередь загорелся княжеский двор. В результате Юрию пришлось сдаться и уступить столицу, отправившись в Городец. Победивший Константин остался во Владимире, однако власть его была слаба и уже через год он был вынужден вызвать брата из ссылки и дать ему Суздаль с обещанием, что после его смерти тот унаследует великий стол.

Это обещание исполнилось неожиданно скоро, князь Константин Всеволодович умер 2 февраля 1218 г., успев закрепить за своими сыновьями Васильком и Всеволодом Ростов и Ярославль.

К 1220 г. относится первая крупная военная акция нового великого князя. Юрий Всеволодович послал в поход на болгар войско в лодьях под командованием брата Святослава. Высадившись под городом Ошелем 14 июня, владимирцы вступили в битву с болгарами и загнали неприятелей в крепость, которая вскоре была взята. Других целей, кроме как подвинуть болгар на переговоры, видимо, и не преследовали.

Причины похода, несомненно, носили экономический характер. Он, скорее всего, являлся реакцией на какое-то ущемление русских интересов (или русской общины) в Волжской Болгарии. Это государство контролировало волжский торговый путь — один из важнейших в мировой торговле Востока и Запада, где даже кратковременная задержка транзита или нарушение условий, ранее установленных договорами, грозили убытками, «кризисом» финансовых операций на всех рынках Восточной Европы, на что столь болезненно реагировали владимирские купцы, а с ними и князья. По мнению Ю.А. Лимонова, «поход Святослава Всеволодовича преследовал именно возобновление торгового договора с болгарами и защиту традиционных торговых сделок». Летописец подчеркивает это в заключение своего повествования о походе, где говорится о переговорах Юрия Всеволодовича с

болгарами: «и управившися по прежнему миру, яко же было при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи, и посла с ними (послами. — Ю. С.) мужи свои водити в роту князеи их и земли их по их закону».

1221 год для великого князя был отмечен посылкой старшего сына Всеволода на княжение в Новгород, а также закладкой на устье Оки новой крепости — Нова города Нижнего. Строительство этой важнейшей в стратегическом отношении крепости, быстро превратившейся в один из крупнейших и богатейших русских городов, как показало время, стало главным положительным вкладом князя Юрия Всеволодовича в укрепление отечественной государственности.

События следовали своим чередом. На следующий год великий князь приказал разобрать ветхую церковь Богородицы в Суздале, построенную еще при Мономахе, и на ее месте заложил тот храм, что и ныне стоит в центре суздальского кремля. Год спустя новгородцы показали путь юному Всеволоду Юрьевичу, предпочтя ему Ярослава Всеволодовича Переяславского. Это могло осложнить отношения братьев.

В том же, 1223 г. Юрий в ответ на просьбу из Киева о помощи против монголов направил на юг войско под командой Василько Константиновича, но оно не успело на Калку и от Чернигова вернулось назад. На следующий год Юрий посылал вернувшегося из половецкого плена брата Владимира со Стародубским и ярославским полками (летопись не сообщает куда), по-видимому, на помощь новгородцам, для похода к Юрьеву, осажденному орденским войском. Как известно, новгородская выручка опоздала.

Власть Юрия Всеволодовича над своими братьями и племянниками, как видно, не слишком отличалась от власти киевского князя на юге. Во всяком случае, Ярослав не слишком считался с братом. Залесье раскололось на полусамостоятельные уделы, и Юрию Всеволодовичу, как до него и Константину, приходилось лавировать между интересами родственников, давая им возможность по очереди княжить в Переяславле Русском. Гасить недовольство удавалось не всегда, и в 1229 г. Ярослав с Константиновичами едва не начали усобицу. В 1232 г. Ярослав снова поднялся на брата.

Дошло даже до военных действий, которые, правда, к кровопролитию так и не привели.

При этом великое княжество еще и сохраняло способность проводить активную внешнюю политику в отношении других русских земель и соседей на востоке. В эти годы Рязань, ослабленная страшной междоусобицей, окончательно утратила независимость. Вновь вынужден был признать определенную зависимость от «низовской земли» и Новгород, особенно после небывалого разорения от литовцев в 1225 г., когда отличился разгромивший их Ярослав. В 1226 г. Юрий с племянниками Константиновичами лично водил войско на помощь Михаилу Всеволодовичу Черниговскому против Олега Курского. Вмешательство владимирской силы быстро привело к миру.

Наиболее активной была владимирская политика в мордовских землях, ставших ареной противоборства Руси и Болгарии. Зимой того же года Юрий послал в мордовские леса Святослава и Ивана с дружинами. Не встречая большого сопротивления, юрьевские и стародубские дружины разорили мордовские села.

«Вряд ли можно, — пишет Ю.А. Лимонов, — представлять русско-мордовские отношения только как набеги с обеих сторон. Уже в начале XIII в. существовали определенные союзы, вассально-даннические отношения между великим князем владимирским и мордовской знатью. Причем эти отношения носили весьма развитой характер». К тому же владими́ро-суздальские князья оказались втянуты в междоусобную войну мордовских правителей — Пургаса и Пуреша, поддержанных соответственно Болгарией и Русью. В борьбу включились и половцы, страдали от нее и русские колонисты в мордовских землях — «русь пургасова». Усобица в Мордовии продлилась до самого монгольского нашествия.

В 1227 г. Юрий Всеволодович вновь отправил старшего сына Всеволода княжить в Переяславле Южном, а вскоре женил племянника Василька Ростовского на дочери Михаила Всеволодовича Черниговского.

Новый поход на мордву состоялся в январе 1228 г. Великий князь выступил лично, вместе с братом Ярославом, Кон-

стантиновичами и Юрием Давыдовичем Муромским. Население спасалось в лесных «твердых», уничтожая в засадах мелкие отряды княжеских «молодых». Возможно, главной его целью было не разорение волости Пургаса, державшегося болгарской ориентации, а защита своего вассала Пуреша. Во всяком случае, болгары, одновременно разорявшие его волость в результате появления русских, вынуждены были бежать. Среди участников похода не указан Святослав, возможно, что он еще ранее (чем об этом появилась запись. — Ю. С.) был послан в Переяславль Южный.

В апреле следующего, 1229 г. последовал ответный набег Пургаса на Нижний Новгород, успешно отбитый. В том же году, впервые после Калки, во владимирской летописи вновь появляются сообщения о монголах («татарах». — Ю. С.): из заволжских степей и с низовий Итиля в Волжскую Болгарию прибыли беженцы — саксины и половцы. Следом появились выбитые монголами с линии р. Яика болгарские «сторожа». Перед лицом монгольского нашествия правители Болгарии вынуждены были искать союза с северными соседями. Был заключен мир на шесть лет.

Во Владимире внимательно следили за событиями, развивавшимися в Средней Азии, а теперь уже и в Поволжье, однако они еще не влияли на жизнь Руси, где в 1230 г. канонизировали нового святого — купца, пострадавшего за веру от болгарских мусульман, а затем великий князь женил сына Всеволода на дочери Владимира Рюриковича Киевского.

Грозным предвестием надвигающейся катастрофы стало землетрясение, разразившееся третьего мая, во время литургии. Если во Владимире лишь закачались светильники и иконы по стенам, то в Киеве и Переяславле некоторые храмы растрескались, раскололись на части, обрушивались своды; на молящихся падали камни. Следом наступило затмение. Солнце превратилось в серп, подобный лунному, а по сторонам его встали красные, зеленые и синие столбы, точно огонь сходил с небес на Киев, где отчаявшиеся люди начали прощаться друг с другом.

В 1232 г., когда великий князь вновь воевал северные, вятичские окраины Черниговщины, а Ярослав сжег здесь Се-

ренск, татары появились на Средней Волге, оставшись зимовать в непосредственной близости от болгарских рубежей («Придоша татарове и зимоваша не дошедшее Великого града Болгарьского»). Источник же В.Н. Татищева продолжает: «поплениша и покориша многу нижнюю землю Болгорсую и грады разориша». Используя бедственное положение Болгарии, Юрий Всеволодович послал на покорение мордвы сына Всеволода, а с ним молодого Федора Ярославича, а также рязанских и муромских князей.

Юг и Запад Руси бурлили в непрерывной усобице, отягченной участием в ней половцев, в Залесье же царила тишина. Один за другим во Владимире и удельных столицах строились и украшались храмы. В 1235 г. просто «мирно бы(сть)».

Между тем война была рядом. Именно в 1235 г. судьба народов Восточной Европы была окончательно решена очень далеко от их границ, на реке Онон, где собравшийся курултай чингизидов постановил продолжить поход «к последнему морю». Для усиления войск улуса Джучи, которым руководил хан Бату, каан Угэдей приказал всем улусам империи выделить значительную часть воинов. Помимо пяти сыновей Джучи еще семь чингизидов были привлечены к участию в походе. В качестве советников молодых принцев в походе приняли участие лучшие и опытнишие полководцы Чингис-хана, в прошлом уже изучившие будущий театр военных действий — Субэдей-Баатур и Джэбэ-нойон, а также недавно выдвинувшийся Бурундай. Все они также командовали тумэнами. Получив приказ, царевици и темники разъехались по своим ордам готовить войска к выступлению и вскоре, опережая друг друга, двинулись на запад.

Всю первую половину тридцатых годов монголо-татарские отряды ограниченными силами одного Улуса Джучи (ок. 4 тыс. собственно монгольских воинов) продолжали нападать на окраины Волжской Болгарии. Теперь наступил финал. Осенью 1236 г. монгольские полчища соединились в степях Нижней Болгарии и изготовились для последнего удара. Их численность, по наиболее объективным оценкам, достигала 120—140 тысяч человек, но едва ли сами представители монгольских племен превышали треть этой армии.

По соединении войско завоевателей разделилось на две части. Северную группу тумэнов Бату лично повел на завоевание Булгара. Южную, меньшую по численности, направил на покорение восточных половцев и племен Поволжья (мокши, буртасов и «арджанов»).

Неприступная столица Волжской Болгарии была взята штурмом после отчаянного сопротивления. Жители были по большей части перебиты «для примера». Остальных ждало рабство. Биляр, «Великий» город русских летописей, был взят штурмом, несмотря на шесть (!) рядов стен, а все население уничтожено. Сопротивление булгар было сломлено быстро. Пали все их города, были сожжены практически все села. Небольшая страна оказалась просто затопленной валом нашествия. То же происходило и в полосе наступления южной группы монгольских войск. К осени 1237 г. половцы были оттеснены на запад, аланы искали спасения в горах, а марийцы и мордва в большинстве своем признали над собой монгольское господство. Осенью командующие монгольскими соединениями собрались на курултай, на котором приняли решение о вторжении на Русь и обсудили план зимней кампании.

Сообщения русских летописей о гибели Волжской Болгарии зимой 1236—1237 гг. дышат сочувствием к жертвам нашествия и тревогой за будущее. В них звучит явное предупреждение своим правителям, отказавшимся помочь соседям. Предупреждение это было оценено. Не случайно в ту зиму Юрия Всеволодович женил сразу двух младших сыновей, Владимира и Мстислава.

По сообщению венгерского монаха Юлиана, расположение монголов накануне нашествия и их планы в общих чертах на Руси были известны. Причем владими́ро-суздальские источники выглядят куда более информированными о приближении монголов, чем южнорусские или новгородские. Со слов русских информаторов путешествующего доминиканца, силы вторжения были на тот момент разделены на четыре части. Одна подступила из разоренной Болгарии к восточным границам Руси. Другая летом уже нападала с востока на рязанские пограничные посты. Этому известию,

возможно, соответствует сообщение о взятии некой Нузы на рязанской границе (или к востоку от нее), в районе которой «татары» остановились становищем. Отсюда к рязанским князьям ими было направлено посольство с требованием покориться. Третья часть стояла к югу от «замка Воронеж», бывшего, по-видимому, в то время столицей удельного княжества в составе Рязанской земли. Местонахождение четвертой Юлиан не уточняет. Оно «осаждает всю Русь». Возможно, оно какое-то время (к началу осени) составляло стратегический резерв или угрозу половцам, находясь далее к югу. Ни у кого тогда уже не оставалось сомнений в том, что все эти силы только и «ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего... легко будет разграбить всю страну русских».

Письма-отчеты Юлиана содержат уникальную информацию, в том числе о состоянии умов. Из них видно, что все в то время на Владимирщине повторяли странную легенду о том, что будто бы «татары» избегают штурмовать крепости, а лишь разоряют их окрестности. Может быть, такое мнение сложилось у русских и их князя из-за того, что практически всю массу беженцев из Болгарии составляли сельские жители, в то время как из защитников городов не спасся никто. Эти разговоры накладывались на давние воспоминания о Калкском погроме, оставившем впечатление о новых завоевателях, как о типичных степняках, которые не стали углубляться в русские земли. Массовое сознание выдавало желаемое за действительное и, как оказалось, лица, ответственные за анализ ситуации и организацию обороны страны, в своих оценках и решениях несколько не возвышались над этой, традиционной, точкой зрения.

Рязанские князья отправили татарских послов-соглядатаев к Юрию Всеволодовичу, своему сюзерену, заявив пришельцам, что не могут сами решить вопрос о переходе под иную власть, а еще раньше во Владимир отправился гонец с просьбой о помощи. Пока же в Рязани готовились к бою.

А что же великий князь Владимирский, от решения которого зависела теперь судьба как минимум половины Руси? Летопись объясняет его отказ помочь рязанцам желанием

«особь створити брань». Ю.А. Лимонов видит здесь повторение психологической ситуации 1223 г., когда князья соперничали из-за славы будущей победы.

При самом беглом рассмотрении такое сравнение не выдерживает критики. На Калке собрались целых три равноценных лидера, ни в чем не желавших уступать друг другу. С кем мог у себя дома «соперничать» великий князь? К тому же после Калки и погрома Болгарии было уже «не до славы». Какая слава в отказе помочь своим вассалам? Скорее можно говорить о моральной подавленности будущих жертв нашествия.

Представляется, что куда ближе к истине Д.Г. Хрусталеv, объяснивший бездействие Юрия Всеволодовича, с одной стороны, реальной угрозой нападения «татар» со стороны Нижнего Новгорода, которую он, безусловно, вынужден был парировать значительной частью своих сил, а с другой — элементарным стремлением «отсидеться» от грозного врага, уже продемонстрированное им в отношении союза с болгарами. Как видно, главным для владимирского князя стало стремление не ввязываться в войну, чтобы не вызвать «ответного» вторжения.

Великий князь, имея исчерпывающие данные о стремлении монголов завоевать русские земли, действительно надеялся, что ему удастся переждать нашествие за рубежом Оки и за лесами, а в худшем случае — за стенами городов. Следует признать, что некоторые основания для таких надежд у него были. Первая битва с монголами на Калке была проиграна в степи, следовательно, теперь, по мнению великого князя и его советников, надо было избрать оборонительную стратегию. Никогда еще степняки самостоятельно не проникали, ни летом, ни зимой, вглубь Залесья. Живя опытом прошлого и имея только приблизительную информацию о силах противника, организаторы обороны Владимиро-Суздальской Руси недостаточно хорошо представляли себе, на что тот способен; не осознавали степень грозящей опасности. Вольно или невольно Юрий Всеволодович готовился повторить гибельный путь несчастного Хорезмшаха Мохаммеда...

У сторонних же наблюдателей подготовка великого княжества к войне в начале зимы 1237 г. воодушевления не вызвала. В то время как монголы обладали изрядным резервом лиц, обладавших знанием сразу нескольких европейских языков, великий князь в своей земле даже не смог найти переводчика, чтобы прочесть перехваченное письмо Батыя к венгерскому королю, отдав его непрочитанным Юлиану, который оказался расторопнее. Доминиканец, познакомившись с Юрием Всеволодовичем, передавшим через него предупреждение королю Бэле, о планах монголов завоевать Венгрию, поспешил уехать обратно, «...видя, что страна занята татарами (вторжение в рязанские пределы уже началось? — Ю.С.), что области укреплены и успеха делу не предвидится...».

Под «успехом дела» можно, конечно, понимать миссию к венграм-язычникам, которая волновала автора более, нежели состояние обороноспособности Восточной Руси. Тем более что обратный путь из Владимира монахи проделали «среди многих войск и разбойников». Войска в юго-западном направлении, по-видимому, стягивались к Коломне, а под разбойниками, возможно, следует видеть владимирских смердов, которые, не будучи включены в состав княжеского войска, образовывали отряды самообороны против небывалой угрозы и по ночам сторожили дороги.

Ход последующих событий известен достаточно хорошо. Злосчастное посольство рязанцев к Батью, выиграло время для сбора сил ценой своих жизней. Быстрое скрытно произведенное выдвижение к границе и внезапная атака небольшого рязанско-муромского войска на становища ближайших к ней туменов в начале декабря поставили было монголов в сложное положение. Ничего подобного их полководцы и представить себе не могли. Однако силы были слишком не равны. С подходом других монгольских соединений рязанцы потерпели закономерное поражение. Большая часть рязанского благородного воинства — «господства» — полегла где-то на берегах р. Воронеж, «сражаясь один с тысячей, а два — с тьмою», хотя какой-то его части с князем Романом удалось выйти из боя и отступить к Коломне, а Юрий Ингваревич, возвратившись в Рязань, возглавил ее защитников.

Городки на Верхнем Дону горели один за другим. Затем наступил черед Пронска, Белгорода, Ижеславца и героической шестидневной обороны Рязани. 21 декабря туменам семи ханов, осаждавших Рязань, удалось, сбив со стен последних защитников, ворваться в город. Ярость завоевателей не знала пределов...

К этому дню, по-видимому, уже были взяты все остальные рязанские города, в том числе и к северу от столицы. Уцелели пока лишь оказавшиеся в стороне, укрытые лесами Муром и Городец Мещерский.

Под Коломной, что, скорее всего, принадлежала тогда Рязани, врага встретили далеко не все силы Великого княжества. Как минимум треть из них должна была стоять в районе Нижнего Новгорода, сторожа волжское направление, считавшееся первоначально главным, однако именно здесь произошла крупнейшая битва первой зимней кампании монголов на Руси.

Есть сведения, что воеводу Еремея Глебовича к Коломне первоначально послали в качестве «сторожи» — для контроля ситуации и наблюдения за событиями за Окой. Великий князь все еще надеялся на обещания мира, в обмен на отказ помогать рязанцам, привезенного монгольскими «бездельными» послами? Лишь после встречи владимирского воеводы с князем Романом и получения от него соответствующей информации к Коломне, как к обозначившемуся месту появления главных монголов, был срочно направлен Всеволод Юрьевич со всеми наличными силами. Такой ход событий объясняет как отсутствие под Коломной полков остальных Всеволодовичей и Константиновичей, так и надежды собрать их позднее за Волгой. Для организации обороны Москвы, ополчение которой ушло к Коломне, были присланы княжич Владимир Юрьевич и воевода Филипп Нянька.

Невольно объединившиеся владимирско-рязанские силы под командованием Всеволода Юрьевича, Романа Ингваревича и воеводы Еремея Глебовича дали бой монголам под стенами крепости. Помимо ослабленного коломенского полка и дружины князя Романа, сюда входили полки Вла-

димира (до 5 тыс.) и Москвы (до 1 тыс.), собственная дружина князя Всеволода Юрьевича (0,5 тыс.), отряд Еремея Глебовича (как минимум из нескольких сотен воинов) и, скорее всего, большая часть боярских отрядов и дворян великокняжеской дружины из Костромы, Суздаля, Подмосковья и окрестностей Владимира. Этого наверняка было больше, чем смогли выставить рязанские, пронские и муромские князья, однако численность собравшихся у Коломны войск едва ли могла превышать 10—12 тысяч человек, однако лишь меньшинство из них были профессионалами. В отличие от жителей городов других русских земель горожане великого княжества того времени крайне редко имели возможность принять участие в военных действиях, которые к тому же не носили интенсивного характера.

На них же надвигались семь туменов, несколько поредевших после битвы на Воронеже и взятия рязанских городов, но еще достаточно полнокровных. Вопреки сложившемуся в литературе мнению о качестве монгольских доспехов следует признать, что у русских в этом вопросе не было заметного превосходства, зато противник обладал мощными дальнобойными луками, каких не знали русские. При наличии соответствующих наконечников их стрелы пробивали не только кольчатую броню, но и щиты.

Тем не менее победа далась монголам нелегко. Бой носил ожесточенный характер, длился довольно долго и был в некотором роде уникальным. В ходе него получил смертельное ранение единственный за весь поход, да и вообще, за всю эпоху, крупный военачальник — самый младший из сыновей самого Чингис-хана — Кюлькан. Известно, что монгольские полководцы никогда не приближались к месту непосредственной схватки. Как же такое могло произойти? Д.Г. Хрусталев считает, что в ходе боя тумен Кулькана был разгромлен, т.е. русские прорвались к ставке командующего, обратив вспять его соединение. Того же мнения придерживается и В.В. Каргалов, считая, что оно проходило с переменным успехом. Иное в принципе предположить трудно, хотя на войне возможны самые непредвиденные случайности.

В летописи сообщается, что с началом боя «татары» «обошли» русское войско, т.е. оно приняло бой в окружении, что

неудивительно при 6—7 кратном численном превосходстве. Естественно, что у противоположной стороны возникло желание прорвать растянутые боевые порядки противника, особенно, если ориентиром прорыву служил бунчук кого-либо из вражеских полководцев, расположившегося на возвышении.

В отличие от русских, вложивших все силы и надежды в первый и единственный натиск, монголы не вводили в сражение всех сил сразу, искусно эшелонируя свое построение и придерживая крупные резервы. Тумены, как и более мелкие части, направляемые различными сигналами своих командиров, в бою постоянно и тесно взаимодействовали. Прорыв был своевременно парирован, введены свежие силы, и москвичи, не выдержав вражеского напора, побежали первыми. Остальные русские оказались «притиснутыми» к надолбам — деревянным заграждениям, врытым заблаговременно, вероятно с целью ограничения маневра конницы противника. Здесь погиб князь Роман, оставивший по себе добрую память не только на Руси, но и во враждебном стане. 70 лет спустя в сочинении персидского автора Рашид-ад-Дина лишь он, один-единственный из русских князей, упомянут как мужественный воин (!). Погиб и воевода Еремей Глебович, а вместе с ними — множество великокняжеских «мужей» и простых «воев». Лишь Всеволоду Юрьевичу «в мале дружине» удалось вырваться из нового кольца. Коломна, потерявшая в поле своих защитников, пала практически сразу же. Все источники отмечают большие потери с обеих сторон. Можно считать, что они были приблизительно равными — тысяч по десять. Точная дата битвы у Коломны неизвестна, но предполагают, что она произошла в самом начале января 1238 г.

Дорога в глубь Руси была открыта. Полки удельных княжеств, что вполне можно было бы держать во Владимире, а в нужное время отправить к Коломне, все еще не были собраны. Впереди у монгольских всадников была Москва. Вероятно, немногие из московского полка добрались до нее, но Филипп Нянька сумел так организовать оборону, что город продержался пять дней. Не так уж мал и весьма многолюден

он был. Завоевателям пришлось и здесь строить метательные машины. 20 января монголы ринулись на штурм его полуразрушенных укреплений. Кровь Кулькана взывала к мщению, и в Москве были перебиты все, включая и воеводу. Только молодого княжича победители повели с собой дальше.

Преодолев лесистый водораздел, монголы где-то в районе современного Болшева спустились на клязьминский лед и с максимально возможной скоростью устремились по накатанному санному пути к Владимиру. Они вышли к столице Залесской Руси 2 февраля, покрыв за 43 дня, прошедших после взятия Рязани, не менее 450 километров. При этом при подсчете суточных переходов следует выбросить дни осады Москвы и Коломенского сражения. Получается все равно очень немного. Но не прогулочным шагом двигался враг к Владимиру. Что-то или кто-то его задерживал. Способов для этого предки знали немало. К сожалению, перипетии этого марша не попали на страницы летописей.

Примчавшийся из-под Коломны Всеволод рассказал отцу о гибели лучшей части его войска. Это была катастрофа, крах всей предшествующей политической линии «невмешательства» и пассивной обороны, проводимой Юрием Всеволодовичем. Оставаться далее во Владимире ему не было никакого смысла. Хотя бы теперь, когда почти все уже было потеряно, следовало переходить к активным действиям и собирать все, что еще можно было собрать для новой битвы с уже слабеющим врагом. До сих пор неприступные укрепления Владимира превосходили по мощи даже рязанские, и князь, решив оставить здесь семью, несомненно, все еще надеялся, что кочевники не сумеют их преодолеть. Сам же он решил ехать за Волгу. Местом сбора сил удельных князей была выбрана речка Сить — место одновременно и достаточно глухое, и расположенное не слишком далеко от дороги на Новгород, откуда он ждал брата Ярослава с двадцатью тысячами новгородского войска. Решение великого князя действовать вне своей осажденной столицы имело давнюю традицию, позднее так же станут всякий раз станут действовать и московские великие князья, когда враг сумеет застигнуть их врасплох.

Оставив Владимир на попечение Всеволода, Мстислава и своего главного воеводы, Петра Ослядюковича, Юрий Всеволодович выехал и отправился на север через Суздаль, Ростов и Углич. Возможно, побывал он и в Ярославле. Дружины юрьевского князя Святослава Всеволодовича, ростовского и костромского Василька, ярославского и угличского Всеволода, а также белозерского Владимира Константиновичей оттягивались за Волгу. В Переяславле, вотчине Ярослава, отсутствовала почти вся его дружина, одна из наиболее многочисленных и профессиональных в то время. Она находилась вместе со своим князем где-то на пути между Киевом и Новгородом (о судьбе переяславского городского полка информации нет). Решение, принятое великим князем, было в принципе верным, на Сити можно было собрать еще до 10—15 тысяч воинов, удвоив это число в случае прихода Ярослава, а тогда сил бы хватило для новой битвы. Для этого требовалось лишь время. Однако центральные районы великого княжества оставались на произвол победителя безо всякой защиты.

Подойдя к стенам Владимира, монголы пытались договориться с горожанами, надеясь, как всегда, обманом склонить их к капитуляции. Для этого использовали пленного Владимира, вид которого должен был разжалобить или напугать владимирцев. Когда этого не произошло, княжич был убит перед Золотыми воротами, и враги стали готовиться к штурму. Для осадных работ требовалось множество рабочих. Для их захвата часть войска была направлена на ловлю местных жителей в окрестностях столицы, а другая направилась к Суздалю и через два дня вернулась, гоня толпы умирающих на морозе пленных горожан. Еще через сутки были сооружены метательные машины и деревянный палисад вокруг обреченного города, а утром 7 февраля начался штурм. За несколько часов обстрела стены в намеченных местах были разрушены, ров был завален сырым лесом, и по примету «татары» устремились на приступ. О том, кто и в каком количестве защищал Владимир, свидетельствует тот факт, что завоевателям удалось сразу с трех сторон в четырех местах преодолеть стены Нового города. Уцелевшие защитники

вынуждены были отойти к воротам старого или Печерного города, но там не удержались и откатились к каменному детинцу, в соборах которого духовенство исповедовало и постригало в монашеский чин готовящихся к смерти горожан.

К сожалению, наряду с примерами мужества и героизма источники донесли до нас и примеры иного рода. Так, Ипатьевская летопись сообщает, что еще до начала штурма князь Всеволод пытался умиловить Батыя, явившись к нему с богатыми дарами, но тот более не желал переговоров и приказал его зарезать. Вне городских стен, по-видимому, при попытке бегства, погиб и князь Мстислав.

Когда с сопротивлением последних защитников было покончено, монголы выломали двери Успенского собора, где с владыкой Митрофаном укрывались женщины и дети великокняжеской семьи, но прорваться внутрь им не удавалось. Тогда они разломали окружающие постройки и, обложив храм бревнами, подожгли. В дыму задохнулись все, кто находился в соборе. Затем, как в Рязани и Москве, последовала тотальная резня.

С падением столицы победа достигнута не была, поскольку глава государства все еще был жив и готовился продолжать борьбу. Найти и уничтожить его как можно скорее становилось теперь главной задачей завоевателей. Согласно русским летописям от Владимира монгольские войска, разделившись, двинулись по разным направлениям. Более достоверными современные исследователи считают информацию Рашид-ад-Дина, из которой следует, что после столицы Юрия Всеволодовича еще один город, в котором усматривают Переяславль Залесский, был монголами взят сообща. Это была мощная крепость, ее осада длилась пять дней, а штурм повлек новые потери. Здесь захватчики разделились, начав свою знаменитую традиционную «облаву» туменами и взяв за оставшиеся дни февраля четырнадцать городов. Относительно небольшие монгольские отряды брали эти города, включая и Дмитров с его достаточно мощными стенами, удивительно легко, «с ходу», «наворопом» или «изъездом», как тогда говорили. Однако причина такой легкости была не только в уходе защитников. Монголы очень

торопились, и теперь от тактики массового террора вынуждены были обратиться к милости и порядочности по отношению к тем, кто готов был откупиться. О массовых убийствах населения и сожжении взятых городов нет сообщений вплоть до осады Торжка. Со всей определенностью можно сказать о капитуляции Ростова и Углича, однако так, несомненно, было не везде. В схватках с вооруженными горожанами и поселянами продолжала таять монгольская сила.

Нашествие распространялось стремительно, и уже 22 февраля один из монгольских отрядов оказался под стенами Торжка, проделав от Владимира путь длиной не менее чем в 350 км за две недели (за вычетом осады Переяславля), с переходами по 40 км. Занять пограничный Торжок было очень важно. Именно в этот пункт должно было подойти войско Новгорода, если бы его жители отважились идти на помощь столько раз выручавшей их Суздальщине. К тому же монгольские полководцы могли предполагать, что именно в этих местах мог скрываться владимирский князь, рассчитывавший на новгородскую подмогу. Однако нашел убежище Юрия Всеволодовича другой монгольский отряд, а именно тумен Бурундая, что перед тем пленил Ростов и Углич. Среди не пострадавшего населения этих городов энергичный темник, вероятно, и выведал необходимые ему сведения о примерном или точном местонахождении лагеря великого князя.

К тому времени на Сити Юрий Всеволодович находился уже около месяца. Достаточно быстро должны были там собраться и силы четырех удельных князей, названных выше, отсутствовали войска Ивана Всеволодовича Стародубского, возможно, до середины января находившегося в районе Нижнего Новгорода, но силы, которые он мог привести, были невелики. Ждали же в первую очередь Ярослава с новгородцами. Ожидание затягивалось. В конце февраля пришла к великому князю весть о страшной гибели его столицы и всей семьи. Можно себе представить, чего стоил ему теперь каждый день промедления, но без новгородских полков рассчитывать на разгром захватчиков не приходилось. Великий князь и его окружение понимали, что навязать более под-

вижному противнику свой план войны невозможно. Стоит выйти из лесов, как стремительные «татары», уклоняясь вступать в бой по частям, в короткий срок соберут в кулак свои огромные силы и Коломна повторится. Одолеть такого врага можно лишь в генеральном сражении, при условии, что он на него согласится, а значит, грядущая битва все равно будет неравной.

Условия местности не позволяли крупному войску противника незамеченным приблизиться к русскому стану, но эти же условия отрицательно влияли на условия расположения прибывающих своих частей, затрудняя управление ими. Стан вытянулся на много верст вдоль Сити. Войска расположились вокруг маленьких деревень. Основная часть ратников вынуждена была ютиться в шалашах из елового лапника и землянках.

Удивления достойно, что даже скрывшееся в лесах войско Юрия Всеволодовича было практически застигнуто врасплох. Бурундай нагрянул не с той стороны, откуда его ждали? Азбукой военного дела во все времена является организация боевого обеспечения, в первую очередь разведки и охранения, тем более после недвусмысленного предупреждения, прозвучавшего вместе с известием о падении Владимира: «...а к тебе идут». И то и другое, как можно заметить, присутствовало. Великий князь узнал от разведки, что монголы вышли к Волге и находятся недалеко. Именно этим можно объяснить посылку отряда воеводы Дорожа на угрожаемое направление в достаточно крупных силах — три тысячи человек. Однако было поздно. Стремительный Бурундай опередил неповоротливых лесовиков, он уже был рядом.

Единогласно подчеркивающие внезапность появления противника, источники все же достаточно противоречиво описывают этот момент. Официальная ростовская летопись сообщает, что внезапно пришедшие «татары» застали Юрия Всеволодовича за молитвой, и он выступил с братом и племянниками им навстречу, после чего произошло организованное столкновение: «сступишася обои». Близка ей в этом и новгородская летопись. Однако непредвзятый южнорусский источник настаивает на отсутствии должных мер пре-

досторожности со стороны военачальника: «...и не имеющую сторожи, изъеханъ бысь незаконным Боурондема. Весь город (укрепленный лагерь. — Ю.С.) изгна и самого князя Юрья оубиша».

По тверской, самой подробной летописи получается, что Дорож, совсем недавно отправленный из лагеря (на запад, занять дорогу от Кснятина), вдруг прибегает, чуть ли не сам по себе, с криком: «А уже, княже, обошли нас около Татари!». В данном случае «обошли» следует понимать, как «появились не с той стороны, откуда их ждали», и сам Дорож, идя в данном направлении, этой встречи не ожидал. Потому и не прислал связного, оставшись с отрядом сдерживать неприятеля, а, похоже, уже лишился своих подчиненных. Враг нагрянул не со стороны Углича, откуда его ожидали, а фактически с тылу. Далее тверской источник сообщает, что Юрий Всеволодович «постави полки около себе, но не успеха ничтоже». Силы на этот раз были примерно равны, но фактор военного искусства был решающим всегда.

Можно себе представить, как люди, выскакивавшие на звук трубы из шалашей и землянок, окружавших занятое великокняжеской дружиной сельцо, хватали в руки оружие и бежали к стягу, но ни толком «доспеть», т.е. вооружиться, ни занять место в строю не успевали. Тем более и воеводы князя Юрия не успели толком «урядить», т.е. построить собиравшуюся толпу. Всадники Бурундая уже мчались на них, растягивая до уха тетивы своих ужасных луков. Наверняка не успели подойти и войска его родственников. Возможно, это удалось только ростовцам. Исследовавший еще в XIX в. эти места Н.П. Сабанеев сделал вывод, что основная масса войска, застигнутого врасплох, бежала вдоль долины Сити, устилая ее трупами до самого устья, о чем свидетельствуют захоронения. Не задержали монголов ни засеки, ни отряд самого Юрия Всеволодовича, как можно предположить, оказавшийся первым на пути нападавших. Однако князя успели, как обычно, «утечь». Один верный Василько рубился так, что даже свирепые монголы, пораженные его доблестью, постарались взять его живым. Никуда не побежал и великий князь. Ему некуда и не к кому было больше бежать. Он все

для себя решил и остался на поле Божьего суда, ставшего не полем русской славы, но скорби.

Источники, описывавшие поход монголов, этой битвы не упоминают. В глазах завоевателей, видевших столько регулярных сражений, этот эпизод и не заслуживал такой памяти, как, например, штурм Владимира. О правителе Руси Рашид-ад-Дин сообщает лишь то, что тот бежал в лес, но был найден и убит. В принципе, так и было.

Народ простил Юрию Всеволодовичу его искупленные кровью ошибки, вспоминая время его княжения как счастливый золотой век. Благочестивые люди подобрали его тело, разыскали вскоре и честную главу, которую Бурундай представил Батыю, а тот бросил как надоевшую игрушку. Поскольку этот правитель, несомненно, был человеком положительных душевных качеств, очень быстро сложился культ местночтимого святого, и ныне святые мощи благоверного великого князя Юрия почивают в гробнице в том самом «златоверхом» соборе, который он так любил украшать.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Святой благоверный князь Александр Невский родился 30 мая 1220 г. Местом его рождения, скорее всего, был Переяславль-Залесский, центр удела, принадлежавшего его отцу Ярославу Всеволодовичу. Будущий национальный герой России появился на свет в славной семье. Его дед Всеволод Большое Гнездо и прадед Юрий Долгорукий были правителями Ростово-Суздальской земли — крупнейшей и сильнейшей среди русских княжеств. Да и отец его был незаурядным военачальником, пожалуй, лучшим среди своих многочисленных братьев. Мать же его происходила из смоленского княжеского рода и была дочерью Мстислава Мстиславича Удатного (известного в литературе как «Удалой») — лучшего русского полководца начала XIII в., человека исключительного благородства. Великий Владимир Мономах приходился ему предком и по отцовской, и по материнской линии.

По установившейся на Руси традиции детям давали два имени. Славянским именем при рождении или позднее на-

рекали родители, а христианским — священник при крещении. Князей, как правило, знали по их древним княжеским именам. В то время, когда родился маленький Александр, эта традиция постепенно начинала отмирать, и все чаще русские князья в летописях именовались христианскими именами.

Имя выбирали по «святцам» — православному календарю, где на каждый день года приходилось поминовение тех или иных святых. На день памяти какого святого приходилось рождение мальчика или девочки, такое и давали, а если оно не устраивало родителей, то искали подходящее поблизости. Так, память святого Александра приходится на 9 июня, но, конечно же, это имя в первую очередь напоминало родителям не о святом, а о великом герое древности, подвиги которого хорошо знали на Руси. Такое имя ко многому обязывало.

Род владими́ро-суздальских князей отличался и благочестием, глубокой набожностью, храмостроительством. Отец Александра известен и как креститель корел. О матери его Федосии сведений почти нет. Летописи называют ее, мать 9 детей, «блаженной и чудной».

Первой заметной вехой в жизни княжича Александра были «постриги». Жизнь была сурова. Сильному и самостоятельному князю нужны были не просто наследники, а помощники, и чем скорее и больше — тем лучше. Примерно в три года от роду, согласно обычаю, священник впервые постриг ему волосы, после чего отец посадил его на боевого коня и передал с рук матери на воспитание дядьке — «кормильцу» — надежному боярину из своего ближнего окружения. Мальчика постепенно начали готовить ко взрослой жизни — учить грамоте и военному делу. От игр переходили к упражнениям, а закрепляли навыки участием в опасной зверовой охоте и военных походах.

Самым же ярким впечатлением детства, так отличным от остального мира, была церковь — «земное небо». Вся жизнь древнерусского человека, тем более из княжеской семьи, определялась кругом богослужений, церковным календарем. Вера и Церковь были мерилом жизни, являлись высшими ценностями, они определяли правила поведения всех, и в

первую очередь правителей как предстоящих за своих подданных перед Царем Небесным. Без них немыслима была жизнь русских людей того времени.

Второй составляющей характера будущего правителя было осознание себя как будущего правителя и хозяина своего княжества, осознание чувства долга перед Богом и людьми, которые в свое время будут ему вручены волей Божьей.

Житие святого Александра Невского изображает его способным и даже одаренным учеником, быстро постигавшим книжные знания, полюбившим чтение. Был он физически развит и красив, не по годам серьезен и предпочитал играм и забавам чтение.

Александрю было всего два года, когда он впервые увидел Новгород. В 1222 г. по просьбе новгородцев великий князь Юрий Всеволодович направил туда его отца взамен своего сына Всеволода. Можно сказать, что первые сознательные годы жизни будущего новгородского князя прошли в Городище — загородной резиденции новгородских князей (как считают историки, расположенной на месте древнего города, предшественника Новгорода). Почти сразу же по приезде отец повел новгородцев в поход на рыцарей, а вскоре с юга дошли вести о страшном разгроме на Калке, о том, что дед Мстислав, раненый, пешком и в одиночку, едва прибrel в Галич.

Правление отца состояло из походов на врагов города и ссор с горожанами. Их объединяла только военная необходимость. Если бы Новгороду не грозили со всех сторон неприятели, то такой властный князь, как Ярослав, долго бы здесь не задержался, тем более что он запомнился новгородцам своей жестокостью еще в юности, когда правил здесь по поручению Всеволода Большое Гнездо. Но Ярослав умел одерживать победы, кроме того, в его руках был путь подвоза хлеба, который можно было легко перекрыть, и новгородцы вынуждены были снова приглашать своего врага. Так, за 7 лет Ярослав четырежды уходил обратно в Переяславль и столько же раз возвращался, когда эсты («чудь»), крестоносцы или литовцы, ободренные его отсутствием, снова начинали «пакостить» новгородцам.

В 1228 г. Ярослав, не сумев поднять новгородцев в новый поход на Ригу, в очередной раз ушел из Новгорода, но на этот раз здесь остались его сыновья — 10-летний Федор и 8-летний Александр с советниками боярами. Еще дети, они, несомненно, уже давно «стажировались» в науке управления, много видели вече, заседания и споры отца с местным боярством, были в курсе внутренней и внешней политики Великого Новгорода. Теперь им предстояло принимать решения самим, и хотя от их имени пока правили другие, — в таких условиях взросление происходило стремительно.

К внутренним распрям добавились новые беды как знамения грядущей катастрофы: землетрясение, солнечное затмение, страшная засуха и лютый голод, наконец — смерть брата-соправителя Федора накануне его свадьбы. Шесть лет такой жизни полностью изменили отрока Александра. Приходилось за это время и убегать отсюда во время очередного мятежа, и вновь, в 1231 г., возвращаться вместе с отцом.

Еще раз появившись в Новгороде в 1234 г. и собрав войска, Ярослав Всеволодович вторгся в Эстонию. Нет сомнения, что сын сопровождал его в этом походе. Здесь, под Юрьевом, Александр получил наглядный урок военного искусства. Он стал свидетелем того, как столпившиеся перед русским строем на речном льду рыцари внезапно провалились и пошли ко дну в своих доспехах. Такое помнится всю жизнь.

Позднее Александр учился воевать с другим врагом — литовцами, участвуя в отцовском походе против них в смоленские пределы. Затем, когда Ярослав Всеволодович стал киевским князем, он продолжал замещать его в Новгороде. В это время он уже обращал на себя внимание, выделяясь мужественной красотой и мудростью не по возрасту, а голос его на новгородском вече «звучал, как труба».

С началом монгольского нашествия Ярослав Всеволодович вернулся в Новгород, 17-летний Александр стал его правой рукой, главным помощником в подготовке к обороне края от вторжения с юга. Источники практически ничего не сообщают об их деятельности в это время. Летописцы, по-видимому из осторожности, еще во времена ига убрали все све-

дения, могущие скомпрометировать князей в глазах завоевателей.

Писатели и историки восполняют недостаток фактов различными версиями известных событий. Бесспорно лишь то, что завоеватели повернули вспять в 100 верстах от цели. Удобно объяснять этот факт распутицей, но трудно в это поверить, ведь основные препятствия уже были пройдены, и оставалось 2 неполных конных перехода. Остановило монголов, конечно же, только новгородское войско, стоявшее за непроходимыми засеками поперек узких лесных дорог и на речном льду.

Затем было тягостное, траурное возвращение Ярослава Всеволодовича на пепелище Владимира, начало его княжения там. Александр же стал самостоятельным князем новгородским. Интересами обороны от литовцев следует объяснить брак Александра Ярославича и полоцкой княжны Александры Брячиславны. Свадьбу играли в Торопце — на полдороге между Новгородом и Полоцком. По возвращении домой Александр устроил для новгородцев новый пир, а после принялся сооружать укрепления по берегам р. Шелони, но беда пожаловала с севера.

Летом 1240 г. в Новгород примчался гонец с известием, что в устье Невы вошли шведские корабли, а следом пожаловали надменные послы правителя Биргера, объявившие Александру, что враг уже высадился на русской земле, и предложившие ему выбирать между войной и покорностью. Это не был простой набег, как случалось когда-то в X—XI вв. Тогда главной целью шведов была Ладога. Затем по причинам внутривосточным их нападения надолго прекратились. Более того, в 1181 г. карелы, одни, взяв только в проводники новгородских купцов, неожиданно напали на столицу Швеции Сигтуну и не оставили от нее камня на камне. Главный же трофей — «сигтунские ворота» язычники отправили новгородским союзникам на украшение Софийского собора.

Наставляемые из Рима, шведы строили большие планы. Они давно спорили с Новгородом за право владеть Финляндией и постепенно вытесняли оттуда русских сборщиков

дани. Теперь же, зная, что Новгород лишен суздальской поддержки, они, как минимум, рассчитывали захватить сразу все земли к северу от Невы, попутно обращая в католичество и язычников, и православных карел. Не исключено, что они считали, что Новгород без «низовской» подмоги упадет им в руки как спелый плод. Козырем противника была внезапность. Шведы все рассчитали правильно. Их многочисленное войско уже находилось на русской земле, отрезая от русских их союзников карел и создавая угрозу Ладоге. Через несколько дней, восстановив силы после морского перехода, оно подойдет к стенам, не давая возможности новгородцам собраться с силами. Взяв же древний «Альдегьюборг», можно будет диктовать Новгороду любые условия... или идти дальше.

Опрокинуть расчеты врага мог только адекватный ответ — внезапностью на внезапность. Казалось бы, просто, но в военном искусстве самое простое решение всегда труднее всего осуществить — кроме умения все предусмотреть и правильно сочетать множество факторов, требуется еще и колоссальная сила воли для его проведения в жизнь.

Противник хорошо представлял себе сроки новгородской «мобилизации» и не ждал скорого появления поблизости русского войска. У «свейских» купцов-соглядатаев много раз была возможность наблюдать за сбором новгородского ополчения, но Александр опрокинул расчеты врагов.

Собрав свой немногочисленный «двор» и кликнув легких на подъем «охотников» из числа горожан, Александр уже на следующий день, помолившись в храме Святой Софии и получив благословение у епископа, выступил «налегке» берегом Волхова на Ладогу. Перед тем как сесть на коня, он обратился к своим воинам со словами: «Не в силе Бог, а в правде!»

Судя по описанию кратких сборов и самой битвы, в его отряде почти отсутствовала новгородская аристократия со своими свитами. Не отмечена и местная «гридьба» — мелкие феодалы. Из этого следует, что, вероятнее всего, в задачу Александра входило только задержать любой ценой противника на берегу Невы, упредить его выступление к Ладоге и возглавить ее оборону до подхода главных сил, которые

должны были собираться в Новгороде. Усилившись ладожанами, юный полководец совершил бросок к устью Ижоры, где располагался шведский лагерь.

Подробности битвы хорошо известны. Утром 15 июля русские напали на шведский лагерь с двух направлений — пешая колонна, двигаясь вдоль берега, отрезала врага от кораблей, а высыпавшая из леса конница устремилась непосредственно на становище. Противник, захваченный врасплох, понес в начале сражения большие потери, но, к чести своей, шведы не поддались панике и смогли организовать оборону, хотя вначале общая сумятица в их стане позволила отдельным храбрецам из Александровой дружины пробиться сквозь весь лагерь до самых кораблей. Кульминацией боя стал поединок князя с ярлом Биргером. Князь ранил его копьем в лицо, а другой герой подсек опорный столб — «штаб» (Das Stab) его шатра. Падение «златоверхого» шатра уже было символом поражения. По всей видимости, когда шведы «исполчились» и начали давать организованный отпор нападавшим, битва и закончилась. Атаковать они были не способны, прежде всего из-за морального потрясения, а также из-за потери военачальников; русские же — не считали возможным и нужным ее продолжать по причине своей малочисленности.

Шведы, все еще превосходившие, вероятно, численностью новгородцев, дождались темноты, погрузились на суда и отплыли восвояси. Три корабля нагрузили они телами погибших.

Спустя несколько дней Господин Великий Новгород колокольным звоном встречал своего триумфатора, а через несколько месяцев — указал ему путь... Кого-то, наверное, не устраивала его резко возросшая популярность, но можно предположить, что «отцы города» обвиняли в самоуправстве князя, фактически поставившего их перед фактом «украденной победы». Александр, рассорившись с новгородцами, с женой и матерью отправился в Переяславль, а в это время крестоносцы внезапно захватили Изборск.

Теперь Новгороду пришлось совсем туго. Псковичи отправились на выручку, но были разгромлены. Убили их во-

еводу. Немцы преследовали бегущих до самого города, сожгли посад и опустошили окрестные села. Продержав Псков в осаде неделю, они ушли, не заключив мира. Дальше — хуже. Власть во Пскове захватил немецкий агент — боярин Твердило Иванович, подчинивший его врагу. Вместе с немцами он напал на новгородские земли. Патриотам — его противникам — пришлось бежать из города. Вскоре, той же зимой, немцы вместе с покоренными эстонцами напали на Водскую пятину Новгородской земли. Перейдя Нарову, они разорили земли новгородских данников чуди и води, обложили их данью, а для закрепления победы над краем начали возводить в Копорском погосте крепость. Отсюда они пошли дальше. Двигаясь к Новгороду, они взяли Тесово, на северном направлении вышли к Луге и «от Луги до Сабли» ограбили все села. Беда не приходит одна: с юго-запада напали литовцы.

Пришлось новгородцам обращаться к Ярославу Всеволодовичу, чтобы тот назначил им князя. Он предложил сына Андрея, но новгородцы посчитали его недостаточно опытным. Второе посольство возглавил архиепископ Спиридон. Он сумел добиться разрешения у великого князя направить в Новгород Александра, которого уже называли Невским.

Вновь князь Александр оказался во главе новгородских сил и снова сделал ставку на быстроту и внезапность. Собрав новгородцев и ладожан, карел и ижорян, а также вожан, не желавших покоряться завоевателям, он стремительным броском преодолел расстояние от Новгорода до побережья и взял недостроенную крепость в Копорье, разрушил ее и, наказав перебежчиков, увел с собой пленных немцев. В это время отец в разоренной «суждальской земле» собирал уцелевших воинов ему в помощь.

Дождавшись подхода «низовских» полков, Александр Ярославич двинулся к Пскову. Город был захвачен «изгоном». Отсюда Александр направился к Изборску, с ходу взял его и, перейдя границу, вступил в «немецкую землю», следуя путем своего отца, деда Мстислава Мстиславича Удатного и прадеда Мстислава Ростиславича Храброго.

Двигаясь вдоль западного берега Псковского озера по дороге на Юрьев, он, по обычаю того времени, распустил

часть легких сил «в зажитье» с целью опустошения территории противника и разведки. Один из таких отрядов столкнулся с превосходящими силами немцев и был почти целиком уничтожен. По-видимому, он попал в засаду. Уцелевшие вернулись к главным силам с вестью о том, что на подходе все орденское войско. Узнав об этом, Александр Ярославич свернул направо и, перейдя пролив («узмень») между озерами, занял позицию на льду, рядом с псковским берегом, возле скалистого островка Вороний камень.

Выбор такой позиции, конечно же, был намеренным. Зная орденскую тактику и ожидая удара противника в виде тяжелой плотной колонны, князь надеялся, что лед рано или поздно не выдержит немцев, как это уже случилось несколько лет тому назад. К тому же здесь из-за течения лед должен был быть тоньше.

Утром 5 апреля войско рыцарей объединившихся незадолго перед тем орденов прусской Девы Марии Тевтонской и Меченосцев, построенное заостренной колонной в виде «головой кабана», атаковало строй русских полков. Свои силы Александр Ярославич расположил с учетом шаблонности немецкой тактики. На этот раз предполагалось не отражать тевтонский таран, а позволить ему увязнуть как можно глубже.

Мы не знаем достоверно, насколько Александр Ярославич был знаком с военным искусством Древнего мира, но очевидно, что он подготовил немцам на чудском льду классические ганибаловы Канны. Маневренные силы — конные полки — располагались на флангах. Центр был прикрыт передовым полком — стрелками, которые пропустили «великую свинью», осыпав ее стрелами. Когда же колонна противника, не сумев расцечь русский строй, остановилась, крылья русского построения атаковали ее и постарались охватить.

Завязалась ожесточенная схватка. От треска сотен ломавшихся копий очевидцу показалось, что лед на озере тронулся! Вскоре он покрылся кровью и телами павших и в конце концов начал проваливаться под копытами тяжелых рыцарских коней. Паника охватила в первую очередь прибалтийскую пехоту, что находилась внутри колонны. Стремясь из-

бежать окружения, она побежала, бросив рыцарей, и тем, оставшись без прикрытия, не оставалось ничего другого, как последовать за ней, чтобы не быть отрезанными или не уйти под лед на этом опасном месте. Из текста источников следует, что, скорее всего, именно во время бегства кто-то из неприятелей и «отправился кормить рыбу», по-видимому, попав в полынью. Новгородцы преследовали неприятеля 7 верст до противоположного берега, захватив в плен до 50 человек рыцарей; всех немцев пало в битве около 500 человек. Тела же прибалтов никто и не считал.

Пригнав пленников в Псков, где те еще недавно хозяйничали, Александр Ярославич отслужил благодарственный молебен в Троицком соборе и, согласно летописи, заповедал псковичам вечно помнить эту его услугу, всегда принимать и поддерживать его потомков. Ордену был нанесен новый тяжелый удар, заставивший крестоносцев на время прекратить свои нападения и просить мира. Были возвращены захваченные немцами волости, произведен обмен пленными. Князь же вскоре покинул Новгород и уехал к отцу.

После отъезда Александра Ярославича вновь усилились литовские набеги. Они осуществлялись отрядами от нескольких десятков до нескольких сот человек, внезапно высыпающих из лесов. Иногда литовские князьки объединяли свои отряды в более крупные, способные захватывать города. Это была партизанская война. Подобно половцам, они постоянно тревожили русское население в обширной зоне, прилегавшей к западной границе. Выступив зимой следующего года, князь разгромил их в нескольких местах и заставил «...трепетати и блюстися имени его». Три года мирной передышки прошли относительно спокойно.

В 1245 г. князю пришлось снова оборонять западные рубежи от нападений литовцев. Объединенное войско нескольких литовских князей быстро и скрытно углубилось в северорусские земли до Бежецка и Торжка, где разбило местного князя Ярослава Владимировича и, захватив полон, столь же скрытно отошло. На поиски литвинов поднялись ополчения Твери, Дмитрова, Торжка во главе с воеводами князя Александра Кербетом (литовец?) и Явидом. Соединившись,

они догнали неприятеля у Торопца и разбили, после чего литовцы укрылись за валами брошенного (судя по тексту) укрепления.

Наутро сюда с новгородцами подошел Александр Ярославич. Город был взят штурмом, полон освобожден. В бою погибли 8 литовских князей. Уцелевшие литовцы бежали. Как считали новгородцы, цель похода была достигнута, но князь думал иначе. Он хотел добить беглецов и знал, что не-подалеку бесчинствуют еще шайки грабителей, а одно их поражение не произведет на Литву должного впечатления. В конце концов после споров с посадником и земскими воеводами новгородское ополчение вместе с владычным полком выступило в обратном направлении, а князь с одной дружиной и «охотниками» отправился в глубь смоленских земель.

Под Жижцом князь и его люди настигли литовцев и перебили всех, «не упусти их ни мужа». Затем, уже войдя в полоцкие пределы, оставшись «в мале дружины», Александр Ярославич разбил еще один отряд под Усвятом.

В литературе часто можно встретить мнение, что Александр Невский едва ли не первым поехал в Орду, на поклон к Батыю, но это, скорее всего, не так. В 1242 г. туда, по-видимому, отправился его отец, великий князь Владимирский. Естественно предположить, что старший сын остался замещать его во Владимире, контролируя Новгород. Александр же Ярославич поехал в ханскую ставку только после смерти Ярослава Всеволодовича в 1247 г., причем по вызову самого хана.

Отказ ехать на поклон означал немедленное нашествие и скорую расправу, если и не с Новгородом, то, во всяком случае, со всеми землями, лежащими южнее Торжка.

Готов ли был к войне победитель крестоносцев и язычников? Безусловно, в большей степени, чем кто-либо из тех его современников, что пытались сопротивляться захватчикам. Более того, его отказа, скорее всего, ждали новгородцы, они, безусловно, поддержали бы князя.

Князь сделал выбор, вероятно, самый тяжкий в своей жизни, выбор, не всеми понятый и тогда, и позднее, но в ко-

нечном счете увенчавший его ореолом святости. Он, с детства готовившийся к славной смерти в бою, живший по законам чести, смирился с унижением, перешагнул через свою славу, пал на колени перед ханом ради спасения тысяч и тысяч вверенных ему жизней.

Батый, как и в случае с Ярославом Всеволодовичем, отправил его сына в далекий Каракорум. Вернулся же Александр Ярославич с ярлыком на княжение в Киеве (мудрый ход завоевателей, неизбежно разрушавший возможный антиордынский союз двух самых сильных русских князей — новгородского и галицкого). По возвращении из Орды он тяжело заболел. Владимир же достался брату Андрею, который казался монголам менее опасным и первым откликнулся на повеление ехать в Монголию.

Во время отсутствия князя в Новгороде были получены два послания римского папы Иннокентия IV, предлагавшего союз против Орды. Вопрос обсуждался по возвращении князя.

Реально оценивая расстановку сил, он понимал, что государства Запада, раздираемые конфликтами, не в состоянии оказать Руси действенной помощи, и союз с ними будет самоубийственен. К тому же за излишне дружественные контакты с Западом пришлось бы поплатиться. На это указывал уже имеющийся негативный опыт Галицко-Волынской Руси и ее правителя. В то же время, как свидетельствует отправка посольства в Норвегию, Александр Ярославич стремился по возможности расширять взаимовыгодные контакты с западными странами. Внешняя политика Александра Невского определялась долгосрочными интересами Руси.

Позднее, став великим князем и оказавшись в большей зависимости от Орды, Александр Ярославич решительно отказался от контактов с католиками, и отношения с Западом не замедлили ухудшиться. В 1253 г. немцы напали на Псков и пожгли посады. Тогда сын Александра Василий с новгородцами прогнал крестоносцев, а затем, перейдя границу, разорил их владения по р. Коголе. Весной 1256 г. шведы с немецкой помощью попытались построить крепость в устье Наровы. Александр Ярославич сам возглавил поход на них.

Недостроенная крепость была разрушена, и князь перешел к активным действиям на вражеской территории, совершив беспримерный «ледовый поход» из Копорья в Финляндию, незадолго перед тем завоеванную шведами. Шведские гарнизоны были разгромлены, и на какое-то время центральная часть «земли суми и еми» вернулась в подданство Новгорода.

Со славой князь вернулся в свою столицу. Позднее он создал антиорденскую коалицию с Литвой и упрочил безопасность своих границ. В 1262 г. Александр Ярославич направил большое войско под началом сына Дмитрия в поход против крестоносцев. Этим он одновременно уберегал русских воинов от необходимости, по вызову хана, идти на войну в противоположном направлении под началом монголов. Центр тевтонских владений в Эстонии был взят внезапной одновременной атакой трех штурмовых колонн с разных направлений. В походе участвовали литовцы и полочане князя Товтивила (Полоцк еще сохранял русское самоуправление, но правителя уже вынужден был принять из Литвы).

В 1251 г. в Каракоруме утвердился новый каган — ставленник Батыя Менгу. Ярославичам пришлось снова подтверждать свои права на владения. Андрей, по-видимому, скомпрометировавший себя недостаточным повиновением в предыдущие годы, ехать отказался, стал договариваться о совместных действиях против монголов с тестем Даниилом Романовичем и тем навлек на себя карательный поход Неврюя. В 1252 г. войско Андрея и поддерживавшего его Ярослава Ярославича Тверского было разбито под Переяславлем, и владимирский князь бежал в Швецию.

С крупными силами Александр Невский поспешил на защиту родной земли («был грозен приход его»), но в столкновения с ордынцами его войска не вступали. В результате ярлык на великое княжение Владимирское достался Александру, действовавшему осторожней брата, что дало повод некоторым современникам обвинять его в происках против Андрея. При этом следует помнить, что реальное подчинение Руси власти завоевателей началось еще при Ярославе Всеволодовиче, а вовсе не с Александра Невского. Победители диктовали условия, и ему приходилось лишь вырабаты-

вать тактику своего поведения, стараясь смягчить гнет ига, продолжая политику подчинения Орде, альтернативой которой могло быть только новое, окончательное разорение, при котором сама русская государственность оказалась бы под вопросом.

В таких условиях поддержка проведения ордынскими «численниками» переписи в Северо-Восточной Руси в 1257 г. и затем в 1259 г. в Новгороде представляется единственно разумным шагом. Говорить о его «рабской покорности» монголам также не приходится. Трезвый и прагматичный политик, он, если этого требовало благо всей Руси, мог быть и жестким до жестокости (ведь ордынские доброхоты, да и сами баскаки, следили за каждым его шагом). Идя походом на свой Новгород, принуждая гордый и непокорный город принять ордынских «численников», казня там сторонников восстания, Александр Ярославич спасал страну. Поездка Александра Ярославича в Сарай в 1258 г. после отказа новгородцев от переписи, его длительные переговоры в Орде в 1262 г. свидетельствуют, что князь делал все возможное, чтобы добиться от хана максимальных уступок, смягчить тяжесть предстоящего его народу испытания. И в самом Новгороде князь не только подавлял народное сопротивление, но и сумел избавить город от постоянного присутствия ордынского баскака.

О внутренней политике Александра Ярославича известно менее всего. Можно выделить здесь его стремление получить поддержку церкви. При нем безусловно усилилась центральная власть. Хотя случаи неповиновения младших братьев и имели место, но он успешно с ними боролся. Очагом сопротивления великокняжеской политики стал Новгород, на который Александр Ярославич пытался частично переложить тяжесть ордынской дани. Здесь с 1255 по 1259 г. имели место значительные конфликты и выступления против его власти.

Добивался покорности новгородцев князь Александр традиционными методами, используя разногласия в их среде, опираясь на партию своих сторонников и угрожая применением силы. Укрепление великокняжеской власти над

Новгородской землей безусловно стало одним из условий создания в будущем единого Русского централизованного государства.

В 1262 г. монголы изменили порядок сбора дани, отдав ее на откуп «бесерменам»-мусульманам. Теперь злоупотребления стали нормой, а должников все чаще продавали в рабство. К насилиям и поборам добавилось еще и религиозное угнетение. Это еще более усилило общее возмущение против завоевателей и грозило уже повсеместным восстанием. Первыми поднялись горожане Ростова, Ярославля, Суздаля и Владимира, выгнав данщиков и убив некоторых из них. Получив известие об этом, правивший Золотой Ордой после Батые и его сына Сартака хан Берке немедленно стал готовить войско для нового погрома Руси, одновременно потребовав направить войска русских княжеств для войны в Персии. Отправив, как было сказано, брата и сына в поход на Ливонию, избавляя Русь от участия в войне Орды с иранскими хулагидами, — сам великий князь выехал в ставку Берке «отмаливать людей от беды».

Из всех поездок эта была самой трудной. Задача состояла не только в том, чтобы добиться помилования, но и в сохранении полученных ранее льгот и даже в предоставлении отсрочки с посылкой войск в Персию. Осложняло миссию Александра Ярославича и то, что Берке смотрел на него как на ставленника Батые, обязанного своим положением его предшественнику, а не ему.

Целый год провел великий князь в Орде, уговорами и подарками стараясь задобрить хана и его приближенных, добиваясь спасительной для страны перемены в их отношении к «своему улусу», пока наконец не добился и прощения, и временного избавления от «налога кровью». Этот год окончательно подорвал его здоровье. Если в прошлый раз болезнь настигла князя дома, по возвращении, то теперь он занемог накануне отъезда на Русь, осенью 1263 г.

Миновав Нижний Новгород, Александр Ярославич вынужден был остановиться в Городце. Двигаться далее сил уже не было. Чувствуя, что приходит его последний час, князь, по примеру деда Мстислава, попросил постричь его в схиму,

что и было исполнено. Простившись со своими спутниками, Александр Невский умер 14 ноября. Спустя 9 дней тело его было погребено во владимирском храме Рождества Пресвятой Богородицы.

Иногда проводят параллели, сравнивая внутреннюю политику Александра Невского и московских князей, также усиливавших великокняжескую власть, оставаясь под ордынским игом. Но если последние действовали на основе собственной базы, используя усиление экономической мощи Москвы и иные факторы (в том числе морально небезупречные) при длительном отсутствии (в глазах современников) формальных прав на старшинство, то Александр Ярославич находился в прямо противоположных условиях. Московские князья правили Русью, используя «авторитет силы», он же главным образом использовал силу авторитета (в том числе и в немалой степени — ханского ярлыка), а править ему пришлось в дважды разоренной, разграбленной и обезлюдевшей стране. В этот, самый тяжелый, период истребление дружин удельных князей и обнищание городских общин давали дополнительные возможности для укрепления великокняжеской власти. К тому же в державу великого князя Владимирского в этот период вошел и Киев, о чем позднее могли только мечтать московские князья.

Александр Ярославич несомненно относится к самым талантливым полководцам России. Его военные успехи были подкреплены внешнеполитическими достижениями. Однако безусловно и то, что заслуги в гражданской «дипломатической» и внутривластной деятельности князя должны быть поставлены на первое место. Величие Александра Невского заключается главным образом в совершенном им судьбоносном выборе между Западом и Востоком, выборе, позволившем нашей Родине сохранить самобытность. Этот выбор, совершенный на страшном переломе отечественной истории и определивший дальнейший ее ход, сопровождавшийся еще и личным трагическим, жертвенным выбором, ставит святого благоверного князя Александра Невского рядом с исполинской фигурой равноапостольного князя Владимира-Крестителя.

ДОВМОНТ

Псковский князь-воитель Довмонт родился и часть жизни провел в Литве. Как же он, литовец по происхождению, связал свою судьбу со старинным Псковом?

По свидетельству Ипатьевской летописи, Довмонт или Домант (видимо, искаженное литовское имя Даумантас) правил в «Нальщанской» (Нальшенайской) земле, располагавшейся на юго-востоке современной Литвы и граничившей с древнерусскими Полоцко-Минским княжеством и Турово-Пинской землей. Он находился в родственных отношениях с великим князем литовским Миндовгом, чья супруга была родной сестрой его жены.

Властолюбивый правитель Миндовг нанес своему вассалу Довмонту кровную обиду. Как повествуется в Ипатьевской летописи, содержащей Галицко-Волынскую летопись, в 1262 г., когда скончалась жена Миндовга, тот пригласил к себе ее сестру, супругу Довмонта, и вынудил ее разделить с ним супружеское ложе, ссылаясь на пожелание, якобы высказанное умершей. Вассал не мог простить своему сюзерену такого унижения и надругательства. Обиженному нальщанскому князю пришлось, затаив обиду, ждать удобного случая для мести. И он вскоре наступил. В 1263 г. Миндовг послал в поход за Днепр против брянского князя Романа Михайловича большое войско, в том числе и дружину Довмонта, не догадываясь о сговоре последнего с его племянником Тренятой, княжившим в Жмудской земле на западе Литвы. Под предлогом неблагоприятного гадания, распространенного у литовцев-язычников, Довмонт, не достигнув брянских земель, спешно вернулся в Литву, где у великого князя осталось не так уж много сил. Воспользовавшись этим, заговорщики убили Миндовга и двух его сыновей. Сообщник Довмонта Тренята, ставший в результате переворота правителем и Жемайтии, и Аукштайтии, в ходе развернувшейся междоусобной борьбы вскоре погиб, после чего третий сын Миндовга Войшелк, опираясь на военную помощь волынского князя, а также поддержку Пинска и Новогрудка, в 1264 г. захватил власть в Литве. И он, перешедший ранее из

язычества в православие, стал жестоко мстить всем виновным в гибели отца и братьев.

Чтобы избежать расправы, Довмунту с дружиной и родней пришлось в 1265 г. покинуть Нальшенайскую землю и отправиться на Русь. Внимание изгнанника привлек богатый русский город на границе с Ливонией Псков, «пригород» Великого Новгорода, находившийся в политической зависимости от него. Боярская верхушка Пскова во второй половине XIII в., тяготясь зависимым положением, уже предпринимала первые шаги по пути обособления города.

Предварительно сговорившись с псковским боярством и согласившись перейти из языческой в христианскую веру, в 1266 г. «князь Домант с дружиною своею и со всем родом своим оставил отечество свое и землю Литовскую, и пришел во град Псков, и крестился со всеми боярами в церкви пресвятыя Троица, и наречено имя ему во святом крещении Тимофей». Пскову в то время угрожали ливонские и тевтонские рыцари и Литва, поэтому, нуждаясь в сильном правителе, не получив даже согласия Новгорода Великого, псковичи избрали Довмонта-Тимофея на вече своим князем. И он, храбрый воин и талантливый полководец, оправдал их ожидания.

Недовольный таким исходом дела, великий князь владимирский Ярослав Ярославич, собираясь идти войной на Псков, пришел с дружиной в Новгород. Но не получив должной поддержки новгородцев, вынужден был отказаться от похода на Псков и вернуться назад, оставив в Новгороде княжить своего племянника Дмитрия Александровича, на дочере которого позднее Довмонт женился.

Все 33-летнее княжение Довмонта в Пскове прошло в битвах и походах. Уже в 1266 г. его дружина совершила внезапное нападение на полоцкие владения литовского князя Герденя (Ердена), который отправился в погоню за мстительным Довмонтом, пленившим его жену и детей. Переправившись на правый берег Западной Двины, последний отправил пленных в сопровождении большинства дружинников в Псков, а сам с оставшейся частью дружины сумел разгромить превосходящее по численности войско Герденя, вскоре подошедшего к реке. Причем победа была достигну-

та с минимальными потерями: если верить более поздней «Повести о Довмонте» (XIV в.), в том сражении погиб всего один псковитянин.

Впоследствии еще не раз, видимо, псковский князь вмешивался в борьбу за владения Литвы, помня о своей родине и наследственных правах на часть ее земель. Во всяком случае, при описании вторжения во владения тверского епископа в 1285 г. составитель Лаврентьевской летописи именует Довмонта литовским князем. Примечательно, что в псковском и новгородском летописании, а также в «Повести о Довмонте» отсутствует информация о жизни его в Пскове между 1282 и 1299 гг.

Одной из самых ярких страниц в полководческой деятельности Довмонта стал поход в 1268 г. огромного новгородско-псковского войска в Эстонию. Если верить немецким прибалтийским хроникам, союзная русская рать насчитывала свыше 30 000 воинов — дружинников и членов городских ополчений. 23 января они пересекли границу Ливонии. Решающее сражение произошло 18 февраля недалеко от города Раковора (Раквере) на р. Кеголе в Эстонии. Построенное «великой свиньей» ливонское войско, как обычно, состояло из тяжеловооруженной рыцарской конницы и легковооруженных пехотинцев-кнехтов, в основном набранных из числа покоренных немцами народов Прибалтики. Русские же применили традиционное построение своих сил, разделенных на три части. Переяславские и псковские отряды во главе с Дмитрием Александровичем и Довмонтом, стоявшие на правом фланге, своей стойкостью оказали существенную поддержку большому новгородскому полку, против которого был направлен сильнейший удар «железного клина» рыцарей. Четыре часа с переменным успехом длилась кровопролитная битва; лишь к концу дня ливонцы, не выдержав остроты схватки, дрогнули и прекратили атаки. Русские ратники, перейдя в контрнаступление, гнали отступавшее немецкое войско на протяжении 7 верст до Раковора. Обе стороны понесли значительные потери. Лишь князь Довмонт во главе псковской дружины, чей героизм в ходе сражения отмечали не только на Руси, но и враги (в частно-

сти, в Немецкой Рифмованной хронике XIII в.), смог продолжить военные действия, продвинувшись с боями по территории Эстонии до побережья Балтийского моря. Через 3 года Довмонт сумел разгромить вторгшихся ливонских рыцарей на р. Мироповне, недалеко от Пскова, отправившись в поход на пяти речных судах-насадах с небольшим отрядом, значительно уступавшим по численности вражескому войску.

В начале лета 1272 г. магистр Ливонского ордена сам возглавил поход на Псков крупного войска, двинувшегося на кораблях, лодках и в конном строю. Немцы везли с собой стенобитные машины для штурма крепостных стен. В ответ на нападение Довмонт решил, не дожидаясь подхода на подмогу отрядов из Новгорода, перейти в наступление, увенчавшееся полным успехом. 8 июня немцы были разбиты и с позором бежали. Тогда же псковский князь вновь воевал с ними в Эстонии.

В январе 1281 г. Довмонту пришлось оказывать военную помощь своему будущему тестю — переяславскому князю Дмитрию Александровичу, изгнанному новгородцами. Псковский князь захватил Ладогу, а затем вывез из Копорья казну и людей Дмитрия Переяславского, с которым соперничал в то время в борьбе за власть родной брат Андрей Городецкий.

В августе 1285 г. Довмонт, попытавшись захватить владения тверского епископа, вторгся с небольшой, видимо, дружиной в принадлежавшую ему Олешненскую волость, находившуюся на пограничье, в бассейне р. Вазузы, правого притока Волги. Но накануне Спасового дня (6 августа) тверичи вместе со своими союзниками (москвичами, новоторжцами и другими) сумели разгромить неприятеля в лесу под Олешней и освободить захваченных им ранее пленных. Один из летописцев даже привел неверную информацию о гибели там псковского князя, а затем упомянул в другом месте о его смерти в 1299 г. Уцелевший в 1285 г. Довмонт в течение последующих 14 лет не принимал такого активного участия, как прежде, в военно-политических событиях, разворачивавшихся на северо-западе русских земель. Возмож-

но, он гораздо больше внимания в те годы уделял Литве и Полоцку, а не Пскову.

4 марта 1299 г. ливонские рыцари внезапно захватили и разграбили псковский посад, а затем осадили и детинец — Кром. Князь Довмонт не стал отсиживаться за крепостными стенами, а вместе с Иваном Дорогомиловым совершил удачную вылазку, направив удар по главной ставке немцев. Те, не выдержав отчаянного натиска, отступили и были прижаты псковитянами к берегу р. Великой. Лишь немногим удалось спастись бегством. Старый по тем временам князь-воитель торжествовал победу, последнюю в своей жизни, ибо прожить после нее Довмону довелось лишь несколько месяцев.

При нем город смог не только сохранить независимость от Ливонии и Литвы, но и укрепить свою самостоятельность по отношению к Новгороду Великому. Второй или третьей его женой стала Мария, дочь переяславского и новгородского князя Дмитрия Александровича, в ряде источников она ошибочно названа дочерью Александра Невского, хотя в действительности приходилась ему внучкой. Их сын Давид занял после смерти отца псковский стол. Довмонт прославился не только своими победами над врагами Псковской земли. Немало внимания он уделял и каменному строительству в Пскове, укреплению его фортификаций. В процессе многолетних археологических раскопок на территории города обнаружены остатки сооруженных им церквей Тимофея Газского, Георгия, Федора Стратилата, а также княжеских палат Тимофея-Довмонта. Известны и свинцовые печати князя, привешивавшиеся к грамотам и посланиям. На одной стороне его печати изображен Св. Тимофей — небесный покровитель Довмонта, на другой — шестиконечный крест на подножии.

Скончался Довмонт 20 мая 1299 г. уже в довольно пожилом возрасте от какой-то инфекционной болезни — свирепствовавшего в Пскове мора. Вскоре умерла и его супруга Мария. Над гробницей князя в Троицком соборе, позднее перестроенном, псковичи повесили его меч как зримое свидетельство воинской доблести Довмонта. Позже он был

утрачен и заменен другим мечом, причем такого типа, который стал употребляться не при жизни Довмонта, а лишь с XIV в. День церковной памяти Довмонта-Тимофея — 25 мая. Описанию его деяний посвящена «Повесть о Довмонте», сохранившаяся в многочисленных списках в составе псковских и других русских летописей XIV—XVII вв. Схематичное погрудное изображение святого князя Довмонта — патрона города — стали помещать на лицевой стороне псковских серебряных монет (денег-псковок), чеканившихся с 1424—1425 гг.

ХРОНИКА ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РУСИ XII—XIII вв.

1103 г. — Успешный поход великого киевского князя Святополка Изяславича, Владимира Мономаха и других южнорусских князей в Половецкую землю. Сокрушительный разгром половцев в битве на Сутени (к югу от Запорожья) и возвращение русских дружин с богатой добычей домой.

1107 г. — Набег половецкого хана Боняка на Переяславль Южнорусский и ответный поход русских князей, нанесших поражение половцам за р. Сулой.

1111 г. — Объединенный поход великого киевского князя Святополка Изяславича, князей Владимира Мономаха и Давыда Игоревича против половцев на Дон, где русскими дружинами были захвачены и разграблены половецкие городки Сугров и Шарукань. Нападение новгородцев во главе с князем Мстиславом Владимировичем на Адзеле (Очеле), землю латгалов, с которых Новгород стал взимать дань.

1113 г. — Поход князя Ярослава Святополчича на ятвягов.

1114 г. — Военная экспедиция новгородцев во главе с князем Мстиславом Владимировичем в землю эстов («на Чюдь») и захват их укрепленного центра — Медвежьей Головы. Возведение под руководством ладожского посадника Павла новой каменной крепости в Ладоге.

1116 г. — Разгром великим киевским князем Владимиром Мономахом минского князя Глеба Всеславича, ранее вторгшегося в землю дреговичей и сжегшего Слуцк (Слуцк). Тогда же Владимир Мономах с целью оказания военной

поддержки зятю Льву (Леону) Диогеновичу (Лжи-Диогену) направил на Нижний Дунай отряды во главе со своим сыном Вячеславом, воеводами Иваном Воитишичем и Фомой Ратиборичем.

1120 г. — Поход Юрия Долгорукого на Волжскую Булгарию.

1123 г. — Новгородское войско под командованием князя Всеволода Мстиславича совершило набег на финно-угорское племенное объединение емь, располагавшееся в центральных областях Финляндии и впоследствии покоренное шведами.

1132 г. — Участие русского войска в войне польского короля Болеслава III Кривоустого против Венгрии.

1134—1135 гг. — Разгром ростовскими и суздальскими полками новгородского войска у Ждан-горы.

1139 г. — Князь Ярополк Владимирович во главе много-тысячного отряда берендеев отправился в поход против Ольговичей.

1144 г. — Летом и осенью великий князь киевский Всеволод Ольгович вместе с другими южнорусскими князьями совершил большой поход «на многоглаголивого Володимирка» Галицкого.

1145 г. — Успешная осада Владимирком Галицким Галича, в котором пытался закрепиться Иван Ростиславич Берладник, бежавший после поражения на Нижний Дунай.

1148 г. — Ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий, по свидетельству Новгородской первой летописи, направил отряд Ивана Ростиславича Берладника совершить нападение на новгородских сборщиков дани, которые отправились за ценной пушниной на Северную Двину. Для защиты от стрел новгородцев во время этого похода воины Берладника соорудили из лодок легкое подвижное укрепление. К киевскому князю Изяславу Мстиславичу пришло на помощь союзное венгерское войско.

1149 г. — Захват Юрием Долгоруким Киева после разгрома войска Изяслава Мстиславича у Переяславля Южнорусского.

1151 г. — Военные действия Юрия Долгорукого, Святослава Ольговича вместе с союзными половцами против

великого киевского князя Изяслава Мстиславича. В древнерусской летописи впервые помещен рассказ об использовании в ходе речного сражения на Днепре специальных военных «лодий» (насадов) с закрытой палубой для гребцов и площадкой-помостом для воинов-лучников.

1152 г. — Нападение волжских булгар на Суздальскую землю и осада ими Ярославля. Строительство Юрием Долгоруким крепостей в Переяславле-Залесском, Юрьеве-Польском.

1163 г. — Набег поляков на окрестности Червена.

1167—1168 гг. — Снаряжение князьями Мстиславом Изяславичем и Ростиславом Мстиславичем вместе с союзниками крупных военных экспедиций для охраны «Греческого» (Днепровского) пути. Княжеские дружины обычно поджидали возвращавшиеся караваны древнерусских купцов — «гречников» (торговавших с Византией) и «залозников» (ездивших на Кавказ), на которых нередко нападали половцы, в районе днепровских порогов или у Канева, откуда сопровождали их до Киева.

1170 г. — Упреждающий удар южнорусских князей по степным половецким кочевьям с целью не допустить разграбления половцами русских купеческих караванов, передвигавшихся по Греческому и Залозному путям.

1170 (1169) г. — Битва новгородцев с суздальцами, изображенная на известной новгородской иконе.

1176 г. — Разорение окрестностей Пскова чудью-эстами («всей Чюдской землей»). Рязанско-половецкое войско сожгло Москву и разорило суздальское Ополье.

1177 г. — Разорение половцами Поросья (сожжено шесть городков торков и берендеев) и разгром киевского войска. Поход рязанского князя Глеба вместе с союзными половцами на Владимир-на-Клязьме и его поражение от владимиро-суздальской рати на р. Колокше. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, одержав победу у Липиц над Мстиславом Ростиславичем, прочно вокняжился во Владимире-на-Клязьме.

1178 г. — Роман Глебович Рязанский нанес поражение половцам на р. Вороне.

1179 г. — Поход новгородцев во главе с князем Мстиславом Ростиславичем на латгальскую землю Адзеле (Очеле) и

ее разорение. Половецкая орда хана Кончака ограбила окрестности Переяславля Южнорусского.

1180 г. — Разгром чернигово-половецкого войска у Чертория.

1184 г. — Выступление в степь объединенного русского войска под началом Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича. Битва на р. Орели и пленение Кобяка. Разгром группировки «лукоморских» половцев. Речной поход Всеволода Большое Гнездо на волжских булгар.

1185 г. — В марте авангард киевского войска во главе с Владимиром Переяславским захватил врасплох половецкую орду Кончака на р. Хорол.

В апреле состоялся рейд берендеев под командованием Романа Нездиловича.

Северские князья во главе с новгород-северским князем Игорем Святославичем в мае отправились в поход против половцев и потерпели от них поражение (это событие отражено в «Слове о полку Игореве»). В июне половцы осадили Путивль и Переяславль Южнорусский, захватили Римов и разорили Северщину. Князь Олег Святославич разбил половецкое войско хана Кзы.

1186 г. — Безуспешный поход на половцев князей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича по Днепру.

1187 г. — Половецкое нападение на рязанские села. Неудачный зимний поход Святослава Всеволодовича, Рюрика Ростиславича и Ярослава Всеволодовича Черниговского против половцев. Набег новгородского войска в Швецию и разграбление им Сигтуны, откуда были вывезены бронзовые ворота, установленные в Софийском соборе.

1188 г. — Удачный рейд воеводы Романа Нездиловича на «лукоморских» половцев. Поход Всеволода Большое Гнездо на донских половцев.

1190 г. — Набег Ростислава Рюриковича на половецкие кочевья у Днепровских порогов.

1190—1192 гг. — Война половецких орд Кунтувдея и Тоглия со Святославом Всеволодовичем.

1191 г. — Разгром половцев на р. Роси в результате повторного набега Ростислава Рюриковича. Выступление Иго-

ря Святославича против донецких половцев. Зимний поход северских князей к Осколу, закончившийся их бегством.

1191—1192 гг. — Масштабное наступление новгородцев и псковичей на эстов («на Чюдь») и латгалов («на Очеле»).

1195—1196 гг. — Участие половцев в усобице на стороне Рюрика Ростиславича против Романа Мстиславича Волынского.

1202 г. — Разорение Галичского княжества Рюриком Ростиславичем при помощи союзных половцев. Успешный зимний поход Романа Мстиславича против половцев, захват им Киева.

1203 г. — Взятие и разорение Киева чернигово-половецким войском по приказу Рюрика Ростиславича. Отряд из вассального русского княжества Ерсике (на территории совр. Латвии) вместе с литовцами совершил набег на Ригу.

1205 г. — Зимний поход Романа Мстиславича в Половецкую степь и освобождение множества пленных. Гибель Романа Мстиславича во время похода в Польшу.

1206 г. — Успешный рейд Романа Рязанского против донских половцев. Чернигово-смоленско-киевский поход на Галич.

1210 г. — Половцы захватили русский полон под Переяславом Южнорусским. Союзная венгерская рать отвоевала для юного Даниила Романовича часть отцовских владений — Перемышль и Звенигород Галицкий.

1212 г. — Совместный поход новгородского князя Мстислава Мстиславича Удатного (Удалого) и псковского князя Всеволода Борисовича в землю эстов, направленный против вторгшихся туда немецких рыцарей-крестоносцев.

1215 г. — Набег половцев на Южную Русь. Битва на р. Хорол. Пленение Владимира Всеволодовича Переяславского.

1216 г. — Поход русских за данью в латгальскую землю Толову (Талаву), сожжение ими замка Беверин и пленение русских рыцарями-меченосцами из Вендена (свидетельство «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского). Липицкая битва между суздальскими полками во главе с Юрием и Ярославом Всеволодовичами, с одной стороны, и новгородским войском под командованием Мстислава Удатного и с учас-

тием еще одного сына Всеволода Большое Гнездо — Константина, с другой.

1218 г. — Нападение половцев на Рязань. Их отражение с помощью владими́ро-суздальского войска.

1219 г. — Захват волжскими булгарами Устюга.

1220 г. — Поход против волжских булгар четырех владими́ро-суздальских полков под командованием воеводы Еремея Глебовича.

1221 г. — Русское войско под руководством великого князя владими́рского Юрия Всеволодовича отправилось в поход из Новгорода на Венден.

1222 г. — Поход новгородского князя Святослава Всеволодовича в Ливонию.

1223 г. — 31 мая состоялась битва на р. Калке, в ходе которой русско-половецкое войско потерпело сокрушительное поражение от монгольских туменов Джебе и Субедэя, совершивших также разведывательные походы в Крым и в Волжскую Булгарию. Преследование новгородским князем Ярославом Всеволодовичем литовцев, вторгшихся в район Торопца.

1228 г. — Разорение половецкой ордой хана Котяна Галицкой земли во время междоусобной войны. Нападение отряда мордовского князя Пургаса на Нижний Новгород.

1229 г. — Даниил Романович и его брат Василько в качестве союзников Конрада Мазовецкого отправились в поход в Польшу против князя Владислава Ласкононого и дошли с боями до Силезии, где под Калишем заключили мирное соглашение.

1232 г. — Князь Юрий Всеволодович организовал большой поход владими́рских, суздальских, рязанских и муромских полков на мордву.

1234 г. — Использование войском Даниила Романовича катапульта во время осады Чернигова.

1235 г. — Военные действия черниговских князей в союзе с половцами против киевского князя Владимира Рюриковича.

1236 г. — Разгром монгольским войском хана Батые́ Волжской Булгарии. Участие псковского отряда в битве с литовцами при Шауляй на стороне немецких рыцарей-крестоносцев.

1237 г. — Осенью хан Батый вторгся в Рязанское княжество и покорил его. Разорение монголами Рязани, жители которой ожесточенно сопротивлялись.

1238 г. — Зимний поход Батыея во Владимиро-Суздальское княжество. Захват монголами Владимира, Дмитрова, Коломны, Москвы, Ростова и других городов. Поражение и гибель великого князя владимирского Юрия Всеволодовича в битве на р. Сити, к западу от Ярославля. Вторжение монголов в окраинные районы Новгородской земли, разграбление ими Торжка. Упорное сопротивление монгольским завоевателям населения небольшого городка Козельска, входившего в состав Черниговского княжества. Ростислав Михайлович отправился из Галича в поход на Литву.

1239 г. — Покорение монгольскими завоевателями Переяславского и Черниговского княжеств.

1240 г. — 15 июля дружина новгородского князя Александра Ярославича разгромила у р. Невы вторгшееся шведское войско под командованием королевского ярла (неясно, правда, был ли это тогдашний ярл Ульф Фаси или Биргер, ставший ярлом в 1248 г.). Захват и разорение монголами в декабре Киева.

1241 г. — Поход войска хана Батыея через земли Галицко-Волынской Руси в Польшу и Венгрию. Вторжение ливонских рыцарей-крестоносцев в Новгородскую землю.

1242 г. — 5 апреля состоялось Ледовое побоище на льду Чудского озера, где новгородская рать под командованием Александра Невского одержала блистательную победу над войском Ливонского ордена.

1245 г. — Битва под Ярославом, в ходе которой Даниил Галицкий разгромил Ростислава Михайловича, пришедшего на Русь вместе с венгерским войском воеводы Фили. Поход Даниила Галицкого на Люблин. Прорыв литовских отрядов к Торжку и Бежецкому Верху.

1248 г. — Гибель великого князя Владимирского Михаила Ярославича Хоробрита в бою с литовцами на р. Протве. Преследование Васильком Романовичем ятвягов, вторгшихся в Галицко-Волынскую Русь.

1249 г. — Сражение Даниила Романовича с поляками и венграми под стенами г. Ярославля (Ярослава) на р. Сане.

1252 г. — Разорение ордынским войском Неврюя Переяславля-Залесского и бегство великого князя владимирского Андрея Ярославича в Швецию. Отражение Даниилом Галиц-

ким нападения ордынского царевича Куремсы на Южную Русь.

1253 г. — Даниил Галицкий ходил воевать в Силезию и Моравию.

1254—1257 гг. — Борьба Даниила Галицкого с Куремсой.

1256 г. — Неудавшаяся попытка шведов в союзе с датчанами закрепиться на восточном берегу р. Наровы. Зимний поход полков Александра Невского по льду Финского залива в землю еми (центральные районы Финляндии).

1257, 1259 гг. — Жестокое подавление Александром Невским восстаний новгородцев, выступавших против проведения ордынскими «численниками» переписи с целью взимания дани.

1262 г. — Захват новгородцами г. Юрьева (совр. Тарту) в Ливонии.

1263 г. — Литовский князь Миндовг послал большое войско в поход за Днепр против брянского князя Романа Михайловича.

1266 г. — Поход псковского войска во главе с князем Довмонтом на Западную Двину и разгром литовского князя Герденя (Ердень), владевшего Полоцком.

1268 г. — Новгородско-псковская рать, вторгшись в Ливонию, 18 февраля разгромила ливонское войско недалеко от города Раковора (Раквере) на р. Кеголе в Эстонии.

1271 г. — Псковский князь Довмонт нанес поражение ливонским рыцарям на р. Мироповне.

1272 г. — Неудачная осада Пскова войском во главе с магистром Ливонского ордена.

1277 г. — Участие русских князей в походе золотоордынского хана Менгу-Тимура на Кавказ, в земли аланов («ясов»), и опустошение русскими полками аланского г. Дедакова. Вторжение великого князя владимирского Дмитрия Александровича с отрядами из Новгорода и Владимиро-Суздальской Руси в Карелию.

1279 г. — Строительство по указанию великого князя владимирского Дмитрия Александровича деревянной крепости в Копорье, разрушенной в 1281 г. новгородцами.

1280 г. — Поход Дмитрия Александровича Переяславского в Новгородскую землю.

1281 г. — Получив ярлык на великое княжение, Андрей Александрович привел на Русь для борьбы с братом Дмитрием Александровичем ордынское войско Алчедая и Кавладыя, которое разграбило Владимир, Муром, Переславль Залесский, Ростов, Суздаль, Тверь, Юрьев-Запольский.

1285 г. — Поход князя Романа Брянского к Смоленску. Вторжение литовцев в Тверское княжество.

1293 г. — Разорение 14 городов Северо-Восточной Руси (Владимира, Суздаля, Коломны, Москвы, Можайска, Мурома и др.) ордынским войском Тудана (брата хана), действовавшим в союзе с некоторыми из русских князей — Федором Ростиславичем Ярославским, Дмитрием и Константином Ростовскими (Дюденева рать).

1299 г. — 4 марта ливонские рыцари внезапно захватили и разграбили псковский посад, а затем осадили и детинец — Кром, но были отбиты псковичами во главе с князем Довмонтом и Иваном Дорогомиловым.

ПОЛОВЦЫ

О происхождении русского названия этого народа споры велись давно, и к концу XX в. в литературе победила абсолютно ни на чем не основанная точка зрения, что эти кочевники будто бы были с волосами цвета половец, т.е. соломы (хотя светловолосых тюрок не бывает). Однако недавно один из крупнейших современных специалистов по Древней Руси, П.П. Толочко, поддержал мнение Е.Ч. Скржинской, обратившей внимание на зафиксированное в летописях понятие «онополовец», т.е. житель «оной» или «той» — противоположной от Киева, стороны Днепра (и половины степи, разделенной Днепром «на полы»). Правый же берег Днепра киевские летописцы называли «сей», т.е. «этот», а самую западную сторону — «русской».

В самом деле жителям Киевской Руси приходилось сталкиваться главным образом с теми из кипчаков, что жили на днепровском левобережье и для своих нападений на русские земли или переправлялись на правый берег, или, что бывало чаще, терзали своими набегами княжества, расположенные

к востоку от Днепра. К несчастью Руси, именно «межи Волгою и Днепромъ» и располагалась практически «...вся Половецкая земля». «Со временем половцы освоили также степное Правобережье, — пишет П.П. Толочко, — но это уже не изменило их восприятия русскими людьми — как народа, живущего на противоположной стороне Днепра» — онополовцев, или, для краткости, просто половцев. Жители Западной Европы и Византии называли кипчаков куманами, но они взаимодействовали с самыми западными племенами, населявшими степи между Дунаем и Днепром. По мнению ряда исследователей, это был (или становился таковым со временем. — Ю.С.) иной, близко родственный половцам этнос.

К берегам Днепра кипчаки прикочевали из Прииртышья, где входили в кимакский каганат. Освободившись в конце X столетия от власти кимаков, они устремились на запад и через полвека, не встречая за Волгой серьезного сопротивления со стороны разбитых Русью печенегов, появились в непосредственной близости от русских границ, тесня к ним торков. Прихлынувшая к русским берегам людская волна затопила славянские островки в Диком Поле, отрезала от нее, обреченную отныне Тмутаракань, подчинила себе множество обитавших здесь племен — потомков тех, кто ранее пришел сюда с востока и юга: алан, готов, хазар, касогов, — что населяли древние города, стоявшие на берегах Волги, Дона и Донца, а также Крыма.

Едва только торки перестали представлять из себя в степи серьезную силу, как половцы из союзников русских превратились во врагов. Если печенеги были способны десятилетиями относительно мирно уживаться с Русью, торгуя и союзничая, то у «шары-кипчаков» (то есть «желтых», как они себя называли), покоровших к середине XI столетия все степное пространство от Яика до Дуная, включая север Крыма и Северный Кавказ, повадка была другая. Многочисленные, как гунны (по подсчетам С.А. Плетневой — 12—15 орд, примерно по 40—60 тыс. человек каждая), уверенные в своей непобедимости, они сразу же с размаху ударили копьем в русские ворота. Воевать же они умели мастерски.

Излюбленными приемами ведения боя у них, как и у любых степняков, были окружение и засада. После столкновения с сильным противником обычно следовало притворное отступление с целью заманить в засаду и разгромить неожиданным ударом в подходящем месте, предварительно окружив. Так, в битве на р. Вагре в Карпатах хан Боняк, действуя в качестве союзника русского князя, разделив свой отряд надвое, сумел одной частью заманить огромное венгерское войско в узкую долину и, вызвав ударом в тыл панику в его рядах, «сбил в мяч», «как сокол галок», заставив венгров спихивать друг друга с обрыва в пропасть, после чего еще два дня преследовал, убив при этом двух епископов и множество «бояр».

Любопытный эпизод предшествовавшего этой битве гадания по волчьему вою, описанный в «Повести временных лет», показывает, что половцы были анимистами, почитавшими волка как священное животное — предка-родоначальника (культ предков вообще был основой их религии). Хан Боняк, чтобы узнать исход предстоящей битвы, в полночь отъехал от стана и завыл по-волчьи. Ему «отвыся» один волк, но хан продолжал выть до тех пор, пока ему не ответил целый хор диких голосов. Тогда он, удовлетворенный, вернулся к костру своего русского союзника и пообещал, что завтра они победят. Так и случилось.

По данным Т. К. Алланиязова (Военное дело кочевников Казахстана. Алматы, 1998. С. 66.), основной тактической единицей был кошун (сравн. «кош» русских летописей — Ю. С.) — ополчение одного рода. Такой отряд насчитывал от нескольких десятков до 3—4 сотен воинов и имел свое знамя (в древности, по-видимому, бунчук). Ссылаясь на Марко Поло, автор считает, что бой обычно начинался стрельбой из луков, для чего всадники (авангарда. — Ю. С.) рассыпались лавой (боевой линией, цепочкой без какого-либо равенства. — Ю. С.) или использовали традиционный прием — скачку по кругу — вокруг войска противника, с непрерывным обстрелом его. Этот же прием описывает и М. В. Горелик (Степной бой. Из истории военного дела татаро-монголов// Военное дело Древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 156.).

«В момент решающей атаки тяжеловооруженные воины... строились в плотную колонну». Таким образом, «лава и колонна были основными элементами боевого порядка» половецкого (кипчакского) войска. «Все войско делилось на четыре части — авангард, правое и левое крылья и центр, состоявший из тяжеловооруженной конницы» (Т.К. Аланиязов. С. 64).

Исследователи считают, что ко времени столкновения с Киевской Русью половцы уже вступили в раннюю стадию феодальных отношений. Хотя основной единицей половецкого общества все еще оставался род со старейшиной — беком («князем» русских летописей), выставлявший «чадь» — отряд воинов-родственников, к середине XI в. у половцев сложились мощные племенные объединения, центрами которых, по пришествии в причерноморские степи, стали примитивные «города»-зимовья. Ханы — главы таких протогосударственных объединений, могли поднять в поход десятки тысяч воинов — почти все взрослое мужское население, спаянное родовой дисциплиной, что вновь создало страшную угрозу для соседних земледельческих народов Восточной Европы.

За время пребывания в причерноморских степях половцы прошли четыре стадии развития от военной демократии к феодализму. Первая — середина XI — начало XII в. — характеризуется повышенной агрессивностью. Половцы, едва появившись в новых местах, совершают масштабные нападения на соседей-земледельцев, грабят, захватывают в рабство. Они находятся в таборной стадии кочевания, постоянно перемещаясь по степи подобно печенегам. К началу следующего столетия в жизни половецких орд произошли крупные изменения. Степь освоена, изучена и поделена. Появились закрепленные за племенами и родами места зимовий и летних кочевков, устоялись маршруты их передвижений. Теперь половцы, особенно оказавшиеся непосредственными соседями Руси, не могли более безнаказанно совершать свои набеги.

Этот второй период половецкой истории в восточноевропейских степях — 20—60 гг. XII столетия — совпал с нача-

лом раздробления Киевской Руси и обострением междукняжеских отношений. Увлеченные междоусобной войной князья неизбежно ослабили внимание к проблеме обеспечения безопасности русских земель со стороны Степи. Зато и половцы, привлеченные возможностью наживы, от набегов отчасти переходят к «сотрудничеству» с одной из враждующих русских сторон. За свои услуги они получают двойную плату в виде жалования и военной добычи.

Третий период — вторая половина XII в. — характеризуется новым усилением половецкого натиска на пограничные со степью княжества, а с другой — консолидацией сил для ответных походов. Чаще всего — на левобережье нижнего течения Днепра.

Четвертый период — начало XIII в. — отмечен определенной стабилизацией русско-половецких отношений, затуханием военной активности. Русские полководцы смогли «подобрать ключик» к своему противнику — найти его «ахиллесову пяту», чтобы с неизменным успехом одерживать гарантированные победы над беспомощным противником, скованным условиями зимовки. Создать хотя бы относительно единые государственные образования на право- и левобережье куманам и половцам так и не удалось. В то же время этот этнос испытывает не только военное, но и культурное влияние Руси. Усиливается их христианизация, отъезд на русскую службу, учащаются межэтнические браки, происходит взаимопроникновение культур.

Проводя зимовку у теплых морских побережий — у «Лукоморья», в Таврии и в Приазовье, половцы весной начинали кочевать на север. В мае они появлялись в лесостепи, близости от русских рубежей. Крупные нападения они устраивали чаще осенью, чтобы захватить плоды урожая, но какого то правила здесь не существовало. Со временем вожди половцев, чтобы застать земледельцев врасплох, стали менять тактику. Нападения можно было ожидать ежедневно, с мая по декабрь, вплоть до выпадения глубокого снега. Все княжества, граничившие со степью, стали объектами нападений. Появление летучих отрядов степняков невозможно было предугадать, а отбить очень трудно. Ограбив

села или угнав табуны, они скрывались быстрее, чем на месте появлялись прикрывающие границу отряды русских или их союзников. Обычно они не связывали себя осадами крепостей. Если не удавалось захватить город внезапно, они блокировали гарнизон, скорее всего, с целью грабежа сельской волости. Не отличаясь стойкостью в ближнем бою, они старались уклониться от лобового столкновения даже с равным по силе противником, но перед нашествием их объединенных орд оказывались бессильными войска даже крупных отдельных княжеств.

Т.К. Алланиязов дает такое определение крупных половцевких нападений: «поход с целью грабежа». В таком походе «...кочевники двигались несколькими крупными колоннами. Во все стороны высылались небольшие отряды (от нескольких десятков до нескольких сотен воинов), которые вели разведку, осуществляли боевое охранение и попутно грабили и разоряли страну. При встрече с войском противника передовые отряды, скользя врага мелкими нападениями, постепенно отходили к главным силам. Иногда в этот момент отдельные крупные отряды кочевников высылались вглубь вражеской территории, чтобы отвлечь часть сил противника».

Кочевое скотоводство позволяет вести только очень скудный образ жизни, особенно в условиях перенаселенности степи, поэтому крайне важным источником доходов для половцев служили набеги на соседей, грабеж сел и городов, угон скота и невольников. Как и для любых кочевников, для них состояние войны ради добычи было столь же естественным, как и кочевание по степи. Кипчаки в совершенстве владели способом «облавы» на людей. По словам Альбера де Клари, они «передвигаются столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в шесть или семь, или восемь дней перехода... Когда они поворачивают обратно, вот тогда-то и захватывают добычу, угоняют людей в плен и вообще берут все, что могут добыть».

Умели половцы также форсировать водные преграды, причем не только в составе воинских подразделений, но и целыми ордами, включая стада и кибитки. Переправу своих жилищ они, согласно сообщению Петахия, осуществляли сле-

дующим образом: сшивали десяток конских шкур, обшивали по краю одним ремнем и, подтянув края, спускали на воду. Затем на этот плот грузили повозку, после чего привязывали такой ковчег к конским хвостам и плыли на другой берег. Использовали они также такое индивидуальное переправочное средство, как кожаный мешок, набитый сухой травой, который также привязывался к конскому хвосту.

В 1061 г. половцы во главе с «князем» Искалом впервые напали на русские земли, разбив войско переяславского князя Всеволода Ярославича. С этого времени они в течение более полутора веков непрерывно угрожали южным границам Руси, то совершая на нее опустошительные набеги, то усугубляя княжеские усобицы своим участием. Эта небывалая по продолжительности, ожесточенности и масштабам борьба составила целый период в русской истории. Она развернулась на протяжении всей степной границы от мордовских лесов, через верховья Воронежа, Дона и Донца, по притокам Днепра, верховьям Южного Буга и до предгорий Карпат.

Несколько лет после успешного нападения на Переяславль половцы не беспокоили Русь. Они осваивали новые территории, продвигаясь далее на запад, Дунаю и не переставая отслеживать внутривосточную ситуацию на Руси, предпочитая действовать наверняка. Ярославичи же, оценив опасность, стремились держаться вместе, сообща управляя страной. Вскоре Всеслав Полоцкий «рать почал», атаковав Новгород, и братья втянулись в длительную усобицу, завершившуюся кровавой битвой на Немиге, в глубоком снегу под стенами Полоцка, затмившей все, что до сих пор происходило между «братией».

Половцы напали уже летом следующего года после этой «пирровой победы». Они снова подошли к Переяславлю. Всеволод теперь не дерзнул сразиться с ними самостоятельно и послал за подмогой в Киев и Чернигов.

Противники встретились на р. Альте — месте стольких прежних и будущих битв. Лаконичное летописное сообщение позволяет выяснить лишь одну подробность — причину поражения: половцы напали на русский стан ночью, внезапно. Войско Ярославичей бежало, и победители принялись

беспрепятственно грабить земли трех княжеств. Так продолжалось, пока Святослав Ярославич под Сновском, с тремя тысячами всадников, не разгромил двенадцатитысячного противника «ударisha копыи». Половцы были опрокинуты атакой черниговских копейщиков — первой классической кавалерийской атакой, упоминаемой в отечественных источниках. Разгром был полный. Многие враги утонули в Снови, «а князя их яша руками». По мнению Б.А. Рыбакова, в плен под Сновском попал сам Шарукан (или Шарук-Хан). Не об этой ли победе, положившей конец первому половецкому нашествию, как о «прадедней славе», спустя более столет, вспоминает автор «Слова о полку Игореве»?

В это время в Киеве горожане прогнали неудачливого Изяслава, отказавшегося выдать им оружие и коней для борьбы с половцами (что, на наш взгляд, характеризует не столько Изяслава, сколько благосостояние киевлян и развитие коневодства на тот момент. — Ю.С.). Восставшие освободили из поруба захваченного Ярославичами Всеслава Полоцкого, объявив его своим князем. Враждебно настроенный по отношению к Всеславу летописец ни словом не обмолвился о его деятельности в Киеве, но несомненно, что мятежный князь должен был немедленно приступить к активным действиям, для чего его, собственно, и освободили.

Через три года в летописи встречаем упоминание о разорении половцами окрестностей двух пограничных крепостей на Правобережье — Ростовца и Неятина в бассейне Роси и вновь — затишье. Двенадцать лет о половецких набегах сведений нет, но легко себе представить, что это была за «тишина», когда вчитываешься в «Поучение» Владимира Мономаха, метавшегося с дружиной из конца в конец своих владений. В это время от их набегов страдало главным образом левобережье, в большей степени окраины Чернигово-Северской земли.

В это время изгнанные сыновья Святослава Черниговского начинают приводить на Русь половецкие орды. В 1078 г. огромные полчища половцев участвовали в битве на речке Сожице, куда их привел Олег Святославич, прозванный за то «Гореславичем». Здесь 25 августа «победили половцы Русь».

Потери были очень велики. Летописец перечисляет множество киевских бояр, и о прочих говорит: «и инии мнози». Олег ненадолго утвердился в Чернигове, но в битве на Нежатиной Ниве ему не помогли и кочевники, и он вновь бежит в Тмутаракань.

На следующий год половцев привел другой Святославич — Роман. Дело кончилось миром. Переговоры со степняками у крепости Воишь вел старый Всеволод, но Романа, недовольного таким оборотом событий, половцы убили.

К середине восьмидесятых годов половецкая опасность вновь возрастает. Осенью 1084 г. восьмитысячное половецкое войско подходило к Прилуку. Другой отряд сыновьям Всеволода Ярославича удалось разбить на р. Остре, притоке Десны, после чего им пришлось срочно мчаться на Правобережье и громить половецкие «чади» в разных местах Поросья. Конец восьмидесятых прошел более спокойно.

К началу 90-х годов крупное объединение половцев возглавил хан Боняк, и для Руси вновь настала полоса черных лет. В 1092 г. «рать велика бяше от Половецъ и отовсюду». Кочевникам удалось взять три городка на Левобережье: Перволоку и Прилук в Посулье, а Песочен — под самым Переяславлем. Было разорено множество сел по обоим берегам Днепра. Поскольку летописная статья этим и ограничивается, можно предположить, что эффективного отпора князья организовать не сумели.

На следующий год умер великий князь Всеволод Ярославич. Его на киевском троне сменил старший сын Изяслав Святославич. Узнав о смене власти в Киеве, кипчаки прислали посольство, чтобы подтвердить условия мира, но оно было из мести арестовано неискушенным в отношениях со степняками князем.

Воспользовавшись этим предлогом, огромное войско кочевников осадило Торческ. Сил идти на выручку не хватало, на подмогу вызвали Всеволодовичей из Чернигова и Переяславля. Пока шли эти приготовления, половцы беспрепятственно разоряли Поросье и продолжали осаждать Торческ. Наконец объединенное русское войско выступило на юг, к Треполю. Здесь следовало форсировать вздувшуюся от дож-

дей р. Стугну или занять оборону на берегу, что было разумно, однако киевские ополченцы потребовали переправляться и идти навстречу врагу.

Переправившись, русское войско вскоре встретило противника и в бою было опрокинуто половецкой атакой, а позади была Стугна... Многие утонули в ней, в том числе и Ростислав Переяславский.

В результате половцы подошли к самому Киеву и грабили окрестности. Повторная битва под Киевом принесла лишь новый разгром, «паче, неже оу Трьполя». Святополк вернулся в Киев сам-третий; Торческ, не получив помощи, пал, а половцы, не встречая более сопротивления, погнали в степи бесчисленный полон. Разорение и вызванное им уныние в народе были столь велики, что некоторые стали говорить о проклятии Богом согрешившего перед ним народа.

Не имея сил бороться с врагом и надеясь получить хотя бы небольшую передышку, Святополк попытался заключить с ним мир, скрепив его женитьбой. В 1094 г. он женился на дочери одного из верховных вождей кипчаков — хана Тугоркана. В том же году Олег Святославич, воспользовавшись ослаблением Владимира Всеволодовича, изгнал его при помощи половцев из Чернигова. Приведенные этим князем уже в третий раз «поганные» предварительно испепелили окрестности его «отчины», на что «Гореславич» смотрел спокойно.

Зимой 1095 г. под Переяславлем Владимир Мономах с ведома Святополка уничтожил двух половецких «князей» — Итлара и Китана. Был нарушен закон гостеприимства. Переяславский князь объявил степнякам непримиримую войну. Правильно ли поступил Владимир, что послушал свою дружину, ведь он отдавал себе отчет, что теперь ожидает его народ? П.П. Толочко считает это «второй роковой ошибкой русских князей».

В феврале Святополк и Владимир, ставшие отныне неизменными союзниками, совершили поход в степь, но особых успехов не добились, захватив лишь стада скота на зимовках. Олег отказался к ним присоединиться. Отказался он и выдать гостившего у него сына Итлара, что еще более ухудшило отношение к нему Святополка и Владимира.

Летом война возобновилась по всей границе. Половцы подошли к городку Юрьеву и, простояв под ним все лето, едва не принудили гарнизон к сдаче. Святополк вышел к Роси с предложением мира, и измученные юрьевцы, завидев княжеский стяг, «выбегоша» из крепости навстречу. Половцы разграбили и сожгли опустевший город. Это была их победа. Под напором кочевников стали рваться и распадаться оборонительные линии.

На Левобережье в это время Владимир отбивался от набегов, ходил к Римову за Сулу и добился частного успеха, взяв пленных. В другой раз он «паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом шедше за Голтавомъ», но сил не хватало. Половцы наносили свои удары там, где хотели и чаще всего успевали уходить безнаказанными, а черниговский князь водил дружбу с хищниками. Надеясь укрепить таким образом свою независимость, он даже позволял им грабить и уводить собственных подданных.

В 1096 г. Святополк и Владимир, вконец разъяренные предательским поведением Олега и его «величавыми» ответами, выгнали его из Киева, осадив в Стародубе. Но пока их дружины штурмовали крепость (случай чрезвычайно редкий для того времени) и несли потери, половцы, наверняка предупрежденные, и даже, скорее всего, вызванные им на подмогу, напали в крупных силах по обоим берегам Днепра и сразу прорвались к столицам.

Хан Боняк налетел на Киев, а Куря и Тугоркан, 24 мая взяв крепость Устье (Трубежа) на Днепре, 30-го осадили Переяславль. Ограбив окрестности Киева и спалив княжескую резиденцию в Берестове, орда Боняка схлынула, и русские войска из-под Стародуба, где Олега в начале июля заставили-таки просить пощады, по правому берегу, мимо Киева, двинулись к Зарубу, переправились там через Днепр, и 19 июля, неожиданно для половцев, уже полтора месяца стоявших под Переяславлем, подошли к городу с юга. Заметим в скобках, что трудно себе представить, чтобы эти стремительные переходы с конницей проделывала и пехота, к тому же битва под Переяславлем описана как чисто кавалерийское сражение.

Противников разделяла река Трубеж. Половцы успели построиться для боя, но помешать переправе русских они не смогли. Воины Святополка и Владимира, истомившиеся под Стародубом в ожидании мести, с ходу, в едином порыве, не слушая Мономаха, пытавшегося «урядить полк», устремились на ненавистного врага. Кочевники не выдержали одного вида накатывающей лавины «и побегоша, а наши гнаша въ следъ ратных, секуще противныя». Победа была полная, каких давно не бывало. Среди убитых «князей» оказались и тесть, и шурин великого князя — Тугоркан с сыном, но в это самое время половцы едва не захватили Киев.

«Шелудивый» Боняк — глава лукоморских половцев, убедившись, что русские войска ушли на левый берег, снова тайком прокрался к Киеву, рассчитывая ворваться в город утром с открытием ворот. Этого едва удалось избежать, и раздосадованные половцы выжгли предместья, включая и Выдубицкий монастырь — важнейший культурный центр того времени. Летопись в том году более не сообщает о дальнейшем ходе боевых действий, но из «мемуаров» Мономаха можно узнать, что они со Святополком пытались перехватить Боняка, преследуя его даже за Росью, до самого Буга.

Степняки почувствовали русскую силу. Вскоре после этого к Владимиру пришли на службу новые торкские роды и половцы «читеевичи», дружившие еще с его отцом. Встречать их князь выходил за Сулу. Можно было ожидать погони и мести от остальных «поганных».

Сложившаяся военно-политическая ситуация требовала немедленного объединения всех имевшихся сил, привлечения на степной фронт людских ресурсов других русских земель, как это бывало при Владимире Святом и Ярославе Мудром. Однако времена наступили другие. Помимо княжеских амбиций, объективные законы развития общества, — рост местных центров с их мелкими интересами разорвали — на части недолговечную «империю Рюриковичей».

В девяносто седьмом году на съезде в Любече князья попытались прекратить усобицы, провозгласив принцип: «Каждо да держить отчину свою», чем закрепили уже фактически существовавшую раздробленность, но и этот шаткий

порядок был немедленно нарушен небывалым преступлением — ослеплением Василька Тербовльского его двоюродным братом Давыдом Игоревичем Владимиро-Волынским. Феодалная война вспыхнула снова, и Давыд, бежавший к половцам, вернулся с войском Боняка. И снова «Поучение» Мономаха, дополняя скупую на подробности ПВЛ, живописует схватки и погони, в которых участвовал автор, но и он мог припомнить далеко не все, а сколько в те годы случалось и вовсе не зафиксированных набегов небольших половецких ватаг?

Лишь в 1101 г. главы южнорусских земель смогли окончательно помириться. Было заключено перемирие и с половцами, снова по их инициативе, скрепленное обменом заложниками. Отмечая подобные мирные инициативы, хочется «на злобу дня» ответить отдельным «этнически заинтересованным» авторам, что такое «миролюбие» половцев означало лишь то, что они более русских были (в данный момент) заинтересованы в торговом обмене, и что иногда интересы скототорговли у них брали верх над необходимостью охоты за людьми.

Половцы чувствовали себя хозяевами в степи и в любое время, когда сочли бы это для себя выгодным, по своему, привычному, произволу, могли разорвать соглашение и снова пронестись с огнем и мечом по русским селам и нивам. Следовало отказаться от выжидательной тактики и нанести им упреждающий удар, перенести войну на вражескую территорию.

Совершенный по инициативе Владимира Всеволодовича весной 1103 г. поход на половцев оказался необыкновенно удачным из-за действий нашей разведки, уничтожившей половецкое походное охранение. Половцы не ожидали активных действий русских в степи, и их гигантская орда, медленно надвигавшаяся «подобно лесу» по всему горизонту, была лишь скопищем кибиток и стад, среди которых ехали не готовые к бою отдельные всадники. Даже зная о выступлении русских в поход, половецкие вожди не сумели адекватно отреагировать на новые для них условия ведения вооруженной борьбы и не приняли должных мер, целиком понадеявшись на свое охранение.

В результате последовал такой разгром, каких еще не случилось. Половцы еще до столкновения стали поворачивать коней, но было поздно. Истощенные тяжелой зимовкой степные лошади не могли тягаться с русскими, всю зиму получавшими полные меры сена и зерна. Кавалерия перешла на преследование, в ходе которого под русскими мечами только «князей», т.е. беков и султанов, погибло двадцать, а хана Белдюзя, захватив живым, казнили за прежние клятвопреступления. В руки победителей попала масса пленных половцев и их кибиток, скота и рабов (среди которых было немало русских) и даже целые подвластные племена других кочевников.

Победа была одержана на р. Сутин — Молочной, по мнению В.К. Кудряшова. Приднепровской группировке половцев хана Урусобы был нанесен тяжелый удар. Она позволила перевести дух и заняться восстановлением укреплений по Руси. В том же году, осенью, Святополк восстановил сожженный Юрьев.

Мирная передышка оказалась короткой. Уже под 1105 г. летописец отмечает вновь возросшую активность половцев — они напали на села у Заречска. Воеводы Святополка догнали их и отбили пленных. Лукоморская группировка половцев, не пострадавшая на Сутине, была полна сил, и ее хан Боняк вновь принялся выискивать слабые места в нашей обороне. Непокойно вновь стало и на Левобережье. Вероятно, к 1106 г. следует отнести фразу из воспоминаний Мономаха: «...вновь пошел на Урусобу со Святополком и Бог нам помог». Впрочем, результаты не попавшего в летопись похода, скорее всего, оказались малозначительными.

В следующем, 1107 году половцы Боняка внезапно весной захватили табуны под Переяславлем, а летом, по-видимому, вознамерившись взять реванш, силы нескольких орд осадили крепость Лубен в среднем течении Сулы. Как видно из описания событий в летописи, для русских князей это не оказалось неожиданностью. Теперь вместе со Святополком и Владимиром был и Олег Черниговский. Их войско уже было собрано заранее и, находясь неподалеку, нанесло половцам внезапный удар.

Неожиданно появившись перед половецким лагерем из пойменного леса на противоположном берегу, русские воины прямо с марша бросились в брод через Сулу и с криками устремились на врага. Противник оказался застигнут врасплох настолько, что некоторые половцы даже не успели вскочить в седло и пытались убежать пешком! Об организованном сопротивлении не было и речи. Преследование бегущих продолжалось до следующей реки — Хорола, где был убит брат Боняка Таз, а Сугр с братом — вожди донской группировки — захвачены в плен. Сам Шарукан, несмотря на весьма почтенный возраст, сумел уйти от погони.

В. В. Каргалов справедливо усматривает в поведении половцев признаки происходящего с ними психологического перелома. Однако необходимо отметить, что и этот новый разгром кочевников произошел, несомненно, из-за провала в службе сторожевого охранения, не успевшего сообщить о приближении русских.

Стратегический баланс сил окончательно изменился в пользу Руси. Необходимо было закрепить успех и начать бить врага на его земле, однако подготовка этого шага растянулась на годы. Сначала Владимир и Олег постарались внести раскол в стане половцев, женив двух своих сыновей (Юрия и Святослава) на дочерях половецких ханов. Затем воевода Мономаха Дмитр Иворович в ноябре — декабре 1109 г. совершил небывалый рейд в Донские степи и на берегу Дона захватил «тысячу веж», подтвердив тем самым правильность предположения о том, что лучше всего бить половцев на их же зимовках.

Грандиозный поход объединенного войска русских князей ранней весной 1111 г., приведший к захвату половецких городов на Нижнем Дону и величайшей битве русских с кипчаками, окончательно сломил их дух. Когда в 1116 г. Ярополк Владимирович пришел к Дону отцовской дорогой и даже прошел дальше, он так никого и не встретил на пути. Воевать становилось не с кем. Перед русскими полками половцы бежали «за Дон, за Волгу, за Яик». Сын Шарукана Сырчан откочевал со своей ордой в среднее течение Дона, а хан Атрак — в Предкавказье, а затем и в Грузию. Успешная борьба

с половцами продолжалась и при жизни преемников Мономаха — Мстислава и Ярополка, однако возобновившиеся усобицы прервали этот курс, да и половцы вовсе не считали ситуацию необратимой. Уже в год смерти Владимира Всеволодовича они попытались напасть на Переяславское княжество и лишь благодаря мужеству Ярополка были разбиты.

В тридцатые годы XII столетия борьба с половцами отошла на второй план. Русские города и села в это время куда чаще разоряли русские же войска, однако очень часто, при активной помощи половцев. Страшному погрому подверглось Переяславское княжество в 1135 г. Зимой были взяты Городок, Нежатин и Баруч, а летом следующего года «почаща воевати села и города по Суле и придоша к Переяславлю, и многы пакости створиша и Устье пожгоша». То, что половцам не удавалось в одиночку, стало для них возможным совместно с черниговскими союзниками. Вышедшие против них Мономашичи во главе с Ярополком были разбиты, что позволило победителям в декабре продолжить погром, и на правом берегу, Днепра, где были взяты Треполь и Халеп, разорены окрестности Красна, Василева и Белгорода. В 1139 г. половцы снова «воевали по Суле», взяв Прилук и другие города. А переяславский князь Андрей Владимирович, оставшись почти без ополченцев, был не в состоянии им помочь с горстью дружинников. Тогда же половцами был захвачен и Курск.

Как правило, «поганных» приводили черниговские Ольговичи. Дети и внуки Гориславича продолжали его дело в борьбе за Киев. Захвативший столицу Руси черниговский князь Всеволод постоянно использовал кипчакскую помощь, в том числе и в войнах с поляками, и половцы, по дороге на запад, в 1144 г. разграбили города Микулин и Ушицу.

Не брезговал поддержкой «поганных» шурьев и еще один половецкий зять — Юрий Владимирович Долгорукий, вступивший в схватку с племянником Изяславом Мстиславичем в сороковых годах. Стремясь вернуть свою киевскую «отчину», он подходил к делу масштабно, раз за разом призывая к себе столько кочевников, сколько их всего было «межи Волгою и Днепромъ». Неоднократно половецкие полчища при-

носили ему вожденный киевский «стол». Вероятно, именно этим он и был столь ненавистен отравившим его «киянам».

Если Всеволоду еще как-то удавалось сдерживать кочевников, соблюдавших мирный договор с ним (набегов в годы его правления в Киеве не отмечалось), то у Юрия с ними постоянно возникали проблемы. Вчерашние союзники норавли превратились в грабителей, разорявших и принадлежавшую ему Переяславщину. Не подчинялись ему и торки. Самостоятельно разгромив половецкое войско и захватив пленных, они отказались их отпустить по слову великого князя.

О половецких набегах в это время слышно мало. В них просто не было необходимости. Кипчакам тогда проще было поступить на службу к какому-то из враждующих русских князей и получить желаемую добычу более легким путем. Однако в этих усобицах и они часто несли потери, оказываясь на проигравшей стороне. Так, в проигранных Долгоруким битвах на рр. Лыбеди и Руте (1151) именно половцы беспощадно истреблялись киевлянами, ведомыми Изяславом.

Терроризированное, разуверившееся в способности правителей их защитить население начало покидать родные края, переселяясь, как во времена печенегов, в западные и восточные земли Руси.

Не только Киевщина и Переяславщина были опустошены хуже, чем при печенегах. В опустевших городах Черниговской земли жили одни княжеские псары да те же половцы, что уже и не хотели возвращаться домой. Так продолжалось и все пятидесятые годы, а в 1160 г. из-под Смоленска степняки увели более десяти тысяч пленных. Временами не было спасения от них даже полочанам.

Со смертью Юрия Владимировича начался новый круг усобиц. Черниговский князь Изяслав Давыдович, оспаривая Киев у смоленских Мономашичей, несколько лет подряд призывал на Русь двадцатитысячное войско хана Башкорда. Грабеж Руси стал для половцев столь доходным делом, что они уже не уходили домой, «кочуя» не по степи, а от одного князя к другому. Доходило до того, что измельчавший пото-

мок Мономаха Василько Ярополчич — владелец замка Михайлов под Киевом — превратил перехват и грабеж половцев, возвращавшихся домой, привыкших к безнаказанности и перегруженных всяческим добром, в доходный промысел. За что, впрочем, был позже жестоко наказан киевским князем Глебом Юрьевичем, поставившим неприкосновенность союзников выше кровного родства.

Однажды, в 1160 г., выступил в защиту разоряемой половцами Рязанщины Андрей Боголюбский, отправивший на Верхний Дон сына Мстислава с войском; но практически единственным правителем, кто систематически пытался противостоять разорению Русской земли и защитить население в то трагическое время, был внук Мономаха Изяслав Мстиславич. В очередной раз, занимая Киев, он стремился замирился с половцами или наказать их вооруженной рукой. Особенно удачным был поход его сына Мстислава в 1152 г., когда при устье рек. Самары и Орели, т.н. Угле, он дважды разгромил половцев, захватив их кочевья, освободив большое количество русских полоняников. Успешно отражались половецкие набеги в 1159 и 1160 гг. Неоценимую помощь тогда оказывали торки и берендеи. В 1162 г. они вновь нанесли половцам поражение одними собственными силами.

Княжеские убоицы свели на нет последствия победоносных походов времен Мономаха и его сыновей. Ослабление мощи объединений кочевников уравнивалось дроблением русских вооруженных сил, но прекращение активных и систематических наступательных действий против половцев позволило им вновь вернуться в южнорусские степи и стать опасной для соседей силой. Соответственно и у русских князей стало меняться отношение к половцам, особенно после того, как те, оказавшись с прекращением убоиц без постоянного заработка, начали угрожать торговым путям. Возобновились и набеги на Левобережье, а Ольговичи даже совершили зимнюю вылазку в степь, взяв кочевья ханов Кызы и Беглюка. Русь и половцы вновь возвращались в фазу прямой конфронтации.

Едва сам став великим князем, Мстислав сразу же продолжил семейную традицию, собрав ранней весной (по при-

меру Мономаха) 1170 г. войска двенадцати князей — все наличные силы Южной Руси — в один из самых масштабных походов на кочевников, увенчавшийся почти бескровной победой на устье р. Орели, где снова освободили множество рабов. Половцы не пытались сопротивляться и бежали. Легкая конница черных клобуков под командованием своего воеводы Бастыя преследовала их на огромном расстоянии, захватывая толпы пленных. Приднепровская группировка вновь была существенно ослаблена, но начавшаяся очередная усобица не позволила закрепить успех.

В семидесятых годах половцы усилили свое давление на Южную Русь, используя частую смену князей в Киеве. Неоднократно вторгаясь в Поросье и Переяславщину, они, однако, встречали организованное сопротивление русских и черных клобуков, постоянно наносивших им поражения. Особенно много вреда причинял хан Кончак — «злу начальник», громивший в тот период главным образом Переяславское княжество. Тогда же половцы приняли участие в нападении рязанского князя Глеба на Владимиро-Суздальское княжество. Они сожгли Москву, ограбили храм Покрова на Нерли и захватили огромный полон, но были разгромлены вместе с рязанцами в битве на р. Колакше и беспощадно перебиты владимирцами князя Всеволода Юрьевича.

Усобицы прекратились с установлением в Киеве дуумвирата Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича. На относительно длительное время (1180—1194) вооруженные силы Южной Руси оказались объединены, что не замедлило сказаться на эффективности обороны.

В 1184 г. киевские князья нанесли приднепровской группировке самое крупное поражение. Благодаря искусному осуществлению нестандартного замысла операции и самоотверженным действиям русского авангарда, которым командовал Владимир Глебович Переяславский, половецкое войско было окружено. В плен попали тысячи половцев, более десятка их «князей» с ханом Кобяком во главе.

Казнь Кобяка вызвала у других ханов стремление отомстить. Первым попытался это сделать Кончак. Он даже (единственный случай) попытался использовать против рус-

ских метательные машины, но был ранней весной разгромлен Владимиром Переяславским на р. Хорол.

Результаты этих побед были несколько обесценены гибелью войска северских князей, в очередной раз попытавшихся вести свою сепаратную войну с половцами. Их разгром сорвал подготовку нового масштабного похода в степь киевских соправителей, собиравшихся летом дойти до Дона. Вместо этого им пришлось оборонять беззащитную Северщину и выручать осажденный Переяславль.

Война продлилась еще несколько лет, но крупных столкновений более не происходило. Время грандиозных битв, походов и нашествий миновало. Наступал четвертый период развития кипчакского общества. Обе стороны стремились к миру. Рецидивы военной активности сменялись все более продолжительными затишьями. Начинало сказываться длительное сосуществование двух народов, успевших хорошо узнать друг друга. За это время многие тысячи русских и половцев тем или иным способом натурализовались в противоположной этнической среде, успев оценить достоинства и недостатки противоборствующих народов и их культур. В среде русской и черноклобукской знати все больше становилось потомков от браков с половчанками. Все чаще половецкие вожди переходили в православие и назывались христианскими именами, все большее культурное влияние оказывали на половцев русские пленники, показывая пример и преимущества оседлой жизни.

С началом XIII в. еще более упрочилась тенденция к умиротворению половцев. Набеги превращались в нечто исключительное. Зимние походы на половцев, предпринятые Романом Мстиславичем Волынским, совершались не в ответ на нападения, а в наказание за ущерб, причиненный половцами, находившимися на русской службе (в частности, за разорение Киева в составе войска Рюрика Ростиславича и черниговских князей в 1202 г.). Эти походы, кажется, окончательно отучили половцев от масштабных нападений на Русь, доказав ее неоспоримое военное превосходство над ними, оказавшимися столь уязвимыми на своих зимовках. Последние половецкие набеги были направлены на Переяслав-

кое княжество. В 1210 г. они в последний раз грабили здесь села, а в 1215 г. набег был сорван действиями войска князя Владимира Всеволодовича, попавшего, однако, к ним в плен.

К сожалению, участие половцев в русских усобицах вновь увеличилось. Они превратились в неперемных участников почти непрерывной борьбы за Киев и Галич, продолжая разорять русские земли в качестве союзников то Рюрика Ростиславича, то Мстислава Удатного, то Владимира Рюриковича, то черниговских князей. Особенно отличался в этом хан Котян, глава наиболее сильного половецкого объединения.

Оценивая характер взаимоотношений Руси и половцев за без малого два столетия, можно сказать, что несмотря на десятки случаев заключения мирных соглашений и брачных союзов, в основном они были антагонистическими. Современники однозначно оценивали половцев как зло, с которым необходимо было бороться, чтобы защитить свою землю, жизнь и благосостояние своего народа. Несмотря на то, что половцы, как и печенеги, не составляя единого государственного образования, не стремились к порабощению Руси и не могли угрожать существованию древнерусской народности, они, особенно на начальном этапе, представляли собой грозную опасность, способную нанести непоправимый ущерб не только зарождавшейся русской цивилизации, но и другим странам Восточной Европы и Балкан. Именно Русь приняла на себя основной удар этого нашествия. Благодаря ей куманы не превратились в новых гуннов.

Общая угроза монгольского завоевания сделала в 1223 г. русских и половцев союзниками. Окончательный разгром половцев монголами стал концом их как самостоятельного народа на исторической арене. Кипчаки рассеялись по всем сопредельным странам. Котян, хотя и уцелел после Калки, вновь встретился с монголами в 1237 г. и откочевал в Венгрию, где был убит, а его соплеменники ушли за Дунай и добрались до Македонии, где и сейчас есть город Куманово. Немало половцев служило Даниилу Галицкому, сражаясь в рядах его войск с венграми и монголами, крестоносцами и поляками. Множество половцев ушло на юг. Иные задержа-

лись на Кавказе, но другие добрались до Египта и стали там известны под именем мамлюков. Основная же масса, покорившись завоевателям, сумела даже ассимилировать их, растрепав в своей среде монгольский элемент и приняв имя татар.

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

В конце 30-х гг. XIII в. русские земли подверглись опустошительному нашествию армии монгольских ханов — лучшего в мире по дисциплине, организации, маневренности и вооружению конному войску, уже покорившему все государства на пространстве от Тихого океана до Волги и Дона.

Возникшее в начале XIII в. в государство монгольских племен, объединенных Тэмучжином — Чингисханом, в начале своего существования переживало период необычайного подъема, сопровождавшегося завоевательными походами во все сопредельные станы с целью захвата добычи и установления господства, в интересах монгольской племенной верхушки.

Великолепная организация войск, вообще характерная для кочевников, усиленная жесткой централизацией в управлении, четкая структура общества, приспособленного к перманентной войне во имя великой сверхзадачи — установления мирового господства, ради этого подчинявшегося невиданно жестокой дисциплине, закреплённой в специальном своде законов возникающей империи — «Яса», — приносили монгольскому оружию одну победу за другой. В первые полтора десятилетия существования государства были покорены земли бурят, киргизов, уйгуров, якутов (откочевавших к северу), киданей, чжурчженей, Северного Китая. На захваченных землях устанавливался террористический режим: беспощадно уничтожались культурные центры — города; население, куда более культурное, нежели завоеватели, истреблялось или порабощалось.

В 1218 г. началось вторжение монголов в Среднюю Азию. На следующий год огромная армия Чингисхана вторглась в государство Хорезм и в короткий срок захватило его, унич-

тожив цветущую державу с многовековой историей, развитыми наукой и культурой.

В 1220 г. после окончательного завоевания Хорезма Чингисхан сформировал отборное войско из 30 000 всадников, поставив во главе его своих лучших полководцев, урянхайца (тувинца) Субедэй-баатура, прославившегося мудростью и хладнокровием, испытанного храбреца Джебэ-Нойона, известного стремительностью действий, и своего зятя Тучагара (вскоре убитого в бою) и отправил в погоню за бежавшим Хорезм-шахом Мухаммедом. Двигаясь за ним, этот монгольский корпус захватывал город за городом и вскоре вторгся в Иран. Между тем оставшийся в одиночестве Мухаммед умер от простуды зимой того же года, исчезнув для преследователей. Однако Чингисхан, покончив с сопротивлением в Хорезме, потребовал продолжения похода, с тем, чтобы, повернув на запад, обогнуть Каспийское море с юга и выяснить способность к сопротивлению западных народов.

Прокатившись по Северному Ирану, железная лавина монголов вторглась в Восточное Закавказье, где захватила Нахичевань, но у Гянджи была остановлена героическими защитниками города и повернула в сторону багратидской Грузии. Спешно собранное ополчение грузинских феодалов под командованием сына царицы Тамар — Георгия Лаша и его военачальника (амирспасалар) Иванэ Мхаргрдзели было разгромлено в результате широко известного тактического приема, подобного тому, что позднее применил Дмитрий Донской. Одна часть монголов от удара грузин стала отступать, заманив противника под удар другой.

Опустошив Грузию и земли будущего Азербайджана, монголы совершили трудный переход через Кавказский хребет и вырвались на земли Северного Кавказа. Столкнувшись здесь с объединенными силами алан и половцев, они обманом сумели расколоть коалицию, уверив половцев в своей дружбе, и разгромили сначала оставшихся в одиночестве алан, а затем и половцев хана Юрия Кончаковича, в чем монголам помогли бродники — жившие у Дона крещенные потомки хазар. Находясь до того в союзе с половцами, они переметнулись на сторону пришельцев, почувствовав их силу.

Кроме сына знаменитого Кончака погиб и другой перешедший в православие вождь — Даниил Кобякович. Однако половцев было слишком много, чтобы уничтожить их в одной битве. Спасаясь от натиска монголов, они уходили в разных направлениях, в том числе в Крым, захваченный монголами зимой 1223 г., и за Днепр, под защиту своих недавних противников — русских князей. Вождь этого половецкого объединения хан Котян был тестем галицкого князя Мстислава Мстиславича Удатного и не без оснований рассчитывал получить здесь помощь.

Юго-Западная Русь в то время представляла из себя три практически независимых центра — Галицкое, Киевское и Черниговское княжества. Причем все три возглавлялись князьями по имени Мстислав. Вооруженные силы каждого из этих государств были слишком слабыми, чтобы противостоять удару монголов, но их правители не представляли, что за угроза появилась в степи. Столетия в целом успешной войны с кочевниками выработали в русских князьях пренебрежительное отношение к кочевникам. К ним примыкали, составляя резерв против кочевников, Смоленское и Волынское княжества, а также несколько мелких полусамостоятельных уделов.

Собравшись в Киеве на совет, князья решили помочь половцам, чтобы те не попали под власть монголов и не усилили бы тех еще более. Решено было также выступить навстречу противнику, не подвергая разорению свои земли.

Мобилизация сил Юго-Западной Руси заняла около двух недель. Местом сбора ополчений был назначен городок Заруб, контролирующий стратегический брод через Днепр — самую нижнюю переправу в пределах русских земель. Сюда, кроме галицкого Мстислава Мстиславича, в апреле 1223 г. прибыли войска во главе с киевским Мстиславом Старым, его зятем Андреем, его вассалы — потомки турово-пинских князей — Александр Дубровицкий и Юрий Несвижский, а также Изяслав Теревовльский, Святослав Каневский, Мстислав Яневский и Святослав Шумский. Черниговские войска вел Мстислав Святославич, с ним были его сын (имя неизвестно),

а также Мстислав Всеволодович Козельский, Изяслав Новгородский (Северский? — Ю. С.), Иван Романович Путивльский, Олег Святославич Курский, Святослав Всеволодович Трубчевский. Отряд смолян привел Владимир Рюрикович. С волынцами прибыли молодой Даниил Романович и брат его Василько. Пришел и луцкий князь Мстислав Ярославич «Немой». Обещал помощь и сильнейший из русских князей Юрий Всеволодович Суздальский, но посланное им войско под командованием Василько Ростовского сильно опоздало. Весть о разгроме русских настигла его еще на Черниговщине.

Монголы, узнав о сосредоточении русских ратей, снова пытались хитростью расколоть своих противников, отправив в Киев посольство, но князья, наслышанные о коварстве пришельцев, уничтожили послов. Война стала неизбежной. В конце апреля русско-половецкое войско выступило из Заруба на юг. Продвижение русских князей продолжалось 17 дней. За это время в русском стане усилились противоречия между вождями. Произошло губительное разделение сил. Мстислав Удатный (в литературе его часто называют «Удалым»), решив, по-видимому, ни с кем не делиться славой будущей победы, стал действовать самостоятельно. Он переправил свой отряд на левый берег Днепра и с тысячей воинов напал на монгольские разведывательные отряды, обратив их в бегство. При этом был захвачен военачальник по имени Гемябек. Тюркское имя пленного говорит о том, что к весне 1223 г. состав монгольского «экспедиционного корпуса» уже сильно был разбавлен представителями побежденных народов (в первую очередь тюрок), перешедших на службу к победителям.

В это время к сосредоточившемуся перед переправой у днепровских порогов и о. Хортица русскому войску подоспели «галичские выгонцы» — т.е. те, кто во время длительных усобиц переселился (или был изгнан) за пределы Галичской земли. Они жили в низовьях Днестра, на Дунае и по морскому побережью.

Полководцы монголов решили навязать русским свой план действий, заманивая его в глубь степей, подальше от берега Днепра. 16 мая все русско-половецкое войско перепра-

вилось на левый берег, где отбросило разведывательный отряд монголов, который бежал, бросив, возможно, в качестве приманки, большое количество скота. Отход монгольской «завесы», маячившей на горизонте, и ее преследование русскими продолжалось 8 дней. 28 мая авангард русских сил под командованием Мстислава Мстиславича Галицкого достиг речки Калки (совр. Кальчик или Калица — притоки Кальмиуса, впадающего в Азовское море), где имел столкновение с монгольским охранением. Мстислав Мстиславич приказал Даниилу Романовичу с половцами переправиться на левый берег и продолжить преследование противника, сам же вскоре, вероятно, почувствовав ловушку и опасаясь за судьбу своего авангарда, переправился следом, чтобы лично разведать обстановку.

По-видимому, Мстислав Удатный направился в сторону от ушедших вперед легких сил и поднялся на возвышенность, так как обнаружил ожидавшие его в складках местности колонны тяжелой конницы монголов, но «зависти ради», предупредив лишь свое войско, не сообщил об этом свои союзникам, приняв окончательное решение разбить монголов самостоятельно. Возможно, галицкий князь увидел не все силы противника и оказался не в состоянии правильно и трезво оценить обстановку, тем не менее роковое решение, обрекающее на гибель десятки тысяч людей, было принято.

Между тем на левом берегу передовой отряд, состоявший из половцев и волынцев, обнаружил выходящего в атаку противника и атаковал его. Произошло столкновение копеещиков, и закипела битва. Юный Василько был выбит из седла ударом монгольского копья, а его старший, восемнадцатилетний, брат Даниил ранен в грудь, но продолжал сражаться. Как это часто случалось и ранее, половцы, несмотря на то, что их возглавлял испытанный соратник Мстислава, воєвода Ярун, вскоре не выдержали напора более стойкого противника и побежали, внеся смятение в русские ряды. Оказавшись не в состоянии противостоять превосходящим силам монголов, повернули коней и галицко-волынские дружины. Удача, постоянная спутница Мстислава Мстиславича, впервые покинула его.

Для основной части русских сил битва происходила стихийно. Утомленные длительным движением войска были далеко растянуты вдоль степного шляха, и полководцы, к тому же лишенные информации от авангарда, оказались заложниками ситуации. Черниговское и следовавшее за ним киевское ополчения остановились на правом берегу. Черниговцы, по-видимому, узнали о том, что впереди идет тяжелый бой, и начали переправляться через Калку. Дружина Олега Курского еще успела прийти на помощь галичанам, но в это время на переправу налетела масса половцев, преследуемых монголами, и внесла сумятицу, смешала черниговские полки, не позволив организованно встретить противника.

События развивались стремительно. В войске Мстислава Киевского, остановившемся станом на ночлег на возвышенности еще западнее, вовсе не успели принять участия в битве (для этого надо было хотя бы вооружиться). Видя вырвавшихся к реке монголов и бегущих половцев, киевский князь думал только об обороне. Он приказал огородить стан укреплением из возов и кольев, что и было сделано. Монголы пытались его штурмовать, но были отбиты. К сожалению, большинство вассалов, судя по всему, покинуло своего киевского сюзерена и стало искать спасения в бегстве (их имена отсутствуют в перечне плененных, зато некоторые упомянуты среди погибших при преследовании). Это значительно ослабило киевское войско и, вероятно, этим можно объяснить пассивность Мстислава Старого, не сделавшего в течение трех дней даже попытки прорваться к воде.

Оставив осаждать «киян» относительно небольшие силы, Субедэй и Джебэ организовали преследование бегущих галичан, волынцев и черниговцев. В этой фазе битвы отличился Владимир Рюрикович. Его дружина, скорее всего, замыкала колонну и успела «исполчиться» для боя. В результате смоляне смогли разбить преследовавшие их силы монголов и благополучно добраться до Днепра. Вернувшись в Киев в одиночестве, сохранивший силы смоленский князь занял освободившийся великокняжеский престол.

Смогли добраться до днепровской переправы и Мстислав Мстиславич (приказавший уничтожать и отпихивать от

берега лодки, что погубило еще множество измученных беглецов, не способных переплыть реку) и волынские князья, как более готовые к бою. Вероятно, менее повезло черниговцам. До половины князей, принявших участие в битве, погибло, причем шестеро — в ходе преследования. Из прочих же воинов домой вернулся лишь каждый десятый.

Трое князей, находившихся в укрепленном лагере — «городе», — были вынуждены капитулировать, потеряв надежду, когда войско изнемогло от жажды, а монгольские отряды стали возвращаться из преследования к месту битвы. Князья поверили клятве атамана «старых»(?) бродников с характерным именем Плоскиня. Целуя крест, он уверял, что монголы пощадят пленных, если те сложат оружие. Однако монголы не собирались выполнять обещания в отношении побежденных. Киевское войско было уничтожено целиком, а плененных князей монголы положили связанными под доски, на которых уселись пировать, и так задавили.

Монголы, однако, тоже понесли серьезные потери. Они не стали углубляться в русские земли и напали на Волжскую Булгарию, но здесь их попытка была отражена относительно слабым противником. Сообщая об этом, Ибн ал-Асир поясняет, что у Джебэ и Субедэя оставалось всего 4 тысячи воинов. Так закончился беспрецедентный в военной истории многолетний рейд отдельного кавалерийского отряда, разгромившего на своем пути несколько государств и народов, разбив втрое превосходящего противника на Калке и, преодолев гигантское расстояние, вернувшегося в Монголию, потеряв около 25 тысяч воинов, что несопоставимо с потерями противника.

В чем причина этих побед? Она, помимо упомянутых выше качеств и преимуществ монгольского военного искусства, кроется в невероятной мобильности конницы Чингисхана, умевшей в критической ситуации собираться в кулак и бить врага до полного уничтожения. В случае с грузинами они на небольшой площади не могли растянуть противника длительным отступлением и, зажав в тиски, разгромили в однодневном сражении. Против русско-половецких сил они провели длительную операцию и, только измотав и растянув

противника, обрушились на его «голову», изолированную за рекой, а затем просто сметали, окружали и гнали по одиночке отдельные отряды. Так что битвы, в классическом смысле, и не было, был лишь неудачный бой авангарда и последовавший за ним разгром главных сил.

Последствия битвы на Калке были катастрофическими для Руси. Гибель десятков тысяч воинов подорвало мощь Южной Руси, нанеся ей и невосполнимый моральный урон. Монголы же приобрели ценный боевой опыт и получили необходимую информацию о противнике.

В русской литературно-эпической традиции битва на Калке воспринималась как место гибели последних богатырей-«храбров», включая Алешу Поповича и других, что незадолго до того ушли от усобиц на Суздальщине служить киевскому князю. В народном сознании это событие осознавалось как перелом, конец уходящей эпохи, наступление нового, трагического этапа в жизни Руси.

Первое «знакомство» с военным искусством монгольских завоевателей кончилось неслыханным поражением русских войск от противника, по крайней мере вдвое уступавшего им по численности. На первый взгляд, разгром в 1223 г. на Калке обусловлен субъективными причинами: легкомыслием и честолюбием возглавлявшего авангард Мстислава Удалого, его вопиющим пренебрежением к организации разведки, несогласованностью действий отдельных частей из-за отсутствия единого командования, высокомерной недооценкой противника всеми участниками.

Однако все они лишь следствие одной общей причины. Войско эпохи зрелого феодализма, расколотое не столько распрями амбициозных вождей, сколько центробежными силами развития древнерусской государственности, столкнулось с монолитной варварской силой, сплоченной немыслимо жесткой дисциплиной, вооруженной новой тактикой, доведенной до совершенства в бесчисленных победоносных походах в ее родной, степной стихии. Исход борьбы был очевиден.

Организация и тактика монгольского войска. Общая численность монгольских войск, принявших участие в походе на

Русь, достигала 130 тыс. воинов. Армия завоевателей имела четкую десятичную организацию. Высшим соединением являлся «тумэн» — 10 тыс. всадников под командой, как правило, одного из «чингизидов» — сыновей или внуков Чингисхана. Армия имела единое командование в лице избранного главы Бату-хана (в русских летописях — Батый) и Субедэя (Субеетай-Баатур, Субудай) — одного из лучших полководцев Чингисхана, разбившего русских на р. Калке.

Монгольское войско традиционно подразделялось на тяжелую и легкую кавалерию, но излюбленным оружием всех монголов и родственных им племен являлся лук. По силе и дальности боя монгольский лук далеко превосходил те, что использовали народы Восточной Европы. В бою монгольские воины постоянно применяли арканы. Их копья были снабжены крючьями для стаскивания противника с седла, а защитное вооружение по прочности не уступало европейскому. Завоевав Китай, монголы научились пользоваться метательными машинами и постоянно применяли их при штурме укрепленных городов.

Боевой порядок монгольского войска, будь то отдельный тумэн или более крупное объединение, был единообразен: за цепью сторожевых разъездов двигался «ертоул» — авангард, составлявший $\frac{1}{9}$ общей численности. Главные силы подразделялись на три части: левое крыло, составлявшее $\frac{2}{9}$ общей численности; центр — $\frac{3}{9}$; правое крыло — $\frac{2}{9}$. Каждая из этих частей также имела троичную структуру и двухэшелонное построение. Одна часть выдвигалась в первую линию, а две другие шли уступом вправо и влево. Позади следовал резерв — $\frac{1}{9}$ всех сил.

Тактика монголов принципиально не отличалась от тактики, употреблявшейся всеми кочевниками. В сражении центр нередко мог начать ложное отступление, заманивая противника под удары крыльев, но великолепно организованная разведка и размах действий огромных сил монголов позволяли им осуществлять подобные действия в стратегических масштабах, как это произошло на р. Калке.

Управление монгольскими войсками, в сравнении с их противниками, стояло на ином качественном уровне. Выс-

ший и старший командный состав никогда лично не участвовал в бою и, наблюдая со стороны, руководил его ходом посредством эффективной системы звуковых и зрительных сигналов. Неисполнение приказа и самовольное отступление карались смертью.

В 1236 г. монголы разгромили половцев, обитавших между р. Уралом и Доном; после ожесточенного сопротивления уничтожили Волжскую Булгарию (на территории современных Татарстана и Чувашии) и поздней осенью 1237 г. сосредоточились у границ Рязанской земли. Рязанские князья, не дождавшись помощи из Владимира, направив посольство к Батю, стали собирать войска. Также за помощью в Чернигов был направлен боярин Евпатий Коловрат. Когда посольство в ханской ставке были перебито, они, по-видимому, первыми напали на монголов, нанеся им серьезные потери.

Победив рязанских князей (при этом остатки их войска смогли избежать полного уничтожения), монголы, предварительно взяв Пронск, 15 декабря осадили Рязань, одновременно разоряя другие рязанские города. Столица княжества пала на шестой день обороны. Через несколько дней под Коломной были разбиты основные силы Владимиро-Суздальской земли и остатки рязанских войск. Затем, подойдя к Москве, монголы взяли ее через пять дней. До Владимира войско завоевателей двигалось почти месяц.

Столица Северо-Восточной Руси пала на третий день сопротивления. Великий князь выехал из нее еще раньше, чтобы собрать новое войско в лесах за Волгой. После этого армия чингизидов разделилась на три части. Одна, под командованием молодого и талантливого темника Бурундая, двинулась по следам Юрия Всеволодовича и, внезапно напав на лагерь у р. Сить, уничтожила здесь его войско, не успевшее оказать организованного сопротивления. Князь был убит. Другая часть разоряла города Заволжья, дойдя до Вологды, при этом один отряд, перед тем взявший Галич-Мерьский, не вернулся к главным силам. Третья — с самим Бату, выступила на Новгород, но, потеряв две недели под Торжком, вынуждена была в конце марта повернуть, не дойдя до цели нескольких переходов. Причиной этого, скорее всего,

стала невозможность пробиться далее по узким тропам и речным руслам, заваленным засеками, за которыми, по-видимому, стояло новгородское войско.

Уходя на юг, монгольские войска шли широким фронтом стратегической «облавы», опустошая обширную территорию, включая восточные районы Смоленского и Черниговского княжеств. Здесь ослабленные потерями завоеватели столкнулись со стойким сопротивлением крепости Козельск. Потеряв под его стенами за два месяца огромное количество убитых, они прозвали его «злым городом», уничтожив, в конце концов, в нем все живое.

Пока основные силы монголов готовились к походу на Запад, пополняясь новыми подкреплениями, и подавляли последние очаги сопротивления кипчаков-половцев, сильный отряд был направлен в низовья Оки, где взял Муром и Нижний Новгород, а также разорил мордовские земли и русские волости по Нижней Клязьме. В 1239 г. монголы взяли Переяславль и Чернигов, под которым местные князья были разбиты в полевом сражении.

Под стенами Киева монголы появились в ноябре 1240 г. Столица Южной Руси, оставленная ее тогдашним правителем — Даниилом Романовичем Галицким, сопротивлялась до 6 декабря, когда под ударами стенобитных машин рухнули стены последнего оплота ее защитников — Десятинной церкви. От Киева завоеватели двумя потоками направились через Волынь в Польшу, взяв по дороге Владимир-Волынский, и через Галичилю — в Венгрию. Некоторые города Юго-Западной Руси взять им не удалось, что позволило в дальнейшем Даниилу Романовичу успешно противостоять монголам вплоть до 1261 г. В 1254 г. он разбил войско темника Куремсы.

Состав и организация войска Галицко-Волынской Руси середины — второй половины XIII в. на общерусском фоне выделялись своеобразием. Ведя ожесточенную борьбу за сохранение независимости от Золотой Орды и одновременно отражая нападения венгерского короля с юго-запада, а также ятвягов и литовцев с севера, столкнувшись с массовыми изменами галицкого боярства, Даниил Романович Галицкий нашел опору в среде горожан и крестьян. Практически ли-

шившись большей части галичских «оружников», перешедших на сторону короля, он сделал ставку на создание крупных контингентов средневооруженных (за счет казны) конников-«снузников» в кожаных «коярах» и «ярыках» монгольского типа — своеобразный аналог «сержантерии» французских королей. Более того, Даниилом были созданы части пеших стрелков-арбалетчиков, способные не только взаимодействовать с конницей и вести самостоятельные действия, но и решать исход боя.

Столь значительные преобразования в военном деле, приведшие к тому же к качественным изменениям — превращению пехоты в решающую силу на поле боя (за полвека до битвы при Куртрэ во Фландрии, обычно выдаваемой западными военными историками за начало наступающей эпохи господства пехоты), — вполне правомерно назвать военной реформой.

Три года разрозненные силы русских государств-княжеств сопротивлялись захватчикам без надежды на поддержку враждебной католической Европы, но и после разгрома большей части Руси активное сопротивление продолжалось до 1261 г. Наши предки проявляли чудеса героизма, сражаясь «один с тысячей, а два — с тьмою» в полевых битвах, на стенах крепостей и в партизанских отрядах.

После поражения войск князей Андрея и Ярослава Ярославичей под Яреславлем в 1258 г. организованное сопротивление монголам практически прекратилось. Единственной формой его стала оборона крепостей. Разгром ордынского отряда в составе войска Андрея Городецкого Дмитрием Александровичем в 1285 г., как и победа Михаила Ярославича Тверского под Бортневым в 1317 г. над московско-татарским войском Юрия Даниловича, имеют лишь косвенное отношение к сопротивлению игу завоевателей.

К середине сороковых годов завоеванные русские земли вошли в состав Золотой Орды — гигантской военной империи, простиравшейся от Карпат до верховий Оби. Завоеватели установили на ее территории жесткий административный и политический контроль, обложили побежденных непосильной данью. Время от времени они совершали карательные

походы в русские земли, усугублявшие разорение страны, сопровождавшиеся запустением городов, массовым угоном населения в рабство, гибелью памятников культуры, исчезновением ремесел.

Борьба с монгольским игом осложнилась усилившейся экспансией западных соседей. Русским княжествам нередко приходилось вести войну на несколько фронтов, отражая нападения не только ордынцев, но и литовцев, а также шведских и немецких крестоносцев, венгров, поляков и ятвягов.

Правители Золотой Орды стремились превратить правящую элиту Руси в часть своей администрации, исполнителей своей воли, передав князьям право сбора дани. Но ликвидация баскачества, добытая кровавой ценой подавленных восстаний, уменьшила степень ордынского контроля над Русью и позволила придать ее подготовке к освобождению организованный характер.

ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН

Немецкий католический духовно-рыцарский Тевтонский орден (точное его наименование — Орден дома святой девы Марии Тевтонской) возник в Палестине в эпоху крестовых походов на базе госпиталя, основанного в 1190 г. бременскими и любекскими купцами при осаде крестоносцами Акки (Акры). Братья-рыцари Тевтонского ордена носили белые плащи с изображением черного креста. В 1198 г. эта военно-монашеская организация, называемая обычно в Германии Немецким орденом (или Орденом крестоносцев), получила благословение папы Иннокентия III. После того как арабы изгнали Тевтонский орден из Святой земли, он в XIII в. окончательно обосновался в Европе, где был наделен крупными земельными владениями, особенно в Германии. Резиденция его главы — великого магистра — первоначально находилась в Венеции. Затем тевтонские рыцари безуспешно пытались закрепиться в Венгрии.

Еще в 1226 г. польский князь Конрад Мазовецкий пригласил Тевтонский орден для борьбы с воинственными пруссами, нападавшими на его окраинные владения в Хелминс-

кой земле (немецк. Кульмерланд, от названия г. Кульм — Хелмно). Тогда же тевтонские рыцари получили Золотую буллу (грамоту) от германского императора Фридриха II на право владения в качестве лена всеми завоеванными у пруссов землями.

И уже в 1230 г. великий магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца направил в Хелминскую землю отряд рыцарей во главе с ландмейстером Германом Бальке. Вскоре на побережье Балтийского моря они построили первую крепость, от которой сохранились лишь руины в поселке Веселое (бывш. Бальга) Калининградской области. Так началось завоевание крестоносцами древних пруссов, в основном завершившееся, несмотря на их ожесточенное сопротивление, к концу XIII в., а точнее, к 1283 г. Язычники-пруссы не раз восставали против угнетателей, расправлялись и с католическим духовенством. Значительную часть прусского населения немецкие рыцари истребили, остальных обратили из язычества в христианскую веру и постепенно ассимилировали. Они возводили здесь католические храмы, основывали в удобных местах новые города, переименовывая на немецкий лад древние прусские названия населенных пунктов и урочищ. Резиденцией главы Тевтонского ордена, угрожавшего теперь и Литве, и Польше, и Новгороду, стал с 1309 г. Мариенбург (совр. Мальборк в Польше), а одним из самых важных центров являлся Кёнигсберг (в переводе — «Королевская гора»), основанный в конце XIII в. на р. Преголь (Преголя), на месте прусского укрепленного поселка Тувангсте как крепость. Еще с XIII в. земли пруссов, покоренные Тевтонским орденом, стали называть Пруссией.

В 1309 г. тевтонские рыцари захватили Восточное Поморье с Гданьском, в 1392—1398 гг. — Жемайтию, в 1398 г. — остров Готланд. Наибольшего могущества Тевтонский орден достиг при гроссмейстере Винрихе фон Книпрوده (1351—1382). Его владения были разделены на провинции, управлявшиеся комтурами. Костяк рыцарского войска составляла тяжеловооруженная конница, содержание которой требовало немалых средств. И всадники, вооруженные мечами и копьями, и их лошади имели дорогие стальные доспехи. Со

временем рыцари-крестоносцы осели на землю, превратившись в феодальных баронов, эксплуатировавших местное крестьянство. В качестве опорных пунктов строились каменные рыцарские замки и оборонительные башни. Кроме того, из представителей покоренных народов Прибалтики набиралась легковооруженная пехота (кнехты).

Тевтонский орден, филиалом которого с 1237 г. являлся Ливонский орден, длительный период господствовавший в Латвии и Эстонии, занимал вместе с ним огромную территорию почти в 200 000 кв. км. В XIV—XV вв. Немецкий орден поддерживал активные торговые отношения с Великим Новгородом, из которого немецкие приказчики в обмен на серебро вывозили морем в один из крупнейших центров Ганзы — Данциг (Гданьск) пушнину (в основном беличий мех), воск и другие товары. В прусских владениях не раз бывали и новгородцы (и не только с торговыми целями).

Новгородскому войску приходилось участвовать в походах против Тевтонского ордена. 17 февраля 1370 г. в районе Рудау (летописное наименование — Рудава, совр. пос. Мельниково, Калининградская обл.) произошло ожесточенное сражение двадцатитысячной литовско-русской рати с четырехтысячным рыцарским войском, сумевшим одержать победу. Позже на месте битвы был установлен плохо сохранившийся ныне обелиск.

В состав польско-литовского войска, участвовавшего в знаменитой Грюнвальдской битве с Тевтонским орденом 15 июля 1410 г., входили Смоленская и Стародубская хоругви (роты), а также хоругвь «Лингвеновича Симеона» — (Семена Лугвена Ольгердовича), сына великого князя литовского Ольгерда, брата польского короля Владислава II — Ягайлы. На протяжении нескольких лет, на рубеже XIV—XV в. (до 1412 г.), Семен-Лугвень сидел в качестве князя в Новгороде Великом, выходцы из которого, вероятно, участвовали вместе с ним в сражении под Грюнвальдом (в немецкой историографии — под Танненбергом) — главным событии так называемой Великой войны 1409—1411 гг.

Как повествует знаменитый польский историк Ян Длугош (1415—1480), «в этом сражении русские рыцари Смолен-

ской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу». «Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптанно в землю, — продолжает Длугош, — однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками...». Русские воины после победы под Грюнвальдом участвовали и в осаде Мариенбурга, длившейся в течение двух месяцев.

Из русских же источников XV в. наиболее подробная информация о Грюнвальдской битве и других событиях войны Польши с Тевтонским орденом 1409—1411 гг. приведена под 6918 (1410) г. в Новгородской первой летописи младшего извода (Комиссионном списке): «Того же лета, месяца июля в 15 день, быть побоище королю Ягаиму Олгердовичю, нареченному Володислав, и князю великому Литовскому Витовту Кестутьевичю с Немцы с Прусы в их земли в Пруском, меж городов Дубравны (Грюнвальд. — *В.П.*) и Острода (Остроде — *В.П.*); и убиша местеря и моршонда и кунтуры побиша, и всю силу немецкую избиша; и города немецким поимаша, нь толко три города не дашася королю и Витовту. И бысть тои осени Ляхом и Литве побоища с Немцы, а трижда Немець избиша; а во всех тех побоищах много же крестьян и Литвы и Ляхов от Немець избиено бысть; а стояша под Марьиным городом 8 недель и взяша Марьино 2 города охабня, а вышняго третьяго не взяша, и ходиша по Немечкои земле полдругинатцать недеде... Ходиша опять Ягаило и Витовт к Марьину городу, и рать немецкую победив, и мир взяша».

В 1440 г. немецкие горожане и дворянство, объединившись в так называемый Прусский союз, выступили против олигархии Тевтонского ордена. Развязав в 1454 г. восстание против нее, Прусский союз обратился за помощью к польскому королю. Так началась Тринадцатилетняя война 1454—1466 г. Польши с Тевтонским орденом, завершившаяся поражением последнего и подписанием Торуньского мира 1466 г. По его условиям, Тевтонский орден отказывался в пользу польского короля от своих западных владений, в том

числе от Восточного Поморья с богатым торговым городом Гданьском, Мариенбурга (совр. Мальборк), всей Вармии и становился вассалом Польши. Именно тогда резиденцию его великого магистра пришлось перенести в Кёнигсберг. А Ливонский орден, прежде зависимый от Тевтонского ордена, пришедшего в упадок, превратился в самостоятельное государство.

Дальнейшее ослабление Немецкого ордена не удалось предотвратить, и в начале XVI в. последний великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт Брандербургский из династии Гогенцоллернов (1511—1525) возлагал большие надежды на союз с Россией, ее денежную и военную помощь в борьбе с Польшей. Этим надеждам не суждено было, однако, оправдаться. Посещение Кёнигсберга посольствами московского великого князя Василия III в 1517—1520 гг. оставило след лишь в истории Королевского замка. Одно из его парадных помещений стало именоваться «Залом москвитов». В нем хранились знамена, оружие. После очередной неудачной войны с Польшей Альбрехт в 1525 г. преобразовал духовное государство Тевтонского ордена в Прибалтике в светское Прусское герцогство, сохранявшее до середины XVII в. зависимость от польского короля. Его столицей стал Кёнигсберг. С именем первого герцога Пруссии Альбрехта связаны распространение здесь протестантизма и основание в 1544 г. в Кёнигсберге университета, именовавшегося Альбертиной. Однако Тевтонский орден сохранил тогда владения в других областях Европы, резиденция его великого магистра была перенесена в г. Мергентхайм (Западная Германия), а сегодня она располагается в Австрии, близ Вены.

Что же касается дипломатических отношений России с Пруссией, то они возобновились и приобрели более регулярный характер с эпохи царя Алексея Михайловича (1645—1676) и особенно при Петре I. В 1701 г. Пруссия, объединившись окончательно с Бранденбургом, превращается наконец в суверенное королевство со столицей в Берлине, после чего политическое значение Кёнигсберга понизилось, хотя он и оставался крупнейшим центром восточных германских земель. Их стали именовать Восточной Пруссией.

ОРУЖИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПОХИ

Сведения о самых ранних видах вооружения древних славян исходят из двух групп источников. Первый — письменные свидетельства главным образом позднеримских и византийских авторов, которые хорошо знали этих часто нападавших на Восточную Римскую империю варваров. Второй — материалы археологических раскопок, в целом подтверждающие данные Менаандра, Иоанна Эфесского и других. К более поздним источникам, освещающим состояние военного дела и, в том числе, вооружение эпохи Киевской Руси, а затем и русских княжеств домонгольского времени, помимо археологических, относятся сообщения арабских авторов, а затем уже собственно русские летописи и исторические хроники наших соседей. Ценными источниками для данного периода также являются изобразительные материалы: миниатюры, фрески, иконы, мелкая пластика и т.п.

Византийские авторы неоднократно свидетельствовали, что славяне V—VII вв. не имели защитного вооружения кроме щитов (наличие которых у славян отмечал еще Тацит во II в. н.э.). Их наступательное вооружение было предельно простым: пара дротиков. Можно также предположить, что у многих, если не у каждого, имелись луки, о которых упоминают гораздо реже. Нет сомнения, что имелись у славян и топоры, но в качестве оружия они не упоминаются.

Это вполне подтверждается результатами археологических исследований территории расселения восточных славян к моменту образования Киевской Руси. Помимо повсеместно встречающихся наконечников стрел и метательных сулиц, реже — копий, известны всего два случая, когда в слоях VII—VIII вв. было найдено более совершенное вооружение: пластины панциря из раскопок дружинного городища Хотомель в белорусском Полесье и фрагменты палаша из Мартыновского клада в Поросье. В обоих случаях — это элементы аварского комплекса вооружения, что закономерно, ибо в предшествующий период именно авары оказывали на восточных славян наибольшее влияние.

Во второй половине IX в. активизация пути «из варяг в греки», привела к усилению скандинавского влияния на сла-

вян, в том числе и в области военного дела. В результате слияния его со степным влиянием на местной славянской почве в среднем Поднепровье начал складываться собственный оригинальный древнерусский комплекс вооружения, богатый и универсальный, более разнообразный, чем на Западе или на Востоке. Вбирая в себя и византийские элементы, он в основном сформировался к началу XI в.

Оборонительное вооружение знатного дружинника времен первых Рюриковичей включало в себя простой щит (норманнского типа), шлем (чаще азиатской, остроконечной формы), пластинчатый или кольчатый панцирь. Основным оружием служили меч (значительно реже — сабля), копье, боевой топор, лук и стрелы. Как дополнительное оружие использовались кистени и дротики — сулицы.

Тело воина защищала кольчуга, имевшая вид рубашки длиной до середины бедер, сделанной из металлических колец, или броня из стянутых ремешками горизонтальных рядов металлических пластин. Для изготовления кольчуги требовалось много времени и физических усилий. Сначала способом ручной протяжки изготавливалась проволока, которая обматывалась вокруг металлического прута и разрубалась. На одну кольчугу шло около 600 м проволоки. Половину колец сваривали, а у остальных расплющивали концы. На расплющенных концах пробивали отверстия диаметром менее миллиметра и заклепывали, предварительно соединив это кольцо с четырьмя другими, уже вплетенными кольцами. Вес одной кольчуги составлял примерно 6,5 кг.

Еще относительно недавно считалось, что на изготовление рядовой кольчуги уходило несколько месяцев, однако недавние исследования опровергли эти умозрительные построения. Изготовление типичной малой кольчуги из 20 тыс. колец в X в. занимало «всего» 200 человеко-часов, т.е. одна мастерская могла за месяц «поставить» до 15 и более доспехов. После сборки кольчугу чистили и полировали песком до блеска.

В Западной Европе поверх доспехов носили холщовые плащи с короткими рукавами, предохранявшими от пыли и перегрева на солнце. Этому правилу часто следовали и на

Руси (о чем свидетельствуют миниатюры Радзивилловской летописи XV в.). Однако русские любили иногда для пушшего эффекта появляться на поле боя в открытых бронях, «яко в леду». Такие случаи специально оговаривают летописцы: «И бе видети страшно в голых доспехах, яко вода солнцу светло сияюще». Особенно яркий пример приводит шведская «Хроника Эрика», хотя и выходящая (XIV в.) за пределы нашего исследования: «Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых доспехов, их шлемы и мечи блистали; полагаю, что они шли в поход на русский лад». И далее: «...они сияли, как солнце, так красиво с виду их оружие...»

Издавна считалось, что кольчуга на Руси появилась из Азии, будто бы даже на два века раньше, чем в Западной Европе, однако в настоящее время утвердилось мнение, что этот тип защитного вооружения — изобретение кельтов, известное здесь с IV в. до н.э., использовавшееся еще римлянами и к середине первого тысячелетия н.э. дошедшее до Передней Азии. Собственно же производство кольчуг возникло на Руси не позднее X в.

С конца XII в. вид кольчуги изменился. Появились доспехи с длинными рукавами, подолом до колен, кольчужные чулки, рукавицы и капюшоны. Изготавливали их теперь уже не из круглых в сечении, а из плоских колец. Ворот делался квадратным, разрезным, с неглубоким вырезом. Всего на одну кольчугу уходило теперь до 25 тыс. колец, а к концу XIII столетия — до 30 разного диаметра.

В отличие от Западной Европы на Руси, где ощущалось влияние Востока, в то время существовала и иная система защитного вооружения — пластинчатая или «дошатая бронь», называемая специалистами ламеллярным панцирем. Такой доспех состоял из связанных между собой и надвинутых друг на друга металлических пластинок. Древнейшие «брони» делались из прямоугольных выпуклых металлических пластинок с отверстиями по краям, в которые продевались ремешки, стягивавшие пластины между собой. Позже пластины изготавливались различной формы: квадратные, полукруглые и т.п., толщиной до 2 мм. Ранние брони на ремennom креплении

нии надевались на толстую кожаную или стеганую куртку или же, по хазаро-магьярскому обычаю — поверх кольчуги. В XIV в. архаичный термин «броня» сменился словом «доспех», а в XV в. появился новый термин, заимствованный из греческого языка, — «панцирь».

Ламеллярный панцирь весил несколько больше обычной кольчуги — до 10 кг. По мнению некоторых исследователей, покрой русских доспехов времен Киевской Руси отличался от степных прототипов, состоявших из двух кирас — грудной и спинной, и был сходным с византийским (разрез на правом плече и боку). По традиции, идущей через Византию от древнего Рима, плечи и подол такого доспеха оформлялись кожаными полосками, покрытыми наборными бляхами, что подтверждается произведениями искусства (иконы, фрески, миниатюры, изделия из камня).

Византийское влияние проявилось и в заимствовании чешуйчатого доспеха. Пластины такой брони прикреплялись к матерчатой или кожаной основе верхней своей частью и перекрывали собой нижерасположенный ряд подобно черепице или чешуе. Сбоку пластинки каждого ряда перекрывали одна другую, а посередине еще приклепывались к основе. Большинство подобных панцирей, найденных археологами, относится к XIII—XIV вв., но известны они еще с XI в. Длинной они были до бедер; подол и рукава изготовлялись из более длинных пластин. По сравнению с пластинчатым ламеллярным панцирем чешуйчатый был эластичнее и гибче. Выпуклые чешуйки, закрепленные только с одной стороны, придавали воину большую подвижность.

Кольчуга первенствовала в количественном отношении все раннее Средневековье, но в XIII в. она стала вытесняться пластинчатыми и чешуйчатыми доспехами. В этот же период появились и комбинированные доспехи, сочетавшие в себе оба этих типа.

Характерные сфероконические остроконечные шлемы не сразу получили преобладание на Руси. Ранние защитные головные уборы существенно отличались друг от друга, что было следствием проникновения в восточнославянские земли разных влияний. Так, в Гнездовских курганах на Смолен-

шине из двух найденных шлемов IX в. один оказался полусферическим, состоящим из двух половин, стянутых полосами по нижнему краю и по гребню ото лба к затылку, второй — типично азиатским, из четырех треугольных частей с навершием, нижним ободом и четырьмя вертикальными полосами, прикрывающими соединительные швы. У второго были надбровные вырезы и наносник, его украшала позолота и узор из зубцов и просечек по ободу и полосам. Оба шлема имели кольчужные бармицы — сетки, прикрывавшие нижнюю часть лица и шею. Два шлема из Чернигова, относящиеся к X в., по способу изготовления и декору близки ко второму гнездовскому. Они также азиатского, остроконечного типа и увенчаны навершиями с втулками для плюмажей. В средней части этих шлемов укреплены ромбические накладки с торчащими шипами. Считается, что эти шлемы имеют мадьярское происхождение.

Северное, варяжское влияние проявилось в киевской находке фрагмента полумаски-личины — типично скандинавской детали шлема.

С XI в. на Руси сложился и закрепился своеобразный тип плавно изогнутого кверху сфероконического шлема, оканчивающегося стержнем. Его непременным элементом был неподвижный «нос», а нередко и объединенная с ним полумаска с элементами декора. С XII в. шлемы обычно ковались из одного листа железа. Затем к нему приклепывалась отдельно изготовленная полумаска, а позднее — маска-личина, полностью закрывающая лицо, имеющая, как принято считать, азиатское происхождение. Особенно распространились такие маски с начала XIII в., в связи с общеевропейской тенденцией к утяжелению защитного вооружения. Маска-личина с прорезами для глаз и отверстиями для дыхания способна была защитить как от рубящих, так и от колющих ударов. Поскольку крепилась она неподвижно, то воинам, чтобы их узнали, приходилось снимать с себя шлем. С XIII в. известны шлемы с личинами на шарнире, откидывающиеся кверху подобно забралу.

Несколько позже высокого сфероконического шлема появился куполообразный. Встречались и шлемы уникальной

формы — с полями и цилиндро-коническим верхом (известны по миниатюрам). Под все типы шлемов обязательно одевался подшлемник — «прилбица». Эти круглые и, по-видимому, невысокие шапки часто изготовлялись с меховой опушкой. Кольчужная бармица, крепившаяся к краям шлема и полумаски, могла достигать размеров пелерины, прикрывающей плечи и верхнюю часть груди.

Как указывалось выше, щиты издревле составляли неотъемлемую часть славянского вооружения. Первоначально они сплетались из прутьев и обтягивались кожей, как и у всех варваров Европы. Позже, во времена Киевской Руси, их стали изготавливать из досок. Высота щитов приближалась к росту человека, и греки считали их «труднопереносимыми». Бытовали на Руси в этот период и круглые щиты скандинавского типа, до 90 см в диаметре. В центре и тех и других делался круглый пропил с рукояткой, снаружи прикрывавшийся выпуклым умбоном. По краю щит обязательно оковывался металлом. Нередко наружная сторона его покрывалась кожей. В XI в. распространились каплевидные (иначе — «миндалевидные») щиты общеевропейского типа, широко известные по различным изображениям. В это же время появились и круглые воронкообразные, но по-прежнему продолжали встречаться плоские круглые щиты. К XIII в., когда повысились защитные свойства шлема, верхняя кромка каплевидного щита выпрямилась, так как отпала необходимость защищать им лицо. Щит становится треугольным, с обозначившимся прогибом посередине, что позволяло плотно прижимать его к телу. Одновременно существовали и трапезиевидные, четырехугольные щиты. Встречались в то время и круглые, азиатского типа, с подкладкой на тыльной стороне, крепившиеся на руке двумя ремennыми «столбцами». Этот тип, скорее всего, бытовал у служилых кочевников Южной Киевщины и вдоль всего степного рубежа.

Известно, что щиты разных форм существовали в течение длительного времени и использовались одновременно (лучшей иллюстрацией такого положения служит известная икона «Церковь воинствующая»). Форма щита в основном зависела от вкусов и привычек владельца.

Основная часть внешней поверхности щита, между умбоном и окованным краем, так называемым «венцом», называлась каймой и окрашивалась по вкусу хозяина, но на всем протяжении использования щитов в русском войске предпочтение отдавалось различным оттенкам красного цвета. Помимо однотонной окраски, можно предположить и помещение на щитах изображений геральдического характера. Так, на стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском на щите Святого Георгия изображен хищник семейства кошачьих, — безгривый лев, или скорее тигр — «лютый зверь» мономахова «Поучения», по-видимому, ставший государственным гербом Владимиро-Суздальского княжества.

«Меч — главный предмет вооружения профессионального воина на протяжении всего домонгольского периода русской истории, — писал в свое время выдающийся отечественный археолог А.В. Арциховский. — В эпоху раннего Средневековья форма мечей на Руси и в Западной Европе была приблизительно одинаковой». После расчистки сотен клинков, относящихся к периоду становления Киевской Руси, хранящихся в музеях разных стран Европы, в том числе и бывшего СССР, выяснилось, что подавляющее их большинство было произведено в нескольких центрах, располагавшихся на Верхнем Рейне, в пределах Франкской державы. Этим и объясняется их однотипность.

Мечи, выкованные в IX—XI вв., ведущие свое происхождение от древнеримского длинного кавалерийского меча — спаты, имели широкий и тяжелый клинок, хотя и не слишком длинный — около 90 см, с параллельными лезвиями и широким долом (желобком). Иногда встречаются мечи с закругленным концом, свидетельствующие о том, что это оружие первоначально использовалось исключительно как рубящее, хотя из летописей известны примеры нанесения колющих ударов уже в конце X в., когда два варяга с воеводы Владимира Святославича, встретив в дверях идущего к нему брата — свергнутого Ярополка, пронзили его «под пазухи».

При обилии латинских клейм (как правило, это аббревиатуры, например, INND — In Nomine Domini, In Nomine Dei — Во имя Господне, Во имя Божие) немалый процент

клинков не имеет клейм или не поддается идентификации. В то же время русское клеймо найдено только одно: «Людоша (Людота?) коваль». Известно также одно славянское клеймо, выполненное латинскими буквами, — «Звенислав», вероятно, польского происхождения. Нет сомнения, что местное производство мечей существовало уже в Киевской Руси X в., но, может быть, местные кузнецы реже клеймили свои изделия?

Ножны и рукояти к импортным клинкам изготавливались на месте. Столь же массивной, как и клинок франкского меча, была его короткая толстая гарда. Эфес этих мечей имеет уплощенную грибовидную форму. Собственно рукоять меча изготавливалась из дерева, рога, кости или кожи, снаружи нередко обматывалась крученой бронзовой или серебряной проволокой. Думается, что различия в стилях декоративного оформления деталей рукоятей и ножен на самом деле имеют гораздо меньшее значение, чем это кажется некоторым исследователям, и выводить отсюда процент той или иной национальности в составе дружины оснований не дают. Один и тот же мастер мог владеть как различными техническими приемами, так и разными стилями, и украшал оружие в соответствии с желанием заказчика, а оно могло зависеть просто от моды. Ножны изготавливались из дерева и покрывались дорогой кожей или бархатом, украшались золотыми, серебряными или бронзовыми накладками. Наконечник ножен часто бывал украшен какой-либо затейливой символической фигурой.

Мечи IX—XI вв., как и в античной древности, продолжали носить на плечевой портупее, поднятыми довольно высоко, так, что рукоять приходилась выше пояса. С XII в. меч, как и повсеместно в Европе, начинают носить на рыцарском поясе, на бедрах, подвешенным за два кольца у устья ножен.

На протяжении XI—XII вв. меч постепенно изменял свою форму. Его клинок удлинялся, заострялся, утончался, вытягивалась крестовина — гарда, эфес приобретал сначала форму шара, затем, в XIII в., — уплощенного кружка. К тому времени меч превратился в рубяще-колющее оружие. Одновременно обозначилась тенденция к его утяжелению. Появились «полуторные» образцы, для работы двумя руками.

Говоря о том, что меч являлся оружием воина-профессионала, следует помнить, что таковым он был лишь в раннем Средневековье, хотя исключения для купцов и старой племенной знати существовали и тогда. Позднее, в XII в., меч появляется и в руках ополченцев-горожан. В то же время в ранний период, до начала массового, серийного производства оружия, вовсе не каждый дружинник владел мечом. В IX — первой половине XI в. право (и возможность) обладать драгоценным, благородным оружием имел лишь человек, принадлежавший к самому высшему слою общества — старшей дружине. В младшей же дружине, судя по материалам раскопок дружинных погребений, еще в XI в. мечами владели лишь должностные лица. Это командиры отрядов младших дружинников — «отроков», в мирное время исполняли полицейские, судебные, таможенные и иные функции и носили характерное название — «мечники».

В южных районах Древней Руси со второй половины X века получила распространение сабля, заимствованная из арсенала кочевников. На севере, в Новгородской земле, сабля вошла в обиход значительно позже — в XIII в. Состояла она из полосы — клинка и «крыжа» — рукояти. Клинок имел лезвие, две стороны — «голомени» и «тылье». Рукоятка собиралась из «огнива» — гарды, черена и набалдашника — эфеса, в который через небольшое отверстие продевался шнур — темляк. Древняя сабля была массивной, слабо изогнутой, настолько, что всадник мог ею, как мечом, заколоть лежащего на санях, о чем есть упоминание в «Повести временных лет». Сабля применялась параллельно с мечом в районах, граничивших со Степью. Севернее и западнее был распространен тяжелый доспех, против которого сабля не годилась. Для борьбы же с легкой конницей кочевников сабля была предпочтительней. Автор «Слова о полку Игореве» отметил характерную особенность вооружения жителей степного Курска: «у нихъ... сабли изострени...» С XI по XIII в. сабля в руках русских воинов упоминается в летописях всего трижды, а меч — 52 раза.

К рубяще-колющему оружию можно отнести и изредка встречающийся в погребениях не позднее X в. большой бо-

ево́й нож — скрамасакс, пережиток эпохи варварства, типичное оружие германцев, встречавшееся по всей Европе. Издавна были известны на Руси и боевые ножи, постоянно встречающиеся при раскопках. От хозяйственных их отличает большая длина (свыше 15 см), наличие дола — кровостока или ребра жесткости (ромбическое сечение).

Очень распространенным рубящим оружием в древнерусском войске был топор, имевший несколько разновидностей, что определялось различиями как в боевом применении, так и в происхождении. В IX—X вв. на вооружении тяжелой пехоты были большие топоры — секиры с мощным трапециевидным лезвием. Появившись на Руси как норманское заимствование, секира такого типа еще долго сохранялась на северо-западе. Длина топорика секиры определялась ростом владельца. Обычно, превышая метр, она достигала груди стоящего воина.

Гораздо большее распространение получили универсальные боевые топоры славянского типа для действия одной рукой, с гладким обухом и небольшим лезвием, с оттянутой книзу бородкой. От обычного топора они отличались главным образом меньшими весом и размерами, а также наличием в середине лезвия у многих экземпляров отверстия — для крепления чехла. Другой разновидностью был кавалерийский топорик — чекан с узким клиновидным лезвием, уравновешенным молотовидным обухом или, реже, клевцом — явно восточного происхождения. Встречался также переходный тип с молотовидным обухом, но широким, чаще равносторонним лезвием. Его также относят к славянским. К этому типу принадлежит широко известный топорик с инициалом «А», приписываемый Андрею Боголюбскому. Все три типа имеют весьма небольшие размеры и умещаются на ладони. Длина их топорика — «кия» — достигала метра.

В отличие от меча, оружия в первую очередь «благородных», топоры являлись основным вооружением младшей дружины, во всяком случае, ее низшей категории — «отроков». Как показывают недавние исследования дружинного Кемского курганного могильника у Белого озера, наличие в погребении боевого топорика при отсутствии меча одно-

значно свидетельствует о принадлежности его владельца к низшей категории профессиональных воинов, по крайней мере, до второй половины XI в. В то же время в руках князя боевой топор упоминается летописью лишь дважды.

К оружию ближнего боя относится ударное оружие. Из-за простоты изготовления оно получило на Руси большое распространение. Это прежде всего разного рода булавы и заимствованные у степняков кистени.

Булава — чаще всего бронзовый шар, залитый свинцом, с пирамидальными выступами и отверстием для рукояти весом в 200—300 г — была широко распространена в XII—XIII вв. в Среднем Поднепровье (на третьем месте по количеству находок вооружения). Но на севере и северо-востоке практически не встречается. Известны также цельнокованные железные и, реже, каменные булавы.

Булава — оружие главным образом конного боя, но, несомненно, широко применялась и пехотой. Она позволяла наносить очень быстрые короткие удары, которые, не являясь смертельными, оглушали противника, выводили его из строя. Отсюда — современное «ошеломить», т.е. «ошеломить», ударом по шлему — шелому, — опередить противника, пока он замахивается тяжелым мечом. Булава (так же, как засапожный нож или топорик) могла использоваться и как метательное оружие, о чем, кажется, свидетельствует Ипатьевская летопись, называя ее «рогатицей».

Кистень — гирька различной формы из металла, камня, рога или кости, чаще бронзовая или железная, обычно округлая, часто каплевидной или звездообразной формы, весом в 100—160 г на ремне длиной до полуметра — был, судя по частым находкам, очень популярен повсеместно на Руси, однако в бою самостоятельного значения не имел.

Редкое упоминание в источниках применения ударного оружия объясняется, с одной стороны, тем, что оно было вспомогательным, дублирующим, запасным, а с другой — поэтизацией «благородного» оружия: копья и меча. После раннего копейного столкновения, «изломив» длинные тонкие пики, бойцы брались за мечи (сабли) или топорики-чеканы, и лишь в случае их поломки или потери наступала оче-

редь булавы и кистеней. К концу XII в. в связи с началом массового производства клинкового оружия топоры-чеканы также переходят в разряд дублирующего оружия. В это время обух топорика иногда приобретает форму булавы, а булава снабжается длинным загнутым книзу шипом. Как результат этих экспериментов, в начале XIII в. на Руси археологами отмечено появление нового типа ударного оружия — шестопера. К настоящему времени обнаружены три образца железных восьмиллопастных наконечников округлой формы с плавно выступающими гранями. Они найдены в городищах к югу и западу от Киева.

Копье — важнейший элемент вооружения русского воина в рассматриваемый период. Наконечники копий, после наконечников стрел — наиболее частые из археологических находок предметов вооружения. Копье, несомненно, являлось самым массовым оружием того времени. Без копья воин в поход не выходил.

Наконечники копий, как и прочие виды вооружения, несут на себе печать различных влияний. Древнейшие местные, славянские наконечники представляют собой универсальный тип с листовидным пером средней ширины, пригодный для охоты. Скандинавские более узкие, «ланцетовидные», приспособлены для пробивания доспехов или наоборот — широкими, клиновидными, лавроволистными и ромбовидными, предназначенными для нанесения тяжелых ран не защищенному доспехами противнику.

Для XII—XIII вв. стандартным оружием пехоты стало копье с узким «бронбойным» четырехгранным наконечником около 25 см длиной, что говорит о массовом использовании металлического защитного вооружения. Втулка наконечника называлась вток, древко — оскеп, оскепище, ратовище или стружие. В длину древко пехотного копья, судя по его изображениям на фресках, иконах и миниатюрах, имело около двух метров.

Кавалерийские копья имели узкие граненые наконечники степного происхождения, применявшиеся для пробивания брони. Это было оружие первого удара. Уже к середине XII в. кавалерийское копье удлинилось настолько, что при

столкновениях часто ломалось. «Преломить копие...» в дружинной поэзии стало одним из символов воинской доблести. О подобных эпизодах упоминают и летописи, когда речь идет о князе: «Изломи Андрей копие свое в супротивне своемъ»; «Андрей же Дюргевичь взяв копие свое и поеха напередь и съехася прежде всих и изломи копье свое»; «Въеха Изяслав один в полки ратных, и копье свое изломи»; «Изяслав же Глебович, внук Юргев, доспев с дружиною, возмаша копье... въгнав за плот к воротам градным, изломи копье»; «Даниил же вбode копье свое в ратного, изломившужеса копью, и обнажи меч свои».

Ипатьевская летопись, написанная, в основных своих частях, руками светских людей — двух воинов-профессионалов — описывает подобный прием почти как ритуал, чем близка западной рыцарской поэзии, где такой удар воспевается бесчисленное количество раз.

Кроме длинных и тяжелых кавалерийских и коротких основных пехотных копий использовалась, хотя и редко, охотничья рогатина. Рогатины имели ширину пера от 5 до 6,5 см и длину лавролистного наконечника до 60 см (вместе с втулкой). Чтобы легче было держать это оружие, к его древку приделывались два-три металлических «сучка». В литературе, особенно художественной, рогатину и топор часто называют крестьянским оружием, но копье с узким, способным пробить броню наконечником гораздо дешевле рогатины и несравненно эффективнее ее. Оно и встречается значительно чаще.

Дротики-сулицы всегда были излюбленным национальным оружием восточных славян. Часто их упоминают в летописях, причем и как колющее оружие ближнего боя. Наконечники сулиц были и втульчатыми, как у копий, и черешковыми, как у стрел, отличаясь главным образом размерами. Часто они имели оттянутые назад концы, затруднявшие их извлечение из тела, и зазубрины, как у остроги. Длина древка метательного копья колебалась от 100 до 150 см.

Лук и стрелы употреблялись с глубокой древности как оружие охотничье и боевое. Луки изготавливались из дерева (можжевельник, береза, орешник, дуб) или из турьих рогов.

Причем на севере преобладали простые луки европейского «варварского» типа из одного куска дерева, а на юге уже в X в. стали популярными сложные, составные луки азиатского типа: мощные, состоявшие из нескольких кусков или слоев дерева, рога и костяных накладок, очень гибкие и упругие. Средняя часть такого лука называлась рукоять, а все остальное — кибит. Длинные изогнутые половины лука назывались рога или плечи. Рог состоял из двух планок, склеенных между собой. Снаружи он оклеивался берестой, иногда, для усиления, — роговыми или костяными пластинами. Наружняя сторона рогов была выпуклой, внутренняя — плоской. На лук наклеивались сухожилия, закреплявшиеся у рукояти и концов. Сухожилиями же обматывались места соединения рогов с рукоятью, предварительно промазанные клеем. Клей употреблялся высококачественный, из осетровых хребтов. У оконечностей рогов имелись верхние и нижние накладки. Через нижние проходила тетива, сплетенная из жил. Общая длина лука, как правило, составляла около метра, но могла и превышать человеческий рост. Такие луки имели специальное назначение.

Носили луки с натянутой тетивой, в кожаном чехле — налуче, крепившемся к поясу с левой стороны, устьем вперед. Стрелы для лука могли быть тростниковые, камышовые, из различных пород дерева, например яблоневые или кипарисовые. Их наконечники, часто ковавшиеся из стали, могли быть узкими, гранеными — бронебойными или ланцетовидными, долотообразными, пирамидальными с опущенными концами-жалами, и наоборот — широкие и даже двурогие «срезни», для образования больших ран на незащищенной поверхности и т.д. В IX—XI вв. употреблялись в основном плоские наконечники, в XII—XIII вв. — бронебойные. Футляр для стрел в данный период назывался тул или тула. Он подвешивался к поясу с правой стороны. На севере и западе Руси его форма была близка к общеевропейской, той, что известна, в частности, по изображениям на «Гобелене из Байо», рассказывающем о норманнском завоевании Англии в 1066 г. На юге Руси тулы снабжались крышками. Так, о курянах в том же «Слове о полку Игореве» сказано: «тули у

них отворени», т.е. приведены в боевое положение. Такая тула имела круглую или коробчатую форму и изготовлялась из бересты или кожи.

Одновременно на Руси, чаще всего служилыми кочевниками, употреблялся и колчан степного типа, изготовлявшийся из тех же материалов. Его форма увековечена в половецких каменных изваяниях. Это широкий снизу, открытый и суживающийся кверху овальный в сечении короб. Он также подвешивался к поясу с правой стороны, устьем вперед и вверх, а стрелы в нем, в противоположность славянскому типу, лежали остриями кверху.

Лук и стрелы — оружие, использовавшееся чаще всего легкой конницей — «стрельцами» или пехотой; оружие завязки боя, хотя стрелять из лука, этого главного оружия охоты, на Руси умели в то время абсолютно все мужчины. Как предмет вооружения лук был, вероятно, у большинства, в том числе и у дружинников, чем они отличались от западно-европейского рыцарства, где луком в XII в. владели только англичане, норвежцы, венгры да австрийцы.

Значительно позднее появился на Руси арбалет или самострел. Он намного уступал луку в скорострельности и маневренности, значительно превосходя его в цене. За минуту арбалетчик успевал сделать 1—2 выстрела, в то время как лучник, при необходимости, способен был сделать за это же время до десяти. Зато самострел с коротким и толстым металлическим луком и проволоочной тетивой далеко превосходил лук по мощи, выражавшейся в дальноточности и силе удара стрелы, а также кучности. К тому же он не требовал от стрелка постоянных тренировок для поддержания навыка. Арбалетный «болт» — короткая самострельная стрела, на Западе иногда цельнокованая, пробивала любые щиты и брони на расстоянии двухсот шагов, а максимальная дальность стрельбы из него достигала 600 м.

Это оружие пришло на Русь с Запада через Карпатскую Русь, где оно впервые упоминается в 1159 г. Самострел состоял из деревянного ложа с подобием приклада и прикрепленного к нему мощного короткого лука. На ложе делался продольный желоб, куда вкладывалась короткая и толстая

стрела с втульчатым копьевидным наконечником. Первоначально лук изготовлялся из дерева и от обычного отличался только размером и толщиной, но позже стал изготавливаться из упругой стальной полосы. Натянуть такой лук руками мог только чрезвычайно сильный человек. Обычный же стрелок должен был упереть ногу в специальное стремя, прикрепленное к ложе впереди лука и железным крюком, держа его двумя руками, натянуть тетиву и вложить ее в прорезь спуска.

Специальное спусковое устройство круглой формы, так называемый «орех», изготовлявшийся из кости или рога, крепился на поперечной оси. Он имел прорезь для тетивы и фигурный вырез, в который входил конец спускового рычага, в ненажатом положении стопоривший поворот ореха на оси, не позволяя ему освободить тетиву.

В XII в. в оснащении арбалетчиков появился двойной поясной крюк, позволявший натягивать тетиву, распрямляя корпус и удерживая оружие ногой в стремени. Древнейший в Европе поясной крюк был найден на Волыни, при раскопках Изяславля.

С начала XIII столетия для натягивания тетивы стал использоваться и специальный механизм из шестерен и рычага — «коловорот». Не отсюда ли прозвище Рязанского боярина Евпатия — Коловрат — за способность обходиться без оногo? Первоначально такой механизм, по-видимому, применялся на тяжелых станковых системах, стрелявших зачистую цельноковаными стрелами. Шестерня от такого устройства была найдена на развалинах погибшего города Вщиж в современной Брянской области.

В домонгольский период арбалет (самострел) распространился по всей Руси, но нигде, кроме западных и северо-западных окраин, его применение не носило массового характера. Как правило, находки наконечников именно арбалетных стрел составляют 1,5—2 % от общего их количества. Даже в Изборске, где найдено наибольшее их число, они составляют менее половины (42,5 %), уступая обычным. К тому же значительная часть найденных в Изборске наконечников арбалетных стрел — западного, втульчатого типа, скорее всего, залетевших в крепость извне. Русские арбалетные стре-

лы обычно черешковые. А на Руси самострел — оружие исключительно крепостное, в полевой войне оно употреблялось только в землях галицких и волынских, к тому же не ранее второй трети XIII в. — уже за пределами рассматриваемого нами периода.

С метательными машинами восточные славяне познакомились не позднее походов на Константинополь киевских князей. Церковное предание о крещении новгородцев сохранило свидетельство о том, как они, разобрав до середины мост через Волхов и установив на нем «порок», метали камни в киевских «крестоносцев» — Добрыню и Путяту. Однако первые документальные свидетельства применения камнеметов в русских землях относятся к 1146 и 1152 гг. при описании междукняжеской борьбы за Звенигород Галицкий и Новгород Северский. Отечественный оружейвед А. Н. Кирпичников обращает внимание на то, что приблизительно в это же время на Руси становится известен перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия, где метательные машины часто упоминаются, что могло повлиять на интерес. Практически одновременно появляется здесь и ручной самострел, что также должно было привести к опытам создания более мощных стационарных образцов.

В последующем камнеметы упоминаются в 1184 и 1219 гг.; известен также факт захвата передвижной метательной машины типа баллисты у половцев хана Кончака весной 1185 г. Косвенным подтверждением распространения метательных машин и станковых арбалетов, способных метать ядра, служит появление сложной эшелонированной системы крепостных укреплений. В начале XIII века такая система валов и рвов, а также расположенных с внешней стороны строга и заплота, рядов надолбов и аналогичных препятствий создавалась с целью отодвинуть метательные машины за пределы эффективной дальности их действия.

В начале XIII века в Прибалтике с действием метательных машин столкнулись полочане, а за ними псковичи и новгородцы. Камнеметы и арбалеты применили против них закрепившиеся здесь немецкие крестоносцы. Вероятно, это были наиболее распространенные тогда в Европе машины

балансирно-рычажного типа, так называемые петереллы, так как камнеметы в летописях обычно называются «пороками» или «праками», т.е. пращами. По-видимому, аналогичные машины преобладали и на Руси. Кроме того, немецкий хронист Генрих Латвийский часто, говоря о русских защитниках Юрьева в 1224 г., упоминает баллисты и баллистариев, что дает основание говорить о применении ими не только ручных арбалетов.

В 1239 г. при попытке деблокировать осажденный монголами Чернигов горожане помогали своим спасителям, меча в татар камни, которые были способны поднимать только четверо заряжающих. Машина аналогичной мощности действовала в Чернигове и за несколько лет до нашествия, при подходе к городу войск волынско-киевско-смоленской коалиции. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что на большей части Руси широкого распространения метательные машины, как и арбалеты, не получили и регулярно применялись только в юго- и северо-западных ее землях. В результате большинство городов, особенно на северо-востоке, продолжали прибывать в готовности лишь к пассивной обороне и оказались легкой добычей завоевателей, оснащенных мощной осадной техникой.

В то же время есть основания считать, что городское ополчение, а именно оно обычно составляло большую часть войска, было вооружено не хуже феодалов и их дружинников. На протяжении рассматриваемого периода процент конницы в составе городских ополчений все возрастал, и в начале XII в. стали возможны полностью конные походы в степь, но даже те, кому в середине XII в. не хватало средств на покупку боевого коня, зачастую оказывались вооружены мечом. Из летописи известен случай, когда киевский «пешец» пытался мечом убить раненого князя. Владение мечом к тому времени уже давно перестало быть синонимом богатства и знатности и соответствовало статусу полноправного члена общины. Так, еще «Русская Правда» допускала, что «муж», нанеший другому оскорбление ударом меча плашмя, мог не иметь серебра, чтобы заплатить штраф. Еще один чрезвычайно интересный пример на эту же тему приводит

И.Я. Фроянов, ссылаясь на Устав князя Всеволода Мстиславича: «Если «робичичу», сыну свободного человека, прижитого от рабыни, даже из «мала живота...» полагалось взять коня и доспех, то можно смело утверждать, что в обществе, где существовали такие правила, оружие являлось неотъемлемым признаком статуса свободного, независимо от его социального ранга». Добавим, что речь идет о броне — оружию дорогое, считавшемся обычно (по аналогии с Западной Европой) принадлежностью профессиональных воинов или феодалов. В такой богатой стране, каковой являлась домонгольская Русь в сравнении со странами Запада, свободный человек продолжал пользоваться своим естественным правом владения каким угодно оружием, а возможностей для реализации этого права было в то время достаточно.

Как видим, любой городской житель среднего достатка мог иметь боевого коня и полный комплект вооружения. Примеров тому можно привести множество. В подтверждение можно сослаться на данные археологических исследований. Конечно, в материалах раскопок доминируют наконечники стрел и копий, топоры, кистени и булавы, а предметы дорогого вооружения обычно встречаются в виде обломков, но надо иметь в виду, что раскопки дают картину в искаженном виде: дорогое оружие, наряду с драгоценностями, считалось одним из ценнейших трофеев. Его собирали победители в первую очередь, причем искали его сознательно или находили случайно. Естественно, что находки клинков, брони и шлемов сравнительно редки. Сохранилось же, как правило, то, что не представляло ценности для победителей и мародеров. Кольчуги же вообще в целом виде, кажется, чаще находят в воде, спрятанными или брошенными, похороненными вместе с владельцами под развалинами, чем на поле боя. Это означает, что типовой комплект вооружения воина городского ополчения начала XIII в. в действительности был далеко не таким бедным, как это было принято считать еще относительно недавно. Непрерывные войны, в которых наряду с династическими интересами сталкивались экономические интересы городских общин, заставляли горожан вооружаться в той же степени, что и дружинников, и их оружие и доспехи могли уступать разве что в цене и качестве.

Подобный характер общественно-политической жизни не мог не отразиться на развитии оружейного ремесла. Спрос порождал предложение. А.Н. Кирпичников писал по этому поводу: «Показателем высокой степени вооруженности древнерусского общества служит характер военного ремесленного производства. В XII веке заметно углубляется специализация в изготовлении оружия. Возникают специализированные мастерские по производству мечей, луков, шлемов, кольчуг, щитов и прочего вооружения». «...Внедряется постепенная унификация и стандартизация оружия, появляются образцы «серийного» военного производства, которое становится массовым». При этом под напором массовой продукции все более стираются различия в изготовлении «аристократического» и «плебейского», парадного и народного оружия. Возросший спрос на дешевые изделия приводит к ограниченному производству уникальных образцов и расширению выпуска массовых изделий. Кто же были покупатели? Ясно, что большую их часть составляли не княжеские и боярские отроки (хотя и их число росло), не только-только появившийся слой служилых, условных держателей земли — дворян, а в первую очередь — население растущих и богатеющих городов. «Специализация затронула и производство снаряжения кавалеристов. Седла, удила, шпоры стали массовой продукцией», что несомненно, указывает на количественный рост конницы.

Касаясь вопроса о заимствованиях в военном деле, в частности в вооружении, А.Н. Кирпичников отмечал: «Речь идет... о гораздо более сложном явлении, чем простое заимствование, задержка в развитии или самобытный путь; о процессе, который нельзя представить космополитическим, как невозможно уместить и в «национальных» рамках. Секрет состоял в том, что русское раннесредневековое военное дело в целом, а равно и боевая техника, вобравшие достижения народов Европы и Азии, не были только восточными или только западными или только местными. Русь была посредницей между Востоком и Западом, и киевским оружейникам был открыт большой выбор военных изделий из близких и далеких стран. И отбор наиболее приемлемых видов оружия

происходил постоянно и активно. Трудность заключалась в том, что вооружение европейских и азиатских стран традиционно отличалось. Ясно, что создание военно-технического арсенала не сводилось к механическому накоплению импортных изделий. Нельзя понимать развитие русского оружия как непереносимое и постоянное скрещение и чередование одних только иноземных влияний. Привозное оружие постепенно перерабатывалось и приспособлялось к местным условиям (например мечи). Наряду с заимствованиями чужого опыта создавались и использовались собственные образцы...»

Особо приходится оговорить вопрос об импорте вооружения. А.Н. Кирпичников, противореча себе, отрицает импорт вооружения на Русь в XII — начале XIII вв. на том основании, что всеми исследователями в этот период отмечено начало массового, тиражированного производства типовых образцов вооружения. Само по себе это не может служить доказательством отсутствия импорта. Достаточно вспомнить обращение автора «Слова о полку Игореве» к волынским князьям. Отличительной чертой вооружения их войск названы «шеломы латинские», «сулицы ляцкие (т.е. польские. — Ю.С.) и щиты».

Что же представляли собой «латинские» т.е. западноевропейские шлемы, в конце XII в.? Это тип чаще всего глубокий и глухой, лишь с прорезями — щелями для глаз и отверстиями для дыхания. Таким образом, войско западно-русских князей выглядело совершенно по-европейски, поскольку, даже если исключить импорт, оставались такие каналы иностранного влияния, как контакты с союзниками или военная добыча (трофеи). Одновременно тот же источник упоминает «мечи харалужные», т.е. булатные, ближневосточного происхождения, однако имел место и обратный процесс. Русский пластинчатый доспех был популярен на Готланде и в восточных регионах Польши (т.н. «броня мазовецка») и в более позднюю эпоху господства цельнокованых панцирей. Щит типа «повез», с долевым желобом посередине, по мнению А.Н. Кирпичникова, распространился по Западной Европе из Пскова.

Следует отметить, что «русский комплекс вооружения» никогда не представлял из себя единого целого на просторах огромной страны. В разных краях Руси существовали местные особенности, предпочтения, обусловленные в первую очередь вооружением противника. Из общего массива заметно выделялись западная и степная юго-восточная пограничные зоны. Где-то предпочитали нагайку, а где-то шпоры, саблю — мечу, арбалет — луку и т.п.

Киевская Русь и ее исторические преемники — русские земли и княжества — были в то время огромной лабораторией, где совершенствовалось военное дело, видоизменяясь под воздействием воинственных соседей, но не теряя национальной основы. И оружейно-техническая сторона его, и тактическая впитывали в себя разнородные иностранные элементы и, перерабатывая, сочетали их, образуя уникальное явление, имя которому «русский лад», «русский обычай», позволявший успешно обороняться от Запада и Востока разным оружием и разными приемами.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Аманат — пленник-заложник.

Арбалет (самострел) — стальной лук, укрепленный на деревянном станке (ложе); его тетива натягивалась воротом (барбаном с ручным приводом).

Архистратиг (старший стратиг) — высший военачальник, глава военно-административной области — фемы в Византии.

Аршин — старинная мера длины, равная 71,12 см.

Атаман выборный — начальник казацкого отряда на Дону, Яике и в других местах обитания казаков; «поместный атаман» — находившийся на службе в царском войске; предводитель отряда восставших крестьян и казаков.

Бабы дубовые — деревянные (чаще всего — дубовые) столбы, сваи.

Байдана — разновидность кольчуги, отличающаяся более плоскими и более широкими кольцами.

Баллисты — метательные машины, при помощи которых бросали на большие расстояния камни, бревна, стрелы, горшки с горючей смесью. Они широко использовались при осадах крепостей. Именовались также катапультами.

Бармица — кольчужная железная сетка, прикреплявшаяся к шлему воина для защиты шеи.

Бараш — 1) человек, занимавшийся хранением и установкой княжеского шатра; 2) ремесленник-шатерник, изготавливавший шатры.

Баркан — часть (прясло) крепостной стены между двумя соседними башнями (стрельницами).

Бармы — княжеское шейное украшение в Древней Руси; состояло из золотых круглых медальонов.

Баскак — чиновник, представитель монгольского хана в покоренных монголами странах; золотоордынские ханы посылали своих баскаков на Русь до второй четверти XIV в.

Белец — священник, представитель белого духовенства.

Бердыш — русское холодное оружие, колющее и рубящее, с топором-полумесцем, насаженным на древко с острием внизу; служил также подсошком (упором) при стрельбе из тяжелого ружья XVI—XVII вв. (мушкета).

Берма — расстояние от крепостной стены до рва.

Бертьяница — кладовая.

Било — колокольный язык.

Бирюч — глашатай.

Бояре — крупные феодалы, владельцы вотчин, высший слой княжеских людей, воеводы в полках; позже главы (судьи) приказов или члены Боярской думы.

Боярская дума — высший совет при великом князе, в который входили бояре.

Бронь — кольчуга.

Булава — старинное оружие в виде металлической головки с выступами, насаженной на деревянную рукоять.

Бусурман (басурман, бесермен) — иноверец, нехристианин из числа мусульман (магометан), последователей религии ислама.

Введенные бояре — в средневековой Руси одна из категорий феодальных вассалов, выполнявших ответственные поручения князя в сфере суда и управления; известны с первой трети XV в.

Вежа — башня.

Вервь — соседско-территориальная община в Древней Руси.

Вериги — тяжелые железные цепи или обручи, носимые на голом теле под одеждой религиозными подвижниками.

Верста — мера длины в России, равнявшаяся в позднее время 1067 м или 500 сажням; в древности состояла из 750 сажней.

Вече (старославянское «вет» — совет) — 1) первоначально народное собрание мужчин-общинников у восточных славян; 2) с эпохи Древней Руси орган государственного управления и самоуправления. В летописи упоминается о созыве вече в XI—XII вв. в Белгороде, Киеве, Новгороде, Полоцке, Ростове, Смоленске, Суздале и других городах. На вече обсуждались вопросы войны и мира, кандидатуры приглашаемых городскими общинами князей. В Новгороде Великом в 1136—1478 гг. и Пскове с середины XIV в. вечу принадлежала высшая зако-

нодательная и судебная власть. На новгородском вече избирали посадников, тысяцких, епископов (архиепископов), приглашали либо изгоняли князей.

Видок — свидетель.

Вира — в эпоху Древней Руси денежный штраф в пользу князя, который выплачивал человек, совершивший убийство, либо община, на территории которой произошло преступление (в случае, если преступника не удавалось обнаружить).

Вирник — сборщик княжеской судебной пошлины (виры).

Витязь — богатырь, герой, храбрый воин. Этимология слова вызывает разные истолкования: одни лингвисты производят его от общеславянского термина, имеющего многочисленные параллели в болгарском, древнерусском, лужицком, сербохорватском, словацком, словенском, украинском, чешском языках; другие ведут его происхождение от германских языков, в частности, из скандинавского «викинг» (морской воин).

Воевода — военачальник; командовал частью княжеской дружины, полком, отрядом; с середины XVI в. также должностное лицо, стоявшее во главе города.

Волоки — участки суши, на которых лодки и суда перетаскивались (волочились) из одной водной системы (озера, реки и др.) в другую; волочение по суше также применялось в районе речных порогов. Иногда они использовались во время военных действий, чаще — при перевозке товаров.

Волостель — княжеское должностное лицо в средневековой Руси, управлявшее волостью, чье население уплачивало налог (корм) в его пользу.

Волость — административно-территориальная единица в России с эпохи Древней Руси до начала XX в. В домонгольский период волость как княжеское владение соответствовала понятиям «земля», «страна», «область». Позже волостью стали именовать небольшие административно-территориальные единицы, сформировавшиеся на основе крестьянской общины. Такие волости в XIII—XVI вв. существовали в боярских, дворцовых, монастырских и черных землях. Князья отдавали их в кормление волостелям.

Волхвы — языческие жрецы у восточных славян.

Волхование — колдовство; ритуальные действия волхвов.

Волчьи ямы — вид заграждений в виде ямы с заостренными кольями на дне.

Вор — в официальных документах государственный преступник, мятежник, участник народных восстаний. См. также: тать.

Вотчина (Отчина) — наследственное владение великого князя, удельных князей, крупного феодала в средневековой Руси; позже были вотчины «родовые», «жалованные» царем и «купленные» одним феодалом у другого. Вотчины можно было свободно продавать, дарить, передавать по наследству.

Выход — наименование дани, которую русские княжества выплачивали ханам Золотой Орды с середины XIII до конца XV в. Ею облагалось все население, за исключением православного духовенства. Для сбора дани монгольские «численники» проводили в 1257—1259 гг. перепись людей на Руси. Первоначально «выход», размер которого не был постоянным, собирали ордынские баскаки и мусульманские купцы — откупщики дани, со второй четверти XIV в., со времен Ивана Калиты — великие князья. При московском великом князе Дмитрии Донском (1359—1389) «выход» в Орду составлял 5 тыс. рублей в год. Незадолго до свержения ордынского ига Иван III прекратил выплачивать эту дань Орде.

Галера (каторга, катарга) — гребное многовесельное военное судно.

Георгий-Победоносец — святой воин, ставший небесным покровителем московских великих князей; его изображение — популярный сюжет многих произведений средневекового русского искусства. Позже Георгий-Победоносец на коне с копьем, убивающий дракона, стал официальным гербом Москвы.

Голова — в войсках до XVIII в. начальник отряда; назначался правительством из числа дворян (голова стрельцов, казачий голова, голова пушкарей и т.д.). Голова засечный командовал засекой.

Голова осадный — комендант крепости, как и голова острожный.

Голова сотенный — командир сотни в поместном войске.

Головник — убийца.

Городничий (городовой приказчик) — по назначению правительства ведал городом, его строительством и ремонтом, был помощником воеводы; назначался из дворян.

Городня — часть крепостной стены в виде сруба из бревен, засыпанного песком или щебнем.

Горожа — ограда, забор.

Греческий огонь — зажигательная смесь из смолы, нефти, серы и селитры, применявшаяся византийцами (греками) в морских боях и при осаде крепостей с помощью метательных машин и специальных медных труб; она горела даже на воде.

Гривна — 1) шейное украшение; 2) денежный слиток; 3) счетная денежная единица в средневековой Руси.

Гридин (гридь) — член младшей дружины князя.

Гридьница — помещение для гриди, где хранилось оружие, устраивались дружинные пиры.

Гуляй-город — полевое подвижное (на колесах) укрепление из деревянных щитов с прорезанными в них бойницами; применялось русскими войсками в XVI—XVII вв. при осаде крепостей и в полевых сражениях.

Дача — назначенное дворянину поместное и денежное жалованье в соответствии с его указным окладом.

Дворец — центральное ведомство великого князя в Московской Руси XV—XVI вв.

Дворецкий — великокняжеский или царский боярин, ведавший дворцом и выполнявший другие поручения правителя по управлению дворцовыми землями.

Дворский — княжеский управляющий, сборщик налогов, ведавший также исполнением судебных приговоров.

Дворяне выборные — высший, отборный разряд дворян городских, служивших «по выбору» в Москве и в дальних городах и походах; получали более высокое поместное и денежное жалованье.

Дворяне городовые — провинциальные, уездные, служившие «по городу»; в XVII в. были рядовыми в полках рейтар и младшими офицерами в полках драгун и солдат.

Дворяне московские — приписанные к Москве, высший разряд дворян, служивших воеводами, послами, головами стрельцов, несших также придворную службу.

Делюи — дворцовые слуги московских великих князей; упоминаются в великокняжеских грамотах последней трети XIV в. (1367, 1374, 1375, 1389, 1390)

Десятина — 1) старинная мера площади, равнялась около 1,1 га; 2) десятая часть княжеских доходов от сбора пошлин, выделенная великим киевским князем Владимиром Святославичем на содержание церкви.

Дети боярские — мелкие уездные дворяне XV—XVI вв.; позже, в XVII в., зачастую «малопоместные, пустопоместные, безпоместные».

Детинец — в Древней Руси укрепленная часть города (крепость), где проживали князь с дружиной.

Детские — младшие дружинники.

Докончание — договорная грамота.

Долбленки (греч. моносилы) — лодки, которые выдалбливались из цельного ствола дерева.

Домажирич — княжеский домоправитель, ведавший сбором пошлыны в пользу князя на определенной территории; известен с XII в. (впервые упоминается в уставе новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г., дошедшем в копии середины XIV в.).

Дружины — отряды профессиональных конных воинов (дружинников), находившиеся на службе у древнерусских князей; они занимались наряду с военным делом управлением (сбором дани и налогов, судопроизводством). Дружина делилась на «старшую» (знатные «княжие мужи») и «молодшую» («гриди», «детские», «отроки»).

Дружинники — воины дружины.

Дьяк — 1) низший священнослужитель; 2) высшая приказная должность; дьяки правили делами в приказах и канцеляриях (избах) воевод в больших городах (Великий Новгород, Казань и др.).

Духовная грамота — завешание.

Духовник — личный священник.

Емец — княжеский чиновник, занимавшийся сбором дани в Древней Руси.

Ерихонка — разновидность металлического шлема.

Ертоул (яртоул) — передовой полк, отряд войск.

Есаул — в казачьих войсках и отрядах повстанцев помощник атамана.

«Железная свинья» — построение рыцарского войска в виде пятиугольника с клином впереди; по периметру снаружи находились тяжеловооруженные конные рыцари, а внутри под их прикрытием — пехотинцы (кнехты). Использовалось, в частности, крестоносцами в Ледовом побоище 1242 г.

Живот — жизнь; животы — имущество, пожитки.

Житыи люди (житыи) — группа непривилегированных феодалов в Новгороде Великом, происходившая из разбогатевших горожан. Владея землей, житыи люди также активно занимались торговлей и по социальному положению были близки богатым купцам (гостям).

Заборола — завершающий крепостную стену каменный или деревянный бруствер (выступ) с боевой площадкой для стрельбы из луков, пушек и метания камней в осаждающих крепость.

Забрало — часть шлема, прикрывающая от поражения лицо воина.

Зажитие — в средневековой Руси место заготовки продовольствия и фуража для войска.

Зажитник — человек, занимающийся заготовкой продовольствия и фуража для войска.

Замятня — смута, муждоусобная борьба.

Заповедный — запретный.

Заповедь — запрет.

Запрос — в эпоху ордынского ига так именовались экстренные поборы с Руси золотоордынских ханов на конкретные военные нужды.

Засека, засечный лес — оборонительные укрепления для защиты от набегов крымских ханов в XV — XVII вв. в виде полосы поваленных деревьев, глубоких рвов и валов, надолб и острогов, охранявшиеся отрядами дворян и «засечных сторожей». Общая протяженность Заокской, Белгородской и других засек составляла несколько тысяч километров.

Затинщик — пушкар, стрелявший из небольшой «затинной» пушки (пищали).

Зелье — 1) яд, отравы; 2) порох (зелеяная мельница — пороховой завод).

Извет — донос.

Изветчик — доносчик.

Изгой — в Древней Руси человек, потерявший связь со своей общиной, изгнанный из нее за какой-либо проступок, т.е. утративший прежний социальный статус. Это мог быть отпущенный на волю холоп, разорившийся купец или ремесленник, лишившийся всех владений князь.

Каган (хакан) — титул правителя у тюркских народов; от хазар его восприняли еще в IX в. на Руси. Хаканом (каганом)

именовались, в частности, великие киевские князья Олег, Владимир Святославич, Ярослав Мудрый.

Каганат — государство, во главе которого стоит каган. В эпоху Средневековья существовали Аварский, Тюркский, Хазарский каганаты.

Казак (тюрк. «вольный человек») — название вольных людей вообще, а также донских, яицких, сибирских, астраханских, терских и других казаков; городской казак — служивший «по прибору» в южных городах под начальством казачьих голов и сотников. Казаками в средневековой России именовали в XVI—XVII вв. и просто наемных работников.

Капище — языческое жертвенное место (святилище) у восточных славян.

Катапульта — см. баллисты.

Каторга (катарга) — см. галера.

Киличей (от татарского «килиш» — гостевать, ходить в гости, общаться) — посланец московского великого князя в Золотую Орду, куда он отправлялся с конкретным дипломатическим поручением вассала к сюзерену.

Кистень — древнее боевое оружие в виде палки, на одном конце которой на ремне или цепи подвешен металлический шар, а на другом — петля для надевания на руку.

Клевец — боевой топор с узким лезвием и молотковидным боушком.

Клеврет (clevretus — «раб, отпущенный на свободу вместе с каким-либо другим каким-либо рабом», «товарищ — вольноотпущенный») — 1) старослав. и древнерусск. — раб; упоминается впервые в Остромировом Евангелии (1056—1057 гг.); 2) угодливый приверженец кого-либо, приспешник (более позднее значение).

Ключ — термин из мирного соглашения Руси с Византией 907 г.; «и заповеда Олег дати всем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ». По мнению И.И. Срезневского, под ключом здесь подразумевается руль — кормило, по утверждению Д.С. Лихачева — это уключина для весла. И первое, и второе ассоциируются с размером дани на одного воина. Быть может, все же ближе к истине В.И. Даль, предположивший, что «ладейная сила Олега, вероятно, делилась на ключи по волостям, и откуда лады были выставлены, или по частным начальникам над

ключами, отделами людей». В таком случае термин ключ из текста договора 907 г. означает определенное число воинов, которое снаряжала волость — община.

Кмет — одно из названий воина в Древней Руси; упоминается в «Слове о полку Игореве».

Кнехты — в Германии и других странах Западной Европы пехота, вооруженная луками или арбалетами; кнехты из числа покоренных племен Восточной Прибалтики участвовали, например, на стороне крестоносцев в Ледовом побоище 1242 г.

Княжество — государство во главе с князем, княжеские владения.

Князь (праславянское слово, заимствованное, как полагают лингвисты, из прагерманского языка, от «kuni» — род) — 1) первоначально вождь племени и союза племен у славян, чья должность в древности была выборной; 2) позже наследственный правитель государства на Руси, в Польше, Чехии, Болгарии, Сербии; в средневековой Руси именовался великим князем, которому подчинялись просто князья Рюриковичи, его родственники, являвшиеся вассалами.

Колонтарь — доспех в виде железной кольчужной рубашки с металлическими пластинами, но без рукавов.

Кольчуга (др. русск. наименование «бронь») — оборонительный доспех в виде рубашки из скованных между собой железных колец (до 20 000 штук) распространился на Руси с X в. Русские кольчуги пользовались славой в Европе еще с домонгольской эпохи. См. также: байдана, колонтарь.

Кондотьер (итал. condottiere) — в эпоху средневековья в Италии предводитель наемного войска, находившийся на службе у какого-либо государя (правителя) и римского папы.

Конец (от слова «кон» — род, община) — административный район средневекового русского города, возникший в период его становления на основе общинного поселка. В Новгороде Великом, например, существовало пять концов (первоначально — три) с кончанским вечем и старостой. Концы известны также в Пскове, Муроме, Русе (современная Старая Руса), Смоленске.

Контин (от слова «кон» — род, община) — общинный дом у славян для хранения общего имущества и проведения ритуальных трапез. Остатки длинных деревянных домов-контан

обнаружены археологами при раскопках восточнославянского городища VI—XIII вв. Звенигород у села Крутилова (бассейн р. Збруч, на юго-западе Украины).

Копейщик — воин, вооруженный копьем.

Корзно — плащ римско-византийского образца, который носили древнерусские князья; его накидывали на левое плечо, а на правом застегивали пряжкой (фибулой).

Короста (корста) — гроб.

Костер (костра) — башня.

Кош — обоз.

Кошевой — обозничий.

Крамола — заговор, бунт.

Крамольник — заговорщик, смутьян.

Кремник — кремль.

Круг — казачий сход, собрание.

Куяк — 1) разновидность шлема; 2) пластинчатый панцирь из нашитых на сукно чешуек.

Ладья (др. русск. — лодья) — большая лодка для плавания по рекам, озерам и морям. См. также: долбленки, насады.

Лов — охота.

Лук — ручное оружие для стрельбы стрелами с железными наконечниками (жалами).

любовь — одно из значений: мир, мирное соглашение.

Люди ратные — военные; служилые: «по отечеству» — дворяне и дети боярские; «по прибору» (приборные) — стрельцы, пушкари, воротники, городовые казаки и др.

Межа — предел, рубеж, граница.

Меч — колющее и рубящее обоюдоострое оружие; употреблялся на Руси с IX—X вв. до середины XVI в.

Мечник — княжеский дружинник; чиновник князя, ведавший сбором судебных пошлин.

Мисюрка — в средневековой Руси полусферический шлем с бармицей. См. также: бармица.

Навет — ложное обвинение, клевета.

Нагайка — плеть.

Наряд — артиллерия («пушечный наряд»).

Насад — небольшое судно с наращенными сверху бортами; в Древней Руси их также именовали «набойными ладьями».

Нелюбье — вражда.

Нетчик — дворянин или другой служилый человек, не явившийся на смотр или службу, дезертир, отмеченный на смотре в списке словом «нет». Наказывался конфискацией или убавкой поместья и денежного жалованья, а за повторное «нет» — и кнутом.

Оберег — амулет.

Огнищанин (от слова «огнище») — княжеский муж, привилегированный слуга князя, отвечающий за сохранность его имущества. За убийство огнищанина по «Русской Правде» уплачивался самый большой денежный штраф — 80 гривен.

Огнище — очаг, двор в Древней Руси.

Одиначество — дружба, союз, согласие.

Окуп (откуп) — выкуп, дань с побежденного в пользу победителя.

Опас — охранная грамота для иноземных послов.

Ордынцы — так на Руси именовали население Золотой Орды.

Осада (осадное сиденье) — оборона осажденной крепости ее гарнизоном и жителями.

Острог — деревянная крепость со стенами из заостренных сверху бревен, с башнями, глухими и проезжими воротами.

Острожек — небольшой острог.

Остроги — термин для обозначения шпор в древнерусском языке.

Отроки — младшие дружинники.

Охабень (захабень) — длинный узкий коридор, примыкавший с внутренней стороны крепостной стены к воротам; на другом конце его были еще одни, внутренние, ворота, которые должны были остановить врага, если он ворвется в охабень через наружные ворота. Поверх охабня был настил с бойницами для лучников.

Палица — разновидность булавы.

Панцирь — оборонительный доспех из стальных пластинок, связанных кожаными ремнями (пластинчатый панцирь) либо прикрепленных к кожаной или матерчатой основе (чешуйчатый панцирь).

Перевет — измена.

Переветник — предатель, изменник.

Перемет — высокий вал из дров; иногда при осаде его перемещали на колесах.

Пересуд — 1) пересмотр судебного приговора, повторный суд; 2) судебная пошлина.

Печатник — должностное лицо в Древней Руси, хранитель княжеской печати.

Пишаль — небольшая пушка или ружье («завесная пищаль»).

Пищальник — конный или пеший воин, вооруженный ручной пищалью; предшественник стрельцов XVI—XVII вв.

Поварня — кухня.

Повоз — с X—XI вв. повинность в пользу князя по перевозке грузов и людей.

Погорожье — подать в пользу князя, взимавшаяся с населения городов; известна с XII в.

Полк — воинская часть; до XVII в. включительно войско делилось на полки: царский (государев), большой, передовой, правой и левой руки, сторожевой.

Полон — плен; полоняник — пленный. Полюдь — объезд князем с дружиной подчиненных племен с целью сбора дани; обычно начинался осенью.

Поместье — земельное владение с населенными деревнями, данное за службу феодалу во временное (пожизненное) пользование за военную либо гражданскую службу; после смерти его владельца передавалось его сыновьям или (выморочное) другому помещику с выделом части вдове «на прожиток» и дочерям на приданое.

Поприще — мера длины, равная 6 или 8 греческим стадиям, или 1100—1480 м.

Пороки — стенобитные машины типа таранов.

Порты — 1) одежда; 2) мужские штаны.

Поручник — поручитель.

Посад — городское торгово-ремесленное предместье; община посадских людей (горожан), обложенных податями и повинностями.

Посадник — 1) наместник великого киевского князя; 2) высшее должностное лицо в Новгороде Великом на протяжении 1136—1478 гг., избиравшееся на вече из новгородских бояр.

Послух — свидетель.

Посоха — крестьяне и горожане, призванные в войско для строительства и ремонта дорог, крепостей, в обоз в определенном числе с каждой сохи.

Постой — расквартирование войск в домах жителей, одна из тяжелых повинностей тяглых людей; от нее освобождали феодалов, духовенство, богатых купцов.

Приказ — 1) название органов центрального управления в XVI—XVII вв. (Посольский, Стрелецкий, Пушкарский и др.); 2) наименование отряда стрельцов в 500 человек (до 80-х гг. XVII в.).

Продажа — 1) торговая сделка; 2) денежный штраф в пользу князя.

Пря — спор, ссора, тяжба.

Пуд — старинная мера веса, равная 40 фунтам (16 кг 380 г).

Путники (путные бояре) — одна из категорий феодальных вассалов, выполнявших ответственные поручения князя в сфере управления и суда. Известны в Москве с 1390 г.

Путь — отрасль управления дворцовым великокняжеским хозяйством.

Пятидесятник — начальник отряда дворян, стрельцов, пушкарей, городских казаков.

Пятина — административно-территориальный район Новгородской земли.

Разряд — Разрядный приказ, ведавший военно-служилыми людьми на всей территории государства и назначением их в походы и на службу.

Ранг — степень, чин, звание.

Раскат — деревянный помост на крепостной стене или в башне для установки пушек.

Ратник (от слова «рать» — войско) — воин.

Решетка — ограда с калиткой на перекрестках улиц Москвы и других городов для ночной стражи, находилась в ведении «решеточного приказчика».

Ристание — скачка на коне, бег, упражнение.

Рогатина — холодное колющее оружие в виде древка с насаженным железным острием или рогом.

Рота — клятва, судебная присяга.

Ряд — договор, соглашение.

Саадак — лук с колчаном (футляром) для стрел.

Сабля — рубящее холодное оружие в виде изогнутого клинка с лезвием с выпуклой стороны и рукоятки (эфеса); появилась на Востоке в VI—VII вв. Сабли были заимствованы еще в Древней Руси от кочевников.

Сажень — старинная мера длины, равна 3 аршинам (2,13 м).

Сеунч — гонец, посланник со спешной вестью.

Сказка (скаска) — устное или письменное показание, донесение, свидетельство.

Скудельница — кладбище.

Слобода — поселение в черте города или в его предместьях, нередко около монастыря посадских людей, казаков, стрельцов, пушкарей и др.

Снем — встреча, съезд князей для урегулирования спорных вопросов; впервые княжеский съезд (снем) состоялся в Любече в 1097 г.

Сол — посол.

Солба (сольба) — посольство.

Сотник — начальник отряда (сотни) в дворянской коннице, у стрельцов, городских казаков и др.

Срезень — наконечник стрелы из металла или кости с расширенной тупой боевой частью; такие стрелы использовались народами Евразии для охоты на ценных пушных зверей.

Стан — место стоянки войск в походе, лагерь. Станица — отряд казаков, детей боярских, несших «станичную службу» по охране южных границ государства от набегов крымских татар.

Стол — княжеский престол.

Столп — башня, чаще всего стоящая отдельно.

Стрельница — крепостная башня.

Стрельцы — воины-пехотинцы, вооруженные ружьями и бердышами; стрелецкое войско учреждено в 1550 г. и существовало до начала XVIII в. «Стремянные» стрельцы в царской страже и часть стрельцов на юге (например, в Астрахани) служили в конном строю.

Струг — парусно-гребное плоскодонное деревянное судно с отвесными бортами. Использовалось в средневековой России в основном для плавания по рекам.

Стряпчий — придворная должность и чин московских дворян, ниже стольника. В шествиях царя несли знаки его власти (скипетр, державу, шапку), а в походах — его воинские доспехи; их было около 800 человек.

Судовая рать — пехота, нередко в отличие от конницы перевозившаяся в средневековой Руси к месту военных действий на судах.

Сухмень — засуха.

Сын боярский — в XV—XVII вв. мелкопоместный дворянин.

Сыск — розыск подозреваемого в преступлении беглого крестьянина или холопа; судебное следствие.

Табор — лагерь, стоянка.

Таран — осадное стенобитное орудие в виде бревна с железным наконечником; применялось для разрушения крепостных ворот и стен.

Тать — вор.

Татьба — воровство, грабеж.

Темник — командующий туменом («тьмой»).

Тиун — привилегированный слуга князя и боярина в средневековой Руси; заведовал феодальным хозяйством, иногда управлял городами и областями княжества.

товар — 1) имущество; 2) обоз; 3) предмет торговли.

Толковин — переводчик.

Толмач — переводчик.

Торговая казнь — публичное наказание кнутом, осуществлявшееся на торговой площади.

Тризна — поминки, часть погребального ритуала у восточных славян.

Туга — печаль.

Тумен (древнерусск. «тьма») — подразделение в монгольской и золотоордынской армии численностью в 10 000 воинов.

Туры — плетенные из лозняка корзины или бревенчатые срубы, засыпанные землей, для защиты от стрел, ядер, пуль; туры на катках (подкатные) — передвижные бревенчатые башни для защиты воинов при осаде крепости.

Тысяцкий — военный предводитель городского ополчения («тысячи») в средневековой Руси; в Новгороде Великом тысяцкий, избравшийся на вече из числа феодалов (позже только из бояр) был помощником посадника — высшего должностного лица. Он также регулировал торгово-ремесленную жизнь города, возглавляя купеческий суд.

Тюфяк — короткая, стрелявшая картечью («дробосечным железом») пушка, имевшая коническую форму для веерного разброса картечи; использовалась для стрельбы по живой силе противника. Тюфяки известны на Руси с 1382 г.

Удел — часть владений великого князя, одна из областей княжества, выделяемая князем в полное управление своим ближайшим родственникам — сыновьям, братьям. Удельные княжества были окончательно ликвидированы на Руси только при Иване IV в период опричнины (1565—1572).

Уже (ужилище, ужище, ужица) — веревка, вожжи, цепь, канат.

Улус — часть территории Монгольской империи, которая отдавалась великим ханам в удел своим ближайшим родичам — чингизидам. На основе Джучиева улуча (Джучи — сын Чингисхана) и покоренных земель Восточной Европы возникла в 1243 г. Золотая Орда.

Улусник — вассал монгольских и золотоордынских ханов.

Урядник — распорядитель; в казачьем войске помощник атамана или есаула.

Учан — средневековое речное судно.

Ушкой — новгородское речное судно.

Ушкойники — новгородские речные пираты.

Холоп — зависимый человек, находившийся на положении раба; разновидности: кабальные холопы, обельные холопы, пашенные холопы, боевые холопы.

Хоругвь (монг. — диск, знамя) — древнее название войскового знамени; церковная хоругвь — прямоугольное либо треугольное полотнище с изображением Христа или святых.

Художество — искусство, мастерство.

Целование креста — присяга, клятва на кресте.

Чайка — казачье судно, использовавшееся для плавания как по рекам, так и по морю.

Челобитная — прошение, жалоба.

Челядин — раб.

Челядь — 1) рабы из числа пленных; 2) зависимые люди, занятые в феодальном хозяйстве.

Черкасы — в XVI—XVII вв. название украинских казаков, крестьян.

Черная волость — населенная черносотными (государственными) крестьянами.

Чернец — монах.

Черноризец — монах.

Черные клобуки — собирательное название мелких кочевых племен (торки, берендеи и пр.), поселенных киевскими

князьями на южных границах Руси, в Поросьи и на Переяславщине в XI—XII вв.

Черные люди — простолюдины, податное непривилегированное население.

Чеснок — острые железные рогатки, разбрасывающиеся в местах возможного прорыва конницы для повреждения копыт лошадей.

Чин — звание или положение в обществе различных групп населения; «всяких чинов люди» — служилые по отечеству и по прибору, посадские, торговые, церковные.

Число — перепись, проводившаяся на Руси правителями Золотой Орды в конце 50-х — начале 60-х гг. XIII в.

Численники — люди, проводившие перепись для взимания дани в пользу золотоордынского хана.

Шиш (шиши) — сброд, голь перекатная.

Шисак — разновидность металлического шлема в средневековой Руси.

Шнек — средневековое судно; шнеки использовались шведами для походов против Великого Новгорода.

Язык — свидетель, информатор, пленник.

Яловцы — лоскутки цветной ткани, прикреплявшиеся в старину к наверху шлемов, чтобы отличить своих воинов; упоминаются, в частности, в «Сказании о Мамаевом побоище» (начало XVI в.).

Ям — селение, ямская слобода казенных ямщиков или охотников, перевозивших казенные грузы, гонцов по сухопутным или речным путям. Ямскую гоньбу ввели на Руси в середине XIII в. монголы.

Ямские деньги — подать, собиравшаяся на содержание ямов.

Ярлык — грамота золотоордынских ханов.

Янычары — турецкая регулярная пехота, созданная в XIV в. и первоначально комплектовавшаяся из пленных юношей, а позже путем насильственного набора мальчиков из христианского населения Османской империи.

Ясак — 1) натуральный побор, взимавшийся с нерусских народов Поволжья, Приуралья, Сибири мехами, иногда зерном, скотом и др.; 2) опознавательный клич (пароль), сигнал для тревоги.

Ясачные люди — обложенное ясаком население Поволжья, Приуралья и Сибири.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Анна Комнина. Алексиада / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1996.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Вып. III.

Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1976 гг.) М., 1978.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1—4; СПб., 1999. Т. 6; СПб., 2003. Т. 12.

Былины. Вступ. статья, сост., подготовка текста и примечания Б.Н. Путилова. М., 1986.

Былины. М., 1988 (Библиотека русского фольклора).

Воинские повести Древней Руси. М., 1956.

Гаркави А.Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., 1938.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1994.

Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

Диакон Лев. История. М., 1988.

Древнерусские княжеские жития / Подг. текстов, перевод и комментарии В.В. Кускова. М., 2001.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976.

Древнерусские патерики / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М., 1999.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1980 (Серия «Литературные памятники»).

Жизнеописание византийских царей / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1992.

За землю Русскую!: Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков / Сост., вступ. статья, коммент и подбор иллюстраций Ю.К. Бегунова. М., 1981.

Избранные жития русских святых (X—XV вв.) М., 1992.

История государства Российского: Хрестоматия. X—XIV вв. / Сост. Г.Е. Миронов. М., 1996.

Кекавмен. Советы и рассказы / Подг. текста, введ., пер. с греч. и коммент. Г.Г. Литаврина. 2-е изд., дополн. СПб., 2003.

Клосс Б.М. Избранные труды. Т. II. М., 2001.

Константин Багрянородный. Об управлении империей (Текст, перевод, комментарий). М., 1989 (Изд. 2-е. М., 1991).

Летописный свод XV века (по двум спискам). (Подготовка текста и вводная статья А.Н.Насонова) // Материалы по истории по истории СССР. Вып. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955.

Ловягин Е. Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь // Христианское чтение. 1882. Ч. 2.

Матузова В.И. Хроника земли Прусской. Петр из Дусбурга. М., 1997.

Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Никита Хониат. История. СПб., 1860.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Охотникова В.И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л., 1985.

Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., 1969.

Памятники литературы Древней Руси. XI—XII вв. М., 1979.

Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Памятники русского права. М., 1953. Вып. 1.

Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин. М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв.

Памятники старинной русской литературы / Изд. Кушелев-Безбородко. Т. 4. СПб., 1862.

Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003.

Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.

Повесть о Довмонте (А.С. Демин) // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI—XIV вв. М., 1996.

Псковские летописи. Вып. 1. М., 1941; Вып. 2. М., 1955.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1997. Т. I Лаврентьевская летопись, Московская Академическая летопись); М., 1998. Т. II (Ипатьевская летопись); М., 2000. Т. III (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов); М., 2000. Т. IV. Ч. 1 (Новгородская IV летопись); М., 2003. Т. V. Вып. 1—2 (Псковские летописи); М., 2000. Т. IX—XIV (Никоновская летопись); М., 2000. Т. XV (Рогожский летописец. Тверской сборник); М., 2000. Т. XVI (Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки); СПб., 1913. Т. 18 (Симеоновская летопись); СПб., 1910. Т. 20. 1-я пол. (Львовская летопись); СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1 (Книга степенная царского родословия); СПб., 1910. Т. 23 (Ермолинская летопись); М., 2000. Т. XXIV (Типографская летопись); М.; Л., 1949. Т. 25 (Московский летописный свод конца XV в.); Л., 1982. Т. 37 (Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв.); Л., 1989. Т. 38 (Радзивилловская летопись); М., 1994. Т. 39 (Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского).

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1—2.

Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1.

Русские святые воины. Жития. М., 2000.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.: Материалы и исследования. М., 1978.

Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб., 2006.

Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

Серегина Н.С. Песнопения русским святым. СПб., 1994.

Сказания Новгорода Великого (IX—XIV вв.) / Сост. Ю.К. Бегунов. СПб., 2004.

Слово о полку Игореве / Сост. и подг. текстов Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. Л., 1967.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде. СПб., 1884. Т. 1; М.; Л., 1941. Т. 2.

Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960.

Щавелева Н.И. Древняя Русь и «Польская история» Яна Длугоша: Тексты, перевод, комментарии. М., 2004.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.

Литература

Алексеев Л.В. Полоцкая земля. М., 1966.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980.

Алексеев Ю. А. Охранитель земли Русской // Военно-исторический журнал. 1994. № 6.

Андреев А.Р. Князь Довмонт Псковский. Документальное жизнеописание. М., 1998.

Артамонов М.И. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. М., 1966.

Артамонов М.И. История Хазарии. Изд. 2-е. СПб., 2002.

Артемов А.Р. О мечех-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею // Советская археология // 1992. № 1.

Арциховский А.В. Оружие // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 1. Материальная культура.

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М., 2004.

Баумгартен Н.А. Первая ветвь князей Галицких. Потомство Владимира Ярославича // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 4 (16). М., 1908.

Белецкий В.Д. Довмонтов город. Л., 1986.

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1961.

Бибииков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Бибииков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.

Бокман Х. Немецкий орден. М., 2004.

Борисов Н.С. Русские полководцы XIII—XVI веков. М., 1993.

Будовниц И.У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. М., 1947. Т. 22.

Валеров А.В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI—XIV веков. СПб., 2003.

- Великие государственные деятели России. М., 1996.
- Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. СПб., 1907. Т. 1. Ч. 1—3.
- Военно-исторический атлас России. IX—XX века. М., 2003.
- Волков В.А.* Русская рать: богатыри, витязи, воеводы. М., 2005.
- Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны: Калининград, 1996.
- Гладкий В.Д.* Славянский мир: I—XVI века: Энциклопедический словарь. М., 2001.
- Головин Н.* Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851.
- Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
- Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля русская»: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001.
- Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
- Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949.
- Греков И.Б., Шамагонов Ф. Ф.* Мир истории: Русские земли в XII—XV вв. 2-е изд. М., 1988.
- Гудзь-Марков А.В.* История славян. М., 1997.
- Гуревич А.Я.* Походы викингов. М., 2005.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 2004.
- Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). Изд. 2-е. М., 2001.
- Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2001.
- Дашкевич Н.П.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сб. статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.
- Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.
- Дашков С.Б.* Императоры Византии. М., 1996.
- Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н.* Русское оружие: Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX вв. М., 1953.
- Дмитриев Л.А.* Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.

- Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
- Древнерусское градостроительство X—XV вв. М., 1993.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
- Древняя Русь: Город, замок, село (Археология СССР). М., 1985.
- Древняя Русь. Быт и культура (Археология). М., 1997.
- Новосельцев А.П.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А.* Военная история России. Жуковский; М., 2002.
- Ильин А.А.* Летописная статья 6523 г. и ее источники. М., 1967.
- История Византии. В 3 т. М., 1967. Т. 1—2.
- История Европы. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа.
- История Киева. Киев, 1982. Т. 1.
- История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948.
- Каждан А.П.* Иосиф Песнопевец и первое русское нападение на Константинополь // Славяне и их соседи. Вып. 6: Греческий и славянский мир в Средние века и раннее новое время. Сб. статей к 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1996.
- Караев Г., Потресов А.* Путем Александра Невского. М., 1970.
- Каргалов В.В.* Полководцы X—XVI вв. М., 1989.
- Каргалов В.В., Сахаров А.Н.* Полководцы Древней Руси (серия ЖЗЛ). М., 1986 (2-е изд. М., 1999).
- Карпов А.Ю.* Владимир Святой. (Серия ЖЗЛ). М., 1997.
- Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый (Серия ЖЗЛ). М., 2001.
- Карышковский П.О.* Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Л., 1966—1971. Вып. 1—3.
- Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973.
- Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.
- Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.

Коган В. М. История дома Рюриковичей. СПб., 1993.

Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000.

Контамин Ф. Война в Средние века. / Пер с фр. СПб., 2001.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990.

Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XII — начала XVI вв. М., 1962.

Косточкин В. В. Древние русские крепости. М., 1964.

Котляр Н. Ф. Данило Галицкий. Киев, 1979.

Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX — XIII вв. Киев, 1985.

Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003.

Котляр Н. Ф., Смолий В. А. История в жизнеописаниях. Киев, 1990.

Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.

Кузьмин А. Г. Ярослав Мудрый // Великие государственные деятели России. М., 1996.

Кулаков В. И. Пруссy (V—XIII вв.). М., 1994.

Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 6.

Кучкин В. А. Юрий Долгорукий // Вопросы истории // 1996. № 6.

Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987.

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 1999.

Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 2001.

Ловмянский Х. Роль рыцарских орденов в Прибалтике XIII—XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974.

Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949.

Мавродин В. В. Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском с древнейших времен до XVI в. включительно). Симферополь, 1955.

Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961.

Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001.

Мир житий. Сборник материалов конференции. М., 2002.

Мусин А. Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М., 1940.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2—3.

Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.

Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 1. Материальная культура.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пашуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.) // История СССР. 1958. № 6.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пашуто В. Т. Александр Невский. (Серия ЖЗЛ.) М., 1974.

Перхавко В. Б. Летописный Переяславец на Дунае // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993 гг. М., 1995.

Перхавко В. Б. История России в лицах: IX—начало XVII вв. М., 2000.

Перхавко В. Б., Пчелов Е. В., Сухарев Ю. В. Князья и княгини Русской земли IX—XVI вв. М., 2002.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск; М., 1995.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков. М., 1973.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.

Плетнева С.А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. М., 1855.

Преображенский А.А. «Веков связующая нить...» Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX в.). М., 2002.

Путилов Б.Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. СПб., 1999.

Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001.

Пчелов Е.В. Рюриковичи: история династии. М., 2001.

Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX—XV вв. // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1947. Т. 1.

Рабинович М.Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом XII—XV вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., 1949. Вып. 30.

Разин Е.А. История военного искусства. М., 1957. Т. II. Военное искусство феодального периода войны.

Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.; Л., 1961.

Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.; Л., 1956.

Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. М.; Л., 1967.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X— первая половина XIII в. М., 1977.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 1. Материальная культура.

Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б.А. Мир истории: Начальные века русской истории. М., 1984 (2-е изд. М., 1987).

Рылеев К.Ф. Думы / Изд. подгот. Л.Г. Фризман. М., 1975 (Серия «Литературные памятники»).

Сахаров А.Н. «Дипломатическое признание» древней Руси Византией (860 г.) // Вопросы истории. 1976. № 6.

Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980.

Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982 (2-е изд. М., 1991).

Сахаров А.Н., Назаров В.Д., Боханов А.Н. Подвижники России. М. 1998 (Изд. 2-е. М., 2002).

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003.

Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Матеріали церковно-історичної конференції. Чернігів, 1996.

Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Седов В.В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.

Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.

«Скажите всем, что Русь всегда жива»: Ратные дела Отечества. Русь и юная Россия. IX—XVI вв. / Под ред. В.А. Золотарева. М., 2003 (Серия «Военная история Государства Российского в 30 томах»).

Скрынников Р.Г. История Российская. IX—XVII вв. М., 1997.

Славяне и скандинавы. М., 1986.

Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия: в 2 т. / Авт. - сост. В.В. Богуславский. М., 2001.

Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. М., 1991.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1; Л., 1988—1989. Вып. 2.

Смирнова Е.Д., Сушкевич Л.П., Федосик В.А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник. Минск, 1999.

Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.

Степанищев А.Ф., Филипповых Д.Н. Словарь-справочник по военно-исторической терминологии. М., 2004.

Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981 (Серия «Археология СССР»).

Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI—XIV на пергаменных кодексах. М., 1998.

Строков А.А. История военного искусства. М., 1955. Т. 1. Рабовладельческое и феодальное общество.

Сухарев Ю.В. Русские полководцы X—XIII веков. М., 2004.

Тарасаў С.В. Чарадзеі з смага веку Траяна: Усяслаў Полацкі. Мінск, 1991.

Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977.

Татищев В.Н. История Российская // *Татищев В.Н.* Собр. соч. в 8 т. М., 1994—1996.

Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2.

Творогов О.В. Древняя Русь: События и люди. СПб., 1994.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.

Толочко А.П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983.

Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. Киев, 2001.

Ужанков А.Н. Жизнеописание Даниила Галицкого. К истории биографического жанра в древнерусской литературе // Прометей. М., 1990.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. М., 2001—2002.

Феннел Дж. Кризис Средневековой Руси. 1200—1304. М., 1987.

Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца X — начала XIII столетия. СПб., 1992.

Фроянов И.Я. Древняя Русь. СПб., 1995.

Фроянов И.Я. Начало русской истории. Избранное. М., 2001.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995.

Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.

Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии: Конец XIII — начало XIV веков. Петрозаводск, 1987.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889 (переиздание: М., 1998).

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1—2.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси. X—XV вв. М., 1998. Т. 3.

Arhweiler H. Byzance et la Mer. La marine de guerre. La politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII—XV siècle. Paris, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

ЧАСТЬ I

РАТНОЕ ДЕЛО IX—XI вв. <i>Ю.В. Сухарев</i>	7
АСКОЛЬД И ДИР. <i>В.Б. Перхавко</i>	18
ВЕШИЙ ОЛЕГ И ИГОРЬ РЮРИКОВИЧ. <i>В.Б. Перхавко</i>	30
СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ. <i>В.Б. Перхавко</i>	44
ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	56
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ. <i>В.Б. Перхавко</i>	64
ВЛАДИМИР МОНОМАХ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	75
ХРОНИКА ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РУСИ	
IX—XI вв. <i>В.Б. Перхавко</i>	85
ПЕЧЕНЕГИ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	92
ТОРКИ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	114

ЧАСТЬ II

РАТНОЕ ДЕЛО XII—XIII вв. <i>Ю.В. Сухарев</i>	122
МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	134
ЯРОПОЛК ВЛАДИМИРОВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	137
ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДОЛГОРУКИЙ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	142
ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	146
АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	157
МСТИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	163
МИХАЛКО ЮРЬЕВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	173
ИВАН БЕРЛАДНИК. <i>В.Б. Перхавко</i>	178
СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	191
ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	196
ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО. <i>Ю.В. Сухарев</i>	211
ВЛАДИМИР ГЛЕБОВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	226
МСТИСЛАВ РОСТИСЛАВИЧ (ХРАБРЫЙ). <i>Ю.В. Сухарев</i>	230
РОМАН МСТИСЛАВИЧ. <i>Ю.В. Сухарев</i>	232

МСТИСЛАВ МСТИСЛАВИЧ УДАЛОЙ. Ю.В. Сухарев	237
РЮРИК РОСТИСЛАВИЧ. Ю.В. Сухарев	256
РОСТИСЛАВ РЮРИКОВИЧ, КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ. Ю.В. Сухарев	265
МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ ЧЕРНИГОВСКИЙ. В.Б. Перхавко	268
ЯРОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ. Ю.В. Сухарев	284
ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ. Ю.В. Сухарев	295
ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ. В.Б. Перхавко	298
ЮРИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ СУЗДАЛЬСКИЙ. Ю.В. Сухарев	306
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. Ю.В. Сухарев	327
ДОВМОНТ. В.Б. Перхавко	343
ХРОНИКА ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РУСИ XII—XIII вв. В.Б. Перхавко	348
ПОЛОВЦЫ. Ю.В. Сухарев	356
МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ. Ю.В. Сухарев	377
ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН. В.Б. Перхавко	389
ОРУЖИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПОХИ. Ю.В. Сухарев	394
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ	
ТЕРМИНОЛОГИЯ. В.Б. Перхавко	416
БИБЛИОГРАФИЯ. В.Б. Перхавко	433

Научно-популярное издание

Военные тайны России

**Перхавко Валерий Борисович
Сухарев Юрий Валентинович**

ВОИТЕЛИ РУСИ IX—XIII вв.

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05 от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.02.2006. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 14. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2910.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.

Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47

Интернет/ Home page: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».

Тел.: (495) 188-66-03.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «Вече» вы можете приобрести
в издательстве и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:

г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 50.

Тел.: (8312) 64-93-67, (8312) 64-97-18

E-mail: vechenn@pochta.ru

ОАО «Новосибирсккнига»:

г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.

Тел.: (3832) 10-24-95, (3832) 10-39-67.

E-mail: sales@nkniga.ru

ООО «Вече-Казань»:

г. Казань, ул. Дементьева, д. 2в.

Тел./факс: (843) 571-33-07.

E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Вече-Украина»:

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (38-044) 537-29-20, (38-044) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»

в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,

ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Новый книжный».